

COMMUNIST PARTY OF THE UNITED STATES OF AMERICA

**СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ**

**СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОРДЖОНИКИДЗЕ * 1967**

РЕВОЛЮЦИЯ

Д. З. КОРЕНЕВ

НА ТЕРЕКЕ

1917

ГОДЫ

1918

ОТ АВТОРА

Книга эта — попытка дать общий краткий очерк революции и контрреволюции на Тереке в 1917—1918 гг. Она написана в значительной части по воспоминаниям автора, особенно о событиях 1918 года. В очерке использованы также воспоминания видных революционных деятелей Терека — С. Такоева, Н. Гикало, М. Энеева, Т. Эльдарханова, Г. Иоаннисиани, А. Гойгова — написанные ими самими или записанные автором еще в 1921 году — по живым следам истории.

Все приведенные в книге факты и высказывания, за редким исключением, документированы. Многие исторические факты и документы публикуются впервые.

Взяться за написание этой книги автора призывало чувство долга перед светлой памятью тех, кто в невероятно тяжелых условиях героически боролся за Советскую власть на Северном Кавказе и отдал свою жизнь за свободу и счастье его народов.

Приношу глубокую благодарность Северо-Осетинскому научно-исследовательскому институту, горячо поддерживавшему меня в течение всей долгой и трудной работы над книгой, а также сектору истории Октябрьской революции Института истории АН СССР за ценные указания в подробном отзыве о рукописи. Неизменную помощь оказывали мне работники Государственного архива Северо-Осетинской АССР, музея С. М. Кирова и Г. К. Орджоникидзе в городе Орджоникидзе, музея С. М. Кирова в Ленинграде, научно-исследовательских институтов Кабардино-Балкарской и Чечено-Ингушской АССР, Краеведческого музея в Пятигорске и других организаций. Всем им сердечное спасибо.

Часть первая

1917 год

•

ТЯЖКОЕ НАСЛЕДИЕ ЦАРИЗМА

...И вот теперь, после смерти самодержавия, мы, как несчастные сыновья безумного отца, стоим перед этим страшным наследством.

*А. П. Сахаров. Из доклада
о земле на II съезде народов Терека.*

На территории бывшей Терской области теперь три автономные советские социалистические республики: Северо-Осетинская, Кабардино-Балкарская и Чечено-Ингушская. Кроме того, значительная часть территории области на севере (бывший Пятигорский отдел) отошла к Ставропольскому краю, а на юго-востоке (бывший Хасавюртовский округ) — к Дагестанской АССР.

На Тереке пролетарская революция развивалась в особенно трудных условиях. Советская власть окончательно утвердилась здесь, как и на всем Северном Кавказе, только через два с лишним года после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Почему же в героической борьбе за Советскую власть на долю народов Терека выпал столь долгий и мучительный путь? Почему терским большевикам приходилось действовать в необычайно сложных и трудных условиях?

Нельзя по-настоящему понять этого, не зная, что представляла собою Терская область до революции, как жили народы Терека, как сложилась судьба их на этой своеобразной окраине громадной царской империи.

Территория Терской области—6,6 миллиона десятин (более 72 тысяч кв. километров). Здесь могли бы свободно разместиться два таких государства, как Швейцария и Голландия.

Что поражает на Тереке — это большое разнообразие природы. От прибрежных песков Каспийского моря начинаются необозримые степи — зимние пастбища для овец, перегоняемых сюда со всего Терек-ка, из Дагестана и Грузии. Затем простираются плодоносные равнины, дающие обильные урожаи пшеницы, кукурузы, подсолнечника, и цветущие предгорья с садами и виноградниками. Постепенно поднимается сплошная цепь гор, буйно заросших лесами. За ними еще выше — скалистые горы и альпийские пастбища, увенчанные вдали снежными вершинами Главного Кавказского хребта. По глубоким ущельям, прорезающим горы, стремительно сбегает на равнину — на «плоскость» бурные реки.

Чудесный край, край богатой щедрой природы, большого разнообразного сельского хозяйства!

Промышленность в Терской области не получила тогда еще большого размаха. Было много заводов, фабрик, мастерских — кирпичных, черепичных, кожевенных, маслобойных, пивоваренных и прочих, но обычно это были полукустарные предприятия с небольшим числом рабочих.

Быстро развивалась только нефтяная промышленность в Грозном, одна из немногих нефтяных баз дореволюционной России. Перед революцией ежегодная добыча нефти здесь превышала сто миллионов пудов. На нефтяных промыслах, на заводах и в мастерских этого большого промышленного района трудилось до 15 тысяч постоянных рабочих, а вместе с временными, сезонными — более 25 тысяч. В Грозном уже орудовали, прибирая нефтяные богатства к своим рукам, иностранные монополистические компании.

Крупными предприятиями были также Алагирский серебросвинцовый завод во Владикавказе и Садонские свинцовые рудники на Военно-Осетинской дороге, принадлежавшие бельгийской акционерной компании.

Все в Терской области было полно резких противоречий, удивительных контрастов — экономика края, хозяйственная и культурная жизнь живущих здесь народов, их правовое положение.

Перед революцией население области составляло немногим более 1,3 миллиона человек. Примерно половина его — 670 тысяч — это горские народы: на юго-востоке, около Дагестана, кумыки (35 тысяч; ныне эта часть Терской области входит в состав Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики), затем чеченцы (270 тысяч), ингуши (60 тысяч), осетины (130 тысяч), кабардинцы (105 тысяч), балкарцы (35 тысяч). На северо-востоке, на миллионе гектаров степных, пустынных просторов, кочевали калмыки и ногайцы (35 тысяч).

Русских в Терской области было тогда 540 тысяч, в том числе терских казаков — 250 тысяч.

Благодатные земли издавна привлекали на Терек и представителей других народов. Здесь было довольно много армян (27 тысяч), немцев (20 тысяч), грузин (10 тысяч), евреев, персов и других — всех в общем до 120 тысяч человек.

Одной из главных сил, определявших в то время положение в Терской области, было Терское казачье войско. Это была превосходная по тому времени воинская сила — подвижная, закаленная в постоянных походах и боях. Щедро наделенное землей за «государеву службу», поставленное в особое положение среди покоренных племен и народов и пришлого русского населения, некогда «вольное казачество» превратилось в орудие колонизаторской политики царизма, в оплот монархии.

Весь строй казачьей жизни искусственно поддерживался, чтобы отгородить казаков от остального населения, от крестьян и рабочих, внушить им сознание своего превосходства. Как сказал М. И. Калинин на первом съезде трудового казачества в 1920 году, «правительство, стараясь отделить казачьи области, внедряло в них особый казачий дух, особый патриотизм, старалось внушить им мысль, что они являются лучшими сынами России».¹

Терское казачье войско было своеобразной полувойсковой хозяйственной организацией. Выступая в феврале 1918 года на VI войсковом круге во Владикавказе, есаул Медяник, исполнявший тогда обязанности войскового атамана, сказал: «У нас, у Терского войска, большое хозяйство. Тут и недра, и рыбная ловля, и леса, и земли. Владеем мы этим искони, частью по праву войны, а частью по праву свободной колонизации».²

Расселяя казаков на Терек, перебрасывая их сюда с Дона и Волги и из других мест, царские генералы руководствовались, прежде всего, стратегическими соображениями. Они не останавливались перед выселением и переселением многих горских аулов, отбирали территорию у одних народов и передавали другим.

Так создавалась, например, приобретшая печальную известность в 1917—1918 годы Сунженская линия. Здесь было выселено несколько ингушских аулов, а на их месте появились казачьи станицы, отделившие горную Ингушетию от плоскостной. Станицы-крепости, Назрановский редут, Преградный стан, крепости Грозная, Внезапная (около Хасавюрта), Бурная, а между ними сплошная цепь мелких укрепле-

¹ И. И. Ульянов. Казаки и советская республика. М., 1929, стр. 112.

² Отчет заседаний войскового круга Терского казачьего войска VI созыва. Владикавказ, 1918. стр. 10.

ний — такова была знаменитая Сунженская линия и ее продолжение по чеченской земле. «Противник был притиснут к горам», — с удовлетворением писал историк Терского казачьего войска. Это было сделано «по праву войны». А в 1917 году ингушский народ, уже по праву революции, предъявил грозный исторический счет, потребовав возврата захваченных у него земель. И не случайно в 1917 году именно здесь были разгромлены первые казачьи станицы и горские аулы, и вся Сунженская линия запылала в огне пожаров и вооруженных столкновений.

В Чечне произошла такая же драма. Чеченцы вынуждены были уступить казакам почти половину своих земель, удобных для земледелия, и укрепиться в лесистой местности, изрезанной ущельями Черных гор. Граф Лорис-Меликов — могущественный царедворец, «диктатор России», до этого с 1865 по 1875 год бывший начальником Терской области и наказным атаманом Терского казачьего войска, писал, что «стесненность территории, происшедшая от водворения в пределах области 100 000 казачьего населения, поставила большую часть туземных племен в полную невозможность прежних условий хозяйственного быта».¹

Захваченные «по праву войны» земли горских народов окончательно закреплялись за станицами, за Терским казачьим войском, как его общее «историческое достояние». На каждую мужскую душу отводилось по 30 десятин удобных земель. Через 40 лет, когда население станиц возросло в два с половиной раза, идеологи казачества сокрушались, что на мужскую душу теперь приходится всего 12,3 десятины удобных земель.² Для тогдашнего уровня сельскохозяйственного производства такая норма землепользования вполне обеспечивала успешное ведение хозяйства. Но какой горькой обидой было полно это «всего 12,3 десятины» для чеченских, ингушских, осетинских крестьян, буквально задыхавшихся от малоземелья и вынужденных арендовать земли у тех же казачьих станиц. В горной Чечне перед революцией на одну мужскую душу приходилось 0,3 десятины земли, в горной Ингушетии и в горной Осетии — 0,2 десятины. В чеченских аулах Грозненского округа на одно хозяйство приходилось 1,7 десятины посевов.

Казачество, составлявшее около пятой части населения Терской области, владело 30 процентами территории области, а если взять земли, удобные для обработки, то более половины их принадлежало

¹ А. Авторханов. К основным вопросам истории Чечни. Грозный, 1930, стр. 30.

² Сборник «Терское казачество в прошлом и настоящем». Владикавказ, 1912, стр. 270.

казачеству. Как правило, земли эти были лучшими. Кроме того, в «историческое достояние» казачьего войска входили 1625 кв. верст морских вод — побережье Каспия с рыбными промыслами, исключительное право рыболовства на реках Тереке, Сунже и Малке, соляные промыслы, каменоломни и пр. Главным же источником доходов были нефтяные земли. С 1893 года, когда в Грозном ударил первый нефтяной фонтан, по 1917 год Терское казачье войско получило от нефтепромышленников за аренду своих земель до 25 миллионов рублей. Перед революцией ежегодная арендная плата достигала двух миллионов рублей. Но к тому времени нефть была разведана еще на 4000 десятинах, и казачье войско рассчитывало через два-три года получать от нефтяных компаний до 16 миллионов рублей в год¹.

Располагая свободным капиталом (10 млн. рублей), Терское казачье войско приобретало земли у помещиков. Только таким путем оно присоединило к своим владениям в последние годы более десяти тысяч десятин. Терское казачье войско имело запасные продовольственные и фуражные «магазины»; из которых выдавались ссуды в неурожайные годы, агрономические прокатные пункты с сельскохозяйственными машинами и орудиями.

Так что же, может быть в Терском казачьем войске действительно обеспечивалось общее благоденствие, равная для всех вольная жизнь, как утверждали певцы казачьей самобытности?

Прежде всего надо сказать, что внутри казачьих войск выросло свое дворянство из офицеров и чиновников, свои помещики. Уходящим в отставку терским казачьим офицерам долгое время вместо пенсий царь «жаловал» земли, но не из казенных, а из тех же войсковых земель: генералам отводилось по 1500 десятин; тем, кто производился в генералы при отставке — по 800; штабс-офицерам — по 400; обер-офицерам — по 200; хорунжим — по 100 десятин. Такие офицерские участки составляли в общем 132 тысячи десятин.

Разоблачая народническую теорию о том, что общинное начало якобы препятствует захвату капитализмом земледельческого производства, В. И. Ленин писал: «Никакие особенности землевладения не могут, по самой сущности дела, составить непреодолимого препятствия для капитализма, который принимает различные формы, смотря по различным сельскохозяйственным, юридическим и бытовым условиям».²

Пример казачьей земельной общины, особую прочность которой

¹ Отчет заседаний войскового круга Терского казачьего войска VI созыва. Владикавказ, 1918, стр. 35.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 3, стр. 321.

как будто придавала полувойсковую организацию, блестяще подтверждает это ленинское положение. В казачьих станицах, с одной стороны, вырастала и все более укреплялась кулацкая зажиточная верхушка, а с другой стороны, увеличивалось количество маломощных хозяйств и бедноты. В этом отношении и для терского казачества в той или иной мере характерны имеющиеся данные о классовом расслоении кубанского казачества перед революцией: кулаков—10—15 процентов, середняков—60—65, маломощных—8—15, бедняков—5—10 процентов.¹

Капиталистические аграрные отношения настолько глубоко проникли и развились внутри казачьей общины, что кулацкие хозяйства стремились уже вырваться на ничем не стеснявший их простор «хозяйственной инициативы». Никто другой, как «революционное» правительство Терского казачьего войска в 1917 году разрабатывало проект осуществления в станицах столыпинской аграрной реформы — перехода от юртового, то есть общинного землепользования к закреплению в собственность земельных наделов, к созданию особого, вооруженного фермера-казака. Об этом было сообщено на VI войсковом круге (съезде) в феврале 1918 года. То же самое правительство, в интересах кулацких и зажиточных хозяйств, поспешило ликвидировать всю агрономическую сеть из 14 прокатных пунктов, продав сельскохозяйственные машины и орудия «денежным» казакам.²

Казак не облагался никакими налогами, но за свои привилегии он платил тяжелую дань многолетней военной службой. Для многих казачьих семейств крайне обременительными были расходы на приобретение коня и другого снаряжения при отправке сыновей на строевую службу. У Терского казачьего войска был даже особый капитал из благотворительных поступлений для оказания помощи бедным семьям. Обычно же деньги на снаряжение бедняка-казака выдавались заимоборазно из станичных общественных сумм, а для покрытия долга земельный надел бедняка сдавался в аренду кулацким хозяйствам. В одной только станице Троицкой, например, по рассказам старых казаков, ежегодно сдавались в аренду наделы 8—10 казаков. Как правильно отметил М. И. Калинин, казачество было «наиболее задавленной воинскими нарядами крестьянской массой» и «наиболее некультурным слоем населения».³

¹ И. Борисенко. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году. Ростов-на-Дону, т. 1, 1930, стр. 109.

² Отчет заседаний войскового круга Терского казачьего войска VI созыва. Владикавказ, 1918, стр. 14.

³ И. И. Ульянов. Казаки и советская республика. М., 1929, стр. 112.

Казачество сознательно держали в темноте, в невежестве. Денежных средств у Терского казачьего войска было достаточно, имелась даже своя учительская семинария, а из каждых трех жителей станиц два были неграмотными. Учились, главным образом, дети зажиточных казаков. Из них и пополнялись станичные и войсковые писари, станичные атаманы, кадры офицеров и чиновников—вся та казачья старшина, которая крепко держала в своих руках привыкшую к чинопочитанию основную массу рядового казачества.

Остается добавить, что казачья старшина управляла и всеми народами Терека. В отличие от губерний, Терская область, как и другие казачьи области, находилась в ведении военного министерства, а не министерства внутренних дел. Это и определяло узкокастовое военно-казачье управление областью, без участия в нем не только представителей горских народов, но и неказачьего русского населения. Наказной атаман Терского казачьего войска был вместе с тем и начальником Терской области и командующим войсками края.¹ И понятны горькие жалобы ингушского населения в петиции 1-й Государственной думе на притеснения со стороны местных властей, на то, что за один только год ингушскому населению пришлось уплатить в пользу казаков 50 тыс. рублей различных штрафов. Заканчивается петиция так: «Местные власти состоят исключительно из казаков, а областной начальник, будучи в то же время атаманом Терского казачьего войска, не только ничего не предпринимает против них, но поощряет их в этом направлении. Справедливости и защиты нам искать негде. Куда бы мы ни обратились, нам говорят: с казаками мы ничего не можем сделать».²

О терском казачестве необходимо было рассказать более подробно, чтобы яснее представить положение всех других народов на Тереке, чтобы лучше понять и трагедию самого трудового казачества, долгое время бывшего орудием в руках контрреволюции.

Главный, основной вопрос всех отношений на Тереке — это вопрос о земле. Малоземельным и безземельным было большинство крестьян

¹ В административном отношении Терская область делилась на четыре отдела (так назывались округа, где жили казаки) — Пятигорский, Моздокский, Кизлярский, Сунженский; шесть округов, где жили горские народы: Владикавказский округ — осетины, Нальчикский — кабардинцы и балкарцы, Назрановский — ингуши, Грозненский и Веденский — чеченцы, Хасавюртовский — кумыки; одно приставство, где жили кочевники-ногайцы и калмыки. Отделами управляли отдельные атаманы, станицами — станичные атаманы; округами управляли начальники округов, селениями и аулами горцев — старшины. Областной центр — Владикавказ был отдельной административной единицей.

² Г. А. Ткачев. Казаки и туземцы в Терской области (по поводу толков о казачьем многоземелье и забижении туземцев). Владикавказ, 1910, стр. 13.

всех горских народов. Но в особенно бедственном положении находилось примерно 180-тысячное население нагорной полосы Терской области — чеченские, ингушские, осетинские, кабардинские, балкарские крестьяне. По образному выражению известного осетинского прогрессивного публициста Г. М. Цаголова, в этом «крае беспросветной нужды» «из каждых семи душ наличного населения мужского пола за убогим столом природы имеется прибор только для одного человека, а остальные шесть человек должны встать из-за стола».¹

В 1904 году А. Скачков произвел «опыт статистического исследования» одного уголка Северной Осетии — Дагомского прихода, расположенного около Военно-Осетинской дороги, в 70 верстах от областного центра. В цифрах исследования отразилась ужасающая картина жизни в горной Осетии. Как пишет А. Скачков, полученные им данные полностью подтвердили слова одного дагомского учителя: «Я достоверно знаю, что почти каждая горская семья голодает ежемесячно по 5—10 дней за неимением даже кукурузного хлеба».² Детская смертность здесь превышала всякие мыслимые нормы: только половина детей доживала до 15 лет. Объяснялось это антигигиеническими условиями жизни и полным отсутствием медицинской помощи. Один фельдшер в Осетии приходился на 8 приходов, т. е. на 70—80 селений, и один врач на весь Владикавказский округ — на 100 тысяч сельских жителей, причем они целиком были загружены судебными делами.

Но и такая «медицинская помощь» оплачивалась населением: с каждого «дыма» взималось по 25 копеек. Семьи горцев вообще были опутаны множеством подобных налогов и повинностей — непосильной тяжестью расходов по содержанию административного аппарата угнетения горских народов. Царская военная бюрократия не затрудняла себя сложностью исчисления налогов, установив самую примитивную и вопиюще несправедливую систему обложения — с «дыма», то есть со двора.

Но вернемся к результатам исследования А. Скачкова. Он так заканчивает свой статистический обзор: «Мы ждем, беспомощно опустив руки, лишены возможности что-либо предпринять, а горцы сидят в своих осиных гнездах, придавленные голодом, холодом, безысходной нуждой и невежеством, разоряемые суевериями и нелепыми предрассудками, запуганные и забытые... Сидят и не видят просвета,

¹ Г. Ц а г о л о в. Край беспросветной нужды. Владикавказ, 1912, стр. 259.

² А. С к а ч к о в. Опыт статистического исследования горного уголка. Владикавказ, 1904, стр. 52.

не видят конца своему темному, тяжелому, мучительно-жалкому прозябанию».¹

Это было написано в 1904 году, а в 1918 году, на II Терском областном народном съезде в Пятигорске, в докладе по земельному вопросу было особо отмечено, что безземельные горцы поставлены в самые нечеловеческие условия существования и тяжким трудом спасают себя от голодной смерти.

Но для разрешения столь острой аграрной проблемы у горских народов были неодинаковые возможности. Кабарда, например, имела достаточно обширную территорию, чтобы обеспечить земельными наделами все нуждающиеся крестьянские хозяйства. Только земля там принадлежала феодалам-помещикам, коннозаводчикам, князьям. В Кабарде достаточно было свергнуть владетельный класс—крупных собственников земли, провести аграрную революцию, и крестьянство было бы обеспечено землей. В Осетии некоторые сельские общества арендовали землю у казачьих станиц, но и здесь большая часть удобных земель была в руках помещиков и крупных кулацких хозяйств. Экспроприация их, а также передача в надел крестьянам казенных земель в той или иной мере разрешили бы и в Осетии аграрную проблему.

Иное положение было в Чечне и Ингушетии, где крупное землевладение не было так сильно развито и удобных казенных земель было недостаточно. Чеченские и ингушские сельские общества арендовали земли, главным образом, у казачьих станиц, уплачивая им ежегодно более 450 тысяч рублей. Об отношениях, складывавшихся на этой почве, можно судить по характерному документу, о котором мы уже упоминали — петиции ингушского населения 1-й Государственной думе:

«...После покорения Кавказа... ²/₃ наших земель, насильственно отобранных, перешли в руки казаков и мы, ингуши, для того, чтобы жить, должны арендовать земли у тех же казаков... Это ничто иное как налог в пользу казаков, налог тем более возмутительный, что мы, ингуши, платим его за пользование землей, принадлежавшей нам тысячелетия».

Следовательно, борьба чеченских и ингушских крестьянских масс за землю могла развернуться не только как аграрная революция, но и как национально-освободительная борьба против «народа-помещика», как метко назвал терское казачество вождь чеченской бедноты Асланбек Шерипов. Именно такой характер и приняла она в 1917 году, когда Временное правительство, империалистическое по самой

¹ А. С к а ч к о в. Опыт статистического исследования горного уголка. Владикавказ, 1904, стр. 114.

природе своей, и контрреволюционные верхи казачества и горских народов не хотели ничего предпринять для устранения вопиющего земельного неравенства горских крестьян.

Но был здесь и ряд привходящих обстоятельств. Присоединение Северного Кавказа и Закавказья к России имело огромное прогрессивное значение. Это был единственный путь спасения народов Кавказа от закабаления восточными деспотиями — султанской Турцией и шахской Персией. Как известно, Кабарда, Грузия, Осетия добровольно присоединились к России. Ингушетия же и Чечня были захвачены силой после многолетней ожесточенной войны. Чечня последней сложила оружие. Да и сложила ли? Завоеватели не строили на этот счет никаких иллюзий. Один из идеологов терского казачества Г. А. Ткачев в 1911 году писал: «Прекратилась ли война в Терской области? В русской истории значит, что в 1859 году, с падением Гуниба и взятием Шамиля, прекратилась война и настало мирное развитие на Восточном Кавказе. Не есть ли это роковое недоразумение? ...В самом деле, если у нас действительно мир, то почему весь край под ружьем, без оружия никто не пускается в путь и приезжающие с сельскими продуктами в города казаки обвешаны сплошь боевыми патронами? В крае мир, а по полям рыщут шайки вооруженных людей, отбивают табуны лошадей и скота и исчезают бесследно. В крае мир, а владельцы экономий отстреливаются со своими близкими от вооруженных нападений, ведут с осаждающими целые битвы. В крае мир, а разоряются хутора, нападают на станицы».¹

Такую же обстановку, очевидно, и предвидел граф Лорис-Меликов, когда писал о последствиях водворения в Терской области сотысячного казачьего населения. Он считал, что пока не будет урегулирован вопрос о землепользовании горцев, придется лет десять держать (уже для охраны казаков) большие войска, оставшиеся в Терской области после войны с Шамилем. Граф ошибся только в сроке: не десять, а почти шестьдесят лет, до самой революции царскому правительству пришлось держать здесь огромные вооруженные силы. На страже завоеваний российского империализма продолжала стоять и цепь старых крепостей с большими гарнизонами, в том числе такие крепости в глубине гор, в бывших орлиных гнездах Шамиля, как Гуниб, Ведено. И все-таки на Тереке никогда не было спокойно...

Прошло более ста лет,² как «замирилась» Ингушетия (1809 г.), и почти шестьдесят лет, как была покорена Чечня (1859 г.). Какие пло-

¹ Г. А. Ткачев. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Издание Общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1911, стр. 24.

² Здесь и дальше — кончая 1917 годом.

ды могла дать за это время тупая оголтелая шовинистическая политика царизма, невероятный произвол царских сатрапов на местах, полное пренебрежение к самым элементарным нуждам горских народов? Только озлобление широких масс горцев, только ненависть их к завоевателям. За сто лет владычества колонизаторов для ингушского и чеченского народов не нашлось Андрея Шегрена — академика, просветителя, создавшего азбуку осетинского языка! Лишенные даже своей письменности, своей азбуки, почти поголовно неграмотные, опутанные патриархально-феодальными пережитками, в полном духовном плену у фанатичных невежественных мулл и шейхов, лишенные в значительной части земли, а значит и средств к существованию, горцы продолжали борьбу тем оружием, которым история научила их владеть — восстаниями, набегами, абречеством...

Среди множества имеющихся об этом документов приведем краткую выписку из редко упоминаемых «Трудов» комиссии Владикавказской городской думы, созданной в 1905 году специально для выяснения причин грабежей и разбоев в Терской области. Отметив, что у горцев отобраны лучшие земли, что они загнаны в глубь диких ущелий, комиссия пишет далее: «Поставленное вне действия общих законов, систематически преследуемое войсковым сословием,¹ которому покровительствовали власти, туземное население разоряется, дичает, озлобляется и деморализуется, проявляя изредка недовольство в диких формах кровавого мщения или мятежа: в Чечне — в 1898 году, в Осетии — в 1902, в Ингушетии — в 1906 году».²

Но разве царское правительство и его военно-полицейская бюрократия могли прислушиваться к подобным трезвым суждениям! Для них горец — это «хищник», «прирожденный разбойник». Начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска во «всеподданнейшем» отчете за 1903 год так прямо и пишет: «На материальное благосостояние казаков оказывает самое губительное влияние соседство хищных горцев». А Николай II «всемилоостивейше соизволил» написать на отчете резолюцию: «По моему мнению это соседство поддерживает в терских казаках старую удаль».³ В этой непревзойденной по глупости и цинизму резолюции вся «мудрость», вся соль колонизаторской политики царизма: натравливать казаков на горцев, всемерно притеснять их, не допускать и тени дружбы между народами.

¹ Так назывались в официальных документах казаки.

² Труды комиссии Владикавказской городской думы для рассмотрения вопросов о причинах грабежей и разбоев во Владикавказе. Владикавказ, 1906.

³ Г. А. Ткачев. Гребенские, терские и кизлярские казаки. Владикавказ, 1911, стр. 1.

Комментируя статистические данные о населении Терской области, «Терский календарь», издававшийся ежегодно областным статистическим комитетом, писал: «Племенной состав населения Терской области представляет чрезвычайно пеструю смесь национальностей, отличающихся по языку, религии, обычаям и занятиям... Такая пестрота населения, с преобладающим азиатским некультурным элементом, порождает постоянное брожение в крае вследствие неизбежного столкновения интересов различных национальностей».¹

«Азиатский некультурный элемент» — вот, мол, источник «постоянного брожения в крае», причина всех бед и несчастий Терека! На все лады твердили об этом всевозможные «любители казачьей старины», казенные и прочие идеологи и пропагандисты колонизаторской политики царизма.

Нет, не жестокое национальное угнетение, не то, что у горцев отнята значительная часть земель, что вся политика царизма обрекала горские народы на страшную экономическую и культурную отсталость, — нет, не это все было, мол, источником «неизбежного столкновения интересов различных национальностей»! Упомянутый уже нами Г. А. Ткачев писал, что «следует выбросить всякую мысль о каком-либо намеренном угнетении русской государственностью туземных народностей», и что если и после Шамиля мира в Терской области фактически нет, то причина этого «кроется в самом характере ингушско-чеченского народа».²

Абречество на Тереке получило огромный размах. Только в 1910 году, когда были мобилизованы большие силы на захват и уничтожение знаменитого абрека Зелимхана, в Терской области было совершено 3650 вооруженных нападений и грабежей.³

Нельзя, конечно, идеализировать горское абречество. Но одно во всяком случае несомненно: во многих своих проявлениях абречество имело политическую основу и было связано с широкими массами. Только этим можно объяснить неуловимость легендарного Зелимхана — «наместника гор», в течение двенадцати лет державшего в страхе и трепете все местное начальство. А у Зелимхана было всего три-четыре постоянных товарища; для своих дерзких набегов он каждый раз набирал новый отряд.

Для ликвидации «зелимхановщины» наместник царя на Кавказе и власти Терской области приняли столь чудовищные меры, что это

¹ Терский календарь на 1910 год. Владикавказ, 1910, стр. 13.

² Г. А. Ткачев. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Издание Общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1911, стр. 7.

³ Газ. «Горская жизнь», 4 сентября 1917 г.

вызвало возмущение самой широкой общественности в России и срочный запрос правительству в Государственной думе. Наместник предписал взыскать с чеченского народа 100 тысяч и с ингушского — 22 тысячи рублей на возмещение убытков и выдачу пособий семьям убитых и раненных в стычках с Зелимханом. Таким образом, ответственность за действия Зелимхана возлагалась на чеченский и ингушский народы. В Сибирь была сослана семья Зелимхана и было предписано выслать на 5 лет семь наиболее популярных и влиятельных шейхов с их семьями, в том числе шейха Узуна-Хаджи, игравшего потом, в 1917—1919 годах, видную роль на Тереке. Начальник Терской области намеревался выслать в Сибирь всех жителей двух ингушских селений. Была объявлена большая награда за голову Зелимхана. Два карательных отряда неотступно преследовали его.

В чем же причина столь затяжной и безуспешной борьбы с Зелимханом? В. Козачковский, служивший некоторое время в одном из горских округов, в своей книге «Разбой на Кавказе» писал: «Вся разгадка неудачи этой борьбы в том, что власть знает только казенного Зелимхана и не хочет считаться с Зелимханом народным. Зелимхан административный определяется коротко: «вор и разбойник». Зелимхан же народный — это борец за правду, храбрый и щедрый рыцарь, твердый последователь и смелый вожак воинственной секты «Зикра», и, наконец, — это защитник обиженных. Такое представление о Зелимхане в народе, — продолжает В. Козачковский, создает вокруг его имени «ореол народного героя, а самому герою то положение, с которым власти необходимо считаться».

Мы рассказали о горском абречестве, о его социальных корнях только потому, что эта сторона тяжкого наследия царизма, особенно долго и трудно искоренявшаяся, чрезвычайно осложняла развитие революции, а затем и строительство социализма на Тереке. Как мы увидим в дальнейшем, абречество, как бы тесно переплетавшееся с национально-освободительной борьбой горских народов, широко использовалось буржуазно-националистическими контрреволюционными силами, разными авантюристами и турецкой агентурой в Чечне и Ингушетии.

Необходимо еще остановиться на некоторых отличительных чертах в положении осетинского народа по сравнению с другими горскими народами. Как пишет профессор Б. В. Скитский, «в процессе превращения Осетии в российскую колонию духовный меч сыграл такую роль, какой он не играл при покорении других областей Северного Кавказа. Главным образом в Осетии он был употреблен наряду со светским мечом еще с 18-го века, чтобы крепче привязать идеологическими путями осетинские народные массы к колеснице российского

капитализма».¹ Речь идет о распространении христианства — русского православия в Осетии, что имело тогда объективно прогрессивное значение для культурного развития осетинского народа. Только благодаря этому осетинский народ — единственный из всех горских народов Северного Кавказа, смог в тех условиях получить свою азбуку, свою письменность. И хотя школы в Осетии долгое время находились исключительно в руках церкви, хотя царское правительство всячески препятствовало развитию образования и национальной культуры, у осетинского народа очень скоро появилась своя национальная литература, свои талантливые публицисты, писатели, поэты. На гневной обличительной поэзии Коста Хетагурова, страстно любившего свой народ и боровшегося за дружбу его с русским народом, воспитывались поколения осетинской молодежи, многие демократы-революционеры.

Перед революцией грамотных в Осетии было не более 12 процентов, но осетинская молодежь училась в русских средних и высших учебных заведениях, пополняла ряды интеллигенции, и Осетия все более приобщалась к передовой культуре России.

По сравнению с другими горскими народами, и рабочих — осетин было значительно больше. Гонимые безысходной нуждой, безземельные крестьяне поступали на заводы и фабрики, а многие уезжали на заработки далеко от родины. «Осетины давно знают,—писал С. М. Киров,— что такое капитализм не только отечественный, но и заокеанский. Многие из них годами жилали в Америке, Канаде и там подлинно испытали капиталистическую эксплуатацию».²

Наконец, в отличие от молодежи других горских народов, осетинская молодежь отбывала воинскую повинность, призывалась в царскую армию.³ При всем жестоком бездушии царской казармы, это тоже была жизненная школа. Она расширяла кругозор осетинской молодежи, закаляла ее.

Нам остается рассказать еще об одной группе населения на Терреке. Это не казаки и не горцы, а все прочее население Терской области — более 400 тысяч человек (почти одна треть всего тогдашнего

¹ Записки Северо-Кавказского педагогического института. Владикавказ, 1933, стр. 41.

² Газ. «Правда», 2 июля 1918 г.

³ Только во время первой империалистической войны царское правительство решилось на организацию национальных воинских частей из добровольцев горских народов Северного Кавказа. В состав туземного корпуса (или «дикий дивизии», как потом она обычно называлась) входили кабардинский, ингушский, чеченский, дагестанский и два осетинских конных полка. Была еще осетинская пехотная бригада, но она не входила в состав «дикий дивизии».

населения области). Группа эта, как мы уже отметили, необычайно пестра по национальному составу, но почти три четверти ее — русские.

В документах 1917—1918 годов вся эта группа объединена одним общим названием — иногородние. Но как различна она была по своему социальному составу!

Это, во-первых, рабочий класс Терека, его авангардная ведущая революционная сила. Конечно, на промышленных предприятиях, особенно на грозненских нефтяных промыслах, можно было встретить и чеченцев, и ингушей, и даже казаков, не говоря уже об осетинах, — но основу рабочего класса составляли иногородние.

Во-вторых, иногородние — это интеллигенция Терека, его культурные силы, технические кадры. Интеллигенция горских народов была еще крайне невелика.

В третьих, иногородние — это промышленная и торговая буржуазия Терека. Опять-таки и у горских народов в последние годы быстро вырастала своя буржуазия. В Грозном, например, в руках чеченцев была часть оптовой и розничной торговли, они становились владельцами мельниц, кирпичных заводов и даже нефтепромыслов. То же самое наблюдалось и в Осетии, и в Ингушетии. Но подавляющее большинство промышленных и торговых предприятий на Тереке принадлежало иногородним.

Как рабочие, так и интеллигенция были сосредоточены, главным образом, в городах (Владикавказ — ныне Орджоникидзе, Грозный, Кизляр, Моздок, Георгиевск, Пятигорск, Кисловодск) и в крупных населенных пунктах (слобода Нальчик, слобода Хасавюрт и др.). В городах жили также в большинстве ремесленники, кустари, служащие, чиновники.

Примерно половину всех иногородних составляли крестьяне. Но здесь надо уточнить одно положение: в 1917—1918 годах в группу иногородних включали и так называемых «коренных» жителей, потомков «николаевских солдат», ветеранов кавказских войн. Отслужив 25 лет, такие солдаты получали земельные наделы (по 14 десятин) и создавали около крепостей свои «слободки» с общинным землепользованием. Так образовались слободы Хасавюрт, Воздвиженская, Ведено, Шатой и другие. «Коренные» — это наиболее консервативная часть крестьянства, так же враждебно относившаяся к иногородним, как и казаки.

Настоящие же иногородние крестьяне, наплыв которых из разных мест России на Северный Кавказ продолжался все время, обосновывались по всей области в хуторах на арендованных землях, батрачили в помещичьих имениях, в кулацких хозяйствах, у крупных овцеводов.

Проблема иногородних — одна из самых острых проблем в ка-

Г. К. Орджоникидзе.

зачьих областях. Занимая важнейшее место в хозяйственной и культурной жизни этих областей, даже превосходя кое-где по численности казаков, иногороднее население было полностью бесправным.

На Тереке, кроме этого, на первом плане стояла еще более острая проблема взаимоотношений казачества и горских народов. Г. К. Орджоникидзе в своем отчетном докладе на заседании Совета Народных Комиссаров РСФСР в 1919 году подчеркивал, что отношения между иногородними и казаками были враждебные, а между горцами и казаками — самые враждебные.

Таким был дореволюционный Терек. И понятно, что когда пали оковы самодержавия, перед народами Терека сразу же со всей остротой встали сложнейшие задачи. Революция

взрывала всю уродливую систему политических, земельных, хозяйственных и прочих отношений, насильственно созданных царизмом и исторически сложившихся здесь. Надо было ликвидировать последствия политики царизма в отношении горских народов, устранить земельное неравенство, создать новые формы общественного и государственного устройства, отвечающие национальным чаяниям освобожденных народов Терека, укрепляющие дружбу, мир и спокойствие в области.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ТЕРЕКЕ

Февральская революция почти нисколько не коснулась Северного Кавказа, произошла только незначительная смена административных лиц.

Г. К. Орджоникидзе.

Как только стало известно о свержении самодержавия, в областном центре — Владикавказе и в других городах и крупных населенных пунктах, в обстановке всеобщего возбуждения и ликования, были образованы гражданские исполнительные комитеты. Через несколько дней были организованы Советы рабочих депутатов, затем Советы солдатских депутатов, вскоре ставшие объединенными Советами рабочих и солдатских депутатов.

Во Владикавказе возник областной гражданский исполнительный комитет во главе с эсером К. Мамуловым. Начальника области генерала Флейшера арестовали, а на его место назначили уездного воинского начальника полковника Михайлова. Из Петрограда вскоре прибыл член Государственной думы — депутат терского казачества М. А. Караулов, ставший комиссаром Временного правительства на Терек.

Что представляли собой первые Советы рабочих и солдатских депутатов в Терской области?

То была, как и всюду в стране, сравнительно недолгая «именинная» пора соглашательских партий, главным образом, самой «модной» тогда партии социалистов-революционеров (эсеров). Большевистские партийные организации, особенно преследовавшиеся царским правительством, вышли из подполья с небольшим числом членов. Чрез-

вычайная сложность политической обстановки в Терской области, многонациональный состав ее населения, малочисленность и распыленность рабочего класса — все это вынуждало большевиков создавать объединенные с меньшевиками организации.

Даже в Грозном, в пролетарском центре Терской области, влияние соглашательских партий на первых порах было значительным. Но рабочие Грозного прошли суровую школу классовой борьбы. Секретарь Грозненского комитета РСДРП(б) Н. Ф. Носов 4 июля 1917 года¹ в письме Центральному Комитету РСДРП(б) писал, что «среди рабочих много социалистов-революционеров и меньшевиков, но они рассуждают так, что не похожи ни на социалистов-революционеров, ни на меньшевиков: все большевики».² И неудивительно, что хотя в Грозненском Совете рабочих и солдатских депутатов эсеры и меньшевики составляли большинство, председателем Совета все же был избран большевик Н. А. Анисимов.

По свидетельству С. М. Кирова, «Грозненский Совет пользовался почти совершенной полнотой власти с первых же дней революции».³ Он сразу же решительно поставил перед городским самоуправлением вопрос о том, что милиция, как вооруженная сила, организуется и подчиняется Совету. Был создан продовольственный комитет, а также комитет, взявший на учет промышленные товары в городе. Совет без долгих обсуждений ввел восьмичасовой рабочий день на нефтяных промыслах и промышленных предприятиях, добился равной с мужчинами оплаты труда женщин и предоставления женщинам перед родами 4-недельного и после родов 6-недельного отпуска с сохранением заработка. Был проведен и ряд мер по улучшению быта рабочих.

«То, что называется рабочим контролем, поставленным на очередь после Октябрьской революции,— отмечал С. М. Киров,— в Грозном было осуществлено давно».⁴

В Грозном сразу же резко обозначилось классовое размежевание: с одной стороны, Совет рабочих и солдатских депутатов, ставший фактически хозяином города, с другой стороны, Совет съезда терских нефтепромышленников,⁵ объединявший около 70 нефтяных компаний, союз торговцев и промышленников, кадетско-эсеровско-меньшевистская городская дума. Совет съезда нефтепромышленников располагал

¹ Здесь и дальше (до 1 февраля 1918 г.) даты даны по старому стилю.

² Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии. Сборник документов и материалов. Грозный, 1958, стр. 44.

³ Газ. «Донские известия», 24 (11) апреля 1918 г.

⁴ Там же.

⁵ Совет съезда терских нефтепромышленников — постоянная организация, сыгравшая немалую роль в поддержке и финансировании контрреволюции на Тереке.

неограниченными средствами для политической агитации и подрывной работы, был непосредственно связан с казачьими и горскими верхами, а также с контрреволюционными силами в Петрограде. Казачье войсковое правление имело в Совете съезда нефтепромышленников своего постоянного представителя. Последний «внимательно следил за ходом рабочего движения»,¹ как сообщал в своем докладе войсковому правлению есаул Медяник.

Грозненский Совет разоблачал и решительно отбивал всякие контрреволюционные выступления. Так, когда на одном из заседаний городской думы гласный Карк² выступил с наглым провокационным заявлением о Совете рабочих и солдатских депутатов, Совет арестовал его, как контрреволюционера и, опираясь на единодушную поддержку рабочих, не отступил перед шумными протестами и даже демонстрацией, организованной нефтепромышленниками и городской думой.

Грозненский Совет тщетно добивался у областных организаций и комиссара Временного правительства получения оружия для рабочей милиции, для охраны города и борьбы с начавшим усиливаться бандитизмом. В адрес же Совета съезда нефтепромышленников было прислано из Петрограда 3000 винтовок и 300 револьверов. Грозненский Совет перехватил это оружие и раздал его рабочим.

Чем более углублялось развитие революции и политическая борьба в Грозном, тем острее становились и разногласия между большевиками и меньшевиками. После же июльских событий в Петрограде произошел окончательный разрыв. К этому времени в большевистской партийной организации Грозного насчитывалось до двух тысяч членов.

Иное положение было в областном центре. Эсеры и меньшевики, составлявшие большинство во Владикавказском Совете, долгое время занимались различными организационными вопросами, обсуждали порядок введения восьмичасового рабочего дня, проекты «Положения» о милиции и т. п. Большевики же, спланировав рабочих вокруг Совета, добивались всемерной активизации его. По их настоянию было покончено с организационной расплывчатостью Совета, четко определены его задачи. Решено было, в частности, отказаться от двухстепенных выборов и выбирать депутатов непосредственно на предприятиях. Одним из докладчиков от комиссии по реорганизации Совета на заседаниях 7 и 11 мая выступил С. М. Киров. По его предложению ближайшие задачи Совета были определены так: полное

¹ Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии. Сборник документов и материалов. Грозный, 1958, стр. 44.

² Впоследствии министр в правительстве буржуазной Эстонской республики.

С. М. Киров.

сплочение революционных сил пролетариата; проведение в жизнь революционным порядком рабочей программы; координация действий рабочего класса с организациями других классов; осуществление революционного самоуправления в стране; охрана завоеванных народом свобод.¹

А через несколько дней Совету рабочих и солдатских депутатов действительно пришлось выступить на защиту завоеваний революции. По инициативе комиссара Временного правительства Караулова, областной гражданский исполнительный комитет утвердил новые правила о порядке устройства митингов. В резолюции, принятой по докладу С. М. Кирова, Совет рабочих депутатов заявил, что эти правила «коренным образом посягают на завоевания революции и нарушают закон о собраниях, изданный

Временным правительством; поэтому Совет решительно протестует против постановления исполнительного комитета и заявляет, что не признает его для себя обязательным и в будущем будет также протестовать против всех подобных посягательств на завоеванные свободы»².

Свою революционную решимость рабочие продемонстрировали массовым митингом, организованным большевиками перед атаманским дворцом (так называлась резиденция атамана Терского казачьего войска).

По инициативе Совета в апреле была проведена демократизация городского самоуправления: впредь до новых выборов городской думы состав ее шестидесяти гласных (депутатов), в основном домовладель-

¹ Борьба за Советскую власть в Северной Осетии (1917—1920 гг.). Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1957, стр. 16.

² Там же.

цев, был пополнен шестьюдесятью представителями профсоюзов, социалистических партий и других организаций.

Первые демократические выборы в городскую думу состоялись в июле. Союз домовладельцев, кадетская партия и другие буржуазные группировки потерпели поражение. Блок социалистических партий, выступавших на выборах единым фронтом, провел в городскую думу 63 гласных из 86, то есть получил почти три четверти всех депутатских мест. Однако буржуазия чувствовала себя тогда настолько уверенно, что опротестовала выборы, а Владикавказский окружной суд, где все еще заседали старые царские чиновники, признал выборы недействительными. Решение суда вызвало возмущение рабочих. В телеграмме Центральному Исполнительному Комитету Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов 850 рабочих завода «Алагир», например, заявляли: «Мы протестуем против щегловитовской¹ юстиции, продолжающей борьбу с социалистами и при новом республиканском строе, как привыкли они делать во времена николаевские. Но мы, рабочие, заявляем, что крючкотворство щегловитовской юстиции не сломит сил борющегося пролетариата и победа останется за социалистами».²

Малочисленная большевистская организация во Владикавказе направляла свои усилия, главным образом, на расширение и укрепление связи с массами. На одном из первых революционных митингов во Владикавказе выступил Сергей Миронович Киров и сразу привлек и покориł сердца и умы рабочих. Он обладал удивительным талантом—о самом сложном и запутанном говорить очень просто и ясно и всегда очень интересно, увлекательно, с огромным подъемом, с такой взволнованной убежденностью, что она действовала неотразимо. Это был трибун революции, оратор больших масс, с поразительной силой овладевавший вниманием сотен и тысяч слушателей. Рабочие говорили о Сергее Мироновиче всегда с душевной теплотой, они очень любили его. Политические противники опасались выступать там, где должен был говорить Киров.

Скоро владикавказская партийная организация получила сильное пополнение. В мае вернулся из эмиграции Самуил Григорьевич (Ной) Буачидзе, который и раньше (в 1906 и 1912 гг.) работал во Владикавказе; «человек в высшей степени способный и в высшей степени популярный среди населения Терской области», как характеризовал его Г. К. Орджоникидзе.³ Демобилизовался из армии старый большевик

¹ Щегловитов—министр юстиции царского правительства.

² Борьба за Советскую власть в Северной Осетии (1917—1920 гг.). Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1957, стр. 27.

³ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. 1, М., 1956, стр. 76.

С. Г. (Ной) Буачидзе.

Саханджери Гиздоевич Мамсуров, вернулся из Москвы молодой талантливый большевик — студент Георгий Александрович Цаголов. В августе приехали Мамия (Иван Дмитриевич) Орахелашвили, военный врач и его жена Мария Платоновна.¹

Большевики, входившие пока еще в объединенную с меньшевиками организацию, быстро завоевали доверие широких масс трудящихся. После сентябрьских перевыборов Владикавказского Совета рабочих и солдатских депутатов И. Д. Орахелашвили был избран председателем его.

Что касается Советов крестьянских (земледельческих) депутатов, то они возникали в основном среди иногороднего, а также среди осетинского, кабардинского и балкарского крестьянства. На первом съезде крестьянских советов был избран Терский областной Совет земледельческих депутатов. Председатель его — Ю. Г.

Пашковский, секретарь — А. П. Сахаров. Оба левые эсеры.

Горские безземельные и малоземельные крестьянские массы долгое время не были организованы. Только в Балкарии в первые же недели революции во всех селениях были образованы крестьянские Советы, а затем и «Совет крестьянских депутатов балкарского племени». У этого маленького народа классовое размежевание сразу же определилось довольно отчетливо. С одной стороны, более ста семейств дворян — таубиев, имевших от двухсот до трех-четырёх тысяч десятин пастбищной земли, и оформившееся скотоводческое кулачество — сельская буржуазия (каждое хозяйство имело в среднем до пятисот лошадей и три-четыре тысячи овец); с другой стороны, мелкое

¹ После провозглашения Советской власти в Грузии Мария Платоновна Орахелашвили была первым комиссаром народного просвещения Грузинской ССР.

и среднее крестьянство. Поэтому оппозиция против князей, захвативших в свои руки новый орган власти — Нальчикский окружной гражданский исполнительный комитет, определилась здесь сразу. Организовывала крестьянские массы в Кабардино-Балкарии небольшая группа революционеров — Султан Калабеков, Бетал Калмыков, магомед Энеев и другие.

Рассказывая о том, как были организованы крестьянские советы в Балкарии, М. Энеев отмечает: «Кажется во всей России это были первые по времени революционные крестьянские советы».¹

Балкарские и кабардинские крестьянские советы поддерживали тесную связь с Нальчикским Советом рабочих и солдатских депутатов, имели там своих представителей.

В казачьих же станицах, в аулах и селениях Чечни и Ингушетии крестьянских советов не было. Контрреволюционные верхи казачества и горских народов больше всего опасались влияния Советов рабочих депутатов, проникновения революционных социалистических идей в массы трудовых казаков и горцев, и всячески старались не допустить этого.

Особенно преуспела в этом казачья старшина. Она сразу выделила казачество как бы в некую автономную республику. Из глубины веков была извлечена романтика «вольных казачьих республик» — торжественно открывались круги, избранным атаманам по старинному церемониалу вручались атаманские булавы и т. д. А весь строй казачьей жизни, искусственно созданный царизмом, его социально-экономические основы оставались совершенно нетронутыми, тщательно оберегались.

У терского казачества был и бесспорный кандидат в войсковые атаманы — депутат Государственной думы М. А. Караулов. По тому времени это была довольно крупная политическая фигура. Караулов был лично связан с депутатами Государственной думы, с виднейшими деятелями реакционных партий в России, с главарями контрреволюционных верхов казачества Дона и Кубани. Несомненно, во взаимодействии с ними строил он планы широкого участия казачества в борьбе против революции.

13 марта войсковой круг избрал М. А. Караулова атаманом Терского казачьего войска. Казак станицы Тарской Сунженского отдела, с университетским образованием, что среди казаков было тогда редкостью, автор нескольких книг по истории терского казачества, представительный, — Караулов во всех отношениях импонировал казачеству. Одно только смущало казачью старшину, собравшуюся на вой-

¹ Кабарда и Балкария. Запись воспоминаний М. Энеева, 1921 г. Архив автора.

сковой круг: чин у атамана был невысок — есаул. И круг возбудил ходатайство перед Временным правительством «о производстве в воздание революционных заслуг войскового атамана Караулова в чин полковника, а если можно, то в чин генерала. И вообще, чтобы войсковым атаманам присваивались генеральские отличия».¹

Так, очень скоро после февральского переворота, без всякой ломки и без особенных внутренних потрясений, казачество — и не только на Тереке, но и на Дону и на Кубани — предстало как вполне законченное, «революционно-самоопределившееся» территориально-автономное образование. И не случайно поэтому избранное войсковым кругом правление Терского казачьего войска, во главе с атаманом, скоро стали называть войсковым «правительством» — задолго до того, как оно официально было провозглашено правительством.

Перед горскими же народами и перед остальным населением Терека стояла трудная задача — создать в сложных своеобразных условиях Терской области новые революционные формы своего общественно-государственного строя.

В эти исторические переломные дни у народных масс в Чечне и Ингушетии не было иных вождей и наставников, кроме шейхов и мулл. Пройдет немного времени, и духовные феодалы покажут свое истинное лицо; наступит момент, когда вождь чеченской бедноты Асланбек Шерипов в гневе воскликнет: «Чеченцы! Вы хвалитесь, что у чеченского народа не было и нет князей. Неправда! Шейхи и муллы в тысячу раз хуже князей».² Но в те дни народ в Чечне и Ингушетии знал одно, что многие муллы и шейхи разжигали ненависть к царскому самодержавию, саботировали распоряжения властей, звали к борьбе, а некоторым из них приходилось даже скрываться от преследований, от угрозы ссылки в Сибирь. Их авторитет борцов за национальное освобождение был непререкаем для темных, глубоко фанатичных мусульманских масс.

А вместе с шейхами и в полном согласии с ними в роли «блюстителей» национальной свободы горских народов сразу же выступили помещики, нефтепромышленники, генералы, буржуазно-националистическая интеллигенция. В их руках и оказались новые органы власти на Тереке.

В апреле во всех округах прошли съезды представителей местного населения. Это были по существу национальные съезды горских народов: в Нальчикском округе — кабардинского и балкарского, во Влади-

¹ Газ. «Горская жизнь» № 3, 12 августа 1917 г.

² Газ. «Народная власть» № 171, 1918 г. Обращение к чеченцам народного комиссара по национальным делам Терской республики Асланбека Шерипова.

кавказском — осетинского, в Назрановском — ингушского, в Грозненском и Веденском — чеченского, в Хасавюртовском — кумыкского. О каком-либо организованном представительстве на большинстве этих съездов не приходится говорить. Необычным был, например, съезд в Чечне — грандиозный десятитысячный митинг. Из всех аулов к Грозному направлялись группы всадников во главе с шейхами, муллами, с седобородами почетными стариками...

6 апреля во Владикавказе открылся съезд осетинского народа, на который было избрано 64 депутата от сельских обществ и приходов Владикавказского округа. Съезд этот прошел наиболее организованно и в деловой обстановке, и на его конкретном примере особенно видно, каков был политический уровень первых революционных национальных съездов на Тереке.

В приветствии находившемуся на фронте осетинскому конному полку — «своему детищу» съезд отмечает, что он «созван для выработки основ жизни своего народа на свободных демократических началах».¹ Однако «выработка основ» свелась пока только к тому, что съезд решил упразднить церковноприходские школы, «как не отвечающие в настоящее время духовным запросам осетинского народа». Съезд высказался также за искоренение некоторых вредных обычаев: калыма, похищения девушек и других.

Но давно набóлевший острый земельный вопрос не обсуждался на съезде. А между тем для обсуждения его имелся как нельзя более подходящий повод — отказ казачьих станиц сдавать в аренду пахотные земли, которыми до этого обычно пользовались сельские общества Осетии. Съезд лишь отметил «недопустимость подобного явления, ибо государство нуждается в хлебе», и решил «срочно просить областной продовольственный комитет о том, чтобы казачьи и другие земли, по примеру прошлых лет, немедленно были сданы в аренду под распашку, пока время посева еще не прошло».²

Основное внимание съезда было обращено на «тревожное положение» в Терской области: «Старые власти удалены, новые еще не избраны, полицейская стража расформирована, разбои, грабежи растут». Так мотивировал съезд свою просьбу в телеграмме Верховному главнокомандующему генералу Алексееву об оставлении на Тереке осетинской пешей бригады. Алексеев, ссылаясь на соображения военного характера, отказался удовлетворить эту просьбу. Тогда съезд

¹ Протоколы заседаний первого съезда уполномоченных от населения Владикавказского (Осетинского) округа. Владикавказ, 1917, стр. 14.

² Там же, стр. 9.

решил организовать народную милицию, «не останавливаясь ни перед какими затратами».

Комиссаром Владикавказского округа был заочно избран популярный в Осетии меньшевик-интернационалист Симон Алиевич Такоев (впоследствии коммунист). Он находился на военной службе и вернулся в Осетию в конце апреля. Съезд избрал также восемь членов окружного исполнительного комитета: Казбека Борукаева, Михаила Гарданова, Г. М. Цаголова и других.

На других национальных съездах окружными комиссарами были избраны: в Назрановском округе, в Ингушетии — чиновник царского министерства земледелия Васангирей Джабагиев; в Грозненском округе — видный адвокат Ахметхан Мутушев, но более влиятельным в Чечне был его заместитель шейх Дени Арсанов; в Нальчикском округе, в Кабардино-Балкарии, по презрительному замечанию М. Энеева, «начальника округа Клижбеева сменил его свояк Чижоков».

Скоро средоточием сил горской контрреволюции стал Союз объединенных горцев Кавказа. Он был учрежден на съезде горских народов, открывшемся 1 мая во Владикавказе. Это был по существу Северо-Кавказский мусульманский съезд. Вся работа его проходила под лозунгами панисламизма, единства и общности интересов всех мусульман.

Один из организаторов съезда, крупнейший кумыкский помещик князь Рашид-Хан Капланов, в докладе по организационному вопросу заявил: «При созыве съезда мы не ограничились только Терской областью и стали искать союзников себе. Мы обратились к дагестанцам, поехали в Баку. Здесь нетрудно было установить, что мусульмане живут одними с нами идеалами».¹

А представитель уже образовавшегося к тому времени в Баку Кавказского мусульманского союза так начал свое патетическое приветствие съезду: «Братья мусульмане! Наконец-то заговорил, заговорил властно и тот могучий сфинкс, которому имя — Ислам!» Он призвал съезд к плодотворной работе «на благо 30-миллионного мусульманства» России.²

Кстати, небольшая, но любопытная деталь: съезд горцев Северного Кавказа финансировал не кто иной, как ...бакинский миллионер Тагиев, пожертвовавший на организацию его 50 тысяч рублей. Чеченский нефтепромышленник Тапа Чермоев внес 20 тысяч рублей.

Если казачья старшина подняла знамя былой казацкой вольницы,

¹ Б. Далгат. Первый горский съезд (отчет). Владикавказ, 1917, стр. 46.

² Там же, стр. 29.

воскрешая якобы идеалы и традиции далекого прошлого, то буржуазно-националистические верхи горских народов подняли зеленое знамя Ислама, пытаясь также повернуть историю на сто лет назад, к шариату. У шейхов и буржуазных националистов — заправил горского съезда был один всеобъемлющий и простой рецепт для решения всех вопросов — шариат!¹ «Правила корана и шариата» по постановлению съезда вводились во всех судах по всем делам мусульман. По шариату же решался и главный вопрос, который больше всего волновал трудовых горцев — о земле. Съезд принял такое постановление по аграрному вопросу:

«Признавая в принципе, что земля должна принадлежать трудящемуся населению, съезд полагает окончательное разрешение аграрного вопроса предоставить Учредительному собранию ввиду серьезности момента и сложности аграрного вопроса. Вместе с тем съезд выражает пожелание, чтобы в отношении горцев-мусульман аграрный вопрос был разрешен согласно нормам шариата, который защищает интересы трудящихся».

Далее следовали утешительные пожелания: чтобы все земли и леса, занимаемые горским населением, были признаны неотъемлемой собственностью горских племен, а отнятые казной у горцев — немедленно возвращены их народам; чтобы все свободные казенные земли и земли крестьянского поземельного банка, в пределах территории горского населения и смежных с нею, поступили немедленно для обеспечения безземельных и малоземельных горцев.²

Два кардинальных вопроса были обойдены в этой аграрной программе. Первый — о княжеских, помещичьих владениях, которые в Кабарде, например, занимали большую часть ее территории, а в Хасавюртовском округе — 200 тысяч десятин — половину всей Кумыкской плоскости. И второй — об историческом споре горских народов с казачеством о земле. Можно было умолчать о них в постановлениях съезда, но перед поднятыми революцией массами безземельного крестьянства уйти от ответов на эти вопросы было нельзя.

И вот уже после съезда с разъяснениями по первому вопросу выступил Нажмуддин Гоцинский, крупный дагестанский помещик-овцевод. Нажмуддин Гоцинский был ученым арабистом, и горский съезд избрал его главным муфтием, руководителем духовного управления мусульман Северного Кавказа. Кто же мог быть лучшим истолкователем шариата, его практического применения в жизни горских

¹ Ш а р и а т — от арабского слова Sharia, что значит «правильный путь». Совокупность норм, регулирующих религиозные, семейные, гражданские, уголовные отношения мусульман, а также собрание правил быта, санитарии и т. д.

² Б. Д а л г а т. Первый горский съезд (отчет). Владикавказ, 1917, стр. 101.

народов! В своем «обращении-исповеди» о разногласиях с социалистами в понимании свободы и революции Нажмуддин Гоцинский писал:

«...Я слышу, что эти люди говорят о моих землях и кутанах. Верно, у меня есть земли, перешедшие ко мне от отца согласно шариату. Мой отец не взял ни у кого силой эти земли: он купил их у мусульман, имевших на руках законные документы. Если есть человек, желающий оспаривать у меня земли, пусть придет, согласно шариату, с нужными документами, и я ему их отдам. Еще я слышу, будто эти люди говорят, что я сторонник князей из-за своих земель. Как они могут так говорить, когда эти земельные вопросы подлежат разбору по шариату, как и другие дела. Если найдется кто из князей, владеющий землями противно шариату, то я первый обнажу свой меч на него».¹

Вот, оказывается, как шариат «защищает интересы трудящихся». И неудивительно, что все князья и помещики стали самыми яркими «шариатистами» и с готовностью выдвигали шейхов на руководящие посты национального движения горских народов.

Что же касается горско-казацкого исторического спора о земле, то никаких разъяснений на этот счет не последовало. Ни слова не промолвил о нем и атаман Караулов, выступивший на съезде с приветствием от терского казачества, хотя он и распространялся о том, что «земельный вопрос — старый наболевший вопрос», и что «земли ваши, леса ваши, объявленные казенными, теперь, конечно, должны принадлежать вам, как исконным собственникам».²

Таким образом, аграрная программа помещичье-буржуазных верхов горских народов, с ее шариатской основой, в сущности отрезала безземельному и малоземельному крестьянству путь к земле. Свободные пахотные земли казны и крестьянского поземельного банка — единственные, предоставленные в программе съезда горцев Северного Кавказа крестьянам, могли иметь самое ничтожное значение для утоления земельного голода.

Крестьянским массам оставалось только самим взяться за разрешение аграрного вопроса. В Кабардино-Балкарии и в Дагестане часть низшего духовенства была заинтересована в передаче крестьянам помещичьих земель. Среди мулл нашлись знатоки и толкователи шариата, утверждавшие, что именно по шариату крестьяне имеют право на помещичьи земли, так как земля должна принадлежать тем, кто ее «воскрешает», то есть трудится на земле. В Кабардино-Балкарии

¹ А. Тахо-Годи. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927, стр. 44.

² Б. Далгат. Первый горский съезд (отчет). Владикавказ, 1917, стр. 12.

идеологом этого движения стал молодой ученый арабист Назир Катханов.

А на стыке территорий казачьих станиц и чеченских и ингушских аулов начались вооруженные столкновения, с каждым днем все более грозные. И одной из основных причин этого было стремление контрреволюционных верхов казачества и горских народов во что бы то ни стало сохранить земельные отношения, как они сложились при царизме. Ни в казачьих станицах, ни в горских аулах не было поэтому и земельных комитетов, возникших по всей стране на основе принятого еще в апреле решения Временного правительства. Правление Терского казачьего войска открыто заявило, что земельные комитеты казачеству не нужны.

Горский съезд учредил Союз объединенных горцев Кавказа, контрреволюционная сущность которого облекалась, конечно, в такие фразы, как «защита и упрочение завоеванных революцией свобод», «проведение в жизнь демократических начал» и т. д. По принятой съездом «конституции», Союз объединял «все горские племена, а также ногайцев и туркмен» на территории от Каспийского до Черного моря, включая Ставрополье, Кубань и Черноморье, и являлся членом Кавказского мусульманского союза.

В избранном на съезде Центральном комитете Союза объединенных горцев решающую роль играли уже упомянутые выше князь Рашид-Хан Капланов, Тапа Чермоев, Васангирей Джабагиев, кабардинский коннозаводчик Пшемахо Коцев и другие «национальные вожди» горских народов Терека.

Так в Терской области возникли два основных политических центра: казачий — войсковое правительство во главе с атаманом и горский — Центральный комитет Союза объединенных горцев, который вскоре также стали просто называть горским правительством.

Войсковое правительство претендовало на управление четырьмя отделами (округами) области с казачьим населением, горское правительство — на управление шестью округами с горским населением. Терская область, таким образом, была разделена на две части.

Были, конечно, и областные органы власти. Но ничто, пожалуй, не было так характерно для тогдашнего состояния Терской области, как полнейшая несостоятельность всех попыток на протяжении всего 1917 года создать мало-мальски авторитетную областную власть. До революции единство Терека, раздираемого множеством острейших внутренних противоречий, кое-как сдерживалось военно-полициейским обручем. Революция сорвала обруч — и Терская область фактически распалась на свои составные части.

18—20 мая во Владикавказе состоялся съезд представителей все-

го населения Терской области или, как он официально назывался, съезд представителей сельского населения, городских самоуправлений и Советов рабочих и солдатских депутатов. На съезд прибыли все те, кто задавал тон на казачьем войсковом круге и на окружных национальных съездах, а города были представлены в значительной мере соглашательскими партиями.

Съезд принял «Положение о временном самоуправлении Терской области». Высшим органом власти на Тереке стали Терский областной съезд и областной исполнительный комитет. Должность начальника области была упразднена.

Председателем областного исполнительного комитета был избран известный уже Пшемахо Коцев, товарищами председателя — кумыкский князь Алхазов и войсковой атаман Караулов, членами исполкома — Васангирей Джабагиев, Тапа Чермоев, Ибрагим Чуликов — из семьи чеченских нефтепромышленников, ставший потом преданнейшим слугой Деникина, и другие. По меткому выражению Симона Такоева, областной исполнительный комитет был лишь «местом повторных заседаний казачьих и горских контрреволюционеров».

Некоторую видимость власти на Тереке первое время представлял еще комиссар Временного правительства. Претендовали на руководство Терской областью и закавказские организации. В частности, так называемый Краевой центр Кавказской армии, находившийся в Тифлисе (Тбилиси), не раз посылал на Терек различные делегации и даже своих комиссаров.

Для Закавказья и Кавказской армии решающее значение имело прежде всего бесперебойное поступление хлеба с Северного Кавказа и обеспечение коммуникаций, связывающих их со всей Россией. Но, как увидим в дальнейшем, Краевой центр Кавказской армии, находившийся в руках эсеров и меньшевиков, не смог даже организовать охрану железной дороги в пределах Терской области — главной жизненной артерии Кавказского фронта и всего Закавказья. Как и вся российская контрреволюция, соглашательские партии в Закавказье ориентировались на казачество. Краевой центр Кавказской армии и его комиссары на Тереке — правые эсеры, держали тесную связь с казачьим войсковым правительством и Союзом объединенных горцев, стремясь содействовать их контрреволюционным планам.

Такова была расстановка сил на Тереке после Февральской революции.

СТРАТЕГИЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Где еще бушевали такие штормы, как на землях казачества? Скальные берега издавна бытового уклада, казалось, устоят под ударами любых волн. И, однако, прибой новой жизни одолел и скалы.

К. Федин.

Революция наряду с другими задачами поставила в порядок дня ликвидацию обособленного, искусственно созданного положения казачества, ликвидацию исторически изжившей себя полувоенной хозяйственной казачьей организации. Именно так восприняла веление времени значительная часть казаков-фронтовиков, на протяжении трех лет империалистической бойни испытывавшая всю горечь казачьей военной кабалы.

На первом краевом съезде Кавказской армии в Тифлисе 12 мая 1917 года, где было представлено семь казачьих войск, в том числе и Терское, казачья секция признала «условия жизни старой казачьей вольницы умершими; обособленные интересы современного казачества — привитыми старым режимом искусственно, а посему интересы современного казачества общи с интересами крестьян и трудового народа. Будущее устройство казачества приветствовать на общих началах со всем русским народом».¹

А в казачьих станицах были совсем иные настроения. Земля—вот что страшно волновало казачество. Буржуазия всячески разжигала опасения казаков, распространяя провокационные слухи о том, что социалисты отберут у них земли для раздачи их крестьянам. Черно-

¹ Г. Г. Покровский. Деникинщина. Харьков, 1926, стр. 14.

сотенная газета «Новое время» писала, что, согласно лозунгу «Земля — трудовому народу», социалистам предстоит «разместить 180 миллионов человек на 520 миллионах десятин», и предостерегающе заявляла: «Окраинам нужно помнить об этом и принять меры». Временное же правительство, не желавшее разрешать аграрный вопрос, откладываявшее его до Учредительного собрания, поспешило объявить, что права казачества на землю, как они сложились исторически, остаются неприкосновенными.

В конце марта 1917 года в Петрограде состоялся первый всероссийский казачий съезд. Прибыли на съезд, главным образом, офицеры, различные идеологи казачьей самобытности, «бородачи» — старые заслуженные станичники. Рядовое же фронтовое казачество было представлено очень слабо. Съезд учредил Всероссийский союз казачьих войск и принял положения по земельному вопросу — основу основ всей политики казачьих верхов.

По положениям все земли и угодья казачьих войск, а также недра и воды объявлялись неотъемлемой, неприкосновенной собственностью каждого казачьего войска. Частновладельческие земли, выделенные из войсковых территорий, а также казенные, удельные, кабинетские, монастырские, церковные, расположенные на войсковых территориях, должны быть возвращены в собственность каждого данного казачьего войска на общих основаниях для всей России. Каждое казачье войско, как самоуправляющаяся единица, распоряжается и пользуется своими землями самостоятельно и независимо.

Таким образом, терское казачество не только полностью сохраняло все свое «историческое достояние», но должно было даже умножить его присоединением казенных, церковных и прочих земель, находившихся на войсковой территории.

В таком решении земельного вопроса было много заманчивого для широких масс казачества. А казачьей старшине оно давало возможность еще сильнее отгораживать трудовое казачество от крестьян и рабочих, от революционных масс России, сеять недоверие и вражду к ним, возбуждать ненависть к Советам, к большевикам.

В аграрной программе казачьих войск совершенно умалчивалось о том, как быть с безземельными и малоземельными иногородними крестьянами и с батраками, живущими на территории войска, на казенных оброчных землях, арендующих земли у казачьих станиц, у помещиков и кулаков. И что означала такая аграрная программа на Тереке? Каким путем можно было осуществить ее? Только одним — продолжением по существу старой колонизаторской политики.

Естественно, что в 1917 году российская контрреволюция все свои

надежды связывала прежде всего с казачеством, рассматривая его как свою ударную силу.

В начале июня 1917 года состоялся второй всероссийский казачий съезд, утвердивший устав Союза казачьих войск. В планах буржуазно-помещичьей реакции казачеству отводилось столь важное место, что на съезд явились председатель Государственной думы Родзянко и бывшие министры первого состава Временного правительства — виднейший деятель кадетов Милюков и лидер октябристов Гучков. Их выступления на съезде были обращенной к казачеству мольбой о помощи против развивающейся революции. Коснувшись раздававшихся кое-где призывов к расказачиванию казаков, Гучков воскликнул: «Упаси нас господь вступить на этот путь. Казачество в настоящий исторический момент нужно, как никогда!»

В ответ делегаты Терского и других казачьих войск заверили Временное правительство в своей готовности оказать помощь «для спасения России от анархии».

А вскоре контрреволюционные верхи казачества выступили с ясной, недвусмысленной политической программой. Ее изложил на Московском государственном совещании от имени Союза казачьих войск донской атаман Каледин. Сей «рыцарь казачества» потребовал, чтобы армия была вне политики, все комитеты и советы упразднены как в армии, так и в тылу. Дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами. Дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены. На местах должны быть предприняты самые строгие меры «против самочинных действий всевозможных комитетов, нарушающих порядок землепользования».¹

Атаман терского казачества Караулов приветствовал выступление Каледина репликой — «Правильно!»

Для утверждения своих прав на земли, недра и воды Донское, Кубанское и Терское казачьи войска стали на путь фактического превращения в суверенные самостоятельные республики, в равноправные части будущей Российской Федерации.

Но внутри «своих» республик эти «федеративные демократы» понимали и осуществляли демократизм по-своему. Как и во времена царизма от управления казачьими областями полностью отстранялось все иногороднее, не казачье население.

Однако на Тереке, где казачество составляло лишь около пятой части всего населения, нельзя было так «просто» решать вопрос о власти. Здесь 250 тысячам казаков противостояло не только 400 ты-

¹ И. Борисенко. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году, т. 1, Ростов-на-Дону, 1930, стр. 44.

сяч иногородних, но и 670 тысяч горцев. Кулацко-дворянской старшине терского казачества пришлось проводить особую политику — политику блока с помещичье-буржуазными верхами горских народов.

Два классовых врага, два революционных фронта были перед кулацко-офицерскими верхами терского казачества и перед помещичье-буржуазными верхами горских народов: один — иногороднее население области, рабочий класс, безземельное и малоземельное крестьянство; другой — трудовые массы горских народов, страстно мечтавшие, что революция вернет им некогда отнятые у них земли, покончит с вековым национальным угнетением. Прошел долгий срок, потребовалось очень много жертв и жестоких испытаний, пока героической самоотверженной борьбой терские большевики добились слияния этих двух фронтов в единый грозный революционный фронт. А казачьи и горские контрреволюционные верхи, вместе с грозненскими нефтепромышленниками и всей торговой и промышленной буржуазией, сразу же стали действовать согласованно.

В мае 1917 года во Владикавказе прошел ряд совещаний казачьих и горских верхов. На одном из таких совещаний терское казачество, не в пример донскому и кубанскому, отказалось от своей областной «державности». С соответствующим заявлением выступил заместитель войскового атамана есаул Медяник: «Как председатель второго свободного войскового круга сообщаю, что казаки решили отказаться от управления областью и желают жить с вами, горцы, в единогласии». А атаман Караулов добавил: «Если мы наладим дружную совместную работу и добрососедские отношения, тогда, я думаю, царство на Северном Кавказе будет принадлежать нам».¹

Так объединились казачьи полковники и есаулы с «национальными вождями» горских народов — шейхами и муллами, чеченскими нефтепромышленниками, кумыкскими и кабардинскими князьями, коннозаводчиками, осетинскими помещиками и генералами.

На что рассчитывали обе стороны, вступая на путь «дружной совместной работы»? Общая цель их — во что бы то ни стало изолировать Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от трудовых масс казаков и горцев, любой ценой — вплоть до разгрома Советов, дезорганизовать рабочих и иногороднее крестьянство. Испытанное средство для этого — разжигание национальной розни, встраивание горцев в столкновения с русским населением. А поводов к этому на Тереке было сколько угодно.

Горские помещичье-буржуазные верхи надеялись с помощью казачества спасти свои владения, нефтеносные земли и другие богат-

¹ Газ. «Терский вестник», 7 мая 1917 г.

ства. Казачья же старшина рассчитывала на то, что горские контрреволюционные верхи будут удерживать горское крестьянство от борьбы за землю, помогут оттянуть как можно дальше решение исторического горско-казачьего спора о земле — до общего решающего перевеса сил на стороне контрреволюции. А тогда будет покончено с притязаниями горцев на казачьи земли, да и со всеми их национальными чаяниями. В подходящий момент казачество вновь выступит в своей «исконной исторической роли» защитника русского населения от «хищных» горцев и вернет себе бывшее командное положение на Тереке.

Для казачьей и горской контрреволюции, для нефтепромышленников и всей буржуазии Грозного особенно ненавистным был Грозненский Совет рабочих и солдатских депутатов, ставший фактически хозяином в городе и на нефтяных промыслах. Войсковое казачье правительство и совет съезда терских нефтепромышленников в тесном взаимодействии строили планы — покончить с Грозненским Советом. Однако Совет не поддавался на провокации, даже когда заместитель войскового атамана есаул Медяник и председатель казачьего исполкома Кизлярского отдела Губарев предприняли разоружение и расформирование находившегося в Грозном 21 пехотного полка. Приказ об этом был отдан главнокомандующим войсками Кавказского фронта генералом Пржевальским по просьбе казачьего и горского правительств. Разоружение производилось нарочито вызывающе: Грозный был объявлен на военном положении, помещение исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов окружено вооруженными казаками. Было ясно, что Медяник и Губарев ждут только повода, чтобы расправиться с Советом.

Как-то ночью на Старо-Грозненских промыслах неизвестно кем были убиты два казака, охранявшие контору нефтяной компании, и похищено 30 тысяч рублей. Нефтепромышленники и казачьи офицеры решили воспользоваться этим случаем, чтобы ударить по Грозненскому Совету. Отряд казаков прибыл на Старо-Грозненские промыслы и предъявил исполкому Грозненского Совета ультиматум: разоружить рабочую милицию и сдать все оружие.

Исполком Грозненского Совета не отклонил сразу ультиматум, заявив, что должен обсудить его, а сам немедленно принял меры для решительного отпора зарвавшемуся казачьему офицерству. В ту же ночь на реквизированных грузовиках к Старо-Грозненским промыслам были доставлены две роты 111 пехотного полка с пулеметами; милиция и вооруженные рабочие заняли боевые посты.

Не столько эти вооруженные силы, сколько непреклонная революционная решимость всех рабочих-нефтяников, их сплоченность вокруг Совета произвели такое внушительное впечатление, что вой-

сковому атаману Караулову пришлось дать отбой. Отряд казаков отступил.

Положение на Тереке с каждым днем становилось все более напряженным, недовольство и возмущение охватывало самые широкие массы населения.

На заседаниях Советов рабочих и солдатских депутатов, на собраниях, митингах, в печати большевики указывали, что ответственность за все более ухудшающееся положение в Терской области лежит на войсковом правительстве и Союзе объединенных горцев. Они разоблачали контрреволюционную сущность политики кулацко-офицерских верхов казачества, цель их сговора с помещичье-буржуазными верхами горских народов.

В конце июня С. М. Киров, работавший тогда еще во владикавказской газете «Терек», опубликовал статью известного в Терской области большевика, бывшего в то время офицером, осетина С. Мамсурова о политике Караулова — «Кому верить и куда идти?» К сожалению, номер газеты с этой статьей, видимо, не сохранился; во всяком случае нам не удалось разыскать его в архивах. Но статья эта, как и все выступления С. Мамсурова, произвела большое впечатление. Судить об этом можно по письму Караулова, напечатанному во владикавказской газете «Вперед». Караулов заявил в письме, что он привлекает автора статьи поручика С. Мамсурова и редактора газеты «Терек» к третейскому суду за «клеветнические сообщения по его адресу» и за «натравливание казаков на горцев, а горцев на казаков».¹

Такой суд не состоялся. Но большевистская разоблачительная оценка политики Караулова получила еще одно неоспоримое подтверждение. В середине августа во Владикавказе состоялся съезд иногороднего населения Терской области. Съезд обсудил вопрос о взаимоотношениях иногородних и казаков и резко осудил политику войскового атамана Караулова. В принятой съездом резолюции говорится: «В интересах охранения завоеваний революции и порядка в области, ходатайствовать перед Временным правительством об отозвании войскового атамана Терского казачьего войска М. Караулова, который своей политикой непримиримости казаков с остальным населением возбуждает крайне тревожное настроение и недовольство в области. Съезд указывает, что политика попустительства и поддержки казачества со стороны крайних реакционных элементов, что наблюдается в деятельности войскового атамана, неизбежно приведет к полной анар-

¹ Газ. «Горская жизнь» № 1, 4 августа 1917 г.

хии как в административном отношении, так и в вопросе национальном, крайне остро стоящем в области».¹

Караулов, конечно, не был отозван. Но на посту областного комиссара Временного правительства его сменил полковник Михайлов. Свою же политику, столь решительно осужденную съездом иногородних, войсковое правительство и атаман Караулов не изменили.

Заправила казачества и Союза объединенных горцев стали требовать вывода из Терской области воинских частей — вооруженной опоры Советов рабочих и солдатских депутатов. Они ссылались на столкновения отдельных групп солдат с горцами во Владикавказе, в Грозном, Хасавюрте и в других местах. Такие явно спровоцированные столкновения обычно вспыхивали на базарах, жертвами их становились случайные люди. Но все это использовалось для распространения в селениях и аулах горцев самой разнузданной, злобной клеветы на солдат, на большевиков.

Вот что писал С. М. Киров о требовании удалить воинские части из Терской области: «В то время войсками Кавказа распоряжался Краевой центр, руководимый меньшевиками и правыми социалистами-революционерами, который широко пошел навстречу этому требованию и в короткий срок, «по соображениям стратегическим», Терская область была совершенно обнажена от воинских частей. И вот после этого и начался разгул контрреволюции и анархии».²

К тому времени с фронта стали возвращаться казачьи полки. Об этом ходатайствовало войсковое правительство, чтобы иметь на Тереке свои вооруженные силы.

Центральный комитет Союза объединенных горцев в свою очередь добился возвращения с фронта так называемой «дикий дивизии». На Терек вернулись кабардинский, ингушский, чеченский, два осетинских конных полка и осетинская пехотная бригада.

Появление столь значительных воинских частей еще более осложнило обстановку на Тереке. Теперь и у горских народов впервые оказались свои национальные регулярные воинские части, к тому же прошедшие выучку на полях сражений мировой империалистической войны.

Процесс распада в Терской области все более углублялся. Карау-

¹ Газ. «Терский вестник», 26 августа 1917 г. Необходимо отметить здесь некоторую неясность. Съезд, очевидно, не мог ходатайствовать об отзывании Караулова с поста атамана Терского казачьего войска, поскольку на этот пост Караулов не был назначен Временным правительством, а избран войсковым кругом. Возможно, что в резолюции съезда речь идет об отзывании Караулова с поста областного комиссара Временного правительства.

² Газ. «Донские известия», 24 апреля 1918 г.

И. Д. Орахелашвили.

ловы и Медяники все более сближались с Чермоевыми и Джабагиевыми, а на берегах Сунжи и Ассы, вокруг Грозного, на берегах Терека уже лилась кровь казаков и горцев, пылали станицы и аулы, учащались и все более грозными становились вооруженные столкновения. В городах же, примерно в сентябре, завершилась большевизация Советов рабочих и солдатских депутатов.

Характерно, что сентябрьские перевыборы Владикавказского Совета, например, происходили когда большевики и меньшевики продолжали еще состоять в общей (объединенной) организации, но тем не менее Совет стал большевистским. Через месяц после этого, 12 октября, большевики покончили, по выражению И. Д. Орахелашвили, с «топтанием в болоте объединенчества». И тогда стало явным для всех, до какого ничтожества докатились меньшевики:

из 1500 членов объединенной до этого организации меньшевиков оказалось не более 30. К тому же часть меньшевиков-интернационалистов в практической работе действовала вместе с большевиками.¹

Большевистские идеи проникли и в крестьянские массы. Из Осетии, Кабарды, Балкарии стали поступать первые вести об аграрном движении, о захвате и распашке крестьянами помещичьих земель.

Отдавая, очевидно, себе отчет в том, что своими силами они уже не смогут справиться с положением, верхи казачества и горских народов с жаром взялись за осуществление идеи Юго-Восточного союза.

Идея эта была выдвинута советом Союза казачьих войск после провала корниловской авантюры и горячо поддержана правительства-

¹ См. Борьба за Советскую власть в Северной Осетии (1917—1920 гг.). Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1957, стр. 31.

ми казачьих войск Дона, Кубани и Терека. Особенно ратовал за нее атаман Караулов.

Кубанская казачья краевая рада¹ в сентябре 1917 года постановила: «Организовать в единении с правительствами соседних казачьих областей Юго-Восточный союз военной защиты территории Кубанского края и всех союзных областей от возможного нападения большевистских войск и вооруженных банд». Но главари Союза казачьих войск придавали Юго-Восточному союзу более широкое значение: не оборонительное, а наступательное, не местное, а всероссийское. Для них было очевидно бессилие Временного правительства, полнейшая неспособность его противодействовать развитию революции. «При создавшемся положении, — заявил 24 сентября на заседании Кубанской войсковой рады член совета Союза казачьих войск Новосильцев, — создать государственную власть в России невозможно. Власть должна быть создана в провинции, в областях, а отсюда она должна идти к центру — столице и там образоваться».²

«Оздоровление России начнется с окраин» — вот лозунг контрреволюции. Юго-Восточный союз — это попытка на огромной территории Юга России собрать и организовать контрреволюционные силы для разгрома революции в Центральной России, для похода на Москву.

В соответствии с этой доктриной Юго-Восточный союз был организован, как «договорное объединение Терского, Кубанского, Донского и Астраханского казачьих войск, горских народов Северного Кавказа и вольных народов степей (калмыков, караногайцев и других) с образованием союзного правительства». Вскоре к Юго-Восточному союзу присоединилось и Уральское казачье войско.

Учредительный съезд Юго-Восточного союза состоялся 20 октября во Владикавказе. Съезд избрал правительство, определив местопребывание его в столице Кубани Екатеринодаре (Краснодаре).

В декларации, опубликованной уже после победы Великой Октябрьской социалистической революции, необходимость организации Юго-Восточного союза объяснялась «развалом центральной государственной власти», тем, что «отдельные области и народы предоставлены самим себе», а «разразившаяся борьба политических партий угрожала гибелью самобытным особенностям вольных общин казачества, горцев и степных народов Юго-Востока России, на которых исторически строилась их духовная и хозяйственная жизнь».³

¹ То же самое, что и войсковой круг на Тереке.

² И. Борисенко. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году. т. 1, Ростов-на-Дону, 1930.

³ Газ. «Вперед» № 145, 6 декабря 1917 г.

В декларации указывалось, что цель Юго-Восточного союза — «достижение скорейшего учреждения Российской Демократической Федеративной Республики, с признанием членов Союза отдельными штатами; всемерная поддержка других народов и областей, стремящихся к устройству государства Российского на федеративных началах». Ближайшая же непосредственная задача Юго-Восточного союза — «согласование и объединение мер к обеспечению порядка и спокойствия на территории Союза», то есть борьба с революционным движением рабочих, иногородних крестьян, трудовых горцев и казаков.

Тщетны были, однако, надежды кулацко-офицерских верхов терского казачества — «младшего брата» на то, что с помощью «старших братьев» — кубанского и донского казачества, им удастся удержать власть в своих руках и не допустить развития революции. Стратегия контрреволюции на Тереке и в этих своих расчетах потерпела полный крах.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ НА ТЕРЕКЕ

Я с гордостью удостоверяю, что Октябрьская революция осенила трудовые массы Северного Кавказа.

Г. К. Орджоникидзе.

Сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде, в течение одной только недели, власть Советов утвердилась в 17 губернских центрах европейской части России, а затем по всему центрально-промышленному району, в Поволжье, на Урале.

Переход власти в руки Советов почти всюду, за исключением Петрограда, Москвы и еще некоторых городов, совершился бескровно. На стороне Временного правительства к этому моменту в центральных губерниях России почти не оказалось мало-мальски значительных организованных сил.

Но на окраинах, не имевших важных промышленных и культурно-политических центров, с населением крайне разнообразным в национальном отношении положение было иное. Там уже образованы были областные и национальные буржуазные правительства, ожесточенно сопротивлявшиеся победе Октябрьской революции. Хотя на Дону, Кубани, в Ставрополье, на Тереке Советская власть была провозглашена в январе — марте 1918 года, но окончательно утвердилась она в этих районах значительно позже — только через два с лишним года после Великого Октября. Закавказье же стало советским еще позже: Азербайджан — через два с половиной года, Армения — через три года, Грузия — через три с половиной года.

На окраины бежала выметаемая октябрьским ураганом из бар-

ских особняков и дворянских гнезд бывшая правящая верхушка царской России. Главным образом на юг — на Дон, Кубань, Терек, под надежную, казалось, защиту «исконного стража российской государственности» — казачества, стекались помещики, бывшие сановники, губернаторы, члены Государственной думы, цвет кадетской и прочих контрреволюционных партий, всевозможные идеологи «единой неделимой России». Сюда же, под монархические стяги генералов Алексеева и Корнилова, собирались офицерские кадры расходившейся по домам армий.

Окраины — это хлебные житницы страны, ее угольные и нефтяные базы, источники промышленного сырья. Отрезать все это от 55-миллионного населения территории, где утвердилась Советская власть, усилить хозяйственную разруху, остановить заводы, фабрики, голодом замучить рабочих — таков был план остервенелых в неистовой злобе «спасителей» России и их империалистических союзников. Торжество контрреволюции должно было завершиться походом белогвардейских и казачьих армий на Москву, въездом в «первопрестольную столицу» на белом коне диктатора — «верховного правителя» России...

В «оздоровительных» планах контрреволюции большое место отводилось Тереку.

Терская область имела прежде всего важное стратегическое значение, связывая Закавказье — Грузию, Армению, Азербайджан — со всей Россией. Здесь проходили основные пути снабжения Кавказского фронта — единственная железнодорожная магистраль, а также Военно-Грузинская и Военно-Осетинская дороги. Здесь нефть, большие запасы хлеба и другого продовольствия. Здесь было Терское казачье войско, и контрреволюция имела все основания рассчитывать на широкое использование этой вооруженной силы.

При первых же известиях об октябрьском перевороте все областные и национальные буржуазные правительства, ссылаясь на то, что страна осталась «без общепризнанной центральной власти», облекли себя всей полнотой государственной и местной власти. Терская область почти сразу же оказалась отрезанной от Центральной России двумя казачьими «государствами» — Доном и Кубанью и была предоставлена самой себе. Поэтому даже некоторые важнейшие документы Великой Октябрьской социалистической революции и решения Совета Народных Комиссаров доходили сюда с большим опозданием или совсем не были известны.

Чеченские и ингушские трудовые массы ничего не знали, например, об обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором Советское правительство объявило свободными и неприкосновенными национальные и культурные учреждения, обычаи

и верования мусульман, гарантировало им полную свободу устройства своей национальной жизни.

Точно также казачьи массы Терека ничего не знали об обращении 25 ноября (8 декабря) Совета Народных Комиссаров к трудовому казачеству — в связи с контрреволюционным восстанием казаков на Дону и Урале. Советское правительство призывало казаков объединиться со всей Советской Россией против ее врагов, объявить Каледина, Корнилова, Дутова, Караулова и всех их сообщников врагами народа, изменниками и предателями.

«Казачи! — говорилось в обращении. — Объединяйтесь в Советы казачьих депутатов! Берите в свои трудовые руки управление всеми делами казачества. Отбирайте земли у ваших собственных помещиков — богачей. Передавайте их зерно, их инвентарь на обработку земель трудового казачества, разоренного войной. Вперед, казаки, на борьбу за общенародное дело! Да здравствует трудовое казачество! Да здравствует союз казаков, солдат, крестьян и рабочих!»¹

То, что Терек был отрезан от Центральной России, облегчало возможность распространения самых гнусных провокационных измышлений о Советской власти. Но терские большевики, даже не зная всех основополагающих документов Октябрьской революции, не получая необходимой информации о самом трудном периоде становления нового социалистического государства, все же замечательно ориентировались в крайне сложной обстановке и уверенно руководили массами.

Как мы уже отмечали, ко времени свершения Великой Октябрьской социалистической революции и на Тереке произошли глубокие политические сдвиги, соотношение классовых сил резко изменилось. Если в августе — сентябре некоторые Советы рабочих и солдатских депутатов еще поддерживали Временное правительство, то в октябре — ноябре здесь не было ни одного Совета, который не приветствовал бы горячо победу восставших в Петрограде революционных масс и новое большевистское рабоче-крестьянское правительство.

25 октября (7 ноября), по получении первых сообщений о восстании в Петрограде, областной исполком Советов рабочих и солдатских депутатов² созвал объединенное заседание представителей революционных политических и профессиональных организаций, чтобы «обсудить общую линию поведения демократии в области и в городе». Соповещение длилось с 7 часов вечера до 3 часов ночи и большинством в 43 голоса против 38 приняло резолюцию большевиков, в которой заяв-

¹ И. И. У л ь я н о в. Казачи и советская республика. М., 1929, стр. 38—41.

² Областной исполком был избран на втором областном съезде Советов в Грозном еще в июле, когда большинство почти во всех Советах на Тереке принадлежало эсерам и меньшевикам.

лялось, что «вся политика Временного правительства была направлена во вред интересам народа» и что «собрание шлет свой привет поднявшим знамя восстания за попираемые права революционной России».¹

Зато в кадетско-эсеровско-меньшевистской городской думе была принята резолюция эсера Мамулова, осуждавшая «безумное выступление большевиков», причем принята значительным большинством голосов.² Насколько, однако, такая резолюция отражала действительное мнение трудящихся Владикавказа, показали состоявшиеся 3 (16) декабря выборы в городскую думу. Большевики и керменисты,³ выступившие на выборах с единым списком кандидатов, получили в думе 38 мест, домовладельцы, торгово-промышленники и кадеты—33, эсеры — пять мест, меньшевики — одно.⁴

Делегатом Владикавказского Совета рабочих и солдатских депутатов на втором Всероссийском съезде Советов был С. М. Киров. Вернувшись из Петрограда, Сергей Миронович 4 (17) ноября выступил на расширенном заседании Владикавказского Совета с необычайным по страстной убежденности докладом. Он говорил о том, что «революция шагнула за пределы капитализма», что «социалистический переворот теперь становится в порядок дня России и Западной Европы». Живой, образный, мастерский рассказ непосредственного участника восстания в Петрограде о свержении Временного правительства, о первых днях социалистической революции произвел огромное впечатление.

В краткой резолюции, принятой по докладу С. М. Кирова, сказано, что Совет рабочих и солдатских депутатов «с восхищением преклоняется перед геройской борьбой революционных масс рабочих, солдат, матросов, казачьих полков, не пожелавших проливать братскую кровь во имя контрреволюционного Временного правительства, и свидетельствует свою преданность новому пролетарско-крестьянскому правительству, властно взявшему в свои руки дело прекращения четырехлетней бойни, немедленного разрешения земельного вопроса в пользу тружеников земли, дело урегулирования производства, разрушаемого противонародной буржуазией, дело раскрепощения угнетенных народностей».⁵

¹ Борьба за Советскую власть в Северной Осетии (1917—1920 гг.). Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1957, стр. 17.

² Газ. «Горская жизнь» № 28, 4 ноября 1917 г.

³ Керменисты — члены революционно-демократической партии «Кермен» в Осетии.

⁴ Газ. «Горская жизнь» № 40, 9 декабря 1917 г.

⁵ С. М. К и р о в. Статьи, речи, документы, т. 1, Л., 1936, стр. 16.

Весть об Октябрьской революции была с воодушевлением встречена рабочими и во всех других городах Терека.

А что же предприняли контрреволюционные верхи казачества и горских народов?

При первых известиях о восстании в Петрограде, газета Терского войскового правительства «Вперед» в передовой статье патетически взывала: «К тебе, казачество, обращаются теперь с последней надеждой взоры страдающей Родины. Скорей организуй свою мощь! Организуй вокруг себя все оставшееся здоровым в России и выступай против темных сил!»¹

Юго-Восточный союз предстал теперь как договорное объединение областных и национальных буржуазных правительств для борьбы с новым революционным рабоче-крестьянским правительством России.

В декларации Юго-Восточного союза было заявлено, что цель его — устройство Российской демократической республики на федеративных началах. И Терское войсковое казачье правительство и Союз объединенных горцев Кавказа «ввиду чрезвычайных обстоятельств, переживаемых Россией», поспешили «встать на путь фактического осуществления федеративного республиканского государственного строя». Теперь они уже официально поделили Терскую область на две части — казачью и горскую. В опубликованной декларации Союз объединенных горцев Кавказа был провозглашен «автономным штатом Российской Федеративной Республики», а Центральный комитет союза — правительством этого штата «со всей полнотой местной государственной власти».²

Терское казачье войско также было провозглашено суверенной составной частью Российской федерации. Была принята и конституция этого нового «государства», составленная по типу кубанской. Теперь войсковой атаман становился как бы президентом: утверждал законы, был высшим начальником всех частей Терского войска и т. д.

Войсковой атаман Караулов начал с того, что облек себя чрезвычайными полномочиями: в приказе 15 (28) ноября он объявил, что «во исполнение повеления войскового круга» вступает в управление Терским краем (то есть четырьмя казачьими отделами — Пятигорским, Моздокским, Кизлярским и Сунженским) «со всей полнотой государственной власти». Ссылаясь на необходимость решительных мер для борьбы с анархией, грабежами и разбоями, Караулов объявил Терский край на военном положении и приказал привести в боевое состояние все казачьи войска.³

¹ Газ. «Вперед» № 115, 29 октября 1917 г.

² Газ. «Горская жизнь» № 39, 30 ноября 1917 г.

³ Там же, № 34, 18 ноября 1917 г.

Горское правительство претендовало на управление шестью горскими округами Терской области, казачье правительство — четырьмя казачьими отделами. Города же оставались вне компетенции их. Чтобы распространить свою власть на города, они договорились с местными руководителями «Союза городов»¹ об организации объединенного областного правительства и не только для Терека, но и для Дагестана, поскольку Союз горцев Кавказа считал, что власть его распространяется и на Дагестан.

Так возникло Терско-Дагестанское правительство. В состав его вошли все те же П. Коцев, В. Джабагиев, князь Р. Капланов, генерал Талышханов, М. Караулов и другие.

Но девятимесячный опыт революции не прошел даром для казачьих есаулов и полковников, горских князей и помещиков. Они поняли, что их правительство не может быть уже мало-мальски авторитетным без участия в нем представителей иногороднего населения, социалистических партий. И вот было объявлено, что портфель министра (главноуправляющего ведомством) земледелия предлагается представителю областного Совета крестьянских депутатов, министра труда — представителю Совета рабочих и солдатских депутатов, министра путей и средств сообщения — представителю Союза почтово-телеграфных работников.

Была опубликована и декларация Терско-Дагестанского правительства, полная заманчивых обещаний: в кратчайший срок созвать краевой учредительный сейм, «который и разрешит все основные вопросы»; беспощадно бороться с контрреволюцией, анархией, разбоями и грабежами; разработать мероприятия «к смягчению хозяйственной и финансовой разрухи»; заняться «подготовкой разрешения земельного вопроса в соответствии с интересами трудящихся масс». Даже по вопросу организации центральной власти в стране Терско-Дагестанское правительство высказалось за «необходимость создания министерства из всех социалистических партий, от народных социалистов до большевиков».²

Ясно, конечно, что все эти обещания, совершенно необычные для горских феодалов и казачьих атаманов, расточались с единственной целью — оттянуть, выиграть время до организации контрреволюционных сил в стране. Большие надежды в этом отношении возлагались на Юго-Восточный союз, на установление «с соседними правительствами дружеских отношений и прочных связей». В декларации прямо гово-

¹ «Союз городов» — организация, созданная городскими думами в годы первой мировой империалистической войны для оказания помощи фронту.

² См. А. Тахо-Годи. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927, стр. 173.

рилось, что это должно «обеспечить возможность выждать без чрезвычайных потрясений окончательную организацию общепризнанной центральной власти».

Вопрос о том, входить ли социалистам в Терско-Дагестанское правительство, широко обсуждался на различных совещаниях, в Советах рабочих и солдатских депутатов, в печати.

Владикавказский Совет рабочих и солдатских депутатов дал достойную оценку всей этой игре в министры совершенно оторванной от народных масс кучки контрреволюционных политиканов, нагромождению ими всевозможных государственных образований и правительств вместо решения важнейших и неотложных задач, поставленных революцией. Об этом ясно и твердо было сказано в очень сдержанной по своему тону резолюции Владикавказского Совета.

Указав, что он стоит «всецело на почве признания власти центрального рабоче-крестьянского правительства», Совет заявил: «Мы не видим никакой необходимости начать, на исходе 9 месяцев революции и на пороге Учредительного собрания, решение вопросов первостепенной важности наспех, помимо воли народов Терской области. Признавая за каждой народностью неограниченное право на устройство своей национальной жизни, вплоть до образования своего собственного государства, мы в переживаемый революционный кризис, когда решается вопрос — быть ли России государством рабоче-крестьянским или буржуазным, призываем все народности области не ослаблять размаха новой революции отходом в сторону от остальной революционной России».

Осудив введение военного положения в области, Совет выразил «полную готовность вступить в любой союз с демократическими организациями для восстановления и поддержания истинно-революционного порядка в области на почве искреннего выполнения всех революционных реформ, намеченных центральным пролетарско-крестьянским правительством».

15 (28) декабря во Владикавказе открылся третий областной съезд Советов крестьянских депутатов, созданный для решения вопроса о том, признавать или не признавать Терско-Дагестанское правительство, входить или не входить в его состав. На съезде было представлено в основном иногороднее крестьянство, но были и делегаты крестьянских Советов Осетии, Балкарии и Кабарды.¹ В тогдашней обстановке фактического безвластия на Тереке, иногороднее крестьянство особенно страдало от поднявшейся волны грабежей и разбоев.

¹ В извещении о созыве съезда было сказано, что там, где нет Советов крестьянских депутатов, делегаты на съезд могут избираться на сельских сходах.

Вот это и использовали правые эсеры, стараясь убедить съезд, что только Терско-Дагестанское правительство, только Юго-Восточный союз с его сильным дисциплинированным казачеством могут спасти край, утвердить в нем порядок, защитить как от возможного наступления турок, так и от «захвата и развала его большевиками». Два дня шли ожесточенные споры. Левые эсеры были решительно против поддержки Терско-Дагестанского правительства. Особенно резко выступил А. П. Сахаров. Разоблачая и отвергая доводы правых эсеров, он охарактеризовал их позицию как предательство, как отход от революции.

В принятой резолюции съезд заявил, что он «считает невозможным послать своего представителя в Терско-Дагестанское правительство ввиду того, что это правительство не является выборным и уполномоченным всем населением края и потому не может пользоваться доверием трудового населения Терско-Дагестанского края».¹

Показательны в этом отношении были и выборы во Всероссийское Учредительное собрание, проходившие 26 ноября (9 декабря). Обстановка на Тереке была очень напряженная, в некоторых местах выборы были сорваны, в том числе и в таком крупном центре, как Грозный, где в это время были разгромлены Ново-Грозненские нефтяные промыслы. Итоги выборов по всей области так и не были подведены. Однако и те отрывочные сведения, что были опубликованы, наглядно показали, как стремительно поднялись авторитет и влияние партии большевиков, как и на Тереке далеко пошел процесс разложения мелкобуржуазных соглашательских партий и отхода от них масс.

Во Владикавказе из 18 610 принявших участие в выборах, наибольшее число проголосовало за список большевиков — 8218, или более 44 процентов; на втором месте оказались кадеты — 23,7 процента; на третьем месте казаки — 17 процентов. Эсеры собрали только 1768 голосов, или 9,5 процента. Пятое место заняли меньшевики, получившие лишь 458 голосов, или 2,5 процента.²

В Пятигорске список большевиков собрал около 8000 голосов — половину всех принимавших участие в выборах. Такой же результат дали выборы в Ессентуках. В Кисловодске на первое место вышли кадеты — 3132 голоса, на второе большевики — 2662, затем эсеры, казаки и, наконец, меньшевики, получившие всего 219 голосов.

Рабочие и трудовые массы в городах определенно проголосовали за большевиков, за партию Великой Октябрьской социалистической

¹ Газ. «Горская жизнь» № 1 (54), 1 января 1918 г.

² Там же, № 40, 9 декабря 1917 г.

революции. Политический же вес промежуточных партий — эсеров и меньшевиков, резко упал.

Так обстояло дело в городах. К сожалению, нет конкретных данных о результатах выборов в казачьих станицах, в горских аулах и селениях. Казачья старшина, конечно, располагала всеми средствами, чтобы в станицах «обеспечить» успех своему списку кандидатов, в котором, кстати, фигурировал сперва и... «верховный главнокомандующий генерал Корнилов», исключенный из списка после подавления корниловского мятежа. Но по свидетельству И. Д. Орахелашвили, который анализировал предварительные данные о ходе выборов, в ряде станиц «сплошь голосовали за большевиков». Это было, конечно, полной неожиданностью для верхов казачества.

Крупные успехи были у большевиков и на выборах в Осетии. Даже в селении Христиановском, где меньшевистский список возглавлял уроженец этого селения Симон Такоев, большевики получили на 200 голосов больше (около 1500 против 1300), то же в Алагире и в других крупных населенных пунктах. Как пишет И. Д. Орахелашвили, это «результат работы наших энергичных товарищей из молодой осетинской революционно-демократической партии «Кермен», самым определенным образом ставших под красное пролетарское Знамя Интернационала и смело понесших его в ущелья и горы родной Осетии».¹

Таким образом, выборы в Учредительное собрание убедительно показали, что и широкие массы трудящихся Осетии отвергли Терско-Дагестанское правительство. А вскоре подняли свой голос и казачьи станицы.

Войсковое правительство с нетерпением ждало возвращения с фронта казачьих полков, надеясь опереться на свои вооруженные силы. Но, вернувшись на Терек, казаки-фронтовики очень скоро разъехались по своим станицам. Выполнять распоряжения войскового круга и приказы войскового атамана никто не хотел.

Вернувшиеся в свои станицы казаки-фронтовики и здесь оказались в своеобразной фронтовой обстановке: станицы опоясаны окопами, день и ночь дежурят сторожевые охранения, то и дело по малейшему поводу вспыхивают вооруженные столкновения с жителями соседних аулов, нередко переходящие в настоящие сражения.

Горские народы, жестоко угнетавшиеся царизмом, за девять месяцев революции не получили ничего, о чем они страстно мечтали — ни земли, ни хлеба, ни мира, ни подлинной национальной свободы. Подло преданные своими «национальными вождями» — помещиками,

¹ Борьба за Советскую власть в Северной Осетии (1917—1920 гг.). Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1957, стр. 33—34.

буржуазией, опутанные фанатичным духовенством, сбиваемые с толку всякими авантюристами, своей панисламистской туркофильствующей интеллигенцией, подстрекаемые и провоцируемые турецкими агентами, народные массы Чечни и Ингушетии начали вооруженную борьбу за свои права. «Терская область разбилась на несколько частей, ведущих между собой кровавые бои», говорил об этом времени С. М. Киров.¹

К концу 1917 года было разгромлено, сожжено множество хуторов, русских слободок, казачьих станиц, горских аулов.

Ответственность за это массы казачества все более возлагали на войсковое правительство, на атамана Караулова. Когда одно из столкновений около станицы Карабулакской разрослось в большое сражение и туда приехал заместитель войскового атамана есаул Медяник, озлобленные казаки едва не растерзали его. Карауловская политика сговора с верхами горских народов во многих станицах воспринималась как предательство, как измена казачеству. Восемь станиц Сунженской линии, давно уже ставшей настоящим фронтом, на съезде своих представителей открыто заявили, что они отвергают такую политику.²

На «бунт» сунженских станиц атаман Караулов и войсковое правительство ответили заявлением об отставке; на 17 (30) декабря было назначено заседание войскового круга для решения этого вопроса. Но депутатам круга пришлось не обсуждать заявление Караулова, а провожать своего атамана в последний путь: 13 (26) декабря, возвращаясь из Пятигорска во Владикавказ, Караулов на станции Прохладная, стоя на площадке своего вагона, вступил в резкие пререкания с солдатами находившегося здесь эшелона. Возбужденные солдаты отцепили вагон, откатали от станции и обстреляли его. Караулов и два его спутника были убиты.

На убийство Караулова войсковой круг решил было ответить разгоном Владикавказского Совета. Заместителю войскового атамана по военной части генералу Голощапову был дан приказ немедленно вызвать вооруженных казаков из ближайших станиц — Ардонской, Архонской и других, распустить Совет рабочих и солдатских депутатов, обезоружить гарнизон, а солдат отправить на родину. Но... казаки на вызов не явились, приказ не был выполнен.

В полной растерянности и смятении, не заслушав даже отчета своего правительства, депутаты войскового круга поспешно разъехались по своим станицам.

¹ С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912—1934). М., 1957, стр. 17.

² См. Г. Мартиросян. История Ингушетии. Орджоникидзе, 1933, стр. 206.

Так смерть Караулова как бы завершила полный крах всей политики кулацко-офицерских верхов терского казачества.

Все пережитое в этот бурный 1917 год несомненно оставило глубокий след в сознании широких казачьих масс. К сердцам трудовых казаков все настойчивей пробивалась мысль о том, что свое счастье, мирную и спокойную жизнь казачество найдет не в давно уже изжившей себя, исторически обреченной полувоенной организации, не в сохранении искусственно созданных привилегий, не в отделении от Советской России, а в братском единении со всеми крестьянами и рабочими. Но и это, как мы увидим в дальнейшем, попытаются использовать в своих целях кулацко-офицерские верхи казачества, отнюдь не сложившие оружия, а только круто изменившие «стратегию» контрреволюционной борьбы.

Вот так на исходе 1917 года обстояли дела у казачьей контрреволюции. Не лучше было положение и у ее союзницы — горской контрреволюции.

Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции процессы размежевания политических классовых сил отчетливо обозначились и у горских народов. Особенно глубоко такое размежевание произошло в Осетии, где почти в каждом селении открыто шла политическая борьба. Огромную роль в организации и сплочении трудовых масс Осетии сыграла революционно-демократическая партия «Кермен».¹ Созданная летом 1917 года в селении Христиановском, по инициативе небольшой группы молодых революционеров — Дебола Гибизова, Николая (Колка) Кесаева и других, партия «Кермен» очень скоро стала подлинно массовой, она имела свои ячейки, свои организации во многих селениях Осетии. Мало того, партия «Кермен» создала свои вооруженные отряды, в которых насчитывалось в общем несколько сот всадников. Как мы увидим в дальнейшем, отряды керменистов героически сражались за победу Октябрьской революции на Тереке. С осени же 1917 года под их защитой во многих местах Осетии крестьяне стали захватывать помещичьи земли.

Ссылаясь на несколько путаную программу «Кермен», некоторые исследователи пытались принизить значение этой партии в борьбе за Советскую власть на Тереке. Но, как свидетельствует К. Бутаев, руководящее ядро «Кермен» фактически не придерживалось этой программы. Руководители терских большевиков С. М. Киров, С. Г. Буачидзе и другие внимательно следили за деятельностью партии «Кермен», непосредственно направляли ее. Они чрезвычайно высоко ценили

¹ Кермен или Чермен—имя крепостного крестьянина феодалов Тулатовых, погибшего в борьбе с ними.

Д. Д. Гибизов.

Н. У. Кесаев.

практическую организаторскую и агитационную работу керменистов в самой гуще трудовых масс.

Во всех событиях политической жизни партия «Кермен» занимала боевую позицию. Керменисты заявили гневный протест войсковому правительству против грязной клеветы на большевистское восстание в Петрограде. В приветственной телеграмме В. И. Ленину они писали: «Под Вашим Красным Знаменем, символом победы труда над капиталом, и мы, сыны трудовой Осетии, жаждем осуществления лозунгов третьей революции».¹

В апреле 1918 года партия «Кермен» слилась с РСДРП(б) и, сохранив свое славное название, стала окружной большевистской организацией Осетии. Довольно долго еще окружной комитет ее назывался по-прежнему — Центральный комитет «Кермена». Возглавлял

¹ Борьба за Советскую власть в Северной Осетии (1917—1920 гг.). Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1957, стр. 18.

его талантливый, беззаветно преданный революции молодой большевик студент Георгий Александрович Цаголов.¹

Но и противоположный политический лагерь в Осетии был в то время очень силен. Причин тому было много.

Ни у одного народа на Северном Кавказе, даже у казачества, помещичье-буржуазные контрреволюционные верхи не опирались на такое многочисленное реакционное офицерство, как в Осетии. Сравнительно маленький осетинский народ (130 тысяч в то время) в годы первой империалистической войны дал непомерное число офицеров. В некоторых исторических исследованиях сообщается, что офицеров-осетин насчитывалось до трех тысяч.

Вернувшаяся с фронта в конце сентября осетинская пехотная бригада была расформирована.

Конные осетинские полки не были расформированы, но большинство всадников-солдат самовольно разъехалось по домам. Офицеры же оставались во Владикавказе с небольшими остатками своих полков, бездельничали, пьянствовали, втягивались в грабежи. Это были готовые кадры для контрреволюционных авантюр. И, как мы увидим в дальнейшем, они действительно, на горе осетинскому народу и всем трудящимся Терека, принимали самое активное участие вместе с казачьим офицерством в контрреволюционных заговорах и мятежах. Этому способствовало и то, что немало осетин-офицеров служило в казачьих полках, а генерал Мистулов, осетин, главнокомандующий бичераховскими контрреволюционными

Г. А. Цаголов.

¹ Георгий Александрович Цаголов родился в 1897 году. В 1916 году, будучи студентом Московского университета, вступил в РСДРП. В апреле 1917 года вернулся в Осетию и сразу же включился в пропагандистскую работу. Его блестящие способности организатора особенно проявились в руководстве партией «Кермен» — он был председателем ЦК «Кермен». Участник Моздокского и других областных народных съездов, член революционного народного Совета Осетии.

бандами в 1918 году, в империалистическую войну командовал казачьей бригадой.

Осетинское офицерство не было, конечно, сплошь контрреволюционным. Часть офицеров-осетин была на стороне народа и революции. Они-то и стали потом командирами красноармейских частей, участниками партизанских отрядов в борьбе с Деникиным.

Раздел Терской области на две части — казачью и горскую, провозглашение Союза объединенных горцев Кавказа республикой крайне осложнили и без того очень трудное положение Осетии. В центральном комитете Союза объединенных горцев, ставшем теперь правительством, был представитель Осетии — Асланбек Бутаев. Но Осетинский окружной исполнительный комитет весь 1917 год игнорировал Союз. Как свидетельствует С. Такоев, директивы центрального комитета Союза объединенных горцев не выполнялись, присылаемые им бумаги на арабском языке демонстративно уничтожались. Окружной исполнительный комитет принимал меры к тому, чтобы «спасти население Осетии от объятий горской контрреволюции» и старался «группировать его вокруг Владикавказского Совета рабочих и солдатских депутатов». Да и большинство осетинского народа не понимало и фактически не признавало странного участия Осетии в Союзе объединенных горцев Кавказа, являвшемся членом Кавказского мусульманского союза.¹

В довершение всего теперь, в конце 1917 года, резко обострились отношения между осетинским и ингушским народами. Все началось с явно спровоцированных мелких столкновений между жителями соседних осетинских и ингушских селений. А так как обстановка на Тереке была накалена до предела, то шовинистические страсти быстро разгорелись, и вот уже осетинское селение Ольгинское опоясывается окопами против ингушского аула Базоркино; ряд провокаций, в том числе и на религиозной почве, отравляют отношения жителей крупного селения Батакоюрт с соседями.

В обстановке безвластия, общего разброда и развала на Тереке Осетинский окружной исполнительный комитет созвал в конце ноября IV съезд осетинского народа. Съезд должен был определить отношение Осетии к Союзу объединенных горцев Кавказа, провозгласившему себя республикой, и к Терско-Дагестанскому правительству.

Вместо окружного исполнительного комитета съезд избрал национальный совет, который при фактическом безвластии на Тереке облакался временно всей полнотой государственной власти в Осетии.

¹ 70 процентов населения Северной Осетии были христианами и лишь 30 процентов — мусульманами.

Что представлял собой Осетинский национальный совет? Судить об этом можно прежде всего по его составу. В первом заседании совета 12 (25) декабря участвовали: С. Такоев (впоследствии — коммунист), С. Мамсуров (коммунист), Ц. Гадиев, К. Бутаев, К. Борукаев, Г. Бараков (все четверо — впоследствии коммунисты); Г. Гагкаев, Газданов, Г. Базиев, Ревазов, Тотоев, Гуриев и Елбаев. Очевидно, не все члены национального совета участвовали в первом заседании. Известно, например, что Х. Хадзарагов также являлся членом совета. Председателем Совета был избран С. Такоев, его заместителями — Ц. Гадиев и Г. Гагкаев, секретарями — К. Бутаев и Г. Базиев.¹

С. А. Такоев.

Таким образом, в политическом отношении состав Осетинского национального совета был более чем пестрый — от большевика С. Мамсурова до буржуазного националиста Х. Хадзарагова, но преобладала в нем, очевидно, демократическая интеллигенция, так как совет сразу проявил себя оппозиционно по отношению к центральному комитету Союза объединенных горцев, к горскому правительству, а затем и к объединенному Терско-Дагестанскому правительству.² Буржуазные же националисты призывали «для спасения осетинского народа» примкнуть к Союзу объединенных горцев Кавказа.

IV съезд Осетии решил также создать национальную армию для охраны безопасности осетинского народа, для чего объявил мобилизацию осетинской молодежи пяти сроков призыва — с 1914 по 1918 годы.³

Для выполнения этого решения съезда национальный совет дол-

¹ Газ. «Горская жизнь» № 43, 14 декабря 1917 г.

² Газ. «Пятигорское эхо» № 18, 24 января 1918 г.

³ Газ. «Горская жизнь» № 51, 23 декабря 1917 г.

жен был создать военный совет. Но он поступил иначе — назначил генерала Фидарова начальником всех вооруженных сил и передал ему всю полноту власти по охране безопасности осетинского народа. Мотивировалось это крайней необходимостью «быстроты, решительности и единства действий».¹

Национальный совет рассчитывал, что генерал Фидаров сумеет быстро организовать вооруженные силы Осетии. Кроме того, он был осетином-мусульманином, пользовался большим авторитетом в Ингушетии и мог поэтому многое сделать для налаживания мирных отношений с ингушским народом. В политическом же отношении генерал Фидаров не вызывал особых опасений — он держался в стороне и от горского, и от Терско-Дагестанского правительств.

Как указывалось в постановлении Осетинского национального совета, быстрейшее создание армии необходимо было для ликвидации «неимоверно развившейся анархии, грозящей охватить весь осетинский народ и чреватой большими последствиями».² У реакционных же сил Осетии были на этот счет свои планы. В связи с объявленной мобилизацией офицеры второго осетинского конного полка в опубликованном обращении заявили: «Мы накануне вторжения в пределы родной земли бегущих с фронта необузданных банд солдат, беспощадно сметающих на своем пути все живое. Наши полки — единственный наш оплот».³

Такую гнусную клевету на возвращавшиеся с Кавказского фронта воинские части, на возглавлявшие их большевистские Советы пустили грузинские меньшевики и азербайджанские мусаватисты. Клевету эту с готовностью подхватили и усиленно распространяли горские буржуазные националисты и всевозможные контрреволюционные «правительства» по всему Северному Кавказу.

Но положение в Осетии тогда было такое, что организационные меры по мобилизации во вновь создаваемую армию проводить было некому. К тому же молодежь не хотела идти в армию, и мобилизация полностью провалилась.

А что в это время происходило в Кабардино-Балкарии?

Ко времени Октябрьской революции и здесь резко противостояли друг другу два политических лагеря: с одной стороны, безземельное, мелкое и среднее крестьянство, с другой — феодалы, крупная скотоводческая буржуазия, кулаки, богатые шейхи и муллы. По словам

¹ Газ. «Пятигорское эхо» № 18, 24 января 1918 г.

² Там же.

³ Газ. «Горская жизнь» № 3, 4 января 1918 г.

М. Энеева,¹ «каждая группа знала, какие цели она преследует, у каждой была, если не детально разработанная, то во всяком случае ясная линия поведения».

Сейчас же после свержения Временного правительства дворяне-помещики приступили к организации вооруженных отрядов. Они начали агитировать за это под тем же провокационным лозунгом, что и осетинские офицеры и вся горская контрреволюция: «Для защиты национальных границ от разнузданной солдатни, которая направляется с Кавказского фронта, сметая все на своем пути». Но теперь уже подобные провокации действовали слабо. Из ненависти князей к Совету рабочих и солдатских депутатов и дружбы их с верхами казачества трудовые массы Кабарды и Балкарии делали правильные выводы.

Вспоминая то время, М. Энеев рассказывал: «На местах, между прочим, установилась своеобразная форма определения сторонников и противников революции—«солдат» и «казак».²

Главнокомандующий вооруженными силами Терско-Дагестанского правительства, бывший командир «дикой дивизии» генерал Половцев именно на Кабарду и Балкарию возлагал особые надежды. Он рассчитывал набрать здесь четыре больших отряда. Специально для обсуждения этого вопроса в Нальчике был созван окружной кабардино-балкарский съезд.

М. Энеев.

¹ Магомед Энеев, балкарец, родился в семье ученого арабиста, эфендия. Шести лет лишился отца. Некоторое время учился в Константинополе. В 1917 году один из организаторов революционного крестьянства в Балкарии, примыкал к левым эсерам. Участник Моздокского и всех других областных народных съездов, член Терского Народного Совета всех избраний. В 1919 году в Тифлисе, в условиях подполья, вступил в большевистскую партию. Был секретарем Чечено-Ингушского обкома РКП (б).

² Кабарда и Балкария. Запись воспоминаний М. Энеева. 1921 г. Архив автора.

Узнав об этом, Нальчикский окружной Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Совет крестьянских депутатов балкарского племени энергично повели разъяснительную работу, и на окружном съезде вся балкарская и примерно треть кабардинской делегации выступили единодушно. В результате съезд не смог принять никаких решений.

В отличие от других горских народов, в Кабарде и Балкарии национальные советы не были созданы. Органом власти по-прежнему оставался окружной гражданский исполнительный комитет, состоявший из помещиков и буржуазно-националистической интеллигенции. Но теперь он бессилён был уже что-либо предпринять.

Что касается Чечни и Ингушетии, то на протяжении всего 1917 и значительной части 1918 года там не было никаких организаций социалистических партий, не было и других объединений трудящихся, таких, например, как крестьянские советы в Балкарии. Грозненский Совет рабочих и солдатских депутатов, в силу ряда причин, тоже не мог сыграть такую роль в политическом просвещении и организации трудовых масс Чечни и Ингушетии, какую сыграли Нальчикский Совет в Кабарде и Владикавказский Совет — в Осетии.

«В Ингушетии и Чечне,— писал в конце декабря 1917 года И. Д. Орахелашвили,— к сожалению, нас знают только понаслышке; за недостатком соответствующих сил, а тем более знающих местный язык, а также ввиду сугубо демагогической политики верхов, прибегающих к физической расправе даже со своими чрезвычайно редкими интеллигентами, мы не могли двинуть туда хоть какой-нибудь кадр агитаторов».¹

То же самое отмечает и С. М. Киров, указывая, что «в аулы (чеченские и ингушские) революционная демократия почти не имела возможности проникать, они были забаррикадированы от нее умелыми руками реакции».²

Это вовсе, конечно, не значит, что в Чечне и Ингушетии не было политической борьбы. Она разворачивалась и там, но только своеобразно, более стихийно, чем в Осетии, Кабарде и Балкарии.

Осенью 1917 года наметился решительный отход прогрессивной горской интеллигенции от Союза объединённых горцев Кавказа, от политики контрреволюционных верхов горских народов. Почти вся немногочисленная интеллигенция мусульманских народов Терекa и Дагестана, увлеченная общим потоком национально-освободительного

¹ Борьба за Советскую власть в Северной Осетии (1917—1920 гг.). Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1957, стр. 34.

² Газ. «Донские известия», 24 (11) апреля 1918 г.

движения, принимала самое горячее участие в созыве первого общегорского съезда и в организации Союза объединенных горцев Кавказа. Но для чего, с какой целью это делалось — она не отдавала себе ясного отчета. Никакой более или менее определенной программы у прогрессивной горской интеллигенции не было.

Возбуждение и восторги первых дней свободы постепенно улеглись. И тогда, критически раздумывая над тем, что же все-таки происходит, лучшие представители горской интеллигенции — бывший член Государственной думы депутат чеченского народа Т. Эльдарханов, Асланбек Шерипов, студент-ингуш Гапур Ахриев и другие приходят к выводу, что блок с контрреволюционными верхами казачества и шарият не приведут их народы к добру, не дадут им ни земли, ни свободы.

Гибельность этого пути особенно ясно представилась им, когда созванный в конце августа в селении Анди второй общегорский съезд был сорван невиданной еще по своим размерам зловещей демонстрацией самых темных фанатичных сил Чечни и Дагестана. В этом далеком горном селении в свое время Шамиль проводил свой исторический Андийский съезд перед началом решительных действий против царизма. Теперь организаторы второго горского съезда рассчитывали оживить в Анди воспоминания о героической национально-освободительной борьбе горских народов, продемонстрировать их единство перед многочисленными приглашенными гостями. Использовал же это в своих интересах глава духовного управления Союза объединенных горцев Кавказа, хитрый, одержимый непомерным честолюбием Н. Гоцинский.

По всем аулам распространились фантастические слухи, что в Анди, на озере Эйзенам, явится народу новый имам, и что он будет творить чудеса. Воспламененная фанатизмом многотысячная толпа съехавшихся в Анди чалмоносцев с дикими иступленными криками, потрясая оружием, требовала провозгласить Нажмуддина Гоцинского имамом Дагестана и Чечни. Организаторам съезда пришлось вместе с другими почтительно целовать полы одежды важно восседавшего Нажмуддина.¹

Делегаты съезда и многочисленные гости поспешили уехать из Анди. Съезд был сорван.

Вторично общегорский съезд был созван в конце сентября уже во Владикавказе. Встревоженные начавшимися кое-где захватами помещичьих земель, заправила Союза объединенных горцев Кавказа, не

¹ См. А. Тахо-Годи. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927, стр. 25.

желавшие прежде и слышать о земельных комитетах, пошли на уступки: в дополнение к принятому на первом съезде постановлению по аграрному вопросу съезд поручил Центральному комитету Союза объединенных горцев «способствовать скорейшей организации во всех горских округах земельных комитетов» и образовать при Центральном комитете «земельный отдел».¹ Практически же для организации земельных комитетов ничего, конечно, не было сделано.

К моменту Октябрьской революции чеченский и ингушский народы, с одной стороны, и казачество, с другой — находились фактически в состоянии войны. Объединения казачьих и горских массовых сил (о чем мечтали Караулов и Чермоев) против Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, против революции — не получалось. А положение на Тереке становилось все более напряженным. Наиболее дальновидные деятели казачьей и горской контрреволюции понимали, что если события будут развиваться и дальше так, то идеи большевиков, идеи Советской власти быстро пробьются в станицы и аулы, неминуемо начнется сближение и объединение «аульной голытьбы», широких масс горского крестьянства и казачьей бедноты с Советами.

Войсковое и горское правительства прилагали все усилия, чтобы добиться примирения казачества с ингушами и чеченцами. Созывались бесчисленные примирительные совещания, назначались смешанные комиссии и суды для выяснения зачинщиков нападений и причиненных убытков, выделялись большие суммы на удовлетворение потерпевших, а мира не было. Не было потому, что кулацко-офицерские верхи казачества и горские помещики-феодалы не хотели и не могли решить кардинальный вопрос — о земле.

Во второй половине ноября, после одного из самых ужасных столкновений на Сунженской линии, когда была разграблена и сожжена станица Фельдмаршальская, замыкавшая Ассиновское ущелье, состоялось очередное примирительное совещание казаков и ингушей. На совещание был приглашен популярный в Чечне шейх Дени Арсанов. Горячо призывая обе стороны к примирению, Дени Арсанов сказал, что если бы он потерял в этой бойне отца, брата, мать, то и тогда бы принял все меры к достижению соглашения и был бы рад, когда оно будет выполнено.

В Чечню с той же миссией примирения прибыл из Дагестана Нажмуддин Гоцинский — претендент на титул имама. Этот продажный политикан действовал на два фронта, заботясь лишь о сохранении своих богатых земель и тысячных отар овец: где надо — он похвалялся

¹ Важнейшие резолюции второго общегорского съезда. Владикавказ, 1917, стр. 11.

особыми полномочиями, орденами и отличиями, полученными от турецкого султанского правительства, а где нужно — заявлял, что «главнейшая цель его — установить еще теснее взаимоотношения между нашими и русским народами». Выступая перед двумя тысячами чеченцев, Гоцинский призывал «жить в мире и братстве» с соседями-казаками.

Но подобные призывы не производили теперь никакого впечатления. Вокруг Грозного уже шла война, причем не только между казаками и чеченцами: врагам революции удалось втянуть трудовую Чечню в братоубийственную войну с грозненскими рабочими.

Вслед за провозглашением Союза объединенных горцев «автономным штатом Российской демократической Федеративной Республики», в Чечне и Ингушетии также появились национальные советы, претендовавшие на всю полноту власти. Пять генералов и полковников (Т. Укуров, Нальгиев, С. Тангиев и др.), возглавивших национальный совет, пытались управлять ингушским народом — взбудораженным, возмущенным и вооруженным как никогда для борьбы за возврат своих земель. Но в маленькой Ингушетии не было остро соперничавших шейхов, а политическая оппозиция была немногочисленной и пока еще слабо связанной с массами. В Чечне же, по выражению Асланбека Шерипова, было «столько партий — сколько шейхов», да время от времени на гребень волны народного гнева всплывали авантюристы и фанатики, вроде Узуна-Хаджи. Здесь уже открыто, нагло действовали турецкие эмиссары. А в национальном совете были и заведомые предатели, будущие прислужники Деникина, такие, как Чуликов, и до конца преданные своему народу, будущие коммунисты — как Асланбек Шерипов. Разрыв между ними должен был вот-вот произойти.

Таштемир Эльдарханов, Асланбек Шерипов, Гапур Ахриев и многие другие уже отчетливо видели, что политика помещичьих буржуазно-националистических верхов горских народов, их союз с контрреволюционными верхами казачества, завели Чечню и Ингушетию в страшный тупик. Что дала эта политика за девять месяцев революции трудовому чеченцу и ингушу? Главный основной вопрос о земле не сдвинулся с места. Жизнь становилась все более неустроенной, трудной. Положение с продовольствием резко ухудшилось, хотя на Тереке были излишки зерна. В горной Чечне и Ингушетии народ голодал. Значительная часть молодежи, подстрекаемая турецкими агентами и всякими авантюристами, поощряемая полной безнаказанностью, втягивалась в грабежи и разбой. Вокруг чеченского и ингушского народов вырастала глухая стена недоверия и враждебности, связи со всей областью оборвались.

Глубокое недовольство, тяжкие сомнения, тревога охватывают Чечню и Ингушетию. По свидетельству Асланбека Шерипова, «в са-

мом народе началось движение, и народ, чувствуя, что дело здесь в чем-то ином, стал метаться в поисках иного выхода».¹

Таков Терек на исходе 1917 года — несчастный край, терзаемый острейшими противоречиями; где сотни поселков, хуторов, станиц, аулов уже разгромлены, сметены с лица земли; где целые народы, поголовно вооруженные, доведены до отчаяния и в смертельной вражде противостоят друг другу, и где все же, наперекор всему, небольшие разрозненные отряды великой ленинской партии с непреклонной, неиссякаемой верой в силу и мудрость масс, в торжество революции, героически борются за мир и дружбу народов.

¹ Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918, стр. 54.

ТРАГЕДИЯ ГРОЗНОГО

То, что творится в Грозном и Грозненском округе, превосходит всякую фантазию.

С. М. Киров.

Кто не был тогда на Тереке, тот не может себе представить, что совершалось здесь в конце 1917 года, в какой кровавый тупик были заведены народы Терского края преступной политикой казачьих и горских контрреволюционных верхов.

К тому времени Дагестан, Чечня, Ингушетия были уже наводнены агентами Турции, кровно заинтересованной прежде всего в том, чтобы развалить тыл Кавказской армии. Турецкие империалисты, несомненно, рассчитывали поднять восстание горских мусульманских народов, уничтожить города и промышленные центры на Северном Кавказе, подготовить захват Кавказа и отторжение его от России.

«Турция со своим победоносным союзником — Германией освободит мусульманские народы Кавказа от векового русского ига! Берите то, что вам когда-то принадлежало, изгоняйте неверных, захвативших ваши земли!» — призывали турецкие эмиссары и их многочисленные пособники среди фанатичных мулл и шейхов.

Вся обстановка на Тереке способствовала успеху этой подрывной работы. Обычными стали грабежи и убийства, организованные нападения на беззащитные хутора и даже крупные селения и города, разрушалась железная дорога.

К решительным действиям приступил шейх Узун-Хаджи, возмнивший себя диктатором мусульман Северного Кавказа. Он был бли-

жайшим помощником, правой рукой Нажмуддина Гоцинского. Благодаря, главным образом, ему многотысячное собрание фанатиков в горном селении Анди, на берегу озера Эйзенам и провозгласило Нажмуддина Гоцинского имамом. «Теперь, когда мусульмане освободились от русских, тот мусульманин гяур, кто не способствует созданию имамата», — настойчиво внушал всем Узун-Хаджи.¹

Но под давлением Дагестанского областного исполкома изворотливый и расчетливый политикан Нажмуддин Гоцинский согласился не присваивать себе титул имама, ограничиться званием главного муфтия Союза объединенных горцев Кавказа. Тогда шейх Узун-Хаджи, этот не по летам крепкий, энергичный, смелый старик, необузданный фанатик, решил сам продолжать дело Шамиля, восстановить его государство — и провозгласил себя имамом Чечни и Дагестана.

В мрачные времена царизма шейх Узун-Хаджи саботировал распоряжения властей, призывал горцев к восстанию. Теперь же он, по выражению Асланбека Шерипова, боролся за интересы еще горшего самодержавия — турецкой деспотии. В своих воспоминаниях Т. Эльдарханов рассказывает, что Узун-Хаджи призывал народ смотреть на Восток, а именно — на Турцию, и предостерегал от установления какой бы то ни было связи с большевиками, несущими, по его словам, для мусульман неисчислимые бедствия. «Скоро на Кавказ придут целые турецкие корпуса, — говорил Узун-Хаджи, — с которыми он и чеченский народ завоюют весь Северный Кавказ».²

Революция освободила Узуна-Хаджи из сибирской ссылки и для темных мусульманских масс он являлся олицетворением освободительных надежд, влияние его было огромно. Вокруг шейха Узуна-Хаджи сплотилась большая группа мюридов — людей, связанных с ним духовным обетом. Для них он был единственным авторитетом в вопросах веры, в духовных и прочих делах. Но под зеленое знамя имамата собирался и всякий сброд, жаждавший принять участие не столько в борьбе за торжество ислама, сколько в грабежах.

В создании имамата вместе с Нажмуддином Гоцинским, а затем с шейхом Узуном-Хаджи подвизался и международный шпион и аферист «чемпион мира» борец Рубинэ, выступавший на цирковых аренах всего света. Родом кумык из Хасавюртовского округа, в свое время изменивший исламу и принявший лютеранство, он вновь вернулся в лоно магометанства. Незадолго до революции Рубинэ был арестован как

¹ А. Тахо-Годи. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927, стр. 28.

² Т. Эльдарханов. Очерки революции в Чечне. Рукопись 1921 года. Архив автора.

турецкий и немецкий шпион, но с помощью каких-то покровителей ему удалось скрыться. Теперь он появился в родных местах и занял пост главнокомандующего всеми сухопутными и несуществующими морскими силами имамата Чечни и Дагестана.¹

Таковы «герои» Чечни и Дагестана в конце 1917 и начале 1918 годов — наиболее, пожалуй, колоритные фигуры среди многочисленных агентов и фанатичных приверженцев Турции.

Началось разграбление и опустошение примыкающего к Дагестану Хасавюртовского округа (ныне входящего в состав Дагестанской АССР). Не так уж велики были силы самозванного имама, но население округа к тому времени было совершенно беззащитно. Более 170 русских поселков, молдаванских хуторов, немецких «колонок», расположенных на Кумыкской плоскости, были буквально сметены с лица земли. Один из отрядов Узуна-Хаджи ворвался в старую Хасавюртовскую крепость на крутом обрывистом берегу Ярыксу и захватил там довольно много оружия и боевых припасов. Но сама слобода Хасавюрт, центр округа, еще держалась, хотя более половины ее 15-тысячного населения бежала. Большую помощь в защите Хасавюрта оказывал бронированный поезд Бакинского Совета. Поезд курсировал между слободой и Гудермесом, охраняя линию железной дороги для воинских эшелонов, возвращавшихся с Кавказского фронта, и для отправки голодающему Баку закупаемого на Северном Кавказе продовольствия.

Тысячи беженцев со всей Кумыкской плоскости устремились к железной дороге и к ближайшим казачьим станицам. Цепляясь за проходящие поезда, подбираемые возвращавшимися с Кавказского фронта воинскими эшелонами, они сеяли панику и разносили по всему Северному Кавказу фантастические вести о восстании Чечни.

Чрезвычайно болезненно воспринималось все это в Грозном, расположенном на стыке казачьих станиц и чеченских аулов.

В письме Центральному Комитету РСДРП(б), посланном из Грозного еще в конце сентября 1917 года, Н. А. Анисимов сообщает: «Кроме контрреволюционного поведения казаков, нашей работе мешают и национальные распри. За последнее время, в связи с частыми грабежами и убийствами, рабочие и солдаты волнуются, идет темная агитация «пойти на Чечню и уничтожить ее». В связи с этим 16 сентября к Совету подошли рабочие с новых промыслов с требованием

¹ Имамат просуществовал тогда недолго. Шейх Узун-Хаджи в конце марта 1918 года был изгнан из Чечни. В 1919 году он создал Северо-Кавказское эмирство, или «шариатскую монархию» под протекторатом «Халифа мусульманского мира, его величества Османского императора Магомета Вахиддина VI».

«дать оружие». Тысячная толпа с красными знаменами требовала вооружения. Совет оказался бессилён».¹

Под влиянием провокационных слухов и самой разнузданной шовинистической агитации, межнациональные отношения в Грозном так накалились, что чеченцы стали уезжать из города в ближайшие аулы. Покинул город и чеченский полк, входивший в состав «дикой дивизии». А скоро здесь были совершены одна за другой ужасные провокации, непоправимые бедствия обрушились и на Грозный, и на чеченские аулы.

В конце ноября к Грозному со стороны Гудермеса подошел поезд, ограбленный на последнем перегоне. Среди пассажиров были раненые и убитые. Весть об этом мгновенно распространилась по городу и около поезда собралась возбужденная толпа. На вокзале стоял прибывший из Владикавказа вагон с оружием для смешанного охранного отряда в районе Гудермеса. Кем-то был пущен слух, что оружие это предназначено для чеченцев. Толпа бросилась к вагону, убила часть сопровождавших его всадников чеченского полка и двух офицеров — чеченца и русского, и расхватала все оружие.

Слухи об этом сразу же облетели ближайшие чеченские аулы, расположенные в 4—5 километрах от Грозного. Убитый офицер был из очень влиятельной богатой семьи, что имело тогда в Чечне особое значение. Огромное возбуждение охватило население аулов, особенно молодежь. В тот же день поздно вечером несколько сот чеченских всадников, сопровождаемых обозами из арб, ворвались на Новые промыслы — один из самых богатых нефтяных районов Грозного, и разграбили его. Рабочие, служащие, все жители Новых промыслов бежали в город. Вспыхнувший в одном месте пожар быстро распространился, загорелись здания, нефтяные вышки, запылали пять мощных нефтяных фонтанов. Страшная опасность нависла над Грозным: здесь скопились огромные запасы нефти, керосина, в баках хранилось до пятнадцати миллионов пудов одного только бензина.

Неописуемая паника началась в Грозном. Немедленно собравшийся Совет рабочих и солдатских депутатов поручил комиссии выяснить, какие имеются возможности для защиты города — никто не сомневался тогда, что в Чечне готовятся к захвату Грозного.

Совет попытался вступить в переговоры с ближайшими аулами, но Чеченский комитет² воспрепятствовал этому. А вскоре председатель казачьего исполкома Кизлярского отдела Губарев вручил Гроз-

¹ Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1958, стр. 63.

² Исполнительный комитет чеченского национального совета в документах назывался просто «Чеченский комитет».

ненскому Совету ультиматум Чеченского комитета — в трехдневный срок вывести из города 111 полк и не препятствовать возвращению в город чеченского полка.

111 полк был единственной вооруженной опорой Грозненского Совета. Незадолго до этих событий главнокомандующий войсками Кавказского фронта генерал Пржевальский приказал 111 полк расформировать. Но времена были теперь иные, и по решению Грозненского Совета 111 полк отказался подчиниться этому приказу, а у войскового правительства уже не было тех сил, какими располагал есаул Медяник при разоружении 21 полка.

Несомненно, что к ультиматуму Чеченского комитета приложили свою руку и грозненские нефтепромышленники, готовые на все для расправы с ненавистным им Советом рабочих и солдатских депутатов.

Грозненский Совет запросил Губарева — на чьей стороне будут казаки? Ответ был уклончивый: казаки останутся нейтральными...

Срок ультиматума истекал. Грозненская буржуазия на всякий случай стала перебираться в непосредственно примыкавшую к городу казачью станицу. В Совете шло обсуждение ультиматума вместе с представителями 111 полка, рабочих нефтяных промыслов и заводов. Большинство высказывалось за то, чтобы отвергнуть ультиматум и дать отпор контрреволюционерам. Но назначенная Советом комиссия доложила о полной неподготовленности города к обороне: в 111 полку солдат немного, патронов едва хватит на двухчасовой бой, вокруг города нет никаких оборонительных сооружений, город не обеспечен продовольствием...

После долгих и бурных споров было принято необычайное, беспримерное и, как вскоре стало ясно для всех, в корне ошибочное решение: 111 полку выехать из города; вместе с ним выехать также Совету рабочих и солдатских депутатов; потребовать, чтобы всем рабочим, желающим покинуть город, была предоставлена эта возможность; исполкому Совета выехать в Баку и оттуда повести борьбу за освобождение Грозного.

В тот же день 111 полк выехал в город Ставрополь. А за его эшелоном потянулись составы теплушек: рабочие и их семьи, забрав кое-какой домашний скарб, покидали город. По всей железной дороге неслись тревожные телеграммы с отчаянными призывами о помощи, об отправке в Грозный порожних товарных вагонов.

Но Грозный не сдался!

Усилиями большевистской партии, левых эсеров и других социалистических партий, профсоюзов, городской думы и других организаций удалось приостановить повальное бегство населения из Грозного. Паника понемногу улеглась.

Началась подготовка к организации нового Совета рабочих депутатов. Нефтепромышленники, Чеченский комитет, городская дума, ставшие временно хозяевами Грозного, яростно ополчились против возобновления деятельности Совета рабочих депутатов. Но тщетны были все их попытки оклеветать большевиков, возложить на них ответственность за бедствия, обрушившиеся на Грозный. Рабочие остались верными Советской власти, своей партии. Общее собрание рабочих городских предприятий и нефтяных промыслов избрало большевистский Совет.

Блок казачьего исполнительного комитета Кизлярского отдела во главе с Губаревым и Чеченского комитета, а также офицерства вновь вернувшегося в Грозный чеченского полка, не дал городу ни порядка, ни покоя — снова начались грабежи и убийства.

По просьбе городской думы из Моздока, для охраны города, прибыла казачья воинская часть. Между казаками и чеченцами по каждому поводу вспыхивали вооруженные столкновения. Во избежание дальнейших провокаций Грозненский Совет поставил вопрос о выводе чеченского полка из города. Требование это было поддержано городской думой и другими организациями. Следует отметить, что командиром чеченского полка был англичанин О'Рэм. Он решительно возражал против вывода полка из Грозного. Однако чеченскому полку все же пришлось выехать в аулы; вместе с ним выехал и Чеченский комитет.

Въезд в город чеченцам фактически был запрещен. Но через некоторое время, в конце декабря, среди белого дня в город вдруг въехал отряд из 32 чеченцев во главе с шейхом Дени Арсановым. Как потом выяснилось, Дени Арсанов, сопровождаемый своими мюридами, направлялся в станицу Червленную на съезд казаков и иногородних, где должен был обсуждаться вопрос об организации окружной власти. Но с какой целью он решил проехать через весь город и Грозненскую станицу так и осталось неизвестным. Казаки тотчас устроили в станице засаду, началась перестрелка, и все чеченцы были убиты...

Страшное преступление ошеломило население Грозного. Все понимали, что убийство такого большого числа чеченцев, особенно шейха Дени Арсанова, одного из самых почетных и влиятельных тогда лиц в Чечне, не может не вызвать яростного возмущения в чеченских аулах.

Мгновенно распространились слухи о готовящемся нападении на Грозный. До станицы же Червленной, где заседал окружной съезд казаков и иногородних, слухи дошли о том, что Грозный якобы уже захвачен чеченцами. К довершению всего, как раз в эти дни около Гудермеса произошло ожесточенное столкновение, в результате которого была разгромлена станица Кахановская.

Весь съезд и примчавшиеся из некоторых станиц сотни казаков под командой полковника Бочарова двинулись освобождать Грозный. Хотя в пути выяснилось, что Грозный не был никем захвачен, казаки, соединившись со стихийно вышедшей из города огромной вооруженной толпой, разгромили и разграбили три ближайших чеченских аула, в том числе Старый Юрт, самый большой и богатый аул в Чечне.

Казалось, теперь уж неминуема межнациональная бойня. Только объединение всех революционных сил — и не одного Грозного, но и ближайших казачьих станиц Сунженского и Кизлярского отделов — могло предотвратить дальнейшее развязывание войны между казаками и чеченцами.

В столь тревожной обстановке, когда угаром воинствующего шовинизма были отравлены не только казаки, но и население города и значительная часть рабочих, грозненская партийная организация взяла на себя инициативу и ответственность за создание объединенного органа власти. Было созвано совещание представителей рабочих нефтяных промыслов, заводов, профсоюзов, политических партий, городской думы и Грозненской станицы. На совещание прибыли большевик Шакро Палавандашвили, член большой делегации, посланной на Терек Закавказским краевым Советом рабочих и солдатских депутатов, и представители станиц Сунженской линии. В ночь на 31 декабря, после очень бурного обсуждения этого вопроса, решено было организовать Военно-революционный совет, власть которого должна была распространяться на город Грозный и на ближайшие казачьи станицы Кизлярского и Сунженского отделов. На пост председателя совета, по тактическим соображениям, был выдвинут казак Грозненской станицы Елисеев, секретарем — большевик Г. Иоаннисиани.

Так впервые за все время революции на Тереке — это следует особо подчеркнуть, рабочие и казаки объединились и создали свой общий орган революционной власти. Такой поворот событий опрокидывал всю карауловскую политику контрреволюционных казачьих верхов.

Но объединение казаков с рабочими, с большевиками, организация общего Военно-революционного совета — явление не только «грозненское». Всюду терское казачество, охваченное глубокой тревогой, в единении с рабочими и иногородним крестьянством искало выхода из невыносимого положения, в котором оно оказалось по вине своих и горских контрреволюционных верхов.

Многое в этом отношении сделала большевистская партийная организация Грозного. Большевики и передовые рабочие выезжали в те дни в станицы Кизлярского и Сунженского отделов, на бурных собраниях и митингах разоблачали контрреволюционную сущность вой-

ского, горского и Терско-Дагестанского правительств. Трудовое казачество впервые от них узнало правду о Великой Октябрьской социалистической революции. Почти во всех станицах власть атаманов и станичных управлений была упразднена и вместо них избраны военно-революционные советы или комитеты, в основном из казаков-фронтовиков. Грозненский военно-революционный совет пополнился представителями кизлярских и сунженских станиц. Вскоре обнаружилась полная беспомощность казака Елисеева на посту председателя совета, он подал в отставку, и председателем совета был избран Г. Иоаннисиани.

Конечно, зажиточная часть казачества и большинство офицеров пошли на объединение с рабочими, с большевиками лишь для того, чтобы вместе с иногородним населением развязать войну против чеченского и ингушского народов. «Но,— вспоминает Г. Иоаннисиани,— приступая к обороне Грозного, Военно-революционный совет в подавляющем большинстве своего состава не хотел войны с чеченцами, не строил никаких воинственных планов и ставил перед собою только одну задачу: оградить город от опасности со стороны возбужденных контрреволюционерами чеченских масс».¹

В короткий срок совет проделал большую работу по укреплению обороны Грозного. Была объявлена всеобщая мобилизация, город разбит на 14 участков, во главе каждого поставлен комиссар. За городом стали рыть окопы, ставить провололочные заграждения, строить различные оборонительные сооружения. Вдоль окопов был пущен по проволокам электрический ток, наводивший ужас на чеченцев — было несколько случаев смерти от тока, когда беженцы из Хасавюрта и других мест ночью пытались добраться до Грозного. Рабочие построили бронепоезд, который все время курсировал по специально проложенной железнодорожной ветке. Было изготовлено и два автоброне-вика.

Все работы велись под руководством специалистов — инженеров и техников. На оборонительных рубежах трудились почти все жители города. «Пожалуй,— сообщает Г. Иоаннисиани,— во всей гражданской войне не было примера большего единодушия и воодушевления, чем проявленные рабочими и всем населением Грозного в те дни».

Сразу же были организованы первые два батальона революционной армии — из рабочих и демобилизованных солдат. Затем железнодорожники организовали свой отряд во главе с Харьковским, рабочие старых нефтяных промыслов — Пролетарский батальон под командованием В. Е. Михайлюка.

¹ Запись воспоминаний Г. Иоаннисиани. 1921 год. Архив автора.

Были приняты меры к привлечению в Грозный воинских сил и к получению боевых припасов. Из Ставрополя прибыла артиллерийская батарея, из Георгиевского арсенала были получены снаряды и патроны. Особая делегация Военно-революционного совета на станции Червленная¹ встречала проходившие с Кавказского фронта воинские эшелоны и получала от них патроны, пулеметные ленты и другое боевое снаряжение.

Вскоре Грозный был превращен в крепость, надежно защищенную от возможных нападений. Внутри же его продолжалась острая политическая борьба.

Нефтепромышленники, ненавидевшие руководимый большевиками Военно-революционный совет, пытались саботировать его распоряжения. Но совет с непреклонной революционной решимостью подавлял всякое сопротивление. Когда нефтепромышленные фирмы отказались предоставить имевшуюся на их складах проволоку и другие материалы для оборонительных сооружений, Военно-революционный совет немедленно конфисковал все необходимое для обороны города. Нефтепромышленники прекратили выдачу зарплаты рабочим, ссылаясь на приостановку сбыта нефти и отсутствие денег. Это сразу осложнило обстановку в городе; положение рабочих и без того было тяжелое, семьи их бедствовали... Совет заставил нефтепромышленников выдать рабочим и служащим всю задолженность по зарплате, пригрозив, что в противном случае с ними будет поступлено, как с саботажниками.

Трудно в Грозном стало с продовольствием, так как чеченские аулы, всегда снабжавшие город, были теперь отрезаны линией фронта. Совет организовал под надежной охраной подвоз продуктов из сунженских станиц. Энергично проводились и другие меры по упорядочению жизни в Грозном.

Нефтепромышленники, однако, были уверены, что Военно-революционный совет долго не продержится, что ему придется в конце концов пойти на поклон к ним. Да и что, казалось нефтепромышленникам, мог сделать совет, как мог он содержать революционную армию, не имея никаких средств и будучи отрезанным от центрального Советского правительства?

Но Совет потребовал от нефтяных компаний миллион рублей на содержание воинских частей и на другие расходы по обороне Грозного. Конечно, последовал категорический отказ со ссылкой на то, что денег у компании нет. А между тем было известно, что совет съездов

¹ Железнодорожный путь около Грозного с одной и с другой стороны был разрушен, и связь со ст. Червленной осуществлялась по колесной дороге.

нефтепромышленников предлагал казачьему офицерству большие средства на организацию охраны нефтяных промыслов, а фактически—для создания контрреволюционных вооруженных сил в Грозном. Тогда Военно-революционный совет арестовал группу наиболее видных управляющих нефтепромышленными фирмами, в том числе иностранными.

Какой шум поднялся вокруг этого миллиона и ареста нефтепромышленников! Буржуазные и меньшевистско-эсеровские организации выступили с протестами, меньшевики демонстративно вышли из состава совета. А профсоюз промышленных и торговых служащих, где все еще сильно было влияние меньшевиков и эсеров, назначил даже следственную комиссию для выяснения причин ареста нефтепромышленников. Протестующую телеграмму прислал и заседавший тогда во Владикавказе VI войсковой круг терского казачества.

Твердая позиция Военно-революционного совета, опиравшегося на единодушную поддержку рабочих, заставила совет съездов нефтепромышленников вступить в переговоры об условиях освобождения арестованных.

Совет съездов нефтепромышленников внес 250 тысяч рублей, а через некоторое время и остальную сумму, к уплате которой были частично привлечены и другие капиталистические группы Грозного.

Твердой рукой насаждая революционный порядок в Грозном, Военно-революционный совет главной своей заботой считал оборону города. Оборону, но не войну с чеченским народом! «А между тем,—свидетельствует Г. Иоаннисиани,—настроение командного состава и воинских частей в Грозном было воинственно-наступательное».¹ Оно еще более усилилось, когда из крепости Ведено в Грозный пробрались два солдата, сообщившие, что Ведено осаждено чеченцами, что там кончаются последние запасы продовольствия. Гарнизон в триста солдат и офицеров намеревался испортить замки от пушек, взорвать арсенал и пробиваться к Грозному, но чеченцы предупредили, что в таком случае все они будут перебиты. Теперь, забытые всеми, не получая ниоткуда вестей, потеряв всякую надежду на помощь, обреченные на голод, защитники крепости готовы были сдать ее.

Грозный заволновался. Было решено организовать поход на выручку Ведено. Во все станицы были посланы извещения об этом. Но пока шла подготовка к походу, крепость пала. Гарнизон был обезоружен, отведен к Гудермесу и там отпущен на все четыре стороны.

С падением Ведено чеченцы получили 19 орудий и довольно богатый арсенал. Теперь они могли отвечать на артиллерийский обстрел

¹ Запись воспоминаний Г. Иоаннисиани 1921 год. Архив автора.

чеченских аулов. «Если чеченцы вздумают покончить с Грозным, то могут сделать это в несколько минут,— писал С. М. Киров.— Им стоит только выпустить несколько снарядов по нефтяным и бензиновым бакам, и от Грозного останется один пепел».¹ Был момент, когда катастрофа могла действительно произойти. В своем выступлении на Терском областном народном съезде в Пятигорске Асланбек Шерипов рассказал, что когда началась артиллерийская стрельба из Грозного, большая толпа чеченцев потребовала открыть стрельбу по бакам с бензином. «Нам,— сказал А. Шерипов,— больших трудов стоило уговорить народ не делать этого. А вечером мы, боясь, что толпа все-таки заставит нас силой стрелять, вывезли пушки в другое место, причем снаряды тащили на своих плечах».²

Еще во время осады Ведено была разгромлена и сожжена большая слобода Воздвиженка. Здесь было захвачено до 900 винтовок и несколько пулеметов — самое ценное тогда для Чечни, где в каждом плоскостном ауле офицеры и всадники — солдаты чеченского полка обучали молодежь воинскому делу.

Но наступление на Грозный так ни разу и не предпринималось. Г. Иоаннисиани и другие руководители обороны Грозного объясняли это тем, что в чеченских аулах надеялись, что может быть Дени Арсанов жив и удастся спасти его, не предпринимая военных действий. Но, как рассказывал впоследствии Асланбек Шерипов, в Чечне никто не думал серьезно о наступлении на Грозный.

Началась серия затяжных и очень длительных мирных переговоров между Грозненским военно-революционным советом и представителями Чечни. Они происходили обычно на кургане между Грозным и аулом Новые Алды. Кто только не выступал здесь сам и не направлял сюда своих представителей от имени чеченского народа: владикавказский адвокат Мутушев — председатель Чеченского национального совета, Узун-Хаджи — имам Дагестана и Чечни, Ибрагим Чуликов и другие. Такая смена руководителей свидетельствовала о неустойчивости положения в Чечне, о борьбе соперничавших групп. Поэтому Грозненский военно-революционный совет был очень осторожен в переговорах. Нескончаемые споры шли о порядке обмена пленными, о выдаче трупов, когда было, наконец, сообщено, что Дени Арсанов убит. И все время фронт оставался фронтом, и сторожевые охранения днем и ночью находились в окопах.

Долго еще события вокруг Грозного были страшной опасностью для революции, неотвратимо, казалось, вели к развязыванию ужасной истребительной войны на Тереке.

¹ Газ. «Донские известия», 24 (11) апреля 1918 г.

² Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918, стр. 55.

БАНКРОТСТВО ТРЕХ ПРАВИТЕЛЬСТВ

Фактически Терская область стремительно погружается в бездну безвластия и анархии.

С. М. Киров.

Что же происходило в то время, в конце 1917 и в начале 1918 годов, в административном центре Терской области Владикавказе, в столице, где обосновались три правительства — Терского казачьего войска, Союза объединенных горцев Кавказа и Терско-Дагестанское?

30 декабря вечером в помещение, где заседал Владикавказский Совет рабочих и солдатских депутатов, ворвалась группа офицеров и солдат осетинского конного полка, разогнала депутатов, разгромила помещение Совета, арестовала председателя Совета И. Д. Орахелашвили, депутатов С. Г. Буачидзе и меньшевика-интернационалиста доктора Я. Рискина. Было разгромлено и находившееся в том же здании помещение Владикавказского партийного комитета большевиков. Все это сопровождалось контрреволюционными выкриками и угрозами расправиться с большевиками.

Что послужило поводом к этому контрреволюционному выступлению, ошеломившему весь город? Кто организовал его, кто был его инициатором?

Несколько офицеров и солдат осетинского конного полка были командированы за каким-то воинским снаряжением в Армавир, где тогда еще находилась одна из баз «дикой дивизии». Но Армавирский Совет разоружил их и задержал на некоторое время, причем были отобраны и личные вещи. Вернувшись во Владикавказ, они рассказали

об этом в своей части. Тогда группа разъяренных офицеров и всадников бросилась к Совету, где в это время происходило заседание, и учинила разгром. Офицеры заявили, что они задержат арестованных И. Д. Орахелашвили и других, пока Армавирский Совет не вернет захваченного им имущества.

После разгрома Владикавказского Совета в тот же вечер, 30 декабря, Осетинский национальный совет потребовал от командира 2-го осетинского полка немедленно освободить арестованных. По приказу командира арестованные были освобождены в ту же ночь, но остались в казарме до утра, опасаясь глубокой ночью возвращаться домой.

В резолюции Осетинского национального совета¹ было заявлено, что разгром Совета рабочих и солдатских депутатов произведен «кучкой всадников, руководимых 4—5 офицерами, действовавшими безответственно и самочинно, без ведома Осетинского национального совета и своих командиров»; что Осетинский национальный совет «категорически осуждает это насилие, как приносящее вред политическим и жизненным интересам осетинского народа, а равно и всему революционному движению, выражает потерпевшим чувство своего глубокого возмущения и сожаления» и «заверяет Совет, что им приняты меры для предотвращения в будущем аналогичных явлений».²

Обстоятельства разгрома Владикавказского Совета подробно описаны во всех выходивших тогда в городе газетах. Но во многих статьях и книгах о революции на Тереке эти фактические данные, к сожалению, не использованы, и политическое положение во Владикавказе в то время обрисовано несколько иначе.

В январские дни 1918 года Владикавказ пережил ужасную трагедию. Разгром Совета рабочих и солдатских депутатов произошел в обстановке полнейшей анархии и безвластия, когда волна повальных грабежей буквально захлестнула город. Своеобразие создавшегося тогда во Владикавказе положения в том-то и заключалось, что ни казачье войсковое правительство, ни правительство горское, ни объединенное Терско-Дагестанское правительство, ни Владикавказский Совет, ни городская дума — никто не располагал фактически никакой вооруженной силой. Город со стотысячным населением оказался совершенно беззащитным, и всевозможные бандитские шайки недели две грабили его абсолютно безнаказанно.

Как же могло создаться такое положение во Владикавказе?

Мы уже рассказывали, что контрреволюционным казачьим и гор-

¹ Председателем Осетинского национального совета был С. Такоев, заместителями его — Ц. Гадиев и Г. Гагкаев, секретарем — К. Бутаев.

² Газ. «Горская жизнь» № 2, 3 января 1918 г.

ским верхам, при содействии эсеров-меньшевистского краевого армейского совета (в Тифлисе), удалось «очистить» Терскую область от воинских частей, составлявших вооруженную опору Советов рабочих и солдатских депутатов. Из Владикавказа также были удалены все воинские части.

Владикавказский Совет не смог, несмотря на самые настойчивые просьбы и требования, получить оружие, чтобы организовать охрану города от начавшего все более усиливаться бандитизма. Главный арсенал Терека — военный склад в гор. Георгиевске находился в распоряжении генерала Половцева — командира «дикой дивизии», назначенного главнокомандующим всеми войсками Терско-Дагестанского края. Генерал Пржевальский, главнокомандующий войсками Кавказского фронта, при явном попустительстве комиссара штаба фронта эсера Донского, отправлял десятки вагонов с оружием и патронами генералу Половцеву и войсковому казачьему правительству. Бакинский Совет рабочих и солдатских депутатов однажды задержал 32 вагона патронов, посланных из фронтовых складов генералу Половцеву.

Выступая 19 декабря 1917 года на втором краевом съезде Кавказской армии в Тифлисе, С. Г. Шаумян привел много фактов о том, как командование Кавказского фронта вооружало казачью контрреволюцию на Северном Кавказе. В частности, он привел разговор генерала Пржевальского по прямому проводу с генералом Половцевым: «Относительно патронов я переговорю. Терские части идут с патронами, может быть, удастся перехватить часть патронов, идущих в Тифлис из России. Сунженцам оружие выдано, уже грузится... Оружие из запасных полков можем набрать до 40 тысяч, не больше; когда будут, тогда поможем оружием... за патронами присылайте в Тифлис... Как вижу, дело у вас ладится, в чем желаю вам успеха и в дальнейшем».¹

Но дела у «душителя революции», как назвал генерала Половцева С. М. Киров, у казачьей и горской контрреволюции ладились недолго. Казаки вернувшихся с фронта полков скоро разъехались по своим станциям, приказы войскового правительства и атамана никто не выполнял. После похорон атамана Караулова даже пятьдесят отборнейших казаков атаманского конвоя бросили все и удрали в свои станицы. В те страшные январские ночи всего шесть человек — есаул Медяник, заменивший Караулова на посту войскового атамана, заместитель атамана по военной части старый генерал Голощапов и еще четыре министра войскового правительства тоскливо сидели в темном атаман-

¹ Борьба за Советскую власть в Северной Осетии. Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1957, стр. 29.

ском дворце за наглухо закрытыми, забаррикадированными входами, как единственная его охрана. Да небольшой наемный (подчеркиваем — наемный) отряд казачьих офицеров сторожил войсковую мастерскую, склад и другое войсковое имущество, находившееся в двух-трех местах во Владикавказе. С горечью рассказывал обо всем этом через месяц сам есаул Медяник в отчетном докладе VI войсковому кругу.

Если в таком положении оказалось казачье войсковое правительство, то у горского правительства и у объединенного Терско-Дагестанского и подавно не было никаких вооруженных сил, никакой опоры. Вот что писал об этом С. М. Киров: «Что так называемое Терско-Дагестанское правительство действительно лишено всякой опоры, можно было видеть в поведении его в кошмарные дни во Владикавказе и Грозном.

Где было в это поистине страшное время Терско-Дагестанское правительство? Что оно сделало для того, чтобы хоть сколько-нибудь помочь населению перенести ужасы, обрушившиеся на него? Как вело оно себя, когда перед лицом его творилась оргия, разрушившая в несколько дней жизнь сотысячного города? Что делало Терско-Дагестанское правительство в то время, когда пылали грозненские нефтяные промыслы, тысячи рабочих в ужасе бросились в поисках спасения своей жизни, когда погибали миллионные богатства? Где было Терско-Дагестанское правительство, когда разрушалась артерия всей жизни края — железная дорога, расхищались товары, разгонялись и грабились рабочие и служащие? Оно исчезло неизвестно куда...»¹

Как трагедия, пережитая Грозным, надолго отравила взаимоотношения населения его с чеченцами, так кошмар январских дней во Владикавказе оставил глубокий след во взаимоотношениях жителей областного центра с ингушами. Дело в том, что грабили город все, кому не лень. В первые же дни января была разграблена и подожжена областная тюрьма; сотни две, если не больше, воров и других уголовных преступников оказались на свободе. В ночных грабежах активнейшее участие принимали и вконец разложившиеся небольшие остатки осетинского полка, преимущественно офицеры — «герои» разгрома Владикавказского Совета. Тем не менее во всем обвиняли прежде всего и главным образом ингушей.

Ингушский полк вынужден был покинуть Владикавказ, но в городе еще оставалась часть полкового имущества, которую охраняли 12—15 всадников. Ослепленная ненавистью толпа окружила дом, где

¹ Газ. «Голос» — орган Пятигорского Совета рабочих и солдатских депутатов, 14 февраля 1918 г. Статья «Против воли народной» — передовая без подписи; автор ее — С. М. Киров.

находилась охрана. Началась перестрелка. Затем дом был подожжен. Несколько часов буйствовала разъяренная толпа, пока—уже вечером, из ближайшего селения прискакал отряд ингушей под командой Хизыра Орцханова. Часть охраны была спасена. Отряд подобрал трупы убитых и беспрепятственно проехал по уже темным притихшим улицам в селение Базоркино.

После этого события волнение во Владикавказе еще больше усилилось. Поползли слухи о готовящемся массовом нападении ингушей на город. В довершение всего железнодорожники, доведенные до отчаяния непрерывными ограблениями железнодорожных станций, решили эвакуировать свои семьи из Владикавказа и полностью приостановить движение поездов (до этого движение на Владикавказской железной дороге еще кое-как поддерживалось только днем). Таким образом, Владикавказ мог оказаться отрезанным от области и от всей страны.

Предполагалось, что 10 января из Владикавказа будет отправлен последний поезд, и С. М. Киров решил выехать в Пятигорск, чтобы оттуда руководить организацией революционных сил Терской области.

В эти дни и вокруг Владикавказа происходили события, которые в любой момент могли перерасти в ужасную межнациональную истребительную войну. Столкновения на Сунженской линии между казачьими станицами и ингушскими аулами не прекращались. А в довершение всего, как мы уже говорили, в декабре резко обострились и отношения между соседними осетинскими и ингушскими селениями. Провокационная работа темных сил привела к тому, что и здесь образовался фронт и открыто шла подготовка к боевым действиям.

В столь трудной, непомерно сложной и запутанной обстановке большевики Владикавказа и керменисты Осетии не теряли верной ориентации, неустанно расширяли и крепили связи с массами, с неиссякаемой настойчивостью боролись за мир и дружбу между народами.

С. М. Киров и С. Г. Буачидзе разъясняли, что вывести из кровавого тупика Терский край можно только сплочением всей его демократии, всех его народов. Их усилия были направлены на создание единого революционного народного фронта. 15 (28) января во Владикавказе состоялось совещание представителей областных комитетов всех социалистических партий: большевистской, «Кермен», меньшевистской, эсеровской, грузинских федералистов. Было решено образовать интерпартийное бюро. В состав бюро от большевиков вошел Я. М. Маркус, от керменистов — Д. Д. Гибизов и Т. В. Созаев. О том, чего добивались большевики, создавая это объединение, очень

сжато и сильно сказано в обращении Владикавказского комитета «Кермен» ко всем организациям партии:

«Сообщаем, что во Владикавказе организован Совет из представителей всех местных социалистических партий... Главные задачи объединения — борьба с контрреволюцией и предотвращение быстро надвигающейся в крае межнациональной войны, грозящей потопить в крови не только революцию, но и местные народы. В переживаемый момент эти две задачи сливаются: предотвратить войну — значит, нанести поражение контрреволюционным силам. И великий долг каждого, кому дороги интересы революции, сделать все возможное для предотвращения войны».¹

Таким образом, идея социалистического блока, так много сделавшего для предотвращения войны между казаками и горцами, впервые возникла в страшные январские дни во Владикавказе.

В это же время во Владикавказе на поверхность политической жизни всплыла фигура полковника Беликова, сыгравшего столь роковую роль в судьбе населения города. На совещании городских организаций с участием представителей войскового и прочих правительств, расписавшихся в своей полнейшей неспособности организовать охрану города, полковнику Беликову были предоставлены права диктатора.

Демонстративно заняв со своим штабом помещение Владикавказского Совета, Беликов развил бурную деятельность. Он был начальником владикавказского гарнизона (к тому времени фактически уже не существовавшего) и поэтому хорошо знал офицеров, осевших в городе. В течение двух-трех дней полковник Беликов организовал для охраны города наемные офицерские сотни, затем дружину «георгиевских кавалеров» (20 офицеров и 170 солдат), а через некоторое время и студенческую дружину. Ночные грабежи пошли на убыль, а затем почти совсем прекратились, возобновилось движение поездов, и полковник Беликов стал «кумиром» центральной богатой части города, «спасителем» Владикавказа.

А между тем дело было не только в его охранительных мерах. В Ингушетии также началось широкое движение за решительное обуздание грабительских шаек, за то, чтобы, не останавливаясь ни перед какими мерами, прекратить участие ингушей в ночных налетах на город. Созванный в Назрани специально для обсуждения этого вопроса, ингушский съезд постановил предавать грабителей военному суду, ввести для них смертную казнь; всех известных преступников заключить в тюрьму, разрушать жилища тех, кто скрывается, убитых грабителей хоронить без религиозного обряда и т. д.

¹ Газ. «Горская жизнь» № 20, 26 января 1918 г.

Конечно, не все эти меры и не везде выполнялись, но моральное воздействие решений съезда было очень сильно.

Полковник Беликов действовал явно с саморекламным шумом и треском. В газетах все время печатались его крикливые приказы. Упиваясь своей популярностью, сей новоявленный диктатор стал присваивать себе функции городского самоуправления, стал вмешиваться и в такие дела, которые никакого отношения к охране города не имели. Вот, например, один из приказов Беликова: «При убойе скота на пункте все кожи остаются в пользу мясников, но с тем, чтобы это повлияло на удешевление мяса» (!!)¹

Скоро Беликов создал такие вооруженные силы, которые были явно рассчитаны не на защиту горожан от грабежей.

«Роту капитана П. Глухарева, роту штабс-капитана Абаева, роту прапорщика Пеккерта, дружину студентов, батальон георгиевцев и всех чинов самообороны,— сообщалось в приказе от 28 января,— подчиняю полковнику Кибирову в оперативном отношении. Юнкера Владикавказского Суворовского училища и воспитанники военной гимназии остаются в моем резерве и вызываются для обороны лишь в крайнем случае».² Он приказывает всем врачам, фельдшерам, сестрам милосердия и санитарам явиться на учет во врачебное отделение своего штаба. Мало того, полковник Беликов организует и подчиняет своему штабу учащихся старших классов гимназии и двух реальных училищ. «К вам обращаюсь, юные граждане,— взывает он в своем приказе,— из вас предполагаю организовать «Соколиный батальон» — по уставу сокольских обществ!» На первый слет «соколов» были приглашены «пока лишь имеющие винтовки или охотничьи ружья».³

Так, прикрываясь заботой об охране города от грабителей, используя свои диктаторские полномочия, полковник Беликов широко развернул организацию контрреволюционных отрядов. Но диктаторствовал он по существу пока только в центральной части Владикавказа. На окраинах же, главным образом в так называемых Молоканской и Курской слободках, положение было иное. После разгрома Владикавказского Совета большевики усилили здесь массовую организаторскую работу. Отряды самообороны из возвращавшихся домой фронтовиков на этих окраинах были так хорошо организованы, что «помощи» диктатора Беликова не требовалось, поэтому и попытки его подчинить своему штабу самооборону Курской и Молоканской слободок были безуспешны.

¹ Газ. «Горская жизнь» № 19, 25 января 1918 г.

² Там же, № 22, 28 января 1918 г.

³ Там же, № 7, 11 января 1918 г.

«Если Беликов и его офицерские сотни чувствовали себя господами положения в центральной части города, и буржуазия хорошо спала под охраной их,— писал С. М. Киров,— то население окраин видело, к чему это ведет. Окраины начали вооружаться, и скоро центр города вместе с офицерскими сотнями оказался в крепком кольце, готовом каждую минуту сжаться».¹

Офицерские сотни время от времени производили контрреволюционные наскоки и вылазки. Так, 23 января (4 февраля) из Владикавказа в Моздок, на областной народный съезд, в специальном вагоне выезжала многочисленная владикавказская делегация, в том числе и большевики во главе с С. Г. Буачидзе. На вокзале офицеры арестовали председателя Областного комитета земледельческих (крестьянских) советов Ю. Г. Пашковского и членов комитета Ц. Гадиева и Длугий, причем офицеры кричали: «Мы арестуем большевиков и всех, кто с ними! На это у нас есть полномочия».² В Беслане, по распоряжению полковника Кибирова, был арестован делегат С. Мамсуров. Аресты эти вызвали большое возбуждение в самооборонческих отрядах на окраинах города. Осетинский национальный совет заявил протест против ареста С. Мамсурова, который был тогда членом этого совета, и Ц. Гадиева, который входил в состав президиума национального совета, и оба они были тотчас же освобождены. Коллегия Владикавказской городской управы, одним из членов которой был большевик Я. Л. Маркус, потребовала у полковника Беликова объяснений относительно ареста Ю. Пашковского, Длугий и Ц. Гадиева, и тот поспешил заявить, что аресты произведены «по недоразумению».

Да, в январе и феврале диктатору Беликову явно негде было развернуться. Но все поведение офицерских сотен, их наглые высказывания и контрреволюционные вылазки создавали в городе очень напряженное положение. Отношения между офицерскими сотнями и рабочей самообороной окраин города обострялись с каждым днем. Развязка должна была неминуемо наступить...

А пока в охраняемый полковником Беликовым Владикавказ вернулись из аулов и селений скрывшиеся во время январских событий министры Терско-Дагестанского правительства: князь Р. Капланов, Т. Чермоев, В. Джабагиев и другие. «И Терско-Дагестанское правительство занялось,— по выражению С. М. Кирова,— новой перетасовкой портфелей, снабжая ими чиновников и людей, не снабженных решительно никакими полномочиями народа».³ Нигде, ни в какой ча-

¹ Газ. «Донские известия» № 4, 11 апреля 1918 г.

² Газ. «Горская жизнь» № 21, 27 января 1918 г.

³ Газ. «Голос», 14 февраля 1918 г.

сти Терской области это правительство, как и казачье-войсковое и горское, не имело никакой опоры, да и в самом Владикавказе власть его не простиралась дальше Александровского проспекта. Они еще существовали, эти три правительства, в газетах печатались их декреты, постановления, приказы, но это была уже только оболочка, пустая шелуха.

Генерал Половцев, всего лишь месяца два тому назад облеченный званием главнокомандующего всеми вооруженными силами Терско-Дагестанского края, видя это, поспешил сбежать с тонущего контрреволюционного корабля. В телеграмме главнокомандующему войсками Кавказского фронта генералу Пржевальскому он как бы подвел бесславный итог деятельности трех правительств:

«Все образовавшиеся до сих пор в Терско-Дагестанском крае правительства не смогли установить прочную власть и дальнейшие попытки организовать объединенное управление, безусловно, обречены на неудачу, особенно среди туземцев. Кроме того, целые части, а также отдельные члены корпуса («дикий дивизии») втянулись в кровопролитную гражданскую войну и в организованный грабеж. При таких условиях считаю для себя невозможным дальнейшее командование корпусом...»¹

В тот день, когда генерал Половцев посылал свою телеграмму, из казачьих станиц, аулов и селений Осетии, Кабарды, Балкарии, из Владикавказа, Грозного, Пятигорска, Георгиевска и других городов делегаты трудовых масс направлялись в Моздок, на первый народный съезд Терской области. Над переживавшим тяжкие бедствия Тереком занималась заря новой жизни...

¹ Газ. «Горская жизнь» № 16, 21 января 1918 г.

• •

Часть вторая

**Терская советская
республика**

••

НАРОДНЫЙ СЪЕЗД В МОЗДОКЕ

Как это ни удивительно, на первом Моздокском съезде казаки настаивали на признании Советской власти и требовали от съезда объявления войны горцам. Только благодаря умелой политике наших товарищей, главным образом тт. Кирова и Буачидзе, удалось расстроить казацкую махинацию и не допустить объявления съездом войны горцам.

Г. К. Орджоникидзе.

К концу 1917 года глубокое недовольство, тревога, смятение охватили самые широкие массы терского казачества. Контрреволюционные верхи казачества и горских народов привели Терскую область к распаду, анархии, к фактической войне между казаками и чеченским и ингушским народами. И в этот грозный час казачество впервые увидело себя одиноким: за его спиной нет уже могучей опоры — старой царской России, с новой же революционной Россией, с рабочими и крестьянами, казачество в разрыве, во вражде.

Оставаться один на один с чеченским и ингушским народами, с извечным, как представлялось тогда, врагом своим — гибельность этого казалась очевидной каждому казаку. Чечня и Ингушетия численно превосходили казачество. А к ним на юге примыкал возбужденный Дагестан, где уже открыто выступали турецкие эмиссары.

В действиях войскового атамана и правительства, в их всевозможных сговорах и политических комбинациях с верхами горских народов, в организации юго-восточного и всяких прочих подобных союзов трудовое казачество не видело никакого просвета для себя, никакой надежды на то, что будет покончено с анархией в области и наступит мирная жизнь. И вот, решительно отвергнув войсковое и Терско-Дагестанское правительства с их обанкротившейся политикой, казачьи станицы ищут путей сближения с иногородним населением, с Советами рабо-

чих, солдатских и крестьянских депутатов. Примером для них в этом отношении был Грозный.

Поразительно, с какой быстротой и силой произошел этот перелом в казачьих станицах. Сторонники войскового правительства, «карауловцы» почти всюду были оттеснены от руководства, во многих станицах вместо правлений и атаманов были избраны военно-революционные советы или комитеты.

Значительная часть трудовых казаков-фронтовиков искренне полагала, что настала пора кончать раз и навсегда с обособленностью казачества, с его войсковой организацией; что только в полном единении с рабочими и крестьянами, с революционной Россией казаки обретут действительную свободу, будут избавлены от тяготевших над ними всю жизнь воинских нарядов; что только Советская власть сможет покончить с анархией, установит порядок на Тереке, даст возможность всем мирно трудиться.

Большинство же казачества, как показали дальнейшие события, было все еще полно мучительных сомнений и колебаний, особенно опасаясь за свои земли и не допуская мысли о каких-либо уступках в этом отношении. Уставшее от трехлетней войны, ожесточившееся в непрерывных вооруженных столкновениях с чеченцами и ингушами, изверившееся в возможности добиться чего-нибудь путем мирных соглашений, казачество видело выход прежде всего в сокрушительном военном разгроме Чечни и Ингушетии. Ради этого оно и готово было пойти на соглашение с Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и даже на признание центральной Советской власти.

Подобные настроения, метко охарактеризованные потом как «стратегическое приспособление к большевизму», поддерживала и распространяла и часть реакционного казачьего офицерства. У есаулов и полковников, примкнувших к станичным и отдельским (окружным) военно-революционным комитетам, несомненно, были свои планы. Они были твердо убеждены, что призыв к войне против Чечни и Ингушетии не только вновь сплотит все казачество вокруг командиров-военачальников, но будет горячо поддержан и иногородним населением. Разве могут, казалось казачьему офицерству, не броситься в эту войну страшно бедствовавшие, нашедшие кое-какой приют в разных местах многие тысячи беженцев из опустошенного Хасавюртовского округа, из Грозного, из сожженной Воздвиженской слободы и из других разоренных селений и многочисленных хуторов? Разве останется в стороне осажденный чеченцами Грозный? Не было у них сомнений, что и часть Осетии, прежде всего такие селения, как Ольгинское, уже опоясавшее себя окопами против соседнего ингушского аула, пойдет вместе с казачеством. Словом, все говорило за то, чтобы

немедленно организовать военный поход, начать второе «покорение Кавказа». В обстановке войны, опираясь на «победоносные», в основном казачьи полки, офицерство, конечно, сосредоточит власть в своих руках и сможет навязать свою волю Тереку, вновь объединенному под главенством теперь уже «революционного» казачества.

Пронсходившие в конце декабря — в начале января съезды представителей казаков и иногородних Сунженского, Кизлярского и Моздокского отделов еще более укрепили уверенность в том, что война против чеченского и ингушского народов будет морально и материально поддержана большинством населения области.

Так возникла идея — созвать Терский областной съезд для организации новой общеобластной власти и для развязывания войны против Чечни и Ингушетии. И не случайно инициатором созыва такого съезда выступил военно-революционный совет Моздокского отдела — самого, пожалуй, «казацкого» из всех казачьих отделов Терека. В этом совете верховодили казачьи офицеры — полковник Рымарь и есаул Пятирублев.

В середине января 1918 года Моздокский военно-революционный совет обратился с характерным для того времени воззванием ко всему населению Терской области:

«Граждане, братья! Настал грозный час жизни и смерти для всего трудового населения Терской области. Всюду в крае царит безвластие, насилие и произвол. Контрреволюционеры не дремлют, они мобилизуют все темные силы, чтобы в потоках крови, в убийствах и пожарах задуть революцию. Провокационная деятельность контрреволюционеров создала национальное движение туземных народов области — чеченцев и ингушей, вызвала кровавый пожар войны с племенами, восставшими против мирного демократического населения края и нагло попирающими все блага свободы и человеческие права. Кровавый вихрь уже пронесся по Сунже, он уничтожил на своем пути целые станицы, села, хутора, он пахнул своим разрушительным дыханием на города: Грозный разгромлен, промыслы, имеющие государственное значение, сожжены, Владикавказ горит, многие станции железной дороги частью сожжены, частью разрушены. Ужас, кровь и огонь царят во всем крае...

Что стало с войсковым правительством, отмежевавшимся в своей деятельности и политике от остального населения края и центральной народной власти всей России? Его нет, оно пало, оно лопнуло, как мыльный пузырь потому, что оно опиралось не на массы трудового населения. Оно вело пагубную политику: оно натравливало казака на солдата и рабочего, солдата и рабочего на казака, туземное население против русского, думая этим укрепить свою власть и повести борьбу

против завоеванных нами свобод. Оно, помимо воли народа, учредило Терско-Дагестанское правительство, как отдельную ячейку Юго-Восточного союза, куда вошли только верхи казачества и туземного населения».

Воззвание заканчивается призывом послать делегатов к 25 января в Моздок на областной съезд, на котором будет создана «единая всеобщая власть для всего края».¹

Таково воззвание Моздокского военно-революционного совета, противоречивое в самой сущности своей. Уничтожающе разоблачая и клеймя войсковое и Терско-Дагестанское правительства, авторы воззвания все же ответственность за трагические бедствия Терека возлагают в конечном счете на чеченцев и ингушей — на «племена, восставшие против мирного демократического населения края и нагло попирающие все блага свободы и человеческие права». Смысл и цель этих вызывающих провокационных обвинений, пронизанных духом старого колонизаторства, ясны и понятны. Прямого призыва к войне против чеченского и ингушского народов в воззвании еще нет. Но что чеченцы и ингуши исключаются из семьи народов Терека, что областной съезд созывается без них, а значит с тайным злобещим замыслом против них,—это прямо указывается в другом документе, в Программе организационного бюро по созыву съезда. В Программе, определявшей участников съезда, нормы представительства и порядок избрания делегатов, повторены еще более злобно те же обвинения: «Участвует в съезде все население Терской области: казаки, крестьяне, воинские части, рабочие и все трудовые народы, кроме племен, восставших против мирных граждан, нагло попирающих права и законы и не желающих жить дружно с прочими жителями».²

Воззвание Моздокского военно-революционного совета произвело сильное впечатление на все слои населения. Беспощадное разоблачение войскового правительства самим казачеством, призыв собраться на съезд и вместе организовать единую для всего Терека революционную власть — все это мало сказать благожелательно, с энтузиазмом воспринималось и в казачьих станицах, и в аулах, и в селениях Осетии, Кабарды, Балкарии. Перед всеобщим воодушевлением на задний план отходили выпады инициаторов съезда в отношении Чечни и Ингушетии. А между тем, как говорил С. М. Киров, суть положения заключалась именно в этом.

С. М. Киров тогда только что переехал из Владикавказа в Пятигорск, и Пятигорский Совет избрал его одним из трех своих делегатов

¹ Газ. «Горская жизнь» № 19, 25 января 1918 г.

² Борьба за Советскую власть в Северной Осетии (1917—1920 гг.). Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1957, стр. 43.

на Моздокский съезд. В беседах с делегатами Пятигорского, Кисловодского и других Советов по пути в Моздок Сергей Миронович говорил, что надо сорвать революционные ризы с тех, кто замышляет начать в Моздоке войну против ингушей и чеченцев. Надо во что бы то ни стало добиться создания на съезде правительства не войны, а мира и дружбы между народами Терека.

На Моздокский съезд прибыло около 400 делегатов. В соответствии с тогдашними национальными разграничениями Терской области состав съезда делился на четыре фракции: казачью, иногороднюю, осетинскую и объединенную кабардино-балкарскую. Чечня и Ингушетия не были, конечно, представлены на съезде. Не прислали своих делегатов и кумыкские селения Хасавюртовского округа, где тогда хозяйничал шейх Узун-Хаджи.

Самую многочисленную делегатскую группу составляли казаки. Из семидесяти казачьих станиц только четыре не были представлены на съезде. По неполным данным, из четырех казачьих отделов (округов) прибыл 191 делегат (Сунженский отдел—43, Кизлярский—40, Моздокский с городом Моздоком—76, Пятигорский—32), причем примерно четверть их были делегаты иногороднего крестьянства. Таким образом, представителей казачьих станиц на съезде было около 140.

Из Осетии (Владикавказский округ) приехало 35 депутатов, из Кабарды и Балкарии (Нальчикский округ вместе с Нальчиком)—53. От русского и другого иногороднего населения Хасавюртовского округа, в большинстве уже бывшего на положении беженцев, прибыло 15 делегатов.

От Советов рабочих и солдатских депутатов, городских самоуправлений и других организаций было 54 делегата (Владикавказ—18, Грозный—17, Кизляр—4, Георгиевск—6, Кисловодск—5, Пяти-

Б. Э. Калмыков.

И. И. Элердов.

горск—3, Железноводск—1). Были также представители воинских частей Ставропольской губернии (11) и другие.¹

Что представлял собой Моздокский съезд в политическом, партийном отношении? В казачьей группе делегатов не было тогда еще ни одного члена социалистических партий. Не было их и в кабардино-балкарской фракции. Но группу делегатов Кабарды и Балкарии возглавляли уже известные революционеры Бетал Калмыков,² Магомет Энеев, Султан Калабеков, Юсуф Настуев.

В осетинской же фракции ведущее положение занимали Симон Такоев, бывший тогда еще меньшевиком-интернационалистом, большевик Саханджери Мамсуров, керменисты Николай (Колка) Кесаев, Андрей Гостиев, Дебола Гибизов и другие.

Среди представителей Советов рабочих и солдатских депутатов и других городских организаций были: большевики — С. М. Киров (Пятигорск), С. Г. Буачидзе (Владикавказ), Н. Ф. Гикало, Г. З. Иоаннисиани, К. Б. Осипов (Грозный), Ю. П. Фигатнер (Кисловодск), В. Ф. Тронов (Георгиевск) и другие; меньшевики-интернационалисты, ставшие потом большевика-

¹ Газ. «Горская жизнь» № 25 (78), 1 февраля 1918 г.

² Бетал Эдыкович Калмыков родился в 1893 году в селении Атажукино Нальчикского округа. Еще подростком работал пастухом, затем рабочим, грузчиком. Возглавлял кабардино-балкарскую делегацию на областном народном съезде в Моздоке и на всех последующих съездах. Член Терского Народного Совета. После IV областного народного съезда—член Терского Совнаркома, чрезвычайный комиссар Кабардино-Балкарии. После V областного съезда — народный комиссар по национальным делам. Организатор и командующий партизанскими отрядами Кабардинско-Балкарии в борьбе с контрреволюционной армией генерала Деникина. После освобождения Терека от деникинцев — председатель Ревкома Кабардино-Балкарии, затем — секретарь Кабардино-Балкарского обкома РКП(б).

ми — И. И. Элердов¹ (Владикавказ), Я. П. Бутырин (Пятигорск), левые эсеры — Ю. Г. Пашковский, А. П. Сахаров (Владикавказ), А. А. Андреев (Пятигорск). В работах съезда принял участие и член большой делегации второго краевого съезда Кавказской армии, прибывшей из Тифлиса во Владикавказ в конце декабря 1917 года, большевик Захарий (Шакро) Палавандашвили.

В общем членов различных социалистических партий, всех вместе, было около 50, причем большевиков — около 20.

Будет ли на Тереке развязана война, грозящая потопить в крови не только революцию, но и местные народы? Именно на этот грозный вопрос предстояло прежде всего ответить Моздокскому съезду. Опасность того, что большинство съезда может оказаться на стороне воинственно настроенных казачьих депутатов, была очевидной для всех. Что же в таких условиях могла предпринять небольшая группа делегатов большевиков, какой тактики придерживаться?

Накануне открытия съезда состоялось совещание социалистических фракций, на котором почти без прений было принято предложение С. М. Кирова и С. Г. Буачидзе: действовать на съезде согласованно, добиваясь единого революционного народного фронта в борьбе против войны, против контрреволюции, за мир и братство всех народов Терека. Так возник социалистический блок — временное тактическое объединение большевиков, меньшевиков и эсеров, сыгравшее решающую роль в работе съезда. В совет социалистического блока, составленный на паритетных началах, от большевиков вошли С. М. Киров, С. Г. Буачидзе и Ю. П. Фигатнер.

Но прежде чем рассказать о Моздокском съезде, о принятых им исторических решениях, отметим один примечательный эпизод.

На 25 января, на тот же день, когда открылся народный съезд в Моздоке, Терское войсковое правительство созвало войсковой круг в станице Марьинской. Совпадение это, конечно, не случайное, цель его ясна — сорвать по возможности представительство казачьих станиц на Моздокском съезде или, по крайней мере, противопоставить войсковой круг съезду. Но... в станицу Марьинскую явилось лишь 60 депутатов круга, менее половины необходимого кворума. Пришлось войсковому правительству послать телеграмму в Моздок — «просить депутатов круга, участников съезда, пожаловать на круг в станицу Марьинскую для принятия полномочий правительства и организации твердой власти в области». Телеграмма была передана казачьей фракции съезда, которая приняла решение: «Предложить войсковому правительству

¹ И. И. Элердов родился во Владикавказе. Участник революции 1905 года, в 1917 году вернулся из ссылки. Меньшевик-интернационалист, в 1919 г. вступил в РКП(б).

прибыть на съезд в Моздок для сдачи отчета. Один из делегатов-казаков внес поправку — «предложить бывшему войсковому правительству»...— принятую единодушно, под шумные аплодисменты.¹

Так войсковой круг и не состоялся. Войсковое же правительство в Моздок, конечно, не приехало.

Председателем областного народного съезда был избран казак, член Моздокского военно-революционного совета Дмитриенко; товарищами председателя — Е. С. Богданов и Д. А. Бабков (делегаты Грозного), А. И. Филатов (Нальчик), В. Ф. Тронов (Георгиевск); секретарем — А. П. Сахаров (Владикавказ) и несколько товарищей секретаря.

Острейшая борьба на съезде развернулась сразу же с момента открытия его. Социалистический блок полагал, что съезд должен не только образовать новую областную революционную власть, но и облечь ее определенной политической программой. Поэтому представители блока настаивали на таком порядке работ съезда:

1) текущий политический момент — положение в Терской области; 2) организация временной областной власти; 3) земельный вопрос; 4) национальный вопрос; 5) рабочий вопрос; 6) продовольственный вопрос; 7) выделение из областной революционной власти Терского военно-революционного комитета; 8) создание отдельных и окружных в.-р. комитетов; 9) избрание комиссии для организации второго областного народного съезда.

Инициаторы же Моздокского съезда и почти вся казачья фракция требовали, чтобы съезд только решил вопрос о войне и мире с чеченским и ингушским народами и организовал твердую областную власть. Все же остальные вопросы, по их мнению, выходят за пределы компетенции настоящего съезда и могут быть решены только местным краевым учредительным собранием.

Обсуждение порядка работы съезда развернулось в жаркие прения по существу главного решающего вопроса — быть на Тереке войне или миру?

В ответ на яростные призывы делегатов ряда моздокских и сунженских станиц к беспощадной войне против чеченского и ингушского народов выступил горячо, взволнованно представитель Армейского центра Кавказского фронта большевик Шакро Палавандашвили. От имени многострадальной Кавказской армии он предложил поставить ребром вопрос о мирном сотрудничестве с чеченцами и ингушами, дать телеграмму о приглашении на съезд их представителей.

Приветствуя съезд от имени социалистического блока, С. Г. Буа-

¹ Газ. «Горская жизнь» № 25, 1 февраля 1918 г.

чидзе рассказал, во имя чего большевики и все другие социалистические партии объединились на этом съезде, и призвал к объединению весь съезд, чтобы не допустить братоубийственной войны, которая нужна и выгодна только врагам народа. «Ингуши и чеченцы,— говорил С. Г. Буачидзе,— находятся под влиянием тех же паразитов, которые обманывали до сих пор и казаков, и русских крестьян».

Но все подобные призывы тонули в яростных выкриках, иступленных речах отчаявшихся казаков тех отделов, где фактически уже шла война — Сунженского, Кизлярского, Моздокского. А чья-то искусная рука, несомненно, действовала все время, чтобы еще более распалить воинственные страсти, отравить съезд националистической враждой. Известия, одно ужаснее другого, долетали до съезда и нарочито драматически преподносились ему: то в Хасавюрте с ночи идет настоящий бой, вокзал уже занят чеченцами; то на перегоне между Хасавюртом и Гудермесом воинский эшелон спущен под откос; то чеченцы напали на обоз казаков около станицы Воронцовской и т. д. и т. п. Как потом оказалось, большинство этих вестей были ложными. Но свою роль они сыграли.¹

Окончательное соотношение сил на Моздокском съезде в первый день далеко еще не определилось. Вместе с социалистическим блоком за политику мира и дружбы всех народов Терека твердо и решительно высказались делегаты Осетии и Кабардино-Балкарии. Осетинская фракция огласила декларацию, в которой «от имени своих избирателей» заявила о неуклонном решении поддерживать, совместно со всей демократией, мир и братство народностей области.

За политику же силы в отношении чеченского и ингушского народов, против переговоров и каких-либо соглашений с ними выступило подавляющее большинство делегатов казачьих станиц и иногороднего крестьянства Моздокского, Кизлярского и Сунженского отделов, где война фактически уже шла. К ним примкнули почти все делегаты разоренных селений и хуторов Хасавюртовского округа и часть делегатов Грозного и Кизляра.

Но была на съезде группа делегатов, позиция которой в первый

¹ Автор настоящей книги был участником Моздокского съезда и единственным журналистом, систематически, изо дня в день, в подробных корреспонденциях освещавшим работу съезда. Корреспонденции эти публиковались в газетах «Пятигорское эхо» и «Терек», а затем, как единственный источник информации о Моздокском съезде, перепечатывались в «Горской жизни» и в других газетах, выходивших в Терской области. Только благодаря этому сохранились доклады и выступления С. М. Кирова на съезде, и тексты их приводятся в сборнике «С. М. Киров. Статьи, речи, документы», 1935 года, а также в аналогичных сборниках (1936 и 1957 гг.). Здесь и дальше приводятся выдержки из этих корреспонденций автора.

день не совсем еще определилась. Это, в основном, представители казачьих станиц и иногороднего крестьянства Пятигорского отдела — единственной сравнительно спокойной в то время части Терской области. Наиболее зажиточные на Тереке пятигорские станицы, расположенные к тому же далеко от Ингушетии и Чечни, не переживали непосредственно трагедии горско-казачьих противоречий и не проявляли особого желания втягиваться в кровопролитную войну.

Вопрос о войне и мире можно было решать только при значительном перевесе сил на той или иной стороне. Такого перевеса явно не было ни у сторонников войны, ни у тех, кто отстаивал мир. А если говорить точнее, то в первый день вообще неизвестно было, есть ли какой-либо перевес и на чьей он стороне.

Это был первый удар по воинственным замыслам главарей Моздокского военно-революционного совета. Ведь все свои планы совет строил на полнейшей уверенности в том, что созываемый им съезд даст легко увлечь себя на путь войны. Первый же день работы съезда показал, насколько ошибочны были подобные расчеты. Очевидно поэтому организаторы съезда решили действовать напролом. Следующий — второй день работы съезда, по требованию Моздокского военно-революционного совета, начался с закрытого заседания — для обсуждения заявления военной секции совета.

На трибуну поднялся полковник Рымарь — председатель военной секции и командующий вооруженными силами Моздокского совета. Он доложил насторожившемуся съезду, что военная секция мобилизовала и подготовила к наступлению значительные военные силы и уже дан приказ о вторжении их в Чечено-Ингушетию.

Съезд был ошеломлен. Воинствующая часть казачьей фракции шумными аплодисментами приветствовала заявление Рымаря. Однако замешательство и растерянность большинства делегатов других фракций длились недолго. Совет социалистического блока взял инициативу в свои руки. Выступивший от имени социалистического блока С. Г. Буачидзе заявил резкий протест и потребовал немедленно отменить приказ о наступлении.

Заседание закончилось поздно вечером и сопровождалось множеством инцидентов, когда казалось, что съезд вот-вот будет сорван. В самом конце прений, уже перед голосованием, было предоставлено слово С. М. Кирову, выступившему по поручению социалистического блока.

Заседание съезда было закрытым, обсуждались сугубо секретные вопросы чрезвычайного военного значения и по ходу заседания никаких записей даже в официальном протоколе не велось. Поэтому нет никаких документов, в которых хотя бы кратко излагалась речь С. М.

Кирова. А между тем это было, несомненно, одно из самых сильных выступлений пламенного трибуна революции.

Сергей Миронович говорил о том, что первое слово, с которым новая революционная власть России, власть рабочих, крестьян, солдат обратилась ко всем народам — это мир. Чьим торжеством будет та война, которую хотят объявить здесь? Трудового казака? Крестьянина и рабочего? Бедняка-горца? Нет! Торжествовать будут только самые черные силы, мечтающие потопить революцию в потоках народной крови!

Кажется никогда еще Сергей Миронович не говорил с такой неотразимой, волнующей силой убеждения, с такой глубокой любовью и непоколебимой верой в трудовой народ. Напряженная тишина была в зале. На глазах многих появились слезы. Речь Сергея Мироновича потрясла всех.

Началось голосование: 168 делегатов — за мир, 132—за войну!

Съезд постановил отменить приказ Моздокского военно-революционного совета о наступлении против Чечни и Ингушетии. Затем была принята резолюция, предложенная социалистическим блоком, сущность которой сводилась к следующему:

1) обратиться ко всем народам Терской области с призывом принять участие в съезде; 2) немедленно направить делегации к чеченскому и ингушскому народам с предложением мирного разрешения всех вопросов, волнующих их и все народы области; 3) опубликовать и широко распространить среди населения Терской области декларацию съезда.¹

Победа эта окончательно упрочила ведущую роль социалистического блока в работе съезда. Тактика единого революционного народного фронта, энергично проводимая большевиками во главе с С. М. Кировым и С. Г. Буачидзе, полностью себя оправдала. Политика мира и братства народов Терека, провозглашенная социалистическим блоком, сплотила большинство съезда, включая немало и делегатов казачьих станиц.

Но воинственно настроенная часть казачьих делегатов, подстрекаемая и провоцируемая полковником Рымарем, есаулом Пятирублевым и другими офицерами, не сложила оружия. На следующий день, по настоянию казачьей фракции, «резолюция мира», принятая накануне на закрытом заседании, была вновь пересмотрена уже на открытом заседании. Опять начались бурные прения, опять раздавались угрозы по адресу не только «миротворцев» — социалистов, но и делегатов пятигорских станиц, отказавшихся поддержать войну против

¹ Газ. «Горская жизнь» № 25, 1 февраля 1918 г.

Чечни и Ингушетии. Однако съезд вторично принял ту же «резолюцию мира».

Но и после голосования в президиум поступали записки с протестами против решения съезда. Казачья фракция заявила, что она не будет участвовать в мирных переговорах с чеченцами и ингушами и отказывается выделить своих представителей в состав мирной делегации.

В довершение всего на трибуну вновь поднялся полковник Рымарь. «Если вы отменяете наш приказ о наступлении,— заявил он,— то я отказываюсь дальше работать и слагаю свои полномочия». «Военная секция отдает себя и все свои вооруженные силы в распоряжение съезда»,— торжественно продолжал Рымарь и добавил тоном утешения: «Пусть съезд сам разговаривает с теми казачьими частями, которые идут сюда, и с казачьей массой, которая изверилась в мирных средствах и требует войны».¹

Под таким давлением социалистический блок решил добавить к уже принятой «резолюции мира» четвертый пункт: «Приказ о наступлении отменить, но организацию сил и мероприятия по обороне тех мест, которым угрожает опасность, поручить тем организациям, которые до сих пор этим занимались».² Кроме того, съезд избрал военную секцию — коллегию для рассмотрения все время поступавших из различных мест тревожных сообщений. Секция работала непрерывно, время от времени представляя на утверждение съезда принятые решения.

С большим трудом удалось убедить казачью фракцию принять участие в мирных переговорах. Но казаки настаивали на предъявлении чеченскому и ингушскому народам двух требований: чтобы они немедленно вложили в один из банков десять миллионов рублей — «в обеспечение от грабежей и насилий, которые могут причинить их абреческие шайки после заключения мира», и чтобы сдали все имеющееся у них оружие. Абсолютная неприемлемость и провокационность таких требований были ясны всем. И С. М. Кирову удалось убедить казачью фракцию отказаться от них.

Одна мирная делегация во главе с И. И. Элердовым направилась в Чечню, другая — во главе с А. П. Сахаровым и Шакро Палавандашвили — в Ингушетию.

Мирным делегациям был дан наказ, в котором в самом общем виде сказано, как мыслит съезд новое государственное устройство Терской области: «Для прекращения начавшейся гражданской войны

¹ Газ. «Горская жизнь» № 28, 6 февраля 1918 г.

² Там же.

и спасения области от разрастающейся анархии, съезд считает необходимым объединить все национальности и группы, населяющие Терскую область, в один равноправный в своих частях союз».¹

Далее в наказе говорилось, что для восстановления добрососедских отношений съезд ждет от Чечни и Ингушетии действительных мер, обеспечивающих мирную жизнь. Для разрешения всех наболевших вопросов (земельного, национального, экономического, правового и других) съезд предлагает чеченцам и ингушам послать своих представителей на учредительный съезд народов области, который будет созван в самом непродолжительном времени.

Но в наказ были включены и предварительные требования, ответ на которые Чечня и Ингушетия должны были дать в трехдневный срок: о прекращении всех военных действий, нападений и грабежей; о гарантии безопасности работ по восстановлению телеграфного и телефонного сообщения и железнодорожной линии, а также работ на Старых и Новых грозненских нефтяных промыслах; о выдаче контрреволюционеров, занимающихся натравливанием темных масс на мирное население, для предания их военно-революционному суду; о возвращении всего оружия и арсенала, захваченного чеченцами в крепости Ведено и в Хасавюрте, и ингушами — во Владикавказе. Ясно, что некоторые из этих требований могли только осложнить переговоры с Чечней и Ингушетией, но мирные делегации Моздокского съезда нигде и не предъявляли их ультимативно.

Так прошли первые четыре дня работы Моздокского съезда — бурные, волнующие дни. Социалистический блок сумел провести съезд через самое трудное испытание: страшная истребительная война предотвращена, все народы Терека признаны равноправными членами единой братской семьи, посланцы съезда со словами мира и дружбы направились в Чечню и Ингушетию...

Но перед Моздокским съездом возникли новые серьезные испытания. Открывая утром пятого дня очередное заседание, председатель съезда огласил заявление за подписью 132 делегатов о том, чтобы в повестке дня был первым поставлен вопрос об отношении съезда к власти Совета Народных Комиссаров.

Вопрос этот возникал еще в самом начале работ съезда, но по предложению С. М. Кирова и С. Г. Буачидзе был снят с обсуждения. Дискуссия по этому кардинальному вопросу, несомненно, расколола бы только что созданный социалистический блок, чрезвычайно затруднила, а, может быть, и сорвала единство всех революционных, демократических сил Терека. Если и ставить этот вопрос на обсуждение

¹ Газ. «Терек» № 6087 7 февраля 1918 г.

съезда, то только в самом конце, когда уже будут решены все основные наболевшие местные вопросы и организована новая революционная общеобластная власть на Тереке.

С этим согласился весь социалистический блок. И вдруг именно теперь, когда, отстояв мир, съезд только-только подошел к решению других основных вопросов—132 депутата потребовали немедленно обсудить его.

Против «резолуции мира» на закрытом заседании съезда также голосовало 132 депутата. Может быть это и случайное совпадение. Но, очевидно, не случайно, что среди тех, кто потребовал немедленно обсудить вопрос об отношении к Совету Народных Комиссаров, были самые ярые противники мира с чеченским и ингушским народами. Именно делегаты, близкие к полковнику Рымарю, шумно требовали признать власть Совета Народных Комиссаров, причем ссылались на наказания своих станиц. В кабардино-балкарской и осетинской фракциях высказывали подозрения, что казаки преследуют какую-то свою тайную цель.

Действительно, как было не насторожиться, когда за Советскую власть стал ратовать на съезде есаул Пятирублев, бывший полицейский чин, ныне правая рука полковника Рымаря. Чего добивались они?

Несомненно, они надеялись расколоть ненавистный им социалистический блок, сорвать его руководящую роль на съезде. А главное—это то «стратегическое приспособление к большевизму», о котором мы говорили в начале этой главы: если съезд признает власть Совета Народных Комиссаров, то можно будет уже под лозунгом Советской власти добиваться войны против чеченского и ингушского народов. Некоторые выступавшие по этому вопросу откровенно говорили: когда мы просили соседей и возвращавшиеся с фронта войска о вооруженной помощи против чеченцев и ингушей, то они спрашивали — а как вы относитесь к Совету Народных Комиссаров?

Но среди инициаторов «заявления 132» была и незначительная группа «левых» большевиков, не понимавших проводимой С. М. Кировым и С. Г. Буачидзе тактики единого революционного народного фронта и отказавшихся поэтому от участия в социалистическом блоке.

Наконец, на признании власти Совета Народных Комиссаров настаивали и те депутаты, в том числе казачьи, которые были искренне убеждены, что только Советская власть сможет разрешить все наболевшие вопросы местной жизни, внести успокоение, утвердить порядок на Тереке.

После продолжавшихся все утреннее заседание прений подавляющее большинство съезда решило поставить первым в повестку дня

вопрос об отношении к власти Совета Народных Комиссаров и обсудить его на вечернем заседании.

Предвидя возможность такого положения на съезде, социалистический блок в известной мере подготовился к нему. По договоренности между левым крылом блока (большевики, керменисты и левые эсеры) и правым (меньшевики и правые эсеры) решено было не выступать на съезде ни за, ни против признания власти Совета Народных Комиссаров. В таком духе от имени социалистического блока и выступил С. Г. Буачидзе: «Мы, социалисты, подчинимся народу,— сказал он.— Мы не желаем действовать так, чтобы дать хоть кому-нибудь повод говорить, будто социалисты раскалывают народ. Пусть народ сам решит этот вопрос и его решению мы, социалисты, все подчинимся».¹

Но подобная позиция уже не только не удовлетворяла большинство делегатов съезда, но и была им просто непонятной. Четыре дня напряженной работы и острейшей борьбы на Моздокском съезде не прошли в этом отношении даром. От кого, как не от социалистического блока, большинство съезда вправе было ждать теперь ясного недвусмысленного ответа, тем более по такому кардинальному вопросу, волновавшему всех? И в своем решении съезд высказал пожелание, чтобы представитель именно социалистического блока выступил с докладом об отношении к власти Совета Народных Комиссаров.

Социалистический блок поручил сделать доклад С. М. Кирову. Так уж повелось и стало своего рода традицией: и на Моздокском, и на следующем Пятигорском съезде в самые острые критические моменты по поручению социалистического блока на трибуну поднимался Сергей Миронович, чтобы внести ясность в запутанное и сложное положение, обосновать правильное решение, воодушевить, укрепить революционную решимость депутатов съезда. С. М. Киров был автором всех основных документов Моздокского съезда.

В своем докладе С. М. Киров подробно рассказал о политическом положении в России, подчеркнув, что гражданская война на Тереке представляет особенно грозную опасность. «Терская область разбилась на несколько частей, ведущих между собой кровавые бои... Если мы не создадим единого революционного крепкого фронта, то наше дело здесь будет погублено».

Возражая тем, которые заявляли, что признание власти Совета Народных Комиссаров само собою разрешит все больные вопросы, в том числе и вопрос о земле, Сергей Миронович сказал: «Только сама демократия Терской области может успокоить наш край и никто другой, только сам народ может вывести нас из полосы анархии. Если

¹ Газ. «Горская жизнь» № 30 (80), 8 февраля 1918 г.

трудовой казак не будет жить мирно с трудовым горцем, то и Совет Народных Комиссаров нам не поможет». Ожидать помощи от Советской России в данный момент нельзя, так как «между Терской областью и Советом Народных Комиссаров стоит с полчищами генерал Каледин. ... Нам надо рассчитывать только на свои силы и задуть свою контрреволюцию».

Заканчивая свой доклад, С. М. Киров сказал:

«В социалистическом блоке смотрят на власть Совета Народных Комиссаров по-разному. Но у нас есть демократическая платформа, на которую мы призываем встать весь съезд; мы боремся за республику демократическую: рабочих, солдат и крестьян. Пусть все, кому дороги интересы крестьян и рабочих мозолистых рук, скажут: «Да здравствует Республика рабочих, крестьян и солдат!»¹

Съезд с воодушевлением, продолжительными аплодисментами приветствовал призыв народного трибуна. Но в развернувшихся затем прениях ряд делегатов все же настаивал на немедленном признании власти Совета Народных Комиссаров.

Всем им ответил С. М. Киров в кратком заключительном слове. Разоблачая тех, кто призывал признать власть Совета Народных Комиссаров, чтобы разбить чеченцев и ингушей, он сказал, что тогда и ингуши признают власть Совета Народных Комиссаров, чтобы разбить казаков. «Если мы будем признавать власть Советов только для того, чтобы разделаться с другими народностями оружием, то лучше не признавать этой власти».

С. М. Киров подчеркнул, что демократия неизбежно приходит к признанию Советской власти. Он выразил надежду, что работы съезда будут продолжены с участием представителей других народов, «которых кое-кто считает извергами», и тогда в более спокойной обстановке будет признана власть Советов. «Кто говорит против этого, тому остается лишь чистить винтовку, точить шашку. Наши задачи — объединение, объединение и объединение. И тогда каждый шаг нашей работы будет утверждением Советской власти».²

В заключение С. М. Киров предложил съезду принять резолюцию, в которой отмечается, что создавшееся в Терской области положение является весьма благоприятным для сосредоточения контрреволюционных сил, и они сделают все, чтобы углубить и расширить начавшуюся гражданскую войну. Поэтому перед революционной демократией Терской области стоит чрезвычайная задача — организовать все революционные силы, могущие противостоять надвигающейся опасно-

¹ С. М. Киров. Избранные статьи и речи. М., 1957, стр. 18—19.

² Там же, стр. 20.

сти. Только в борьбе за республику рабочих, солдат, крестьян, казаков и горцев можно успешно побеждать контрреволюцию, выступающую со всех сторон.¹

В резолюции указывалось также на необходимость, прежде всего, создать орган власти, способный объединить демократию Терской области и быть авторитетным для масс населения без различия национальностей.

Резолюция была принята съездом единогласно, под гром аплодисментов.

Это вторая решающая победа социалистического блока, победа большевиков, фактически руководивших съездом, что было теперь очевидно для всех. Провозгласив мир и дружбу всех народов Терека, социалистический блок в острейшей борьбе с воинственной частью казачьих делегатов сумел сплотить большинство съезда. Сформулированный С. М. Кировым второй основной политической лозунг социалистического блока — «За республику рабочих, солдат, крестьян, казаков и горцев!» — объединил весь съезд.

Таким образом, благодаря умелой тактике большевиков была не только устранена угроза раскола только что с такими невероятными трудностями созданного большинства съезда, но и достигнуто укрепление его на более широкой основе. В резолюции, предложенной С. М. Кировым и единогласно принятой съездом, ничего не говорится о признании власти Совета Народных Комиссаров. Но доклад С. М. Кирова, его заключительное слово, предложенная им резолюция — это открытая пропаганда неизбежного торжества Советской власти и страстный призыв именно для этого к объединению всех народов Терека, к организации и утверждению в каждой станице, селении, ауле подлинной власти трудящихся.

Правое крыло социалистического блока, уступая по существу левому, а положение было такое, что не уступить оно не могло, удовлетворялось тем, что формально съезд все-таки не заявил о признании им власти Совета Народных Комиссаров.

Успешно пройдя через второе труднейшее испытание, съезд мог, наконец, приступить к выработке своей конкретной политической программы и к решению главной задачи — организации новой областной революционной власти. Однако поздно вечером того же дня (29 января ст. ст.) на совещании Совета социалистического блока стало известно, что полностью изолированная на съезде кучка казачьих офицеров и самых оголтелых приверженцев войны против Чечни и Ингушетии

¹ Протокол 1-го всеобщего демократического съезда Терской области в гор. Моздоке. 25 января 1918 г. Пятый день, 29 января. Типографский оттиск.

готовится устранить руководителей социалистического блока, прежде всего С. М. Кирова и С. Г. Буачидзе.

Обстановка в Моздоке была и без того неблагоприятной для продолжения и благополучного завершения работы съезда. Да и возвращения мирных делегаций, направленных в Чечню и Ингушетию, предстояло ждать довольно долго. Поэтому решено было предложить съезду ограничиться в Моздоке принятием декларации и избранием временного органа новой областной власти и через некоторое время возобновить работу съезда, как второй сессии его, но уже в Пятигорске.

События следующего — шестого дня работ съезда подтвердили правильность этого решения. Утром из станицы Наурской на имя полковника Рымаря поступила телефонограмма о том, что казачий отряд станицы Червленной наступает в направлении Чечни. Как прикажете действовать? — спрашивал станичный комиссар Фомин. Полковник Рымарь препроводил телефонограмму на обсуждение съезда, запрашивая, в свою очередь, как действовать в данном случае? И вот съезд в течение всего дня в закрытом заседании обсуждает этот вопрос. В конце концов было решено направить группу представителей съезда для ознакомления на месте с обстоятельствами дела, а также чтобы установить связь с мирной делегацией, выехавшей в Чечню, и информировать съезд о событиях в области.¹

Только в конце дня Я. П. Бутырин смог выступить с обоснованием предложения социалистического блока: избрать временный орган областной власти, обратиться к населению с декларацией, затем прервать съезд дней на десять и перенести его в более удобное место, чтобы подготовить доклады и законопроекты по важнейшим вопросам.

Предложение принимается единогласно. Решено было вечером не устраивать заседания съезда, чтобы все фракции и группы могли обсудить и выделить своих представителей во временный орган власти.

На следующий — седьмой и последний день работы съезда в Моздоке с большим докладом об организации областной власти выступил С. Г. Буачидзе. Он предложил принять норму представительства—1 от каждых 35 000 населения, и тогда временный орган власти будет состоять из 35—40 человек. В виде исключения в нем будут также два представителя от железнодорожников и один — от почтово-телеграфных служащих. Подходящим названием этой власти будет Терский Народный Совет, а исполнительного органа, выделенного Советом,— Терский Народный Комиссариат.

¹ См. протоколы заседаний 1-го всеобщего демократического съезда Терской области в гор. Моздоке. Шестой день, 30 января. Типографский оттиск.

Съезд единогласно утвердил доклад С. Г. Буачидзе.

Выступивший затем С. М. Киров заявил, что, по мнению социалистического блока, для создаваемой народной власти необходимо в общих чертах указать, как будут разрешены главнейшие вопросы и задачи по удовлетворению народных нужд. При напряженном внимании всех делегатов он зачитал проект декларации — обращение съезда ко всему трудовому населению Терека:

«Граждане горцы, казаки, крестьяне, рабочие, солдаты и все стоящие на страже революции! Грозный момент переживает Терская область. Со всех сторон поднимаются мрачные тучи контрреволюции, всюду вспышки анархии, во многих местах занялось зарево гражданской войны, всюду льется человеческая кровь. Кому это нужно? Это необходимо только врагам народа, врагам революции, готовым каждую минуту вонзить нож в сердце трудового народа».

В декларации¹ отмечалось, что до сих пор Терской областью управляли лица, чуждые интересам народа, и поэтому ни одно завоевание революции не было осуществлено. «Дело революции в Терской области восторжествует только при том условии, если все трудовые элементы тесным кольцом объединятся вокруг I съезда рабочих, солдат, казаков, крестьян и горцев и явятся твердой опорой для Терского Народного Совета, созданного этим съездом. Только тогда можно прекратить, наконец, анархию, междуплеменную вражду и остановить потоки человеческой крови».

Далее в декларации указывалось, что земельный вопрос в области должен быть разрешен коренным образом с тем, чтобы были удовлетворены нужды и интересы всего трудового земледельческого населения всех национальностей.

По национальному вопросу в декларации заявлялось, что каждому народу в Терской области должна быть предоставлена действительная возможность, в согласии с основами, провозглашенными Великой Российской революцией, устраивать свою жизнь так, как ему кажется лучше.

Производство, транспорт и продовольствие должны быть взяты под контроль народного самоуправления. Только сам организованный народ в лице областного самоуправления может покончить с голодом, бестоварием, безработицей и хозяйственной анархией.

Для решения всех острых вопросов, волнующих край, созвать 15 февраля в Пятигорске вторую сессию народного съезда, на который пригласить представителей всех народов области.

¹ Декларация была написана С. М. Кировым и одобрена советом социалистического блока.

Заканчивалась декларация так: «Только путями, указанными здесь, истекающая кровью демократия Терской области пойдет победно, смело и гордо навстречу светлому будущему, где истинная свобода, равенство и братство. Съезд призывает все население Терской области воскликнуть вместе с ним: «Да здравствует братство всех народов!»¹

Декларация была утверждена единогласно, с огромным воодушевлением. «Депутаты встают с мест, обнажают головы, зал наполняется звуками Марсельезы».²

Наконец, съезд подошел к решению последнего вопроса—к утверждению состава областного органа революционной власти — Терского Народного Совета. По данным о количестве населения Терской области, которыми располагал съезд, состав Терского Народного Совета определился так: чеченцев—10, ингушей—2, осетин—6, кабардинцев—5, балкарцев—1, кумыков—1, казаков—8, иногородних—10; кроме того, от союза железнодорожников—2 и от союза почтово-телеграфных служащих—1. Всего—46.

С большим подъемом, под гром аплодисментов съезд единогласно утверждает списки членов Временного Терского Народного Совета, представленные национальными фракциями и группами. В Терский Народный Совет избраны: от осетинского народа — Николай Кесаев, Михаил Басиев, В. Кургосов, Сосланбек Наскидаев, Знаур Кубалов, Хангери Бучиев; от кабардинского народа — Лукман Бозиев, Герандуко Лукожев, Магомед Мирза Ханджиев, Анзор Тикужев, А. И. Филатов; от терского казачества—И. Левкин и Ф. Бабсков (Кизлярский отдел), Х. Белов и И. Игнатенко (Моздокский отдел), А. Сомов и З. Масленников (Сунженский отдел), А. Дьяков и Н. Кудрявцев (Пятигорский отдел); от иногородних — С. Г. Буачидзе, С. Г. Мамсуров, И. И. Элердов, Ю. Г. Пашковский, А. П. Сахаров, Е. С. Богданов, Д. А. Бабков, Черный, Грига, Силкин.

На трибуну поднимается С. М. Киров. «Перед нами народная власть!» — взволнованно восклицает он, и от имени социалистического блока горячо поздравляет съезд с тем, что осуществилась мечта трудящихся всех народов Терека о создании своей революционной власти.

Представители всех фракций и групп приветствуют народных избранников и выражают благодарность председателю и президиуму съезда. Депутат Белый от имени казачьей фракции благодарит социалистический блок, сумевший объединить весь съезд на благо народа.

¹ Борьба за Советскую власть в Северной Осетии (1917—1920 гг.). Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1957, стр. 52—55.

² Протоколы заседаний 1-го всеобщего демократического съезда Терской области в гор. Моздоке. Седьмой день, 31 января. Типографский оттиск.

— Пусть помнят все, — говорит представитель осетинской фракции, — что за новой народной властью стоит трудовой осетинский народ. Да не дрогнут сердца наших избранников! Осетия по их кличу встанет как один человек.

— Пусть первый съезд трудовых народов займет первую страницу в истории народовластия в Терской области, — говорит председатель съезда Дмитриенко и, объявляя съезд закрытым, под долгие и бурные аплодисменты восклицает: «Да здравствует новая демократическая власть!»¹

Так прошли семь дней работы Моздокского народного съезда — бурные, полные тревог, волнений.

Терский Народный Совет переехал в Пятигорск, избрав его временным местом пребывания областной власти. Председателем Совета был избран Ю. Г. Пашковский,

Ю. Г. Пашковский.

заместителями его — А. Сомов и Е. С. Богданов, секретарями Совета — А. П. Сахаров и Д. А. Бабков. Для управления делами Терской области было организовано десять коллегий: по отделу организации и охраны общественного и революционного порядка, которую возглавил С. Г. Буачидзе; по продовольственному отделу — Н. Кесаев; по отделу промышленности и торговли — И. И. Элердов; по отделу труда и по финансовому отделу — Е. С. Богданов; по отделу земледелия — Грига; по отделу народного просвещения — В. Кургосов; по отделу железнодорожного сообщения — Зейликович; по отделу почты и телеграфа — Ребриев; по национальному вопросу — Л. Бозиев.

По пути из Моздока в Пятигорск, на станции Минеральные Воды, 2 (15) февраля Терский Народный Совет принял декрет № 1, обра-

¹ Протоколы заседаний 1-го всеобщего демократического съезда Терской области в гор. Моздоке. Седьмой день, 31 января. Типографский оттиск.

щенный ко всем военно-революционным советам, к Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, к городским и сельским самоуправлениям Терской области. В декрете сообщалось, что происходивший в Моздоке областной съезд выделил орган народной власти—Терский Народный Совет, которому вручена вся полнота военной и гражданской власти. Терский Народный Совет призывает всех граждан объединиться вокруг Народной власти для спасения края от гражданской войны и анархии. Все административные, революционные, общественные организации обязаны немедленно выполнять приказы и постановления Народного Совета.

В тот же день Терский Народный Совет отправил телеграмму — «Всем, всем, всем...» После очень сжатого сообщения о решениях Моздокского съезда, в телеграмме говорится:

«Над пробуждающимися народностями Терского края загорается заря новой жизни. Объединившись в одну семью, народности области шлют братский привет всей демократии России.

Сбрасывая путы Юго-Восточного союза, созданного контрреволюционными замыслами, народы Терской области становятся в ряды революционного фронта России для защиты свободы и возрождения Родины».¹

¹ Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918 г. Приложение: Декреты и приказы Терского областного Народного Совета, стр. 1.

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ МАНЕВРИРУЕТ

Все, что боится народоправства, уже трепещет. Если они очищают дорогу, когда мы не успели еще собраться, то это первая победа Моздокского съезда. Будут другие великие победы. Мы начинаем понимать друг друга...

С. М. Киров.

Весть о том, что народный съезд в Моздоке провозгласил мир и дружбу между всеми народами Терека и образовал новую областную революционную власть, быстро облетела истерзанный, страдавший край. Пятигорский и Грозненский Советы, по поручению съезда, отпечатали и широко распространили большое количество листовок с моздокской декларацией. Доклады делегатов съезда, вернувшихся в свои станицы и селения, взволнованно обсуждались на многочисленных собраниях и митингах. Всюду началась подготовка к назначенному на 15 (28) февраля в Пятигорске второму народному съезду.

От делегаций, направленных Моздокским съездом к чеченскому и ингушскому народам, поступали тоже в общем отрадные сообщения. Трудовые Чечня и Ингушетия с радостью и воодушевлением встречали посланцев мира. В аулах и селениях начались выборы делегатов на Пятигорский съезд.

Контрреволюционные силы забили тревогу. Казачье офицерство, все эти Рымари и Пятирублевы, так горячо взявшиеся за организацию Моздокского съезда, поняли, как жестоко просчитались они, какую непоправимую ошибку допустили. Что же делать теперь? Выход один — так или иначе очернить Моздокский съезд, дискредитировать его в глазах казачества и горских народов, сорвать или хотя бы расколоть созываемое в Пятигорске продолжение Моздокского съезда,

главное — не допустить участия в нем делегатов Чечни и Ингушетии.

С соответствующим заявлением прежде всего выступило Терско-Дагестанское правительство, объявив Моздокский съезд «митингом», а Терский Народный Совет — «неправомочным». Достойную отповедь этому заявлению дал С. М. Киров в передовой статье газеты Пятигорского Совета «Голос», ставшей временно официальным органом Терского Народного Совета.

Указав, что одна из составных частей Терско-Дагестанского правительства — войсковое правительство, фактически лишено всякого доверия и оказалось в таком положении, что ему не перед кем было даже сложить свои полномочия; что самый многочисленный народ Терской области — чеченский, живет и управляется вне всякого влияния Терско-Дагестанского правительства, да и Дагестан не имеет никакого к нему отношения, газета спрашивает: «На кого же опирается это правительство, кем оно управляет? Решительно ни на кого, кроме кучки безответственных лиц, играющих в министерства».¹

Но в руках Терско-Дагестанского правительства было такое, все еще сильное оружие, как местное учредительное собрание или, как его называли, краевой сейм. Созвать сейм Терско-Дагестанское правительство обещало еще в своей первой декларации. Теперь оно поспешило назначить выборы в учредительное собрание на 15 (28) марта 1918 года.

Выборы в краевой сейм могли стать большой политической приманкой, потому что иллюзии народных масс относительно учредительного собрания далеко еще не были изжиты. В резолюциях многих проходивших тогда съездов и собраний указывалось на необходимость скорейшего созыва местного учредительного собрания. Например, Пятигорский отдельский (окружной) съезд, послав делегатов на областной народный съезд в Моздоке, потребовал, чтобы новая областная власть, организованная в Моздоке, созвала местное учредительное собрание.

Войсковой круг, собравшийся во Владикавказе за несколько дней до открытия второго областного народного съезда в Пятигорске, одобрил «Положение о выборах в краевой сейм», составленное Терско-Дагестанским правительством. Круг признал настоятельно необходимым скорейший созыв сейма.

За созыв местного краевого учредительного собрания категорически высказался и V съезд осетинского народа, состоявшийся 1—6 (14—19) февраля в сел. Ардон.

И, конечно, заправила Терско-Дагестанского правительства на-

¹ Газ. «Голос», 14 февраля 1918 г.

деялись, что их поддержат эсеры и меньшевики. Но тут они ошиблись. Даже правым эсерам, не так давно призывавшим к поддержке Терско-Дагестанского правительства и даже к участию в нем, было ясно, что связать свою судьбу теперь с Терско-Дагестанским правительством, значит обресть себя на немедленную политическую смерть. От местного учредительного собрания меньшевики и эсеры, конечно, не отказались, только они надеялись добиться его в том или ином виде через второй областной народный съезд.

Назначение на 15 (28) марта выборов в учредительное собрание создало некоторую почву для активизации контрреволюционных сил. Нальчикский окружной исполнительный комитет, например, послал открывшемуся в Пятигорске народному съезду телеграмму о том, будто «народ разделяет убеждение Терско-Дагестанского правительства, что только краевое учредительное собрание может создать истинную народную власть, а не митинговое Моздокское собрание». В телеграмме заявлялось еще, что делегаты на Пятигорском съезде от кабардинцев и балкарцев, как выбранные не по четырехчленной системе, не имеют полномочий.¹

Это был открытый вызов революционным силам кабардинского и балкарского народов.

Кабардино-балкарская фракция съезда вызов приняла. В ответной телеграмме она заявила, что окружной исполнительный комитет и окружной комиссар давно потеряли всякое доверие в глазах кабардинского народа. «Кабардинский народ,— говорится в телеграмме,—в лице своих представителей постановил: считать членов окружного исполнительного комитета врагами народа и злостными клеветниками...». Ни один из них «не избежит справедливого гнева и строгого народного суда».²

Делегатами на Пятигорском народном съезде были почти все более или менее видные революционные деятели Нальчикского округа, вожаки народных масс. Воспользовавшись этим, дворяне-помещики организовали свой полк, решив не допустить возвращения делегатов со съезда в Кабардино-Балкарию, переловить их по дороге и расправиться, и тем самым обезглавить революционное движение в округе.

Но революционное сознание масс было уже настолько высоко, что около тысячи крестьян-повстанцев — вооруженных всадников стихийно двинулись к Нальчику для разгрома белой банды. Дворяне, не приняв боя, разбежались.

Кабардино-Балкария была тогда единственным, пожалуй, райо-

¹ Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918, стр. 26.

² Там же, стр. 72.

ном, где помещики, владетельные князья попытались силою оружия воспрепятствовать образованию на Тереке новой революционной областной власти. Правда, Терско-Дагестанское правительство свое заявление о непризнании Терского Народного Совета сопровождало угрозами, что всякие покушения на его власть будут пресечены самыми решительными средствами, фактически же оно бессильно было что-либо предпринять. В этом отношении куда более опасными были проiski кулацко-офицерских верхов казачества.

Первой открыто подняла свой голос так называемая казачья военная секция Пятигорского отдела. И это не случайно. В Пятигорском отделе казачество было наиболее зажиточным. Непосредственная близость курортов, помимо других благоприятных условий, обеспечивала казачьим хозяйствам постоянные и хорошие доходы.

Сейчас же после Моздокского съезда военная секция Пятигорского отдела обратилась ко всему терскому казачеству с воззванием. В этом, насквозь лживом, клеветническом документе нет ни слова о провозглашении Моздокским съездом мира и братства народов Терска, об организации новой областной народной власти. Все в воззвании, от первого до последнего слова, направлено к тому, чтобы снова взбодоражить казачество, ударить по самому больному для казаков месту — по их тревоге и опасениям за свои земли.

Не сказав даже, что Моздокский съезд был созван самими казаками, подчеркнув, что не все казачьи станицы были представлены на Моздокском съезде (в то время как из 70 станиц не были представлены только 4); умолчав о полномочном участии делегатов осетинского, кабардинского и балкарского народов, авторы воззвания провокационно называют Моздокский съезд съездом и н о г о р о д н и х, а созываемую в Пятигорске вторую сессию его — тоже съездом и н о г о р о д н и х, только с у ч а с т и е м к а з а к о в и г о р ц е в.

В воззвании указывалось, что на съезде в Пятигорске первым будет решаться вопрос о земле, который «больше всех касается нас, казаков, и нам надо над ним крепко призадуматься... Малоземельными у нас в Терской области считаются ингуши, чеченцы и другие горцы, безземельными — переселившиеся сюда из разных губерний крестьяне и рабочие. И те и другие могут потребовать себе земли только от нас, казаков... Подумайте, если разделить землю всем поровну, то сколько же останется у нас, казаков?»¹

Казачья военная секция призывала всех казаков обсудить вопрос о земле на станичных кругах и уже с готовыми решениями явиться на

¹ Отчет заседаний войскового круга Терского казачьего войска VI созыва. Владикавказ, 1918, стр. 1.

областной съезд в Пятигорске. Далее в воззвании говорилось: «Несомненно, такие важные вопросы может решать только правомочное Всероссийское учредительное собрание, а не самочинные съезды, но при создавшемся безвластии всякий решает какие угодно вопросы и поэтому особенно нужно быть осторожными. Сила есть, нужно только мудрое решение, его-то мы, ваши выборные, в интересах наших казачьих и ждем от вас... Дайте правдивый ответ, пусть не проклянет, а благословит вас потомство казачье».¹

Земля, земля! — ее приманчивая томящая сила вновь пускается в действие, чтобы опять сбить с толку трудового казака и вернуть его на старые контрреволюционные позиции! Воззвание извращает и начисто отвергает все, что достигнуто было на Моздокском съезде. Оно растравляет рану в душе казака, рисуя перед ним картину, как «весною рядом с казаком и безземельный крестьянин начнет пахать землю» — ту землю, что «триста с лишним лет потом и кровью отвоевывали наши славные деды и отцы!» Есть, мол, у нас, «истинных сынов Терека», и сила, чтобы «не разбросать зря доставшееся наследство», «нужно только мудрое решение». — Ни пяди казачьей земли никому! — вот она мудрость, вновь провозглашающая обанкротившуюся аграрную программу контрреволюционного союза казачьих войск.

Не удивительно, что когда воззвание было зачитано на открывшемся 11 (24) февраля во Владикавказе войсковом круге Терского казачьего войска, оно было встречено бурными аплодисментами.

Напомним, что круг этот войсковое правительство созывало сперва на 10 (23) января, но ни один депутат не явился. Предпринята была еще одна отчаянная попытка созвать круг уже не во Владикавказе, а в станице Марьинской на 25 января (7 февраля), но и она сорвалась.

Депутаты круга, члены войскового правительства и все карауловское окружение были потрясены тем, с каким равнодушием, а кое-где даже с одобрением отнеслись казачьи станицы к смерти своего первого выборного атамана.

Видя, с какой ненавистью относятся к войсковому правительству в казачьих станицах, депутаты круга попрятались в кусты, стараясь уклониться от ответственности за политику, заведшую казачество в кровавый тупик. А инициативу взяли в свои руки казаки-фронтовики, решив создать вместе с иногородним населением, с осетинским, кабардинским и балкарским народами новое объединенное областное правительство под лозунгом войны против чеченского и ингушского народов.

¹ Отчет заседаний войскового круга Терского казачьего войска VI созыва. Владикавказ, 1918, стр. 1.

Но когда вместо ожидаемого правительства войны было создано правительство мира, когда руководство политической жизнью в крае перешло к социалистическому блоку, фактически — к большевикам, когда ясно определилось огромное значение Моздокского съезда, как переломного момента в развитии революции на Тереке — часть казачества вновь заколебалась. Кулацко-офицерские верхи использовали все это в своих целях. Они вновь старались вбить клин между трудовым казачеством и остальным населением области, отгородить казаков от рабочего класса и иногороднего крестьянства, от трудовых масс горских народов провокацией о разделе казачьих земель, демагогией о самобытности казачества, о якобы особых интересах его... Вот тогда и ожили политические трупы — депутаты, избранные еще в первые дни Февральской революции.¹ Они-то и съехались во Владикавказ, на войсковой круг.

Выражая законные опасения относительно решений, которые может принять войсковой круг, делегат Моздокского съезда казак Андрей Павлов обратился с открытым письмом к терскому казачеству:

«Помните братья казаки — если нас снова оторвут от трудовой массы, то тяжка будет расплата за эту новую ошибку. Наша жизнь — в единении со всей демократией, и вне этого нет спасения. Не ходите на этот круг, где снова нас могут толкнуть на решения, с нашей пользой ничего общего не имеющие. Не ходите туда, откуда в течение одиннадцати месяцев мы не слышали ни одного живого слова и откуда лилась ядовитая струя, отравляющая народную жизнь».²

Но страстный призыв этот не возымел своего действия. На войсковой круг, открывшийся 11 (24) февраля во Владикавказе, явился теперь 131 депутат.

«Шайка карауловцев», «депутаты допотопного избрания» — так окрестили это сборище казаки-делегаты второго областного народного съезда. И, как бы подтверждая это, войсковой круг начал свою работу с того, что стоя пропел «вечную память» покойному Караулову.

Как оказалось, некоторые депутаты войскового круга были делегатами своих станиц и на Моздокском народном съезде, а некоторые побывали там в качестве «наблюдателей».

Теперь они — Фальчиков, Панков и другие, всячески поносили съезд. Наиболее выразительным в этом отношении было выступление казачьего офицера Базаля, через каких-нибудь четыре месяца ставшего «героем Боргустана», одним из организаторов восстания в райо-

¹ По «Положению об управлении Терского казачьего войска» депутаты круга избирались на три года.

² Газ. «Горская жизнь» № 29, 7 февраля 1918 г.

не Кисловодска, сподвижником Шкуро. С неистовой злобой говорил он о том, что от казаков, осетин и кабардинцев на Моздокский съезд прибыли «низы», а «рабочие и солдаты в своих представительствах дали самое лучшее, сильное и хитрое. Поэтому первую скрипку играл социалистический блок». В результате, мол, и казачество, и Кабарда были на съезде «одурачены». Сей «депутат» в конце концов заявил: «Для меня нет сомнения, что работа эта шла из Германии».

Дело, конечно, не в Базалии, и о его диком выступлении можно было бы и не упоминать, если бы не одно обстоятельство: войсковой круг бурными аплодисментами приветствовал заключительные слова Базалия: «Казачество одурманено, но если оно отрезвеет, то воспрянет и спасет себя».

Таков был этот войсковой круг VI созыва. Здесь тон по-прежнему задавали карауловские политиканы, идеологи и организаторы будущих заговоров и восстаний на Тереке.

А через шесть дней в Пятигорске открылся второй областной народный съезд, казачья фракция которого по численности не уступала кругу. Это были в большинстве своем непосредственные представители казачьих станиц. Их политическая сила, моральный авторитет неизмеримо возрастали еще и потому, что они действовали не изолированно, а в единении с рабочим классом, с иногородним крестьянством, с трудовыми массами горских народов.

Четырнадцать дней заседал войсковой круг, с нетерпением ожидая, какие же решения примет народный съезд в Пятигорске, чтобы соответственно определить свою дальнейшую тактику. Все это время президиум круга пытался найти общий язык с казачьей фракцией Пятигорского съезда и достигнуть какого-нибудь компромиссного решения.

Оказалось, что и на этот раз некоторые депутаты круга имели мандаты на участие в Пятигорском народном съезде. Не раз выезжали они в Пятигорск — знакомились с обстановкой на съезде и старались внести разложение в казачью фракцию. Один из них — Г. А. Ткачев, член Совета контрреволюционного Всероссийского союза казачьих войск, даже выступил с докладом на заседании казачьей фракции Пятигорского съезда. Вернувшись, он с горечью доложил кругу, что «они (казаки — делегаты съезда) смотрят на круг так же, как и на меня, то есть не как на представителей трудового казачества», что «войсковой круг они считают каким-то продажным и неправомочным».¹

Руководители круга поняли, что на всякий случай следует как-то

¹ Отчет заседаний войскового круга Терского казачьего войска VI созыва. Владикавказ, 1918, стр. 75.

приспособиться к решениям Моздокского и Пятигорского областных народных съездов, что вообще существовать и дальше в старом облике — с войсковым правительством и атаманом — уже невозможно. Надо перекраситься, подрумяниться под Советы!

Было решено, что станицы будут избирать теперь Совет казачьих и крестьянских депутатов на пропорциональных началах, но с оговорками: если иногородних больше — они избирают только равное с казаками число депутатов и председателем станичного совета обязательно должен быть казак. Так же избираются и отдельские (окружные) советы. Вместо войскового круга будет Терский совет казачьих и крестьянских депутатов, а вместо войскового правительства — исполнительный комитет.

Так на двенадцатом месяце революции офицерско-кулацкие верхи казачества «даровали», наконец, проживавшим в станицах иногородним право избирать своих представителей в органы казачьего управления, да и то с весьма существенными оговорками. Никаких других прав, тем более права на надел земли, иногородние не получали.

Нашлись все же наивные или совсем уже закорюченные депутаты войскового круга. Они упорствовали в отстаивании старых названий — атаманы, станичные и войсковые круги. Один из них даже заявил, что вся эта мода на Советскую власть пройдет, а с чем тогда казаки останутся? Пришлось таким разъяснять, что нужно считаться с обстановкой... И пойти на уступку массам — назвать исполнительным комитетом войсковое правительство.

Исполнительный комитет был избран в составе двенадцати членов: восемь — для заведывания хозяйственными делами и четыре — политическими. Не забыты были, конечно, и дела военные: для руководства ими круг избрал начальника войскового штаба.

Отметим еще одно решение войскового круга — о реорганизации вооруженных сил терского казачества. Еще в конце 1917 года, когда казаки вернувшись с фронта полков разъехались по своим станицам, войсковое правительство начало создавать наемные отряды (в станицах их называли офицерскими сотнями). Теперь войсковой круг утвердил начальниками таких отрядов в Пятигорском отделе — полковника Агоева, в Кизлярском — полковника Бочарова, в Сунженском — войскового старшину Рощупкина и в Моздокском — все того же полковника Рымаря.

Так казачья контрреволюция маневрировала и приспособлялась к новой, после Моздокского съезда, обстановке на Тереке. Противоречия внутри терского казачества еще не обострились до вооруженной борьбы, да и условий для этого еще не было.

Широкие массы казачества все еще считали, что главная опас-

ность угрожает им, прежде всего, со стороны чеченского и ингушского народов. Играя на чувствах казаков и продолжая выступать в роли охранителя земель и всего «исторического достояния» казачества, офицерско-кулацкие верхи вновь почувствовали себя довольно прочно. Вот почему войсковой круг действовал, хоть и с оглядкой на Пятигорский областной народный съезд и его казачью фракцию, как хозяин казачьих дел.

За пределами же казачьих дел войсковой круг явно опасался занять какую-либо определенную позицию: не порвал с Терско-Дагестанским правительством, но и не направил в состав его своих новых представителей, хотя должен был бы сделать это; не признал новой областной власти — Терского Народного Совета, но и не отверг его, просто обошел молчанием этот вопрос. Курс был взят, очевидно, на то, чтобы при всех обстоятельствах — утвердится ли власть Терского Народного Совета, состоятся ли выборы в краевое учредительное собрание — не допустить развязывания политической борьбы внутри казачества. Поэтому и было решено созвать очередной войсковой круг 25 марта (7 апреля) — к тому времени положение на Тереке должно было так или иначе определиться.

Так после Моздокского народного съезда обстояли дела у казачьей контрреволюции. А что в это время происходило в Чечне и Ингушетии, что предпринимала горская контрреволюция?

Положение в Ингушетии было отчаянное. Вооруженные столкновения между ингушами и казаками могли в любой момент развернуться в настоящую войну по всей Сунженской линии. Казаки совершенно отрезали горную Ингушетию от плоскостной. Скучные запасы зерна в горах были давно исчерпаны, там начался голод. Единственный путь, по которому еще можно было доставить хлеб голодающим аулам — это через Владикавказ. Но въезд в город ингушам был фактически запрещен. В довершение всего резко обострились отношения между соседними ингушскими и осетинскими селениями. И здесь, в результате какой-нибудь провокации, могли произойти непоправимые бедствия.

Понятно, с какой радостью была встречена в Ингушетии делегация Моздокского областного народного съезда. Посланцы мира и дружбы между всеми народами Терека как бы пробили брешь в той стене взаимного непонимания, вражды и ненависти, что отгораживала Ингушетию от остальной области. У маленького народа с такой трудной исторической судьбой вновь появилась надежда на мирную жизнь, на осуществление своих национальных чаяний.

Председателем Ингушского национального совета был Васангирей Джабагиев — один из организаторов контрреволюционного союза

горцев Северного Кавказа, некоторое время принимавший участие и в Терско-Дагестанском правительстве. Теперь В. Джабагиев счел необходимым признать, что вывести ингушский народ из тупика, спасти, может быть, самое существование его можно только в единении со всеми народами Терека, с иногородним населением, с Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ингушский национальный совет горячо приветствовал декларацию Моздокского съезда.

В Ингушетии, на всенародных собраниях в селениях и аулах, было избрано 24 делегата на второй областной народный съезд.

Но контрреволюционные силы решили не допустить участия представителей ингушского народа в Пятигорском съезде. В тот день, когда ингушская делегация должна была направиться в Пятигорск, произошел явно спровоцированный инцидент между осетинами и ингушами. Телеграфируя об этом Терскому Народному Совету, А. П. Сахаров и Н. Кесаев сообщили: «Настроение тревожное. Работает черная рука, чтобы создать условия, при которых невозможна была бы поездка ингушской делегации. Ингуши заявили, что несмотря ни на что они посылают свою делегацию на съезд, чтобы доказать всем, не понимающим ингушского народа, что он хочет мира и идет с демократией».¹

Однако ингушская делегация смогла выехать в Пятигорск только через несколько дней. Весть о провокации во Владикавказе всколыхнула всю Ингушетию. Когда Моздокская мирная делегация вновь приехала в селение Базоркино, там уже находилось до пяти тысяч всадников. Они заявили, что верят демократии, но видят, что она пока беспомощна что-либо сделать и поэтому готовы ехать в город, чтобы обезоружить офицерские и иные сотни и сдать оружие народу. Вместе с тем ингуши потребовали, чтобы Владикавказ пропустил в горы обоз с хлебом для голодающих аулов.

Делегаты Моздокского съезда вызвали в селение Базоркино представителей Владикавказского городского самоуправления и убедили ингушей воздержаться от всяких выступлений, пока областной народный съезд сам не разгонит контрреволюционные сотни во Владикавказе. Они заверили также, что обоз с хлебом будет пропущен в горную Ингушетию.

Делегация Моздокского народного съезда немедленно договорилась с самообороной окраинных слободок города — Молоканской, Курской и Шалдона, и под их охраной обоз с хлебом благополучно прошел в Ингушетию.

С более сложной обстановкой столкнулась мирная делегация Моздокского съезда в Чечне.

¹Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918, стр. 19.

Чеченский национальный совет, как и Ингушский, горячо приветствовал моздокскую декларацию и приезд мирной делегации народного съезда. Для обсуждения предварительных требований, предъявленных Моздокским съездом чеченскому народу в наказе мирной делегации, 3 (16) февраля было созвано «народное совещание» под председательством А. Мутушева. Совещание в общем согласилось со всеми требованиями, но внесло свои существенные дополнения, составленные, очевидно, искусной рукой адвоката А. Мутушева.

Выдать контрреволюционеров для предания их народному суду? Чеченский народ сам настаивает на том, чтобы контрреволюционеры были судимы со всей строгостью, но предлагает немедленно создать смешанную следственную комиссию для всей территории Терской области. Выдать для предания суду разбойников и воров? Выражая полное согласие с этим, чеченский народ полагает, что практически это можно сделать только после установления трудовыми народами Терской области твердой власти. Признать захваченные чеченцами вооружение и арсенал крепости Ведено общегосударственным достоянием? Полностью соглашаясь с этим, чеченский народ вместе с тем полагает справедливым требовать, чтобы все артиллерийское и иное огнестрельное оружие, находящееся у казаков, так же, как общегосударственное достояние, было бысдано в склады под охрану отряда, состоящего из представителей всех народов Терской области.¹

Что можно было возразить против этих вполне логичных и в общем-то справедливых контрпредложений? Но психология колонизаторства была еще крепка, и значительная часть казачьей фракции Пятигорского съезда восприняла ответ чеченского «народного совещания» как провал мирных переговоров с Чечней. «В общем они ни к чему не привели», — так определил результат мирных переговоров казак Сомов, заведующий военным отделом Терского Народного Совета. Съезд же в целом отнесся к ответу вполне благожелательно. Ведь требования в наказе Моздокского съезда не были ультимативными, и мирные делегации не предъявляли их как ультиматум.

Самым важным и решающим тогда было, чтобы чеченский народ вошел в братскую семью народов Терека, принял участие в работе областного народного съезда. И Терский Народный Совет многое сделал в этом отношении. Он направил специальное приглашение в Чечню — прислать делегатов на съезд. Грозненский военно-революционный совет телеграфировал 17 февраля (2 марта) в Пятигорск, что

¹ См. Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск. 1918. стр. 18.

чеченский народ горячо откликнулся на приглашение Терского Народного Совета: по аулам идут выборы.

Однако темные контрреволюционные силы Чечни не останавливались ни перед чем, чтобы сорвать участие чеченского народа в областном народном съезде. В ночь, накануне открытия съезда, несколько тысяч вооруженных чеченцев напали на станицу Романовскую, расположенную недалеко от Грозного. На помощь примчались казаки из станицы Ермоловской. Во время сражения было убито более 60 чеченцев и казаков.

Положение в районе Грозного, и без того очень напряженное, стало угрожающим. Военские части Грозного требовали начать наступление на ближайшие чеченские аулы и разгромить их.

Только что открывшийся областной народный съезд направил чрезвычайную комиссию из представителей всех фракций для расследования обстоятельств этого неожиданного столкновения.

23 февраля (8 марта) на так называемом Алдынском кургане (между Грозным и чеченским селением Новые Алды) состоялась встреча чрезвычайной комиссии Пятигорского съезда с представителями чеченского национального совета. Задержку с выездом чеченских делегатов на областной народный съезд они объяснили причинами, не зависящими от делегации. Проехать тогда открыто в Пятигорск, через всю почти Терскую область, большой группе чеченцев было очень трудно. В любом месте могла совершиться в отношении их самая ужасная провокация. Поэтому чрезвычайная комиссия Пятигорского съезда обратилась с воззванием «Ко всем казакам и военно-революционным советам на Сунже» — помочь чеченским делегатам проехать на съезд. Кроме того, в этом документе имеется ряд интересных заявлений, в которых коротко обрисовывается обстановка в Чечне.

Воззвание признает, что «вековая вражда чеченцев и казаков является плодом земельного неустройства, и что обиженной стороной в этом отношении, нужно сказать правду открыто, являются чеченцы». Благополучное разрешение земельного вопроса Пятигорским съездом — первое решающее условие для успокоения края.

Но чтобы этот вопрос разрешить, необходимо полное представительство на съезде всех народов.

В воззвании затем сообщалось, что среди чеченцев есть небольшая группа фанатиков, безответственных людей. Во время переговоров около селения Новые Алды они настаивали на том, чтобы покончить с членами чрезвычайной комиссии Пятигорского съезда и даже порывались сделать это. «Но зато мы были свидетелями того, что большая часть чеченцев является сторонниками мира, и на наших глазах нещадно били тех, кто имел желание покушаться на жизнь

членов комиссии». «Комиссии достоверно известно,— говорится далее,— что в Новых Алдах была даже перестрелка чеченцев между собой, что там идет упорная борьба двух партий — партии мира и партии войны».

Но приезд чеченской делегации в Пятигорск задерживался не только потому, что все дороги туда были закрыты. Причина заключалась еще и в том, что в Чечне все более обострялась внутренняя политическая борьба.

Главные военные и политические силы Чечни были сосредоточены в районе полуосажденного Грозного. Здесь был наиболее опасный узел контрреволюционных провокаций, и здесь же, на историческом Алдынском кургане происходили начатые еще в январе и затянувшиеся до июля 1918 года мирные переговоры. Чтобы яснее представить, какие силы действовали тогда в Чечне, расскажем кратко об одной из мирных конференций, самой значительной по своему составу.

Происходила она 8 (21) марта, когда Пятигорский народный съезд уже принял решения по важнейшим вопросам и переехал во Владикавказ. Грозненскую делегацию возглавлял член Грозненского военно-революционного совета большевик Каграманян — главный тогда дипломат революционной власти в Грозном, с большим тактом и твердым достоинством представлявший ее в длительных переговорах с самыми различными политическими деятелями Чечни. Чеченской делегацией руководил член Чеченского национального совета Ибрагим Чуликов, ингушской делегацией — полковник Саадуев.

К Алдынскому кургану торжественно подъехал в сопровождении более сотни вооруженных всадников-мюридов и шейх Узун-Хаджи. Имам не участвовал непосредственно в переговорах, он дал только какие-то указания дагестанской, чеченской и ингушской делегациям и уехал.

Конференция, на которой присутствовали в качестве посредников представители Дагестана, должна была решить вопросы войны и мира между чеченцами и ингушами, с одной стороны, и казаками, с другой. Но Каграманян с самого начала заявил, что разрешением всех этих вопросов занимается Терский областной народный съезд, заседающий в настоящее время во Владикавказе, и поэтому мирной делегации Дагестана следует обращаться непосредственно к этому съезду.

За несколько дней до этой конференции Чеченский национальный совет известил Грозный, что делегация Чечни выехала в Пятигорск на областной народный съезд. Но теперь на вопрос Каграманяна о составе делегации Чуликов ответил, что делегаты еще не выехали, они еще в Чечне. Грозненский военно-революционный совет не раз получал заверения, что чеченские делегаты выедут в Пятигорск, и поэтому

Каграманян с возмущением спросил: «Как же нам надо понимать ваше заявление? Неужели мы обмануты вновь?»

Отвечая Каграманяну, Чуликов заявил, что чеченский народ верит съезду и никакой другой власти не признает. Он всячески подчеркивал исключительную трудность и опасность поездки делегации из Чечни на областной съезд. На самом же деле реакционная группа в Чеченском национальном совете, руководимая самим Чуликовым, саботировала мирную инициативу Моздокского съезда. Она делала это осторожно, замаскированно, а сторонники Узуна-Хаджи — шейхи и муллы действовали открыто.

Через несколько дней на том же Алдынском кургане состоялась еще одна встреча представителей Грозного с делегациями Чечни и Дагестана — по вопросу об обмене пленными. У подножья кургана собралось до трехсот вооруженных чеченцев. Официальные представители Чечни и Дагестана еще не прибыли, и грозненская делегация воспользовалась этим, чтобы откровенно побеседовать с собравшимися чеченцами. Находившийся в толпе чеченец Яшкураев рассказал делегации, что муллы и шейхи сеют провокации, не позволяют чеченским представителям выехать на съезд в Пятигорск, говоря им, что, мол, — «если поедете к русским, то там вам головы оторвут».

Имеется свидетельство Т. Эльдарханова о том, что предпринимал в этом отношении сам Узун-Хаджи. В те дни Т. Эльдарханов готовился вместе с группой делегатов выехать на второй областной народный съезд. Узнав об этом, Узун-Хаджи вызвал его к себе в селение Гехи. Живо и красочно описывает Т. Эльдарханов свою встречу с Узуном-Хаджи и обстановку в тех чеченских аулах, которые признали власть имама:

«В просторной сакле, убранной персидскими коврами, в почетном углу важно сидит Узун-Хаджи, в дверях с шашками наголо стоит стража; кругом в подобострастных позах стоят шейхи и муллы Чечни и Дагестана. Меня подвели к нему; имам как бы не замечает меня; проходит минута торжественной тишины. Наконец имам заговорил: «Гяуры ввели вас в заблуждение, порвите с ними всякую связь, служите мусульманам. В Шуру¹ прибывают турецкие корпуса, и я назначаю вас почетным представителем всего чеченского народа для встречи дорогих гостей».

Т. Эльдарханов заявил, что во исполнение воли чеченского трудового народа, он во главе делегации выезжает во Владикавказ на съезд народов Терской области. После этого Т. Эльдарханова хотели задер-

¹ Темирханшура — бывший тогда областной центр Дагестана, ныне Буйнакск.

жать, но его выручил прискакавший из селения Гойты вооруженный революционный отряд.

События в Чечне развернулись так, что шейху Узуну-Хаджи пришлось убраться в Дагестан. В эти именно дни он со своими бандами ворвался в наполовину покинутый жителями ослабленный Хасавюрт и до тла разорил богатую слободу — центр Хасавюртского округа. Предпринято это было явно с целью сорвать с таким трудом налаживающиеся мирные отношения чеченского и ингушского народов с казачеством и иногородним населением Терека. Но положение теперь было иное, в Чечне происходили серьезные революционные изменения.

Когда 25 марта (7 апреля) представители Грозненского революционного совета подъехали к историческому Алдынскому кургану для очередных мирных переговоров, они были поражены необычным видом чеченской делегации: она состояла из сравнительно молодых людей и возглавляли ее молодые же чеченские офицеры М. Мациев. Я. Арсанов (сын убитого шейха Арсанова), Джамалдинов.

— Почему на переговоры не явились муллы, старики, почему нет представителя Дагестана? — с удивлением спросил Каграманян.

— У нас, как и у русских, партия мира побеждает сторонников войны, — ответил М. Мациев. — Мы хотим только мира и поэтому объявили поход против всяких посредников и мулл. Мы прежде всего идем к вам, нашим друзьям — русским. У вас есть опыт и сила, у нас же нет ни того, ни другого, помогите нам!..¹

А через некоторое время, при новой встрече делегаций Грозного и Чечни, М. Мациев предложил немедленно приступить к формированию смешанного русско-чеченского отряда для освобождения Хасавюрта, «находящегося во власти бандита шейха Узуна-Хаджи и его разбойничьей шайки». Он высказал опасение, что Узун-Хаджи может вновь зажечь пожар междоусобной борьбы между чеченцами и русскими и тогда «великое дело революционного строительства в Чечне будет подавлено окончательно».

Представители Грозненского военно-революционного совета разъяснили, что вопрос о формировании смешанного русско-чеченского отряда и о походе на выручку Хасавюрту может решить только Терский областной Совет. Обе делегации согласились срочно телеграфировать Терскому Совету о создавшемся положении.

В заключение М. Мациев сообщил, что в Чечне идет горячая работа по созданию Красной народной армии. Цель ее — решительная борьба с контрреволюцией. «Для раскрепощения чеченского народа

¹ Известия Совета рабочих и военных депутатов Грозненского района, 27 марта (9 апреля) 1918 г.

нужна гигантская сила, а эта сила и есть прочный мир с русским народом».¹

Как казачья, так и горская контрреволюция располагала все еще большими возможностями, чтобы маневрировать и приспособливаться к новой политической обстановке на Тереке. Их цель теперь — сохранить свои силы и, выждав подходящий момент, перейти в наступление против революции, против Советской власти.

Контрреволюционные силы Осетии также безоговорочно отвергли Терский Народный Совет. Но что странно, и Осетинский национальный совет, оппозиционно настроенный против горского и Терско-Дагестанского правительств, занял в отношении новой революционной власти² также отрицательную позицию. Объяснить это можно только тем, что часть преобладавшей в нем демократической интеллигенции все еще слепо верила в непреложность таких «канонов» демократии, как пресловутая «четырёххвостка» и учредительное собрание.

1 (14) февраля в Ардоне открылся созванный Осетинским национальным советом V съезд осетинского народа. Это было самое трудное время на Тереке — разгар анархии и межнациональных столкновений, общий разброд. Попытки Осетинского национального совета выполнить постановление IV съезда Осетии о мобилизации осетинской молодежи для создания своей национальной армии не привели ни к чему. Но какие-то вооруженные силы были необходимы хотя бы для поддержания самого элементарного порядка, для борьбы с грабежами и разбоями. Единственный выход — организовать наемные вооруженные отряды, как это вынуждено было сделать даже казачье правительство. Но если в казацкой казне было еще достаточно средств для этого, то откуда взять их Осетии? И поскольку обнаружилась абсолютная беспомощность горского и Терско-Дагестанского правительств в управлении краем, то что же делать, как быть дальше?

Все эти вопросы («Организация найма войска и народной милиции», «Отношение к горскому и Терско-Дагестанскому правительствам» и др.) решено было обсудить на V съезде Осетии. Главным же вопросом оказался заслушанный вне очереди доклад С. Такоева об итогах Моздокского областного народного съезда.

Доклад обсуждался горячо, остро. Но предложение Х. Уруймагова — послать приветственную телеграмму избранному в Моздоке Терскому областному Народному Совету — съезд отклонил: Совет этот

¹ Известия Совета рабочих и военных депутатов Грозненского района, 30 апреля 1918 г.

² По некоторым данным С. Такоев в это время отошел от руководства Осетинским национальным советом, и председателем совета стал Г. Гагкаев, а заместителем его — Х. Хадзарагов.

нельзя, мол, признать властью для области, так как на Моздокском съезде не было представителей ингушей, чеченцев, кумыков, а представительство осетин и кабардинцев было, мол, случайным и неполным.

Но те, кто отвергал Моздокский областной народный съезд, что могли они в тот момент предложить осетинскому народу, какой указать выход из создавшегося катастрофического положения? Краевое учредительное собрание, на чем многие демагогически настаивали? Но было ясно, что созыв учредительного собрания в Терской области, изрезанной многочисленными фронтами, дело затяжное и вообще сомнительное, а действовать нужно было немедленно.

Не приняв никакого решения по докладу С. Такоева, съезд весь следующий день обсуждал общее положение в Терской области, особенно в Осетии, по докладу Г. Ф. Баракова. Перед съездом предстала мрачная картина отчаянного положения, в котором оказался осетинский народ в результате преступной политики казачьих и горских, в том числе и осетинских контрреволюционных верхов.

В сильных выражениях сказано об этом в принятой съездом резолюции, предложенной К. Бутаевым. Съезд объявил изменниками народа и дела национального возрождения Осетии отдельные группы и элементы, «допускавшие в последнее время безответственные выступления, идущие вразрез с революционными завоеваниями». Съезд заявил, что он «отвергает всякую мысль о войне с соседними братскими народами и верит, что начатые по инициативе отдельных групп безумные столкновения прекратятся окончательно».¹

При таком положении, когда над Осетией, вовлекаемой к тому же в неожиданно вспыхнувшие религиозные распри, нависла угроза готовой вот-вот разразиться войны с соседними народами, призыв Моздокского съезда к миру, дружбе и братству всех народов Терека был воспринят народными массами как последняя надежда. И хотя V съезд Осетии продолжает в резолюции упорно твердить, что «единственно правильным, законным способом разрешения всех наболевших вопросов является немедленный созыв краевого учредительного собрания на основе всеобщего, равного, тайного и прямого голосования и пропорционального представительства», — он вынужден был все же приветствовать Моздокский съезд, «как носителя гражданского мира в области».²

«Носитель гражданского мира в области!» — это первый шаг, за которым последовали и другие. Об отношении к горскому и Терско-

¹ Газ. «Горская жизнь» № 38, 17 февраля 1918 г.

² Там же, № 37, 16 февраля 1918 г.

Дагестанскому правительству съезд принял резолюцию, составленную С. Такоевым, К. Бутаевым и Дударовым. В резолюции отмечалось, что до созыва учредительного собрания организовать единую областную власть правомочен только областной съезд всего населения, созываемый на основах пропорционального представительства на 15 февраля,¹ и Терско-Дагестанское правительство должно передать этой власти свои полномочия.

Это было уже прямое признание решений Моздокского областного народного съезда, признание полного краха политики контрреволюционных верхов горских народов. V съезд Осетии не только поставил крест на Терско-Дагестанском правительстве, он потребовал, чтобы и горское правительство сдало свои полномочия национальным советам горских народов. Съезд поручил национальному совету реорганизовать на демократических началах Союз объединенных горцев с тем, чтобы союз не имел «функций управления».²

А через некоторое время избранный на V съезде новый Осетинский национальный совет опубликовал официальное сообщение о том, что «член Терско-Дагестанского правительства осетин Асланбек Бутаев³ — не ставленник и не кандидат национального совета, а занимает пост помимо каких-либо органов самоуправления Осетии». Так завершился разрыв Осетинского национального совета с Терско-Дагестанским и горским правительствами.

Реакционные силы Осетии, конечно, не примирились с этим. Они старались теперь, прежде всего, сорвать участие осетинского народа во II областном народном съезде. Но тщетны были их усилия.

¹ Здесь в документе — дата по старому стилю.

² Газ. «Горская жизнь» № 31, 9 февраля 1918 г.

³ Асланбек Бутаев — один из организаторов и активнейших деятелей Союза объединенных горцев Кавказа, член ЦК этого Союза, министр горского и Терско-Дагестанского правительств. После опубликования постановления Осетинского национального совета он продолжал «представлять» Осетию в горском правительстве.

ВТОРОЙ НАРОДНЫЙ СЪЕЗД В ПЯТИГОРСКЕ

Если мы безжалостно хотим отбросить все контр-революционные силы, то мы должны вновь повторить наше единение, нашу братскую общность, священный, я бы сказал, революционный союз. Мы должны сказать, что не только красота скрывается в горах Кавказа, но что эта цепь гордых скал явится той могучей преградой, о которую разобьются все силы реакции, что в диких горных ущельях слышен не только вой ветра, но там слышна и революционная песня затаенных надежд сынов демократии.

С. М. Киров.

16 февраля (1 марта) 1918 года в Пятигорске началась вторая сессия Терского областного народного съезда. Это было невиданное еще на Тереке широчайшее представительство трудовых масс многонационального края. В Пятигорск прибыло более 500 делегатов.

В селениях и аулах Чечни и Ингушетии было избрано более ста делегатов. Однако только на восьмой день работы съезда, преодолев большие трудности, рискуя жизнью, смогла приехать в Пятигорск группа делегатов ингушского народа во главе с Гапуром Ахриевым и единственный делегат Чечни — Асланбек Шерипов.

Надо сказать, что по своему составу Пятигорский съезд заметно отличался от Моздокского. Хотя он считался продолжением Моздокского, его второй сессией, но лишь 129 его депутатов были участниками съезда в Моздоке.

Число делегатов казачьих станиц было примерно такое же, как и на Моздокском народном съезде. Почти не изменилась численно и осетинская фракция. Представительство же кабардинского и балкарского народов удвоилось. Более активное участие в работе второй сессии приняло иногороднее население Терека. Фракция иногородних по праву стала теперь самой крупной на съезде.

Укрепился состав социалистического блока. Фракция большевиков пополнилась Г. Г. Анджиевским (солдат расформированного 113

пехотного полка, председатель Пятигорского совета рабочих и солдатских депутатов), И. В. Малыгиным (тоже солдат 113 полка, впоследствии один из 26 бакинских комиссаров, зверски расстрелянных англичанами в Закаспии).

Председателем съезда, по предложению социалистического блока, был избран Симон Такоев, первым заместителем его—Г. Анджиевский. Кроме того, каждая фракция выделила еще по одному заместителю председателя съезда.

Громоздкость съезда, многонациональный состав делегатов, а главное — чрезвычайно напряженное положение повсеместно на Терреке — все это еще сильнее, чем в Моздоке, отражалось на характере и темпах обсуждения и решения вопросов съездом. Первые четыре дня ушли только на организацию работы самого съезда (выборы президиума, регламент, повестка дня, образование тринадцати секций), а также на рассмотрение ряда привходящих вопросов.¹

Одним из таких вопросов было отношение к заседавшему во Владикавказе войсковому кругу терского казачества. По существу это был тот же вопрос, который возникал и на Моздокском съезде. Тогда войсковое правительство безуспешно пыталось, в противовес Моздокскому народному съезду, созвать в станице Марьинской войсковой круг. Теперь же ему удалось осуществить это во Владикавказе. Создалось двусмысленное положение: одновременно действовали два численно почти одинаковые представительства казачьих станиц—казачья фракция областного народного съезда в Пятигорске и войсковой круг во Владикавказе.

И вот на второй день работы съезда вне очереди выступил делегат станицы Наурской, Моздокского отдела, сотник Данилов. Он заявил, что казачья фракция, обсудив вопрос о неправомерном круге во Владикавказе, вынесла самое отрицательное отношение к этой кучке «карауловцев» и считает дальнейшую работу ее незаконной и вредной. Данилов предложил послать во Владикавказ телеграмму о том, чтобы делегаты круга, «имеющие полномочия работать вместе с нами», приехали в Пятигорск, а остальные немедленно разъехались по домам;

¹ По поручению президиума областного народного съезда в Пятигорске автор настоящей книги по своим записям составлял подробные протоколы-отчеты о заседаниях съезда, которые зачитывались на каждом следующем заседании и утверждались съездом. Только благодаря этому сохранились доклады и выступления С. М. Кирова на съезде, и тексты их приводятся в сборниках «С. М. Киров. Статьи, речи, документы». По поручению же президиума протоколы эти, как официальный отчет о работах съезда в Пятигорске, были изданы автором отдельной книгой—«2-я сессия Терского областного народного съезда в г. Пятигорске 16 февраля — 5 марта 1918 г.».

Данная глава о народном съезде в Пятигорске написана по этому отчету и по воспоминаниям автора.

бывшему войсковому правительству быть на своих местах до принятия от него власти и войскового имущества законными избранниками от терского казачества.

Заявление это съезд выслушал с воодушевлением. Делегаты бурной овацией приветствовали казачью фракцию.

Но... тотчас разгорелись жаркие споры о том, от имени кого послать единодушно одобренную всеми телеграмму: от имени всего съезда или только от казачьей фракции? Президиум съезда, а затем и совет социалистического блока считали, что телеграмма должна быть послана от имени самих казаков—это произведет гораздо более сильное моральное воздействие на так называемые круг и войсковое правительство.

Поясняя точку зрения социалистического блока, Я. П. Бутырин сказал, что если такая телеграмма будет послана от имени всего съезда, то на круге ее используют против нас. Скажут, что съезд покушается на казачье имущество, на последнюю тень казачьей самостоятельности. «Сейчас,— сказал он,— когда происходит расслоение казаков, не надо делать неосторожных шагов, которые могли бы оттолкнуть от нас колеблющиеся слои казачества».¹

Острые разногласия по этому вопросу вспыхнули в самой казачьей фракции. Одни считали, что войсковой круг во Владикавказе — «это частное дело казаков и съезду не следует вмешиваться в чисто казачьи дела». Сотник Данилов настаивал, чтобы предложенная им телеграмма была послана от имени всего съезда. «Мое предложение,— говорил он,— направлено против кучки «карауловцев», а не против круга. Кто же сомневается в том, что во Владикавказе круга нет? Там имеются допотопные члены круга, как я, но я не поехал. Это не круг, а частное совещание неправомочных казаков».

В конце концов, после двух голосований, предложение президиума было принято большинством делегатов съезда против 65 при 48 воздержавшихся. «Мы хотели соединиться с вами, а вы заставляете нас отделяться!» — в сердцах крикнул один из казаков после голосования.

Что особенно возбуждало съезд и отвлекало его от решения вопросов нового государственного устройства Терской области — это опять, как и в Моздоке, тревожные вести о вооруженных столкновениях, нападениях, боях. «Черная рука контрреволюции действует, чтобы сорвать народный съезд, сорвать дело единения трудящихся», — говорил С. М. Киров в докладе по текущему моменту. Действительно, после Моздокского съезда в течение пятнадцати дней на Тереке было

¹ Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918, стр. 15.

сравнительно спокойно, усилия Терского Народного Совета по умиротворению края уже давали первые плоды. И вдруг, в день открытия второй сессии съезда на Сунже начались бои, а во Владикавказе были убиты три ингуша, сопровождавшие делегатов ингушского народа, что задержало на несколько дней приезд делегатов в Пятигорск. Бои шли недалеко от Грозного, у станиц Романовской и Ермоловской. Грозненский военно-революционный совет доносил, что воинские части хотят перейти в наступление против Чечни, необходимо вмешательство съезда.

Опять, как и на Моздокском съезде, начались яростные призывы к войне против Чечни и Ингушетии, волновавшие и возбуждавшие съезд. Многие казачьи делегаты, побывав после Моздокского съезда в своих станицах, вновь оказались во власти местных воинственных настроений. Вот, например, с каким заявлением выступил делегат станицы Романовской Хитров.

«Мои станичники, братья, сидящие в окопах от мала до велика, мой отец 80 лет, они считают, что единственный способ добиться прочного мира — это покорить чеченцев. Наши станичники ждали меня с Моздокского съезда как Иисуса, думая, что я привезу им долговечный и прочный мир». Хитров приехал на съезд с наказом станицы Романовской — просить о вооруженной помощи или о переселении станицы. «Если не будет сделано ни того, ни другого, — заявил он, — то четыре тысячи казаков станицы Романовской не признают этого съезда и мне останется только уехать домой, чтобы защищать свои очаги».¹

Казачья фракция, считая, что мирные переговоры с представителями чеченского народа не привели ни к чему, потребовала организовать вооруженный заслон по всей Сунженской линии. После очень острых прений съезд поручил военной секции в срочном порядке обсудить это предложение.

На другой день военная секция доложила, что для защиты только участка Грозный — станицы Ермоловская, Романовская, Нестеровская необходимы немедленно шесть кавалерийских и два пехотных полка с пулеметами и артиллерией. Для заслона же по всей Сунженской линии нужен смешанный отряд из осетин, кабардинцев, балкарцев, казаков, иногородних — всего 12 500 человек.

Такими вооруженными силами съезд не располагал. Делегат Осетии Казбек Бутаев сообщил, что все осетинские воинские части распущены, а организация вооруженных сил на новых началах будет завершена не скоро. Тут же выяснилось, что в Кабарде имеется един-

¹ Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918, стр. 18—19.

ственный полк и вывести его оттуда ни в коем случае нельзя. Только у казаков наготове было четыре еще не распушенных полка, которые могли сразу выступить.

В конце концов, несмотря на резкие возражения и угрожающие протесты депутатов сунженских станиц, съезд постановил так, как с самого начала предлагал социалистический блок: передать вопрос на разрешение Терского Народного Совета, а для выяснения обстоятельств вооруженного столкновения направить комиссию из представителей всех фракций.

На принятие такого решения несомненно оказал влияние авторитет новой областной власти — Терского Народного Совета, сразу выросший в глазах съезда после краткого отчетного доклада, с которым выступил накануне председатель Народного Совета Ю. Г. Пашковский.

— Только приступив к работе, — докладывал съезду Ю. Г. Пашковский, — Народный Совет воочию убедился, какая колоссальная разруха охватила весь край. В какую бы область жизни ни заглядывал Народный Совет, он всюду наталкивался на развал, на неорганизованность сил... Что можно было сделать в таких условиях за какие-нибудь пятнадцать дней?

Большая часть сил и времени членов Совета уходила на упрочение мира в крае. Единственный путь, на который мог встать Народный Совет — это выяснение причин и обстоятельств вооруженных столкновений и ликвидация их сплочением на месте сил революционной демократии. И Терскому Народному Совету удалось предотвратить в ряде мест опасность военного пожара.

Другая крупнейшая задача — наладить транспорт, в первую очередь, железнодорожное движение между Бесланом и Грозным. Из-за недостатка топлива остановились заводы и фабрики, в Грозном же скопились огромные запасы нефти, керосина, бензина. Советом была достигнута договоренность с Ингушским национальным советом о восстановлении разрушенного железнодорожного пути, и работы там уже начаты.

С особенными трудностями столкнулся Народный Совет в обеспечении населения продовольствием. Налаживается учет и охрана запасов продовольствия.

Свою работу Терский Народный Совет начал без копейки денег, а из всех учреждений к нему сразу посыпались просьбы о финансовой помощи. Из-за недостатков денежных знаков многие районы начали выпускать свои деньги, которые в других местах не принимались. Народный Совет созвал ряд совещаний специалистов, чтобы выяснить, каким образом можно урегулировать денежное обращение.

Возникновение новой революционной областной власти было встречено на местах с восторгом. Но когда Народному Совету в своих действиях надо было опираться на места, то он натолкнулся и здесь на страшную разбросанность и неорганизованность. Поэтому Народный Совет посылал значительное число своих членов на места, придавая организаторской работе огромное значение.

В заключение своего доклада Ю. Г. Пашковский сказал:

«На творческом пути Терского Народного Совета стояло одно препятствие — так называемое Терско-Дагестанское правительство... Если бы не краткость срока до созыва второй сессии областного народного съезда, то Народный Совет выполнил бы до конца волю народа и силою оружия заставил бы этих самодержцев сложить свои полномочия, подчиниться органу народной власти. Теперь этот вопрос стоит перед съездом решительно и бесповоротно».¹

И народный съезд уже как хозяин Терской земли, выразив полное доверие всей деятельности Народного Совета, поручил ему продолжать свою работу до выборов нового состава Совета.

Затем съезд заслушал доклад С. М. Кирова о текущем политическом моменте. Как всегда ярко и очень интересно он разъяснил, из каких конкретных установок по ряду важнейших принципиальных вопросов должен исходить народный съезд в своей дальнейшей работе.

За очень короткий промежуток времени после Моздокского съезда в стране произошли большие события. Мирные переговоры Советского правительства с Германией были сорваны, и на западном фронте началось наступление немецких полчищ. «Перед лицом этих событий,— говорил С. М. Киров,— мы должны признать, что все наши стремления могут быть осуществлены только при том условии, если во всей России осуществится Республика трудовых масс... Поэтому, если на Моздокском съезде мы мобилизовали наши силы вокруг лозунга защиты республики рабочих, солдат, крестьян, казаков и горцев, то теперь мы должны сплотить наши силы для еще большего торжества этого лозунга».²

Разоблачая тех, кто говорил о необходимости расширить «базу нашей опоры», Сергей Миронович заявил, что это может быть опасным для дела революции в Терской области. Он подчеркнул, что в настоящий момент «огромнейшее значение приобретает задача разделить население области на две части — имущих и неимущих, и тем дать возможность демократии осознать себя».

¹ Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918, стр. 21—24.

² С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912—1934). М., 1957, стр. 23—24.

Другой принципиальный вопрос, на который был дан ответ в докладе С. М. Кирова — это отношение к местному учредительному собранию. Решительно возражая тем, кто «призывает к творчеству власти по четырехчленным и иным системам»,¹ С. М. Киров сказал, что «пока наши ряды не упрочены, пока казак не может говорить с чеченцем, а ингуш с казаком,— учредительное собрание будет для нас только ловушкой. Сторонниками скорейшего созыва учредительного собрания как раз являются наши враги». Он подчеркивал огромную разницу между народным съездом и учредительным собранием. «Мы зовем сюда, на съезд, все живое, все энергичное, что таится в недрах демократии, наиболее активные элементы ее. Нас не пугает то, что при выборах того или иного депутата будет нарушена какая-нибудь формальность — это пустяки. Но мы знаем, что при выборах в учредительное собрание как раз это обилие формальностей будет играть на руку нашим врагам и загубит нас».²

В своем докладе и в заключительной речи С. М. Киров вновь и вновь призывал к объединению революционных сил, к братству всех народов Терека. «Поймите, наконец, что единственный путь и для вас, казаки, и для вас, горцы,— это во что бы то ни стало, ценой каких угодно жертв протянуть друг другу братскую руку. Ибо какие бы вы жертвы при этом не принесли, они будут несравненно меньше тех жертв, какие дает война... Среди чеченцев и ингушей есть непобедимое стремление быть с нами, в нашей семье. Но у них много волков, и они ходят в причудливых шкурах. Вот эти-то волки мешают чеченской и ингушской демократии слиться с нами».³

Два дня продолжалось обсуждение доклада о текущем политическом моменте в Терской области. Горячие прения показали, насколько действительно необходимо было еще раз провозгласить и упрочить политику мира и братства всех народов Терека и разъяснить, что же будет представлять собою Терская республика рабочих, крестьян, трудовых казаков и горцев. Ведь съезд в Пятигорске на три четверти состоял из новых депутатов, не участвовавших в Моздокском съезде и политически совсем почти еще не организованных.

Доклад и заключительное слово С. М. Кирова — это замечательная пропаганда дальнейшего этапа в развитии революции на Тереке.

¹ Четырехчленная система выборов, или четыреххвостка, как ее тогда называли — это всеобщие, равные, прямые и тайные выборы. Советская власть лишила эксплуататорские классы избирательного права. Выборы в Советы были не всеобщими (без капиталистов и помещиков), и голосование происходило не тайно, а открыто.

² С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912—1934). М., 1957, стр. 29.

³ Там же, стр. 30 и 34.

Для правильного понимания всего происходившего тогда в Пятигорске нельзя забывать, что это был не областной съезд Советов, а съезд представителей самых различных организаций — Советов рабочих и солдатских депутатов, городских дум и сельских самоуправлений, военно-революционных комитетов и т. д., а также делегатов, непосредственно избранных на сельских и станичных сходах. И вот, убедительно разъясняя, почему в данных условиях созыв местного учредительного собрания будет ловушкой для трудящихся, отвергая четырехчленную систему выборов, разоблачая контрреволюционную сущность предложения о расширении социальной базы новой революционной власти, подчеркивая огромное значение задачи классового размежевания населения области — на имущих и неимущих, С. М. Киров как бы подводил съезд к единственно правильному и неизбежному решению — к утверждению повсеместно на Тереке Советской власти.

Правое крыло социалистического блока пока еще молча внимало всему этому, довольствуясь, как и в Моздоке тем, что формально в докладе не было призывов к установлению Советской власти.

В результате, съезд единогласно принял предложенную С. М. Кировым резолюцию, в которой отмечалось, что «единственным выходом из создавшегося в Терской области положения является путь, указанный на Моздокском съезде, то есть объединение всей революционной демократии, без различия национальностей, вокруг лозунга борьбы за республику рабочих, солдат, крестьян, трудовых казаков и горцев. Это положение должно быть руководящим при всех дальнейших шагах революционной демократии, как-то: при организации местной власти и пр. и создании ответственных органов в области».¹

Необходимо отметить здесь один момент, имеющий большое принципиальное значение. К резолюции по докладу С. М. Кирова были внесены поправки, что Терская область находится в состоянии не гражданской войны, как сказано в резолюции, а «национально-племенной или, по крайней мере, гражданско-национальной». Но социалистический блок отверг обе поправки, и съезд согласился с этим. «Раз эта война движется контрреволюционными силами, она является гражданской», — заявил большевик Ф. Х. Булле от имени социалистического блока.²

Таким образом, в сложный и запутанный вопрос о природе фактической войны между казачеством и чечено-ингушским народом была впервые внесена ясность.

Два обстоятельства вслед за тем еще более подняли боевой дух

¹ Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918, стр. 49.

² Там же.

делегатов съезда. Первое — это события во Владикавказе. Напомним, что положение во Владикавказе было тревожное: в центральной — богатой части города хозяйничали полковник Беликов и его сподручный полковник Кибиров с офицерскими сотнями и студенческой дружиной, а окраины охранялись самообороной из рабочих и вернувшихся с фронта солдат.

И вот съезд получает телеграмму, что ночью на Молоканской слободке самооборона обезоружила человек 40 из офицерской сотни, отняты 60 винтовок, пулемет и автомобиль. Беликов и Кибиров категорически требуют обезоружения самообороны, а самооборона, в свою очередь, требует разоружения офицерских и студенческих сотен.

В ответной телеграмме, посланной Осетинскому и Ингушскому национальным советам, Владикавказскому городскому самоуправлению и Комиссариату самообороны, съезд заявил, что требование полковников Беликова и Кибирова о разоружении самообороны слободок не подлежит выполнению. Ввиду наличия в городе самообороны съезд считает существование офицерских и студенческой сотен нежелательным.

Требование съезда о расформировании офицерских сотен не было выполнено, но и полковники Беликов и Кибиров не решились, да и не могли фактически предпринять что-либо для разоружения самообороны окраинных слободок Владикавказа.

Другое и самое воодушевляющее событие — долгожданный приезд представителей Чечни и Ингушетии. Когда сомкнутой группой, человек двадцать пять, вошли они в зал пятигорского театра, где заседал съезд, все делегаты встали и бурными аплодисментами встретили посланцев чеченского и ингушского народов.

Председатель съезда С. Такоев и представители всех фракций — казаки, осетины, кабардинцы, иногородние и социалистический блок — по-братски приветствовали делегатов Чечни и Ингушетии.

Взволнованный торжественной и вместе с тем столь сердечной встречей, на трибуну поднялся Гапур Ахриев — молодой, красивый, почти еще юноша. Он говорил негромко, едва сдерживая волнение, но в зале наступила такая тишина, что слышно было каждое слово.

— Среди ингушского народа, — сказал Г. Ахриев, — революция началась только теперь, и мы верим, что соединенными силами терской демократии мы сумеем с честью выйти из создавшегося положения. У ингушей вы найдете самую крепкую поддержку даже реальными силами.¹

¹ См. Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918, стр. 54.

Гапур Ахриев.

Асланбек Шерипов.

Затем выступил Асланбек Шерипов — «замечательный молодой орел, прилетевший к нам из чеченских ущелий», как сказал о нем С. М. Киров. Он тоже очень молод, но плотный, крепко сбитый; низко надвинутая чеченская папаха как бы подчеркивает суровую решительность его взгляда. Асланбек Шерипов говорил твердо, с большим достоинством, и речь его произвела сильное впечатление.

— Положение в Терской области сейчас таково, — сказал А. Шерипов, — что не приехать на этот съезд чеченцы и ингуши не могли. Всей терской демократии и Моздокскому съезду чеченский и ингушский народы обязаны тем, что по всей линии соприкосновения этих народов с другими не льются потоки крови и не светит на далекое пространство зарево пожара.¹

Рассказав об обстоятельствах последних вооруженных столкно-

¹ См. Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918, стр. 54.

вений, А. Шерипов заявил, что провокация работает среди чеченцев и среди казаков.

Когда А. Шерипов сказал об уверенности чеченского народа, что соединенными силами демократия Терской области сумеет разрешить все больные вопросы нашей жизни, кто-то из делегатов взволнованно крикнул:

— Спасибо за братство, рука ваша не повиснет в воздухе!

И весь съезд продолжительными аплодисментами еще раз приветствовал посланцев Ингушетии и Чечни.

Теперь, когда на съезде в Пятигорске были представлены все народы Терека, моральный вес и политическое значение областного народного съезда, как организатора Терской республики рабочих, крестьян, трудовых казаков и горцев, окончательно упрочились.

В тот же день, 23 февраля (8 марта) съезд приступил, наконец, к выполнению главной своей задачи — к законодательной работе, к выработке основ государственного устройства на Тереке. Первым на повестке дня стоял вопрос о земле. Но земельная секция почти две недели готовила проект постановления съезда по этому самому трудному на Тереке и сложному вопросу. Затянулась работа и секции по организации власти. Поэтому первым пришлось обсуждать доклад секции по национальному вопросу.

Надо ли пояснять, как остро стоял этот вопрос на Тереке, в многонациональном крае, где на каждом шагу ощущались последствия грубейшей колонизаторской политики царизма. За год, прошедший после Февральской революции, национальные взаимоотношения здесь были еще более осложнены политикой контрреволюционных верхов горских народов и казачества, отравлены ужасными кровавыми провокациями.

В работе секции по национальному вопросу активное участие принимал С. Г. Буачидзе. По совету его, а также С. М. Кирова, выступивший от имени секции Д. З. Коренев¹ построил свой доклад так, чтобы прежде всего ознакомить делегатов съезда с организационными формами разрешения национального вопроса.

В общей вводной части постановления, принятого съездом, указывалось, что в основу практического разрешения национального вопроса областной народный съезд кладет самоопределение народов, провозглашенное Великой Российской революцией.

«Формула Великой Российской революции — самоопределение народов, ясно и твердо указывая, что каждой национальности предоставляется не только право, но и реальная возможность ведать в пол-

¹ Автор настоящей книги.

ном объеме своими национальными делами, в то же время говорит, что национальные интересы для каждого класса иные, и что пути, по которым идет каждый класс, стремясь осуществить эти интересы, также иные.

Не отрицание национальных интересов, но ясное и твердое указание, что национальное движение, как и всякое другое, должно подчиняться высшему критерию — классовой борьбе, вот точка зрения Великой Российской революции на разрешение национального вопроса, вот точка зрения 2-й сессии Терского областного народного съезда на этот вопрос».¹

Конкретные же предложения для решения национального вопроса, разработанные секцией, полностью соответствовали Моздокской декларации и тем положениям, которые Моздокский съезд принял по докладу С. Г. Буачидзе об организации новой революционной власти на Тереке.

Практическое решение национального вопроса находилось в теснейшей зависимости от того, как будет решен вопрос об организации власти. И то, что съезду пришлось начать не с этого главного вопроса, а с национального — очень осложнило работу съезда. Проект положения по национальному вопросу был предварительно рассмотрен и согласован на объединенном заседании секций — национальной и по организации власти. После первого дня обсуждения съездом доклада по национальному вопросу, проект положения был вторично рассмотрен на таком же объединенном заседании с участием на этот раз и президиумов всех остальных одиннадцати секций. Однако и после этого на пленарных заседаниях съезда продолжались острые прения. Спор шел по существу не о национальном вопросе, спор шел об организации власти.

В общем в представленный секцией проект положения по национальному вопросу были внесены некоторые редакционные изменения, и съезд утвердил его.

В положении прежде всего подчеркивалось неразрывное единство Терской области со всей Россией. Но фактически Терская область жила тогда совершенно самостоятельной, оторванной от всей остальной России, жизнью. И вот, исходя из обстоятельств текущего момента, съезд признал, что Терская область является временно составной единицей Российской Федерации. Как составная часть Российской Федерации Терская область является союзом народов и племен, политическое участие которых в управлении областью выражается в про-

¹ Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918, стр. 80.

порционном представительстве в составе единого органа областной власти.

Какова же форма этого союза? Считаясь с историческими условиями жизни народов Терской области, их географическим распределением и условиями текущего момента, съезд признал единственно целесообразной в то время форму территориального союза народов: чеченского, ингушского, осетинского, кабардинского, балкарского, кумыкского и русского населения: терского казачества и иногородних.

Органы национального самоуправления совпадают с органами местного самоуправления, то есть с органами местной власти. Они были названы трудовыми народными советами, но даже в официальной переписке их называли просто народными советами (Осетинский народный совет, Чеченский народный совет и т. д.). Таким образом, временное государственное устройство Терской области мыслилось тогда так: это не федерация, не союз государств, а союз народов, пользующихся национально-территориальной автономией.

Но как определить границы территорий или земель каждого народа? Понятно, что вопрос этот был тогда исключительно серьезным и острым. Признать существующие границы расселения народов в Терской области, как очень хотелось бы, например, казачеству, нельзя было ни в коем случае. Съезд решил этот вопрос так: границы территорий каждого национального самоуправления не являются постоянно зафиксированными и должны определяться размером земельных угодий, находящихся в фактическом пользовании данного народа после проведения коренной земельной реформы.

Города и местечки, в которых преобладает смешанный состав населения, могут быть выделены в самоуправляющиеся единицы.

В положении было указано также, что национально-культурные права меньшинств, проживающих на территории каждого национального самоуправления, ограждаются предоставлением им национально-культурной автономии с правом внутреннего обложения.

Объявлялось полное равноправие языков всех без исключения национальностей.

Каждому народу предоставлялось право организовать свои народные суды, творящие правосудие согласно народным обычаям и правам, не противоречащим основным принципам законов Российской республики.

Таково положение по национальному вопросу, принятое областным народным съездом. Как и другие постановления съезда, оно имело свои недостатки, но в тогдашних условиях правильно решало вопрос о национальных взаимоотношениях на Тереке.

Положение по национальному вопросу устанавливало в законо-

дательном порядке полное равенство всех народов и племен, живущих в Терской области. Оно было направлено к созданию таких правовых норм и организационных условий, которые устраняли бы всякое недоверие и подозрительность в национальных взаимоотношениях, способствовали объединению народов Терка в действительно добровольный и честный союз, укрепляли дружбу и братство их.

Особо стоял вопрос о территориальной автономии терского казачества. На съезде шел спор внутри самого казачества о том, оставаться ли казачеству в обособленном положении или полностью слиться с русским иногородним населением. Делегаты Троицкой, Карабулакской, Михайловской, Галюгаевской, Нестеровской и других, в основном сунженских станиц настаивали, чтобы в положении по национальному вопросу терское казачество даже не упоминалось, а было бы написано «русское население». Но это вызвало протесты другой части казачьей фракции. В конце концов решено было в положении по национальному вопросу написать «русское население», но с пояснением: терское казачество и иногородние.¹

Оставалось установить систему выборов органов национально-территориального управления. Но поскольку эти органы совпадали с органами местной власти, съезд должен был решить этот вопрос при обсуждении доклада секции по организации власти. Однако по настоянию именно этой секции в проекте положения по национальному вопросу было указано, что органы национального самоуправления избираются на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования с предоставлением избирателям права отзыва своих депутатов, не оправдавших доверия. Вот этот последний вопрос и вскрыл на съезде глубокие разногласия, вокруг него и развернулась ожесточенная борьба.

Напомним, что С. М. Киров в докладе о текущем политическом моменте отверг четырехчленную систему выборов. Он подчеркивал огромное значение задачи — разделить население Терской области на две части, имущих и неимущих, и тем дать возможность демократии осознать себя; он призывал в каждом ауле, в каждой станице, всюду и везде «утвердить народовластие без всякой примеси элементов, чуждых интересам народа». Почему же большевики отошли теперь от этой позиции, почему уступили в этом вопросе правому крылу социалистического блока — правым эсерам и меньшевикам? Тогда казалось, это диктуется все еще необходимостью сохранить социалистический

¹ В дальнейшем, как известно, обособленная полувоенная организация казачества была ликвидирована. Советская власть освободила казаков от тяготевших над ними всю жизнь воинских повинностей, уравнивала в правах и обязанностях со всем населением.

блок, единство и сплоченность революционного народного фронта, чтобы укрепить только что провозглашенный мир на Тереке, еще больше изолировать контрреволюционные верхи горских народов и казачества, окончательно свалить и отбросить Терско-Дагестанское правительство с созываемым им местным учредительным собранием.

Но решение это вызвало резкие протесты на съезде.

Разногласия были и в самой фракции большевиков. Они неожиданно вскрылись уже в самом конце прений, перед голосованием, когда Саханджери Мамсуров, не признававший никаких компромиссных соглашений, нарушая фракционную дисциплину, внес в пункт о порядке выборов трудовых народных советов поправку: «без помещиков и капиталистов». Эта простая, остро разящая поправка едва не опрокинула все. Дважды пришлось представителям фракции большевиков энергично заявлять, что С. Мамсуров выступает от себя лично, не сообщив даже предварительно о своем выступлении, хотя президиум фракции находится здесь же.

Съезд отклонил поправку С. Мамсурова, но отклонил большинством всего лишь 155 против 92 при 28 воздержавшихся. И хотя вслед за этим Положение по национальному вопросу в целом было утверждено большинством всех против одного при трех воздержавшихся, однако на стол президиума посыпались записки с протестами против принятия четыреххвостки: от представителя 1-й боевой грозненской роты, «делегированного отстаивать власть Советов»; от военнослужащих георгиевского артиллерийского склада; от станиц Слепцовой, Нестеровской, Прохладной и др. В протесте «от трудового крестьянства» заявлялось, что «если не упраздните четыреххвостку, то мы уезжаем». Заявивший протест от имени «Совета казачьих, крестьянских и солдатских депутатов станицы Незлобной в числе 8000 населения», просил занести в протокол его особое мнение, что «поправка т. Мамсурова об исключении при выборах помещиков и буржуев капиталистов была отвергнута под давлением социалистического блока, при поредевшем собрании делегатов».¹

Обсуждение на съезде следующего вопроса — об организации новой революционной власти в Терской области, еще более убедительно показало, как глубоко проникли идеи Советской власти в трудовые массы Терека, прежде всего, конечно, в массы иногороднего населения — рабочих, крестьян, солдат.

С докладом секции по организации власти в Терской области выступил А. А. Андреев.² В детально разработанных секцией основ-

¹ Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918, стр. 88.

² А. А. Андреев — левый эсер, впоследствии — большевик.

А. А. Андреев.

ных положениях по управлению Терским краем предлагалась следующая структура органов власти, принятая съездом с некоторыми редакционными изменениями.

Верховную власть на территории Терского края осуществляет Терский народный съезд; на каждые три тысячи населения избирается один депутат съезда.

Для управления краем и законодательства Терский народный съезд избирает Терский Народный Совет — на основе пропорционального представительства всех народов Терека, на каждые 25 тысяч населения избирается один член Народного Совета.

Для непосредственного управления краем Терский Народный Совет избирает Терский Народный Комиссариат.

Президиум Терского Народного Совета следит за закон-

ностью действий Народного Комиссариата и выполняет функции государственного контроля.

По такой же схеме строится власть в национальных округах и казачьих отделах. На национальный (окружной) или отдельский народный съезд от каждой тысячи населения избирается один депутат. Съезды избирают национальные (окружные) или отдельные народные советы, а последние — исполнительные комитеты для выполнения текущей работы.

Наконец, сельское народное самоуправление осуществляет сельский сход, который избирает сельский народный совет. Текущую работу выполняет исполнительный комитет.

Вопрос же об организации власти в городах остался открытым. Меньшевики и правые эсеры категорически отказались признать в городах власть Советов рабочих и солдатских депутатов. Они настаивали, чтобы и в городах органами власти были народные советы, избираемые по четыреххвостке, то есть те же городские думы и управы,

только под другим названием. В конце концов решено было вообще не касаться вопроса об организации власти в городах.

В проекте Основных положений по управлению Терским краем подробно указано разграничение функций, прав и обязанностей центральной власти Российской Федерации и местной областной власти.

На рассмотрение съезда был представлен, таким образом, проект конституции Терской области — 139 статей-параграфов!¹ Однако интерес ко всем деталям организации власти на Тереке отступал перед двумя кардинальными вопросами, волновавшими делегатов съезда: об отношении к Совету Народных Комиссаров и о том, как будут избираться органы власти. В проекте конституции фигурировала четыреххвостка, вопрос же о признании Совета Народных Комиссаров был просто обойден молчанием.

Обсуждение на пленарных заседаниях съезда проекта конституции — большого и столь значительного документа затянулось бы надолго. Обстановка же на Тереке требовала всемерно ускорить работу съезда. Поэтому социалистический блок предложил передать проект основных положений по организации власти на рассмотрение фракций съезда с тем, чтобы на пленарном заседании заслушать только ответственных представителей фракций и после этого принять окончательное решение. Съезд так и поступил.

На другой день, 27 февраля (12 марта), после краткой торжественной части заседания, посвященной первой годовщине Февральской революции, съезд приступил к заслушиванию заявлений фракций о проекте Основных положений по организации власти на Тереке.

Представители всех фракций съезда: Макаров — от фракции инородных, Поморцев — от казачьей, К. Борукаев — от осетинской, Т. Ахохов — от кабардино-балкарской, А. Шерипов — от имени чеченского народа, Г. Ахриев — от ингушского — заявили, что проект организации власти на Тереке в общем для них приемлем. Вместе с тем, во всех их кратких декларациях провозглашалось то, чего не было в проекте Основных положений — признание власти Совета Народных Комиссаров, и отверглось то, что там было — четыреххвостка!

Итак, представители всех народов Терека на съезде заявили о признании власти Совета Народных Комиссаров. Теперь социалистическому блоку не оставалось ничего другого, как изменить достигнутую еще в Моздоке договоренность о том, что отношение к Совету Народных Комиссаров должно обсуждаться после того, как съезд решит самые насущные местные вопросы, и прежде всего — земельный.

¹ Документ этот впоследствии так и назывался — Пятигорская конституция Терека или Терской республики.

Совет социалистического блока решил, что все входящие в блок партии могут свободно изложить свою позицию в этом вопросе.

И вот, впервые перед делегатами народного съезда выступили ответственные ораторы с изложением взглядов различных социалистических партий на власть Совета Народных Комиссаров.

Первым взял слово лидер правых эсеров на Тереке К. Мамулов. Его речь состояла из обычной эсеровской демагогии о Брестском мире, только что заключенном Советом Народных Комиссаров с Германией. Он старался внушить, что провозглашение Советской власти на Тереке может вызвать новые потоки крови и призывал при решении этого вопроса не обольщаться надеждой получить войска и деньги, отбросить предрассудок прослыть контрреволюционерами и даже... всмотреться в свою совесть.

От большевистской фракции выступил С. Г. Буачидзе. Он начал с напоминания о том, что «многие из наших товарищей смущались нашим вхождением в социалистический блок, называя это политикой соглашательства с теми, кто никак не хочет признать власти Совета Народных Комиссаров».

Разъясняя тактику большевиков, С. Г. Буачидзе отметил, что сила и значение областного народного съезда не в формальном признании власти Совета Народных Комиссаров, а в принятии советской программы; в том, чтобы действовать по этой программе. «Мы именно в этом направлении и вели работу среди вас и говорили, что только в советской программе ваше счастье. Мы призывали вас к тому, чтобы по советской программе разрешать все наболевшие вопросы нашей жизни. Теперь мы видим, что съезд готов это сделать — вот в этом наша мощь, наша сила...

Но,— продолжал С. Г. Буачидзе,— когда не только вся Россия, но и пролетариат всего мира с особенным упованием смотрит на республику Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, не признавать этой власти грешно... Теперь и Терек должен приобщиться к Российской революции».

С. Г. Буачидзе закончил свою речь с большим подъемом, под бурные аплодисменты делегатов съезда.¹

Затем председатель съезда предоставил слово представителю фракции меньшевиков, но меньшевики отказались выступить.

«Спасибо!» — иронически крикнул кто-то под смех и аплодисменты делегатов.

Заключительное слово было предоставлено докладчику секции

¹ Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918, стр. 100.

по организации власти А. А. Андрееву. Съезд начал уже обсуждать, что поставить на голосование первым — вопрос о признании Совета Народных Комиссаров или проект организации власти в Терской области. Но в это время совет социалистического блока и президиум фракции большевиков приняли новое решение, поручив С. М. Кирову доложить о нем съезду.

«Социалистический блок полагает,— заявил С. М. Киров,— что на население не такое сильное впечатление произведет самый факт признания власти Народных Комиссаров, как разрешение всех вопросов, стоящих у нас в программе — земельного и других. Поэтому социалистический блок полагает, что сейчас нам надо разрешить вопрос о местной власти, а власть Народных Комиссаров признать или не признать после решения всех остальных вопросов. После того, как вы на практике испробуете твердость вашего решения, признание власти Народных Комиссаров будет гораздо внушительней. Вы должны начать действовать по советской программе, которой вы аплодировали. Вы должны показать всей области, как вы понимаете признание Советской власти. Это предложение я делаю от имени социалистического блока и от имени большевиков».¹

Совет социалистического блока знал, что это неожиданное предложение вызовет самые резкие возражения и протесты, и поэтому уполномочил добиваться его принятия не кого-нибудь, а именно С. М. Кирова. Упорное стремление социалистического блока оттянуть решение вопроса о признании власти Совета Народных Комиссаров до завершения всей работы съезда было непонятно, раздражало, возмущало делегатов.

О несогласии с предложением социалистического блока резко заявила фракция иногородних. «Мы считаем,— сказал представитель фракции Макаров,— что съезд сразу занял неопределенное положение потому, что он не выяснил свое отношение к власти Народных Комиссаров».²

«Преклоняясь перед товарищем Кировым, как истинным социалистом,— заявил другой делегат,— я все же должен сказать, что наступил решительный час революции, и мы должны сказать свое слово».³

Горячо поддержал предложение социалистического блока от имени чечено-ингушской делегации А. Шерипов: «Мы считаем, что сперва надо решить земельный вопрос, который должен быть пробным кам-

¹ Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918, стр. 101.

² Там же, стр. 102.

³ Там же.

нем твердости и непреклонности наших желаний действовать по советской программе».

Съезд так и постановил: начать следующее заседание с обсуждения земельного вопроса, после чего вернуться к вопросу об организации власти.

Почему же все-таки большевистская фракция и социалистический блок так упорно оттягивали признание власти Совета Народных Комиссаров, добиваясь, чтобы сначала был решен земельный вопрос?

Основанием для этого было то, что происходило в секции съезда по земельному вопросу.

В этой секции, как ни в одной другой, бурно кипели политические страсти. На второй же день земельная секция перешла из обычной комнаты, предоставленной ей, в большой зал заседаний пятигорской городской думы. Но и там было тесно. На заседании секции нередко собиралось до 300—400 человек. При обсуждении многих вопросов в секции разворачивались такие ожесточенные споры, что нередко приходилось прерывать заседание. Достаточно сказать, что первым председателем секции был избран агроном Моргоев, три секретаря секции также были учеными агрономами, и все они отказались быть секретарями ввиду страстных и подчас беспорядочных споров.

Земельная секция выполнила огромную работу. О решениях секции с большими докладами выступили на съезде четыре докладчика—А. П. Сахаров, С. И. Иванченко, Павлоцкий и Месяц.

В основу своих работ земельная секция положила Закон о социализации земли, принятый III Всероссийским съездом Советов.¹

Когда съезд принял Закон о социализации земли, в президиум поступило следующее заявление: «Ввиду того, что казачья военная секция при Пятигорском отделском исполнительном комитете не разделяет мнений областного съезда о социализации земли, я слагаю с себя полномочия. Член казачьей военной секции Константин Русанов».

Это та самая военная секция, которая сразу же после Моздокского съезда в насквозь лживом провокационном обращении ко всему терскому казачеству звала его на старый гибельный путь разрыва и вражды с иногородним крестьянством и горскими трудовыми народами. Во имя чего? Чтобы не допустить справедливого разрешения земельного вопроса на Тереке, чтобы сохранить во владении Терского казачьего войска даже излишки земель, сдаваемые в аренду.

¹ Закон о социализации земли стал вторым, после Декрета о земле, основным законодательным актом, на основании которого весной и летом 1918 года по всей стране происходило дальнейшее изъятие земли у помещиков и перераспределение всей земли в интересах трудящихся крестьян.

Вот об этом, о позиции казачества в земельном вопросе и шли, главным образом, горячие споры на заседаниях секций. Этому же в основном был посвящен большой доклад на съезде организатора и руководителя работ земельной секции левого эсера А. П. Сахарова. «Руководители казачества,— говорил он,— всячески старались отгородить его от революции, а в это время противоречия остатков царской политики с новыми принципами нарастали и ширились и, наконец, привели к тому страшному положению, в котором находится теперь и казачество, и вся область...»

Значительная часть казачества в очень короткое время сделалась сторонницей большевизма. Почему? Потому, что этим самым она рассчитывала стать под защиту русской революции. Решительно отвернувшись от своих руководителей, казачество показало, что оно ждет помощи только от русской демократии, от присоединения к ней. Но смысл этого присоединения понимается неправильно. Не нелепо ли, что на Моздокском съезде казачья группа настаивала на признании власти Совета Народных Комиссаров, и в то же время отказывалась обсуждать земельный вопрос, стоявший первым в программе Народных Комиссаров. Тут, очевидно, недоразумение. И пока казачество не поймет этого, оно не выйдет на прямую дорогу. Теперь оно колеблется, не зная где истина. Истина же одна: решительно ликвидировать демократическим путем последствия царской политики, твердо признать, что все трудящиеся всех наций пользуются одинаковыми правами во всем.

«Теперь, кажется, уже всем ясно,— говорил А. П. Сахаров,— что кровавые столкновения в нашей области — это результат самодержавной политики, которая была основана прежде всего на земельном насилии. Должны начаться решительные мирные переговоры. Земельный вопрос может быть разрешен в порядке мирных переговоров, и мирные переговоры могут идти лишь в порядке разрешения земельного вопроса».¹

А. П. Сахаров убеждал казачество в том, что единственным правильным и жизненно необходимым выходом для него является принятие Закона о социализации земли; принятие его не на словах, а на деле. Как выразился докладчик, «нужна реальная демонстрация готовности провести в жизнь принципы революции, нужен реальный залог доверия, который видело бы и чувствовало бы население на местах».² Короче говоря, нужны были немедленные земельные уступки. Конкретно — какие?

¹ Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918, стр. 110, 112.

² Там же.

Земельная секция доложила съезду, что признание Закона о социализации земли не может само по себе распутать сложный узел хозяйственных и земельных отношений на Тереке. Надо сразу же приступить к распутыванию его авторитетом областного народного съезда. Секция представила на утверждение съезда проект постановления о немедленных мерах переходного характера для осуществления в Терской области Закона о социализации земли.

По этому постановлению, утвержденному съездом, в распоряжение земельных отделов (организуемых при всех народных советах — от аульного и станичного до Терского областного) немедленно переходят не только все казенные, удельные, церковные и нетрудовые частновладельческие земли с живым и мертвым инвентарем, но и земли сельскохозяйственного значения городов, слобод, общин, обществ, племен, народов, Терского казачьего войска, не обрабатываемые ими по тем или иным причинам.

Все недра, воды и леса в Терской области также переходят немедленно в распоряжение областного земельного отдела.

Сдача земель в аренду отныне воспрещается.

Земельные отделы немедленно распределяют все поступающие в их распоряжение земли на справедливых и трудовых началах как в своем районе, так и совместно с соседними районами.

Заканчивалось постановление тем, что съезд поручил Терскому областному земельному отделу немедленно приступить к выполнению плана справедливого распределения земель Терской области между трудящимися по принципу социализации земли. Терскому же Народному Совету предложено было принять срочные меры к улучшению путей сообщения и поднятию сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности.

Съезд утвердил также подробнейшие инструкции земельным отделам народных Советов.

Итак, по Закону о социализации земли и по постановлению областного народного съезда о мерах переходного порядка, терское казачество лишалось значительной части своего «исторического» достояния: от него отходили десятки тысяч гектаров пахотных земель, сенокосных и пастбищных угодий, из года в год арендуемых чеченскими, ингушскими, осетинскими селениями и иногородним крестьянством; от него отходили богатейшие нефтеносные земли и обильные рыбой водные угодия. Все это отныне должно было стать общенародным государственным достоянием.

Таковы немедленные «земельные уступки», на которые должно было решиться терское казачество в своих собственных интересах — во имя единения с революционной Россией, во имя своего будущего.

Таков реальный залог доверия, залог мира, дружбы и братства трудового казачества и всех народов Терека.

Большинство делегатов казачьих станиц, по-видимому, осознало справедливость, необходимость и неизбежность подобных уступок или, во всяком случае, так или иначе примирилось с ними. Но многие все еще колебались, а некоторые открыто заявляли о своем несогласии. В президиум съезда поступили такие, например, заявления:

«Прошу запротоколировать мое заявление, что станица Горячеводская просит не касаться войсковой земли. Кривоносов».

«От делегатов станицы Щедринской, Кизлярского отдела, Г. Г. Егорина и Ф. Е. Василенко. Честь имеем заявить, что по наказу, данному нам щедринским станичным кругом, мы не уполномочены входить в какие-либо обсуждения вопроса, касающегося земель Терского войска. Хозяином земли русской общество признает Всероссийское Учредительное собрание, которое и должно решить этот вопрос».

Один из делегатов спрашивает подавших заявление — признают ли они власть Совета Народных Комиссаров? «Нет, не признаем», — последовал ответ.¹

Но все же исторический поворот в терском казачестве свершился. Только такое конкретное практическое решение земельного вопроса могло в корне изменить политическую обстановку на Тереке, укрепить авторитет и силу новой областной революционной власти. Вскоре это почувствовала вся область.

В тот день, когда съезд утверждал основные документы по земельному вопросу, в Пятигорск с Сунженской линии прибыла большая делегация — 22 казака. Наступила пора весенних сельскохозяйственных работ, а ни казачьи станицы, ни ингушские и чеченские аулы не могли выехать на поля, начать пахоту и сев. И вот казаки направили в Пятигорск делегатов с мольбой к народному съезду о помощи. «Дальше такое положение казачьи станицы терпеть не могут, они хотят мира», — заявили делегаты.²

Казачья фракция обсудила заявление сунженских станиц на совместном совещании с представителями чечено-ингушской и осетинской фракций. Совещание высказалось за то, чтобы немедленно послать на места особо представительную мирную делегацию с участием ингушей, чеченцев, осетин, казаков, кабардинцев, балкарцев, иногородних и социалистического блока — всего 24 человека. Докладывая об этом съезду, представитель казачьей фракции Поморцев сказал, что наказ мирной делегации такой: вывести трудовой народ из окопов, разъяс-

¹ Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск. 1918, стр. 116.

² Там же, стр. 123.

нить всем, что трудовому народу драться нечего, что все должны жить в единении и мире.

Вот здесь-то и было произнесено новое слово, новая формулировка обращения ко всем народам Терека, как бы подводящая итог всей работе съезда.

«Чем эта делегация, — сказал П. Сахаров, — будет отличаться от множества предыдущих мирных делегаций, которым ни та, ни другая сторона не верила, да и трудно было им верить? Эта делегация будет отличаться не только тем, что она провозгласит о принятии съездом социализации земли и передаче ее трудовому народу. Эта делегация должна заявить на местах всем: Терский народный съезд признал народное равенство, земельное равенство и Советскую власть. И тот, кто после этого поднимет оружие, будет врагом всему населению области!»¹

Бурными аплодисментами съезд одобрил наказ посланцам мира.

Разрешив в острейшей борьбе самый трудный на Тереке, самый сложный и запутанный вопрос — о земле, съезд вновь вернулся к обсуждению вопроса о власти.

За это время специальная комиссия из представителей всех фракций еще раз рассмотрела проект конституции Терека — Основных положений по управлению Терским краем. Проект был признан в общем приемлемым, за исключением пресловутой четыреххвостки. Комиссия предложила не вводить четыреххвостки как обязательной избирательной системы, предоставив право применять и иную систему при выборах органов власти.

Компромисс этот имел чисто формальное значение. Всем было ясно, что если четыреххвостка и будет применяться, то лишь кое-где, как исключение. Вероятно, поэтому вокруг предложения комиссии и не развернулись прения. Но когда проект в целом с поправкой комиссии был поставлен на голосование, эсеры заявили, что они воздержатся от голосования, а меньшевики, — что они будут голосовать против. Мотивы? И те и другие, ссылаясь на первоначальное решение социалистического блока, настаивали, чтобы четыреххвостка была обязательной, и лишь в виде исключения в том или ином месте допускалась иная избирательная система.

Съезд большинством всех против 11 при 20 воздержавшихся принял проект Основных положений по управлению Терским краем, поручив Терскому Народному Совету окончательную редакцию его.

Так был разрешен один из важнейших принципиальных вопросов,

¹ Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918, стр. 124.

остро волновавший съезд, грозивший расколоть его. Съезд подавляющим большинством фактически отверг четыреххвостку.

Принятая съездом конституция Терской Советской республики являлась отражением периода, когда в развитии революции на Тереке еще не было достигнуто открытое и безусловное утверждение диктатуры трудящихся. Конституция сыграла большую организующую роль. Но в ней была недоговоренность по некоторым важным вопросам, половинчатость, противоречивость, и все это очень скоро в той или иной степени стало сказываться на политической жизни Терека.

Теперь съезд должен был, наконец, решить и вопрос об отношении к власти Совета Народных Комиссаров. Заседание съезда 4 (17) марта началось с того, что делегат П. Ф. Карпинский — левый эсер, от имени фракции иногородних предложил внести в принятые съездом накануне Основные положения по управлению Терским краем поправку, что Терский Народный Комиссариат, как высшая исполнительная власть в области, подчиняется Совету Народных Комиссаров.

«Нет, нет, какая там поправка! — горячо возражают другие делегаты. — Вопрос этот важнейший из всех, и надо голосовать признание всем съездом власти Совета Народных Комиссаров!»

На этот раз меньшевики решили не отмалчиваться, как на заседании съезда 27 февраля (12 марта).

Ответственный оратор меньшевистской фракции Я. Маршак, пытаясь запугать съезд «угрозой наступления европейской реакции, готовой уничтожить наши завоевания», пустился в демагогию о «несвоевременных и неудачных социальных опытах, уже приведших к краю гибели наше народное хозяйство и промышленность» и т. д. и т. п. Заявив, что «ответственности за все гибельные последствия акта о признании власти Совета Народных Комиссаров» они на себя не берут, он сказал в заключение, что меньшевистская фракция от голосования воздержится.

Речь представителя меньшевиков не раз вызывала возмущенные возгласы в зале, а делегат Нальчика Д. И. Филатов ответил на нее коротко:

«Довольно слушать красивые фразы. Признаем власть Совета Народных Комиссаров. И если потребуется, то пойдем с оружием в руках защищать эту власть».¹

Затем снова выступил представитель фракции эсеров К. Мамулов. На сей раз речь его была более спокойной. Он старался убедить съезд, что «в нашей области, в горах, где даже азбуки нет, Советская власть не может найти ни твердой почвы, ни поддержки». А в заклю-

¹ Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918, стр. 139.

чение заявил, что «Советская власть не в состоянии закрепить завоевания революционной демократии», это может сделать только Всероссийское Учредительное собрание.

На этом прения были закончены. Съезд большинством 220 голосов против 22 и при 44 воздержавшихся постановил признать власть Совета Народных Комиссаров.¹

Бурными аплодисментами съезд приветствует эту великую победу революции на Тереке.

Кто-то предлагает, и все горячо поддерживают его, отметить часы и минуты решения столь важного вопроса. В протоколе заседания съезда записывается: «Власть Совета Народных Комиссаров признана Терским областным народным съездом 4 марта,² в 11 часов 35 минут дня».

По поручению съезда президиум отправляет приветственную телеграмму Председателю Совета Народных Комиссаров товарищу Ленину:

«Терский областной демократический съезд народов 4 сего марта постановил признать власть Совета Народных Комиссаров и поручил президиуму съезда приветствовать Совет. Председатель съезда Такоев, секретарь — Ратнер».³

Итак, главное, основное уже решено — национальный вопрос, вопрос о земле, о власти. Но съезду предстояло обсудить доклады еще девяти секций — военной, транспортной, по развитию производительных сил края, по народному образованию, по рабочему вопросу и др. На это потребовалось бы значительное время. А между тем давно назрела необходимость немедленно покончить с Терско-Дагестанским правительством, очистить областной центр — Владикавказ от офицерских и других контрреволюционных сотен и дружин. Только утвердившись во Владикавказе, где были сосредоточены все областные организации и учреждения, Терский Народный Совет мог по-настоящему приступить к управлению Терским краем, к преобразованию его на новых революционных началах.

Работы съезда шли своим чередом, а Терский Народный Совет продолжал подготовку к свержению Терско-Дагестанского правительства. Дело это было сосредоточено в руках С. Г. Буачидзе, возглавлявшего тогда коллегию Народного Совета по охране общественного и революционного порядка.

С. Г. Буачидзе систематически получал подробную и точную ин-

¹ См. Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918, стр. 140.

² По старому стилю.

³ Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918, стр. 140.

формацию о положении во Владикавказе. Хотя там и диктаторствовал полковник Беликов со своими офицерскими сотнями, батальоном «георгиевцев» и студенческой дружиной, но соотношение сил складывалось все более неблагоприятно для Терско-Дагестанского правительства. Рабочая самооборона окраин, главным образом Курской и Молоканской слободок, сжимала центральную часть города, на которую собственно и распространялась власть диктатора Беликова и Терско-Дагестанского правительства.

И вот возникает смелый план: всему областному народному съезду переехать во Владикавказ и тем самым взорвать Терско-Дагестанское правительство в самом его логове. Совет социалистического блока решительно поддержал эту идею. С. Г. Буачидзе, С. М. Киров и другие были уверены, что в сложившихся тогда условиях полковник Беликов не рискнет на вооруженное выступление против съезда, а у Терско-Дагестанского правительства никаких других сил для этого не было.

Полковник Беликов в своих «мемуарах»¹ рассказывает, что «после долгих переговоров со мною (большевики боялись западни) Пятигорский съезд решил перебраться во Владикавказ». Это обычное для Беликова бахвальство. Терский Народный Совет направил во Владикавказ комиссию, которая предупредила Беликова о предстоящем прибытии во Владикавказ народного съезда и об ответственности за любую при этом провокацию. Городская управа, одним из членов которой был большевик Я. Л. Маркус, открыто подготавливала все для размещения съезда во Владикавказе. Правда заключалась в другом признании Беликова: «Когда на сторону большевиков вслед за казаками и осетинами-корменистами перешли и ингуши, стало ясно, что наше дело проиграно».²

А «дело» это намечалось в широком масштабе. В конце января во Владикавказ приезжал представитель французского правительства Воган. Он предложил Беликову средства на формирование контрреволюционных сил. Беликов представил Вогана «малому заседанию» Терско-Дагестанского правительства, и договоренность была достигнута быстро. Финансовую сторону сделки поручили есаулу Медянику, заменившему Караулова не только на посту атамана Терского казачьего войска, но и на посту министра финансов Терско-Дагестанского правительства. Медяник покинул войсковой круг и помчался в Тифлис, очевидно, оформлять финансирование англо-французскими империа-

¹ Мемуары полковника Беликова были случайно найдены и опубликованы в 1929 году в журнале «Революционный Восток» (№ 6).

² Там же.

листами контрреволюционной авантюры и получать деньги в отделении одного из английских банков. Но на обратном пути возле Джераха Медяника захватили ингуши, и с тех пор он бесследно исчез. По свидетельству Беликова, Медяник был расстрелян в Галашках.

В общем, обстоятельства складывались так, что Беликов поспешил распустить свои отряды до прибытия областного народного съезда. Оставалась только пулеметная батарея — «для прикрытия нашей демобилизации», как объяснил Беликов, но и она должна была убраться из города после прибытия съезда. Вышло, однако, иначе.

На берегах буйного Терека могло тогда произойти самое неожиданное. В каких условиях будет работать народный съезд во Владикавказе и сможет ли он вообще работать — никаких гарантий на этот счет не было. Поэтому Терский Народный Совет и совет социалистического блока решили не ждать завершения всей работы съезда, а теперь же, до переезда во Владикавказ, избрать новый Терский Народный Совет и сформировать Совет Народных Комиссаров. Крайне важно было при всех условиях привести в действие систему управления Терским краем, принятую областным народным съездом.

Вот почему на заседании 4 (17) марта, после признания власти Совета Народных Комиссаров, С. Г. Буачидзе от имени Терского Народного Совета предложил провести выборы, и съезд согласился с этим.

По данным о численности народов Терека, которыми руководствовался съезд,¹ состав Терского Народного Совета определялся так: от чеченцев—14 депутатов, от ингушей—3, от осетин—8, от кабардинцев—7, от балкарцев—2, от кумыков—1, от казаков—10, от иногородних—15; кроме того, от железнодорожников—2 и от почтово-телеграфных служащих—1, всего—63 депутата.

5 (18) марта съезд утвердил членами Терского Народного Совета представленных фракциями кандидатов. От кабардинского народа в состав Совета были избраны: Бетал Калмыков, Лукман Бозиев, Герандуко Лукожев, Дуль Шекихачев, Тембот Ахохов, Таукан Молов, Маша Канкулов; от балкарского народа — Магомет Энеев, Юсуф Настуев; от осетинского народа — Симон Такоев, Сосланбек Наскидаев, Знаур

¹ Сведения эти сильно расходятся с официальными данными Терского областного статистического комитета, ежегодно публиковавшимися в «Терском календаре». Так, съезд считал, что чеченцев было 350 тысяч, а по официальным данным—270 тысяч, ингушей, соответственно, было 75 и 60 тысяч, осетин—200 и 130, кабардинцев—180 и 105, балкарцев—60 и 35; только число иногородних было меньше официальных данных—370 и 410 тысяч; данные же о численности казаков—250 тысяч, караногайцев—35 тысяч и кумыков—35 тысяч — полностью совпадали.

Кубалов, Андрей Гости́ев, Михаил Каллагов, Николай Кесаев, Казбек Бутаев, Алихан Токаев; от казаков — Шепелов, Рогожин, Шабунин, Чаплыгин, Игнатенко, Данилов, Дьяков, Кудрявцев, Сомов, Петренко; от иногородних — С. Г. Буачидзе, Ю. Г. Пашковский, А. П. Сахаров, Д. А. Бабков, И. И. Элердов, С. Г. Мамсуров, П. Ф. Карпинский, А. П. Ратнер, Ю. П. Фигатнер, Я. П. Бутырин, Е. С. Богданов, А. А. Андреев, Д. Ситников, А. Сорокин, Гвоздецкий.¹

Что касается чеченского и ингушского народов, то областной народный съезд разрешил им избрать представителей в Терский Народный Совет на своих народных съездах.

В тот же день на заседании только что избранного Терского Народного Совета был сформирован Совет Народных Комиссаров.

Председателем Терского Народного Совета был избран Е. С. Богданов; председателем Совета Народных Комиссаров — С. Г. Буачидзе. Народными комиссарами: Ю. Г. Пашковский — комиссар земледелия, Ю. П. Фигатнер — внутренних дел, Я. П. Бутырин — военный, А. А. Андреев — финансов, Е. С. Богданов — труда и промышленности, И. И. Элердов — продовольствия и торговли, К. Н. Дигуров — юстиции, Я. Л. Маркус — народного просвещения, доктор С. И. Иванченко — народного здравоохранения и общественного призрения (т. е. социального обеспечения), П. Ф. Карпинский — государственного контроля, Ст. Долобко — железнодорожного транспорта, Г. С. Ахриев — по делам национальностей (т. е. по делам горских народов), А. Сомов — по делам терского казачества.

В составе Терского Народного Совета не было ни правых эсеров, ни представителей партии меньшевиков. Фракция иногородних, вместе с социалистическим блоком избравшая своих представителей в Терский Народный Совет, отвергла их кандидатуры. В связи с этим меньшевики выступили на съезде с протестом. Они усмотрели в этом нарушение моздокского соглашения, по которому для создания единого революционного фронта в Народном Совете должны быть представители всех социалистических партий — от народных социалистов до большевиков. Далее в заявлении говорилось, что отдельные социал-демократы, которые включены в список кандидатов от иногородних в Народный Совет, вошли туда индивидуально, поэтому фракция социал-демократов слагает с себя ответственность за их деятельность.

«Отдельные социал-демократы», от которых отмежевывалась меньшевистская фракция съезда, это меньшевики-интернационалисты.

¹ Вторая сессия Терского областного Народного съезда. Пятигорск. 1918, стр. 144.

Недопущение правых эсеров и представителей меньшевистской партии в состав Терского Народного Совета и Совнаркома означало конец социалистического блока в том виде, как сложился он в Моздоке и действовал в Пятигорске почти до конца съезда. Разрыв между правым крылом социалистического блока (правыми эсерами и меньшевиками) и левым крылом (большевиками, керменистами, меньшевиками-интернационалистами и левыми эсерами) произошел не только по вопросу о признании власти Совета Народных Комиссаров: правые эсеры и меньшевики не раз пытались дать бой большевикам, навязать съезду дискуссии о Брестском мирном договоре с Германией и по другим острым политическим вопросам. Но съезд подавляющим большинством сразу же пресекал эти попытки.

Следует отметить, что левые эсеры на Тереке еще сохраняли некоторое время видимость своей организации, а меньшевики-интернационалисты после Пятигорского народного съезда оказались вне партии и не создали своей организации. На Тереке меньшевиков-интернационалистов было немного, и большинство их (С. А. Такоев, Я. П. Бутырин, И. И. Элердов, Альшанский и др.) впоследствии вступило в Коммунистическую партию.

Что же представлял собою Терский Совнарком в партийном отношении? В составе его были четыре большевика (С. Г. Буачидзе, Ю. П. Фигатнер, Я. Л. Маркус, Ст. Долобко), три меньшевика-интернационалиста (Я. П. Бутырин, И. И. Элердов, Е. С. Богданов), четыре левых эсера (Ю. Г. Пашковский, А. А. Андреев, П. Ф. Карпинский, С. И. Иванченко) и три беспартийных (К. Н. Дигуров, Г. С. Ахриев и А. Сомов).

Пожалуй, ничто другое не выражало так конкретно тогдашнее положение на Тереке, как одна особенность состава Совнаркома: представитель казачества занимал в нем только пост комиссара по казачьим делам, а представитель ингушского народа — комиссара по делам горских народов. Взаимное недоверие было еще столь сильно, что казаки не соглашались предоставить горцам, а те — казакам никаких других постов в правительстве. Народными комиссарами были избраны иногородние — «нейтральный элемент», как тогда говорили. «Нейтральными» в известной мере считались и осетины. Поэтому комиссаром юстиции был избран осетин, юрист по образованию, К. Н. Дигуров; осетин С. Г. Мамсуров был избран в Терский Народный Совет от фракции иногородних.

О формировании Совета Народных Комиссаров председатель его С. Г. Буачидзе доложил съезду уже не в Пятигорске, а во Владикавказе, куда съезд выехал на другой день. Отъезд назначили на 7 часов утра, чтобы быть во Владикавказе еще днем.

Но специальный поезд съезда задерживался на многих станциях — всюду были восторженные встречи, приветствия, митинги. Во Владикавказ съезд прибыл только вечером, когда уже стемнело. Осетинские офицеры полковника Кибирова, почти два месяца хозяйничавшие на вокзалах Беслана и Владикавказа, теперь исчезли. Съезд встречали представители городского самоуправления и рабочая самооборона. Городской голова Цирульников поднес хлеб-соль, торжественно принятый председателем съезда С. Такоевым.

Во время краткого митинга внезапно началась ружейная стрельба. Однако делегаты съезда никак не реагировали на эту провокацию.

Краткий митинг закончился, и делегаты направились к давно ждавшим их вагонам трамвая. И вот странное, необычайное зрелище: народный съезд — парламент трудовых масс Терка едет ночью в трамвайных вагонах по темным безлюдным улицам столицы своей республики к зданию бывшего кадетского корпуса, где для делегатов было подготовлено общежитие.

Терско-Дагестанское правительство как ветром сдуло. При первых известиях о том, что областной народный съезд едет во Владикавказ, оно сразу распалось, министры поспешили выехать в селения, аулы, станицы, а кое-кто и подальше. Новая революционная власть Терка беспрепятственно утвердилась в областном центре.

А на другой день начались драматические события. Самооборона окружила железнодорожное училище, где жила большая группа офицеров пулеметной батареи полковника Беликова. Вспыхнула ожесточенная перестрелка, которая прекратилась только по требованию представителей Терского Народного Совета. Офицерам было предложено, сдав оружие, выехать из Терской области. Но когда их в особом вагоне отправили в сторону Беслана, самооборона Курской слободки задержала вагон в пути за городом и расстреляла нескольких офицеров. Остальные были спасены только благодаря самоотверженным действиям сопровождавших офицеров членов Терского Народного Совета.

Об этом событии мгновенно распространились самые невероятные и провокационные слухи — будто было расстреляно 40—60 офицеров, причем расстрел производился солдатами-большевиками, приехавшими во Владикавказ с Терским областным народным съездом и Народным Советом.

«Слухи эти, — заявил в специальном обращении к населению Терский Совет Народных Комиссаров, — сеют смуту и используются темными силами для того, чтобы подорвать авторитет органа народной власти. Ввиду этого, — говорится далее в обращении, — Совет Народных Комиссаров доводит до всеобщего сведения следующее: 1) Ника-

ких воинских частей и вообще вооруженных сил ни Терский областной народный съезд, ни Терский Народный Совет во Владикавказ не вводили, явившись в город с единственным вооружением — авторитетом избранников всей демократии Терской области; 2) Во время столкновения 9 марта убито 8 офицеров. Убиты они неорганизованной толпой в слепом гневе и ярости; 3) Члены Народного Совета, рискуя жизнью, приняли все возможные меры к тому, чтобы спасти офицеров от самосуда толпы и только благодаря именно членам Народного Совета был спасен 21 офицер».

А на следующий день — новое событие. К зданию кадетского корпуса, где заседал съезд, подошла страшно возбужденная толпа осетин. Она сопровождала арбы с трупами нескольких жителей селения Ольгинское, убитых по дороге во Владикавказ. Эта ужасная провокация грозила вызвать настоящий бой между жителями двух соседних селений — Ольгинское и Базоркино.

На съезде опять закипели страсти. Но время теперь было не то, что в Моздоке и даже в Пятигорске. Подавляющему большинству делегатов были уже ясны и понятны истинные причины подобных бед и несчастий Терека. Мир и братство народов — основу всей политики областного народного съезда — не могли теперь поколебать никакие провокации.

Чтобы восстановить мир между осетинами и ингушами, в Базоркино и Ольгинское направилась мирная делегация с посланцами областного народного съезда Султаном Калабековым и С. М. Кировым. Жители обоих селений были предупреждены об этом. Сергей Миронович и Султан Калабеков шли по дороге Базоркино — Ольгинское, высоко подняв белый флаг. Внезапно раздались выстрелы, и Калабеков упал, сраженный пулей. Киров еще выше поднял белый флаг, но выстрелы продолжались, пуля царапнуло руку.

Терек свыкся и с выстрелами, и с жертвами. Но смерть Султана Калабекова¹ потрясла всех. От руки врага пал благородный и храбрый боец за народное дело. На совещании Терского Народного Совета, утвердившем мир между ингушами и осетинами, один из членов Совета ингуш рассказывал о гибели Калабекова:

«Я уговаривал его не ехать, а он мне ответил: В коране сказано — дело является живым до тех пор, пока оно не ушло из души моей. Как же я могу не ехать, когда народное дело, дело мира живет в моей душе?»²

¹ Калабеков Султан-Хамид Заурбекович — балкарец, один из организаторов революционных крестьянских советов в Балкарии, участник Моздокского и Пятигорского областных народных съездов.

² Газ. «Народная власть» № 1, 6 апреля 1918 г.

И мир был достигнут. Вскоре под наблюдением представителей Терского областного Народного Совета жители селений Ольгинское и Базоркино зарывали окопы, сравнивали их с землей.

Постепенно вступала в действие новая система управления Терским краем, созданная съездом. С. М. Киров в типографии бывшего Терского областного правления налаживал издание новой газеты «Народная власть» — органа Терского Народного Совета и Совета Народных Комиссаров. Пока же выпускал краткие «Бюллетени» Народного Совета, публикуя в них самую необходимую информацию о первых шагах новой революционной власти.

А областной народный съезд, обсудив доклады секций, по существу закончил свою работу. Самым важным был, конечно, доклад военной секции, вызвавший

С. З. Калабеков.

большие прения. В основу постановления съезда по докладу военной секции был положен опубликованный в конце января в «Правде» декрет Совета Народных Комиссаров «Об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Новая революционная армия строилась на началах добровольного вступления в нее наиболее сознательных и организованных трудящихся — рабочих и крестьян.¹

Перед самым окончанием областного народного съезда пришла весть, что чеченская делегация во главе с Т. Эльдархановым трудными горными тропами, в обход сунженских станиц, пробирается во Владикавказ. И съезд решил дождаться и достойно встретить избранников чеченского народа.

Долго гремела овация, когда в зал заседаний входили важные, суровые старики и молодые посланцы революционной Чечни.

Терский Народный Совет пополнился представителями чеченского

¹ Протоколы и какие-либо отчетные данные о заседаниях областного народного съезда во Владикавказе не сохранились, кроме небольших газетных заметок.

народа. Среди них: Таштемир Эльдарханов, Асланбек Шерипов, Абас Гойсумов, Якуб Арсанов, Х. Хамзаров и другие. От ингушского народа членами Терского Народного Совета стали Гапур Ахриев, С. Альдиев, З. Тутаев.

15 (28) марта состоялось последнее заседание второй сессии областного народного съезда. Представители фракций и групп выступали со словами приветствий и благодарности президиуму съезда, руководителям секций. От социалистического блока выступил С. М. Киров.

Сильное впечатление на участников съезда произвела заключительная речь председателя Совета Народных Комиссаров С. Г. Буачидзе. Он говорил об огромном значении тех задач, которые выполнены второй сессией областного народного съезда; о том, что колоссальная работа, проделанная съездом, красными буквами будет вписана в историю Терского края...

«Самое главное, что требуется от вас,— сказал С. Г. Буачидзе,— это, чтобы вы на местах закрепляли связь избранной вами власти с народом. У нас сейчас ничего нет и нам предстоит перестроить всю жизнь на благо трудового народа... И если вы сейчас уезжаете под все еще гром орудийной пальбы, то несомненно, что трудовой народ скоро поймет свои интересы и оттолкнет тех, кто хочет людской крови.

Крепко жму ваши руки, товарищи; будем совместно работать для трудового народа и с трудовым народом, и наши идеалы восторжествуют».¹

Так закончился второй областной народный съезд—учредительный съезд Терской Советской республики.

¹ Газ. «Народная власть» № 3, 21 марта (2 апреля) 1918 г.

ТЕРСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Первое, что закрепляет нашу позицию, это то, что никакого захвата власти никем в Терской области не было сделано. Никаких актов насилия в этом отношении не было произведено. Власть естественно перешла в руки всех народов, и органы власти осуществляют волю народов в постоянном общении с ними...

С. М. Киров.

Итак, вторая сессия областного народного съезда закончилась, делегаты вернулись в свои селения, аулы, станицы, и по всей области развернулась напряженная организаторская работа.

При самом активном участии Терского Народного Совета в очень короткий срок были созваны съезды осетинского, ингушского, чеченского, кабардинского, балкарского народов и терского казачества. На каждом съезде выступали представители Терского Народного Совета с подробными докладами о решениях Пятигорского съезда. И всюду, конечно, обсуждался все тот же неизменный на Тереке вопрос — об установлении и укреплении мирных, дружеских отношений между народами. В повестке дня ингушского съезда, например, он так и значился — «мир с казаками и осетинами». Вместе с тем впервые на таких съездах намечались программы местной хозяйственной и культурной работы во всех областях жизни.

Первый окружной народный съезд открылся 31 марта в Нальчике — съезд кабардинского и балкарского народов. Там до последнего времени существовал исполнительный комитет, организованный еще в первые дни Февральской революции и давно потерявший всякое доверие трудовых масс Кабардино-Балкарии.

Многочисленная кабардино-балкарская фракция (131 делегат), самая представительная на II областном народном съезде, еще во

время съезда в Пятигорске организовала временный окружной народный Совет Кабарды и Балкарии. По его призыву со всей Балкарии и Кабарды к Нальчику для поддержания съезда съехались вооруженные отряды революционных крестьян. Владетельные князья и дворяне поспешили скрыться, организованные ими контрреволюционные банды разбежались. Окружной исполнительный комитет и сохранившиеся еще остатки кабардинского полка бывшей «дикой дивизии» изъявили полную готовность подчиниться воле съезда.¹

На окружной народный съезд прибыло более 400 делегатов. От Терского Народного Совета и Совнаркома съезд приветствовал народный комиссар по национальным делам Гапур Ахриев.

Окружной съезд полностью одобрил все постановления второго областного съезда народов Терека.

В заключение съезд избрал окружной Кабардино-Балкарский народный Совет в составе 24 делегатов. Председателем Совета стал большевик А. И. Филатов.²

Но положение в Нальчикском округе оставалось все еще крайне напряженным. Контрреволюционные силы здесь не были разгромлены, они лишь отступили, выжидая подходящего момента, чтобы начать вооруженную борьбу. Поэтому окружной народный съезд обратился ко всем трудящимся Кабардино-Балкарии с призывом быть бдительными и добиваться быстрее установления повсеместно в округе Советской власти.

Терский Народный Совет направил в Нальчик, в помощь местным организациям, А. П. Сахарова, назначив его комиссаром Нальчикского округа. Он действительно оказал большую помощь трудовым массам Кабардино-Балкарии, особенно в практическом разрешении земельного вопроса.

Необычным был съезд ингушского народа, открывшийся 15 апреля в Назрани. Чтобы облегчить и ускорить избрание делегатов на съезды горских народов, Терский Народный Совет установил более простую норму представительства: по одному делегату от каждых 100 дворов (по конституции Терской Советской республики на окружные и отделеские съезды делегаты избирались по одному на 1000 человек населения). Таким образом, из аулов и селений Ингушетии должны были отправиться на съезд немногим более ста делегатов. К открытию

¹ См. За власть Советов в Кабарде и Балкарии. Документы и материалы. Нальчик, 1957, стр. 76.

² Алексей Иванович Филатов, бывший подпоручик царской армии, делегат Нальчика на Моздокском и Пятигорском областных народных съездах. В июле 1918 года был командиром Нальчикского революционного отряда и пал в бою с контрреволюционными бичераховскими бандами под Прохладной.

же съезда в Назрань прибыло до трех с половиной тысяч человек. Это было в полном смысле народное собрание. Обширный двор старой Назрановской крепости представлял собою как бы котловину, в центре которой за столом разместились президиум и почетные гости, а вокруг, в первом ряду сидели, а затем стояли делегаты, и, наконец, позади всех высились всадники на конях — получился огромный своеобразный амфитеатр.

Посланцами Терского Народного Совета на съезде были С. М. Киров и комиссар по военным делам Я. П. Бутырин. Передав братский привет ингушскому народу от областной народной власти, С. М. Киров рассказал о том, что сделал областной народный съезд для установления мира и разрешения всех вопросов, волновавших трудовые народы Терека.

Затем С. М. Киров указал делегатам съезда на трудности, с какими приходится встречаться каждому Совету — везде и всюду они наталкиваются на происки врагов народа. По дороге в Назрань Сергей Миронович узнал, что кто-то распространяет в Ингушетии прокламации о том, будто большевики сосредотачивают на станции Минеральные Воды огромное количество боевых материалов, предназначенных якобы для уничтожения горцев. Разоблачив эту гнусную провокацию, С. М. Киров заявил, что без ведома и разрешения Терского Народного Совета в Терскую область не будут введены никакие воинские части.¹

Главная цель провокации, о которой говорил С. М. Киров, заключалась в том, чтобы сорвать восстановление разрушенной железной дороги на территории Ингушетии — между Грозным и Бесланом. Ингушский народ неохотно шел на это, все еще опасаясь проникновения по железной дороге враждебных ему вооруженных сил. Сергей Миронович призывал отбросить эти опасения. Ингушский народ должен понять, — убеждал он, — какое исключительное значение имеет железнодорожная связь Грозного с Бесланом для умиротворения Терской области, для снабжения населения продовольствием, для возобновления промышленного производства. Заводы, фабрики, мастерские стоят — нет топлива, а в Грозном скопились миллионы и миллионы пудов нефти, керосина, бензина, нет пути для вывоза их. Железная дорога необходима также для отправки с Северного Кавказа хлеба голодающему населению Закавказья.

В принятых резолюциях съезд горячо приветствовал Терский Народный Совет, одобрил все решения Пятигорского областного народного съезда и дал согласие на восстановление железной дороги. Если потребуется, — торжественно заявил съезд, — ингушский народ всеми

¹ Газ. «Народная власть» № 14, 17 апреля 1918 г.

своими вооруженными силами поддержит Советскую власть в борьбе с контрреволюцией, с врагами трудящихся.

Избранный на съезде окружной Ингушский народный Совет возглавил все тот же Вассангирей Джабагиев. Он отпустил бороду, сменил мундир чиновника на черкеску и жил в Ингушетии, изображая из себя «отца народа».

В. Джабагиев «признал» Советскую власть только потому, что Моздокская декларация народов Терека и решения Пятигорского съезда глубоко всколыхнули всю Ингушетию. Маленький измученный народ впервые увидел выход из кровавого тупика, в который завлекла его политика контрреволюционных верхов горских народов и казачества; впервые услышал о самом главном — заветные мечты трудовых горцев о земле будут наконец-то осуществлены!

Джабагиев понимал, что если он открыто выступит против новых революционных надежд, так воодушевивших народ, то может потерять всякое влияние в Ингушетии. А влияние его было все еще велико. С первых дней революции Джабагиев, опираясь на шейхов и мулл, играл на религиозных чувствах народных масс, а теперь вокруг него группировалось и довольно значительное уже в Ингушетии офицерство.

Обманывая народ видимостью своего согласия с большевиками, с Советской властью, Джабагиев держал постоянную связь с внутренней и внешней контрреволюцией. Вскоре в Назрани тайно побывал турецкий полковник генерального штаба Зекки-бей. Он смог пробраться на Терек только при содействии обосновавшегося в Тифлисе так называемого «горского правительства».

Германские империалисты в своих захватнических планах также рассчитывали на помощь горского правительства и таких предателей своего народа, как Джабагиев.

Таким образом, почти четыре месяца на посту председателя окружного народного совета—руководителя Ингушетии находился коварный враг, отъявленный контрреволюционер. Он, конечно, всеми средствами препятствовал развитию революции в Ингушетии, организации и сплочению ее революционных сил.

Если в Ингушетии в то время еще не оказалось сил, способных разоблачить свою внутреннюю контрреволюцию и начать открытую решительную борьбу с нею, то в Чечне такие силы нашлись.

Вести о Пятигорском областном народном съезде, о принятых им решениях быстро облетели Чечню. Огромное значение имел тот факт, что большая чеченская делегация во главе с Т. Эльдархановым все же прибыла на съезд во Владикавказ, принимала некоторое участие в его работах и благополучно вернулась в родные аулы. «С того

времени и начинается планомерная революционная работа в Чечне», — отмечает Т. Эльдарханов.¹

Измученный, отрезанный от всей области народ был взволнован рассказами о Пятигорско-Владикавказском съезде. Перед ним впервые открылась перспектива мира, а не войны, впервые предстала действительная возможность наконец-то осуществить свои чаяния о земле.

В такой обстановке 18 апреля был созван общечеченский съезд в селении Урус-Мартан, на который прибыли представители Терского областного Народного Совета. С докладом о текущем моменте на съезде выступил Тапа Чермоев, председатель бежавшего из Владикавказа горского правительства. На что могла надеяться контрреволюционная часть Чеченского национального совета, возглавляемая Ибрагимом Чуликовым, выпуская Чермоева на трибуну съезда? Быть может, на то, что ему все же удастся не допустить признания Советской власти в Чечне, сорвать начавшееся единение чеченского народа с рабочими и иногородним крестьянством, с трудовыми народами Терека?

Затея эта позорно провалилась. Возмущение политикой горского правительства — политикой сговора с верхами казачества, предательства интересов чеченского народа вспыхнуло на съезде с такой силой, что «только вмешательство близких лиц спасло Чермоева от избиения разволновавшейся толпой».²

Тапа Чермоев поспешил выехать в Тифлис, где уже обосновались Пшемахо Коцев, Гейдар Бамматов и другие министры бывшего горского правительства. Оттуда, раболепствуя перед турецкими и немецкими империалистами, предатели начали с их помощью плести нити контрреволюционных заговоров на Тереке...

А Ибрагим Чуликов и его контрреволюционное окружение сделали соответствующие выводы из провала Чермоева на общечеченском съезде. Они стали придерживаться той же тактики, что и в период работы Терского областного народного съезда в Пятигорске: на словах приветствовать и признавать, на деле саботировать и срывать.

Чеченский съезд одобрил решения Пятигорского народного съезда, признал новую областную революционную власть, избрал своих представителей в состав Терского областного Народного Совета. В соответствии с конституцией Терской Советской республики съезд избрал Чеченский народный совет — новый орган власти всей Чечни,

¹ Т. Эльдарханов. Очерки революции в Чечне. Рукопись, 1921 г. Архив автора.

² А. Авторханов. К основным вопросам истории Чечни. Грозный, 1930, стр. 55.

установив местопребывание его в селении Старые Атаги. Председателем Чеченского народного совета был избран А. Мутушев.

Большинство в этом совете составляли шейхи, муллы и их фанатичные приверженцы. Большинство это шло на поводу у Ибрагима Чуликова и таких влиятельных членов совета, как Хошкельдынский шейх Юсуф Хаджи, которого поддерживали кумыкские князья, Абдул Вагап Хаджи Аксайский, Белу Хаджи и другие.

Разногласия между левой революционной частью народного совета, возглавляемой Т. Эльдархановым и А. Шериповым, и реакционным большинством совета очень скоро привели к полному разрыву между ними. Почему и как это произошло?

События развивались стремительно. Ценою тяжелейшего Брест-Литовского мира с Германией Советская Россия получила передышку, абсолютно необходимую тогда для укрепления Советского государства, для создания Красной Армии, могущей вести борьбу с любыми врагами. Но страна находилась все еще в очень тяжелом и опасном положении. Германия заключила договор с сбежавшей в Берлин контрреволюционной Украинской центральной радой. Германские войска продолжали наступать, вскоре оккупировали почти всю Украину, действовали уже под Ростовом. В то же время Турция вторглась в Закавказье, войска ее продвигались в Азербайджан и к границам Грузии.

Над Терской республикой нависла грозная опасность и, конечно, сразу же стало обостряться внутривластическое положение. Терский Народный Совет и Совнарком решили поэтому созвать 20 мая в Грозном третий областной съезд народов Терка.

Выбор Грозного не случаен. Надо было обеспечить на этот раз наиболее полное представительство Чечни на областном народном съезде, покончить с состоянием войны в районе Грозного, добиться действительного примирения основного пролетарского центра края с трудовой Чечней.

Но именно эти цели находились в непримиримом противоречии с замыслами и конкретными планами чеченской контрреволюции.

После долгих и ожесточенных прений в Чеченском народном совете реакционное большинство его решило, что чеченскому народу не следует участвовать в созываемом в Грозном областном съезде народов Терка. Фанатичные шейхи и муллы принимали это решение, вдохновляемые вторжением Турции в Закавказье, а И. Чуликов и другие, кроме того далеко зашедшими переговорами с кулацко-офицерскими верхами казачества о совместной борьбе против революции.

В ответ на такой контрреволюционный акт значительная часть членов Чеченского народного совета вышла из его состава. А. Муту-

шев, также не соглашавшийся с политикой реакционного большинства, еще до этого отказался быть председателем совета.

Оппозиционная группа, руководимая Т. Эльдархановым и А. Шериповым, обосновалась в селении Гойты, решив так или иначе организовать выборы делегатов на областной съезд народов Терека. Вскоре был созван съезд представителей селений и аулов Чечни, готовых поддерживать гойтинскую группу. На этом съезде был избран новый революционный Чеченский народный совет.

Так в Чечне образовалось два органа власти: Атагинский совет во главе с И. Чуликовым и Гойтинский народный совет, председателем которого был избран Т. Эльдарханов.¹ Вокруг Атагинского совета, обосновавшегося в богатом селении Алды, недалеко от Грозного, объединились самые темные фанатичные силы Чечни и вершили дела в нем крупные коммерсанты, промышленники, грозненские домовладельцы. Гойтинский же народный совет спланировал чеченскую бедноту, революционно настроенную молодежь, немногочисленную прогрессивную интеллигенцию Чечни.

Выступая на пленуме Грозненского центрального Совета рабочих и военных депутатов, А. Шерипов так сказал о происшедшем расколе в Чечне: «Хотя у нас нет развитого капитала, нет заводов и фабрик, нет пролетариата — зато у нас есть армия безземельных, есть группы, которые уже не могут терпеть диктатуры схоластики и невежества. И

Т. Э. Эльдарханов.

¹ Таштемир Эльжуркаевич Эльдарханов родился в 1870 году в селении Гехи Грозненского округа. Окончил Тифлисский учительский институт. Член I и II Государственных дум. Член Терского Народного Совета всех избраний. В 1919 году оказывал помощь красноармейцам и рабочим, отступившим из Грозного в Чечню. В 1920 году вступил в РКП(б), был председателем Чеченского исполкома, председателем ЦИК Горской АССР.

эти группы — армия безземельных и группа интеллигенции и молодежи — есть те группы, на которые опирается Гойтинский совет. И этих условий для нас достаточно, чтобы поддерживать Советскую власть...

Я определенно скажу, — продолжал А. Шерипов, — что с нашими контрреволюционными верхами верхи казачества уже стремятся завязать прочные сношения, чтобы создать свой единый контрреволюционный фронт. И потому мы должны через головы контрреволюционеров протянуть друг другу руки и создать свой собственный фронт».¹

На третий областной народный съезд, открывшийся 22 мая в Грозном, Чечня прислала 80 делегатов.

Трудовые массы Осетии также с воодушевлением восприняли Закон о социализации земли и другие решения II областного народного съезда в Пятигорске. Отношение к новой областной революционной власти осетинский народ должен был определить на своем VI съезде 10 апреля в селении Христиановском. Выборы делегатов на съезд во многих селениях проходили с большим революционным подъемом.

В день открытия съезда по призыву партии «Кермен» в Христиановское с развевающимися знаменами и с пением революционных песен вошли отряды керменистов. О том, какое волнующее впечатление произвели эти вооруженные силы революционной Осетии, председатель ЦК партии «Кермен» Г. А. Цаголов писал: «Можно не ошибиться, если сказать — день 10 апреля — первый день революции в крае, первый день, когда трудовая Осетия встала на защиту своего труда, первый день выявления своей реальной силы, чтобы отстоять завоевания Октябрьской революции».²

Когда весь съезд вышел к собравшимся у здания отрядам керменистов, из рядов всадников выступил старик, убеленный сединой, и обратился к избранникам народа с горячим приветом: «Мы те, — сказал он, — которые будут до последней возможности защищать интересы трудового народа, безразлично к какой бы национальности он ни принадлежал».³

С приветствием от новой областной революционной власти выступил народный комиссар земледелия Ю. Г. Пашковский, принявший участие в работах VI съезда Осетии.

Председателем съезда был избран С. Такоев.

В приветственных телеграммах Терскому областному Народно

¹ А. Шерипов. Статьи и речи. Грозный, 1961, стр. 62.

² Газ. «Народная власть» № 14, 17 апреля 1918 г.

³ Там же.

Совету и Совнаркому съезд осетинского народа обещал полную поддержку «первой демократической краевой власти» и выразил уверенность, что «трудами Совнаркома водворится в крае гражданский мир и осуществляются социальные реформы».¹

Но в Осетии одновременно со съездом в селении Христиановское проходил и другой съезд — в селении Зилги, съезд мусульманской части осетинского народа. Это результат тех «религиозных распрей», о которых с такой горечью было сказано в резолюции предыдущего V съезда Осетии.

Примерно 70 процентов осетинского народа были православными христианами, а остальные — мусульманами. И вот враги революции сумели и здесь разжечь религиозный фанатизм. Гнусные происки «изменников народа», как заклеил их V осетинский съезд, уже привели к ужасной трагедии, только что пережитой осетинским народом: в результате спровоцированных межнациональных и религиозных столкновений одно из крупнейших селений Осетии Батакоюрт (Владимировское), жители которого — христиане, было полностью разорено.

Съезд осетин-мусульман не противопоставил себя ни съезду в селении Христиановское, ни новой областной революционной власти. В приветственной телеграмме Терскому областному Народному Совету съезд благодарил Совет «за усердную работу по умиротворению края».² В день открытия VI народного съезда в селение Христиановское прибыла большая делегация из Зилги. Она была встречена торжественно и по-братски. Христиановский съезд провел всю свою работу с участием делегатов осетин-мусульман, став, таким образом, народным съездом всей Осетии.

Более глубоко и непримиримо разделяла Осетию, конечно, не религиозная вражда, а классовая, политическая. Но все же раздуваемый темными силами религиозный фанатизм в мусульманских селениях осложнял революционную борьбу в Осетии, ухудшая и без того болезненные отношения между осетинским народом и его соседями. Вот, например, какое обращение направил в те дни избранный на Христиановском съезде Осетинский народный совет народным советам Ингушетии и Кабардино-Балкарии в связи с недоразумениями между жителями селений Батакоюрт и Заманкул: «...Большие вооруженные массы ингушей и кабардинцев вступают на осетинскую землю с заявлением, что они хотят защитить осетин-мусульман от осетин-христиан. Ныне до сведения Осетинского народного совета дошло, что предполагается самочинно ввести в Осетию две сотни ингушей и кабардин-

¹ Газ. «Народная власть» № 14, 17 апреля 1918 г.

² Там же, № 11, 13 апреля 1918 г.

цев. Такие явления незаконны и неправомерны, а главное — могут вызвать крайне нежелательные осложнения в отношениях осетин и ингушей».¹

Осетия представляла собой сложный и запутанный узел противоречий. Трудовые массы спланивались вокруг партии «Кермен» в борьбе за упрочение народной власти и единение с Советской Россией, за мир и дружбу народов Терека. Многочисленное же офицерство, сельская буржуазия, кулаки, лавочники, а также часть интеллигенции ориентировались на единение с казачеством, с его контрреволюционными верхами — не только во имя «спасения» России от большевиков, но и для совместной «защиты от ингушей». Распространяемый ими националистический яд проникал и в трудовые массы осетинского народа. Полковник Беликов, по его собственному циничному признанию, заманивал в свои банды осетин из разрушенного Батакоюрта и других селений, призывая их «отомстить ингушам».²

Так осетинская контрреволюция смыкалась с контрреволюцией казачьей, а затем выступила вместе с нею в вооруженном бичераховском восстании.

VI осетинский народный съезд избрал новый орган власти — окружной народный совет, в состав которого вошли и представители осетин-мусульман. В Осетинский народный совет были избраны видные революционные деятели Осетии: Симон Такоев, Казбек Бутаев, Цомак Гадиев, Харитон Уруймагов, Михаил Гарданов, Хадзимет Рамонов, Даниил Тогоев, М. Кундухов и другие. Но среди 27 членов народного совета были и скрытые враги Советской власти, принимавшие впоследствии то или иное участие в контрреволюционных заговорах и восстаниях, например, полковник Г. Гуцунаев.

Председателем Осетинского народного совета был избран Гаппо Гаккаев. По категорическому свидетельству Ц. Гадиева, Осетинский народный совет все время, до VII съезда Осетии (июль 1918 г.), безоговорочно поддерживал областную народную власть — Терский Народный Совет и Совнарком. Поэтому реакционные силы Осетии сразу повели против него глухую, а нередко и открытую борьбу. И не случайно первым судебным процессом в только что организованном тогда в Осетии революционном трибунале было дело по обвинению

¹ Газ. «Народная власть» № 43, 28 мая 1918 г.

² Кстати, в некоторых исторических исследованиях ошибочно утверждается, что полковник Беликов — осетин. Вопрос о национальности Беликова в пору диктаторства его во Владикавказе приобрел такую остроту, что Беликов поспешил оповестить в газетах, что он великоросс, уроженец Орловской губернии, бывший апшеронец, т. е. что он служил в Апшеронском полку, который десятки лет входил в состав Владикавказского гарнизона.

некоего Карасаева в оскорблении словами членов Осетинского народного совета. Революционный трибунал под председательством Харитона Дзасохова приговорил обвиняемого к штрафу в две тысячи рублей или заключению на восемь месяцев в тюрьму.

Во всей своей работе Осетинский народный совет наталкивался на сопротивление реакционных сил. Дважды срывали они созыв VII осетинского народного съезда, одной из главных задач которого была ликвидация спровоцированной вражды между Батакоюртом, Хумалагом и другими так называемыми «затеречными» селениями, установление мира и полного согласия в этой части Осетии. Кроме того, съезд этот должен был избрать восемь представителей осетинского народа в Терский областной Народный Совет.

Еще по решению V осетинского народного съезда временно центром Осетии стало крупное селение Ардон. Здесь и разместился Осетинский народный совет.

В сложившихся тогда на Тереке условиях особое значение имел съезд терского казачества.

Как известно, большинство казаков — делегатов II областного народного съезда в Пятигорске с презрением отнеслось к заседавшему тогда во Владикавказе VI войсковому кругу. Казачья фракция съезда объявила работу круга незаконной и потребовала, чтобы депутаты его разъехались по домам.

Но когда народный съезд переехал из Пятигорска во Владикавказ, казачья фракция как будто забыла об этом решении. У кормила Терского казачьего войска вместо войскового правительства уже стоял исполнительный комитет, избранный VI войсковым кругом. Казачья фракция областного народного съезда смирилась с этим, оставив в руках исполнительного комитета, избранного кучкой карауловцев, и власть, и все войсковое имущество.

Первое время еще были некоторые трения. Часть казачьей фракции Терского Народного Совета попыталась было поднять вопрос о неправомерности исполнительного комитета, о том, что не исполнительный комитет, а казачья фракция должна распоряжаться войсковым имуществом. Но, как сообщил в своем докладе народный комиссар по делам терского казачества А. Сомов, «казаки с казаками не стали ссориться». Хозяином положения остался исполнительный комитет, а роль комиссара свелась только к одному — он ставил разрешительную подпись на ассигновках комитета.

10 апреля во Владикавказе открылся съезд терского казачества. Высказывания большинства делегатов не оставляли сомнений в том,

что они считают съезд идейным наследником и продолжателем VI круга Терского казачьего войска. И называли они его VII войсковым кругом, несмотря на резкие протесты части делегатов. И председателем съезда был избран хорунжий Г. Ф. Фальчиков, который совсем недавно, закрывая VI круг, сказал: «События на севере развиваются своим чередом, не забывайте, что Петроград уже прогнил, а у нас здесь жемчужина, которую мы должны сохранить... Итак, с богом вперед!».¹

VII войсковой круг отчетливо показал, как казачьи станицы реагировали на решения Пятигорского областного народного съезда, прежде всего, на Закон о социализации земли. По одному только составу делегатов VII круга было видно, что казачество сильно качнулось вправо.

Значительную часть съезда составляли депутаты бывших войсковых кругов, чиновники дореволюционного Терского областного правления, офицеры, в том числе командующий всеми казачьими вооруженными силами полковник Скляр, начальник войскового штаба полковник Белогорцев, избранные на эти посты VI войсковым кругом. Депутатами круга были даже два министра бывшего войскового правительства.

Ссылаясь на указы своих станиц, многие делегаты занялись ревизией основных решений Пятигорского народного съезда: конституции Терской Советской республики, Закона о социализации земли, об организации армии, а некоторые пытались брать под сомнение даже формальную законность постановлений Пятигорского съезда, относящихся к казачеству.

Их вождедения полнее всего выразил делегат станицы Ессентукской И. Я. Корочанский. Он предложил принять такую резолюцию: «Признавая в Терской области власть Терского областного Народного Совета, в то же время терское казачество оставляет в лице настоящего круга за собою ныне существующее право своего самоуправления в административно-военно-экономическо-хозяйственном отношении, с сохранением за собою всего ему, терскому казачеству, принадлежавшего имущества, земли пахотные, сенокосные, пастбищные, горные, занятые и свободные, с богатствами в недрах земли, а также леса и воды».² Иначе говоря, Корочанский желал сохранить в неприкосновенности всю организацию, весь строй Терского казачьего войска со всем его «историческим достоянием», с тем, чтобы казачество опять

¹ Отчет заседаний войскового круга Терского казачьего войска VI созыва. Владикавказ, 1918, стр. 80. Типографский оттиск.

² Войсковой круг Терского казачьего войска VII созыва, стр. 15. Типографский оттиск.

было на положении государства в государстве — со своим правительством, своей армией, казной и т. д.

Но были на VII войсковом круге делегаты революционной части казачества, главным образом сунженских станиц, твердо отстаивавшие решения Пятигорского народного съезда. Это они требовали, чтобы съезд отказался назвать себя войсковым кругом и тем самым порвал с прошлым и отбросил всякие попытки возврата на путь обособленности казачества. А когда Корочанский огласил свою резолюцию, полностью отвергающую все, что было достигнуто на Моздокском и Пятигорском народных съездах, некоторые возмущенные делегаты освистали его.

«Власть, образованная Пятигорским народным съездом, должна быть признана непоколебимо», — потребовал представитель военно-революционного совета Сунженского отдела Кальянкин. «Власть перешла в руки народа, в настоящее время осуществляется Советами, и казаки будут их поддерживать» — заявил делегат Федоров. Отвечая Корочанскому, призывавшему не уступать никому казачьей земли, делегат Дьяконенко сказал: «Если делать, как предлагает Корочанский, то мы будем есть, а другие голодать. Раз мы признали власть Терского Народного Совета, то должны и создавать все согласно с ним. Двум богам нельзя молиться. Мы должны признать власть Совета Народных Комиссаров».¹

А вот что заявил делегат Данилов, по-видимому, тот самый сотник Данилов, который на Пятигорском народном съезде первый заклеил VI войсковой круг и предложил объявить его деятельность незаконной и вредной: «Здесь говорили о самоопределении казачества. Как его понять? Как отделение. Вот казаки Сунженской линии поняли, что туземцы в земельном отношении обижены, и эту несправедливость надо исправить... Казачья программа имеет один пункт, в котором сказано, что ни одной пяди казачьей земли не должно быть отчуждено. Поторопились делать такое заявление от имени казаков, поторопились те, кто вел казачество по пути изолированности и завел в тупик... Надо стать на тот путь, на который стали Моздокский и Пятигорский съезды, и идти по этому единственно правильному пути».²

Хотя группа делегатов революционно настроенных казачьих станиц была не так уж велика, никакая демагогия певцов казачьей самобытности, ни увещания, ни угрозы не могли сбить их с занятых ими позиций. Это была новая революционная сила, нарождавшаяся в мас-

¹ Войсковой круг Терского казачьего войска VII созыва, стр. 16, 17, 19. Типографский оттиск.

² Там же, стр. 48—49.

сах трудового казачества Терека. Пройдет немного времени, и она с оружием в руках поднимется на защиту Советской власти.

На VII войсковом круге с докладом о решениях Пятигорского народного съезда выступили комиссар финансов А. А. Андреев и комиссар земледелия Ю. Г. Пашковский. По просьбе войскового круга выступил и председатель Терского Совета Народных Комиссаров С. Г. Буачидзе — с разъяснениями о том, почему и при каких обстоятельствах Пятигорский и Георгиевский Советы только что разоружили пять станиц Пятигорского отдела.

Разоружение станиц, естественно, взволновало казачество, о нем быстро распространились самые провокационные слухи. Этим не преминули воспользоваться делегаты войскового круга, вроде Корочанского, чтобы дать бой Терскому Совнаркому, подорвать в казачьих станицах доверие к народной власти.

С. Г. Буачидзе сообщил кругу, что народная власть решила положить конец грабегам, обезопасить движение по железной дороге, не допускать каких-либо вооруженных столкновений. Он напомнил, что уже при народной власти были разбиты и сожжены осетинское селение Батакоюрт и кабардинское Бароково. Для борьбы против тех, кто мешает установлению мира в Терской области, создаются вооруженные силы.

На примирительном совещании казаков, осетин и ингушей было решено сдать оружие в распоряжение Терского Народного Совета. Почему же это начато именно с Пятигорского отдела? Потому что там меньше всего опасность вооруженных столкновений. Пушки, взятые в станицах Горячеводской и Подгорной, стояли там без дела, без всякого ухода. Но, — с полной откровенностью и прямоотой заявил С. Г. Буачидзе, — «имеются также опасения, что враги Советской власти в этих станицах могут всадить нож в спину Красной Армии, если ей придется сражаться с бандами генерала Корнилова».¹

Выступление председателя Терского Совнаркома, полное достоинства и выдержки, произвело сильное впечатление на казачьих депутатов. Войсковой круг принял разъяснения С. Г. Буачидзе к сведению без обсуждения.

Что же решил VII войсковой круг? Среди множества вопросов, обсуждавшихся им, решающее значение имели три основных — власть, земля, армия.

Против признания новой областной власти не возражали даже такие зубры, как Корочанский. «Принимая во внимание, что истом-

¹ Войсковой круг Терского казачьего войска VII созыва, стр. 37—40. Типографский оттиск.

ленный и измученный анархией народ нуждается в твердой опоре и гарантиях спокойной жизни и спокойных занятиях своим трудом,— говорится в резолюции круга,— казаки приветствуют общую областную народную советскую власть, всецело к ней присоединяются и ее поддерживают».¹

Что же касается центральной Советской власти, то в постановлениях войскового круга об этом не говорится ничего, но в выступлениях председателя круга Фальчикова и других власть Совета Народных Комиссаров РСФСР открыто отвергалась. «Россия еще не погибла, она еще воспрянет и с нею воспрянет и казачество и будет существовать». Это заявление делегата Сердюкова точно выражало смысл речей и председателя круга Фальчикова, и Корочанского, и Суханкина, и многих других.²

Настойчивое предложение части делегатов иметь свое замаскированное правительство в виде особого казачьего совета после длительного обсуждения было отклонено. Решено было создать только хозяйственный совет для управления войсковым имуществом с ответственностью его перед казачьей фракцией не Терского Народного Совета, а областного народного съезда.

Двусмысленная, уклончивая резолюция была принята по земельному вопросу. Войсковой круг не решился прямо отвергнуть Закон о социализации земли и заявить, что казачество не уступит никому своих земель. Было ясно, что это полностью изолировало бы казачество от всех трудовых народов Терека и поставило бы его в чрезвычайно опасное положение. Но надо было хотя бы оттянуть как можно дальше выполнение решений Пятигорского областного народного съезда о земле. И вот войсковой круг, «приветствуя в принципе закон о социализации земли», указывает на «самобытные особенности казачества в отношении землепользования», на «неподготовленность глубоких слоев трудового казачества к восприятию и усвоению Закона о социализации земли», на опасность «столкновений отдельных групп народа» при проведении закона в жизнь и постановляет: обсуждение вопроса об осуществлении социализации земли среди казачьего трудового населения отложить до отдельных (окружных) народных съездов.³

Ну а как быть с земельными требованиями горских народов? Войсковой круг ответил на этот вопрос коротко: «Казаки искренне желают идти навстречу для любовного и взаимоудовлетворяющего

¹ Войсковой круг Терского казачьего войска VII созыва, стр. 22. Типографский оттиск.

² Там же, стр. 17.

³ Там же, стр. 51.

решения земельного вопроса со своими соседями горцами для уничтожения чересполосицы» — и все!

Что касается иногородних, то войсковой круг предоставил станицам самим решать этот вопрос, рекомендуя «оседло проживающих» в казачьих отделах иногородних наделять землею «временно, впредь до решения этого вопроса во всероссийском масштабе». Выходит, что Закон о социализации земли и соответствующие постановления Пятигорского съезда — это не для казачества, оно ждет иных всероссийских законов, или, по выражению Корочанского, «решающего слова истинного хозяина земли Русской».¹

Не согласен был круг и с постановлением Пятигорского съезда об армии. В полном согласии и в соответствии с политикой центральной Советской власти народный съезд в Пятигорске решил обязательную воинскую повинность отменить, воинские части распустить и организовать Красную Армию на основах добровольного вступления в нее преданных революции трудящихся.

Войсковой же круг после долгих дебатов решил «в интересах защиты края и защиты всего государства от вражеского нашествия» отстаивать перед областным Народным Советом сохранение строевых казачьих частей — 4 конных и 4 пеших полка, 4 пластунских сотни и 4 батареи, с отнесением расхода на счет казны.² Резкий протест против принятого решения заявили делегаты революционной станицы Незлобной и даже покинули заседание войскового круга.

Терский Народный Совет, конечно, отклонил ходатайство войскового круга о сохранении казачьих полков.

Выход все же был найден, VII войсковой круг подтвердил постановление VI войскового круга об организации крупных наемных отрядов, по одному в каждом отделе (округе).

Это один из ярких примеров своеобразия тогдашнего положения на Тереке. В то время как правительство Терской Советской республики прилагало усилия для организации Красной Армии, терское казачество продолжало содержать в том или ином виде свою собственную, явно контрреволюционную армию. Многие благоприятствовало этому, в том числе и все еще достаточно крепкая казацкая казна.

За 1917 год Терским казачьим войском было израсходовано более 9 миллионов, в январе — марте 1918 года — еще 1,9 миллиона рублей. Огромная сумма. И все же у терского казачества оставалось еще более 15 миллионов рублей, в основном ценными бумагами, которые в

¹ Войсковой круг Терского казачьего войска VII созыва, стр. 45. Типографский оттиск.

² Газ. «Народная власть» № 14, 17 февраля 1918 г.

то время, при всеобщем и быстром обесценении бумажных денег, котировались еще очень высоко. Кроме того, у Терского казачьего войска было еще и другое имущество. Оно имело одних только зданий на 30 миллионов рублей, типографию, различные мастерские, большие запасы материалов и сырья и т. д. И если отпадали главные источники доходов, то отпадали и огромные расходы на административный аппарат станиц и отделов, на казачьи школы, на борьбу с саранчой, на берегоукрепительные работы в низовьях Терека и прочее, и прочее — все это вливалось теперь в общегосударственные системы и взваливалось на государственный бюджет Терской Советской республики.

С потерей доходов от нефтеносных земель войсковой круг также полностью не примирился. Он потребовал, чтобы для нужд терского казачества отчислялась попудная плата «от добываемой на бывших войсковых промыслах нефти, как от достояния чисто казачьего».

Чтобы не было уже никаких сомнений относительно того, куда, на какой путь старался направить терское казачество VII войсковой круг, укажем еще на одно его решение: реорганизовать войсковую газету «Вперед» и переименовать ее в «Терский казак». Редактором газеты круг избрал бывшего крупного чиновника Терского областного правления Г. А. Вертепова. Надо полагать, что именно новый редактор извлек из идеологического арсенала карауловского контрреволюционного Юго-Восточного союза девиз для «Терского казака»: «Да здравствует Российская Демократическая Федеративная Республика! Да здравствуют помещные вольности и права!» В пропаганде идей «казацко-федеративного» устройства России, в организации контрреволюционных сил на Тереке «Терский казак» сыграл немалую роль.

Таким образом, казачья контрреволюция на Тереке сумела сохранить в основном все: политические кадры (потеряв только Караулова и Медяника), армию, огромные запасы всевозможного вооружения во всех станицах, большие финансовые и другие материальные средства, наконец, фактически и свою войсковую организацию. Правда, не было уже войскового правительства, только что избранный хозяйственный совет ведал лишь войсковыми хозяйственными делами, — но политическое руководство и представительство осуществляла казачья фракция Терского областного Народного Совета. Два этих органа дополняли друг друга.

Так, маневрируя и приспособляясь к изменяющейся обстановке, упорно отстаивая все, что только можно еще отстоять, казачья контрреволюция на Тереке с нетерпением ждала своего часа...

Большая работа по созданию новых органов власти была проведена и в городах. Причем и здесь были свои особые условия.

В Грозном, например, вся власть находилась в руках военно-революционного совета, объединявшего рабочих Грозного и казаков ближайших станиц Сунженского и Кизлярского отделов. По конституции Терской Советской республики Грозный и его промысловые районы должны были иметь свой орган власти, а казачьи станицы — непосредственно подчиняться народным советам соответственно Сунженского или Кизлярского отделов.

Но ликвидировать Грозненский военно-революционный совет было не так-то просто. Мира в этом районе все еще не было. Фронт по-прежнему отделял Грозный, нефтяные промыслы и станицы от чеченских аулов. Поэтому грозненские рабочие и особенно казаки не склонны были отказываться от военно-революционного совета, сумевшего в самый трудный и опасный момент организовать оборону Грозного.

Дважды обсуждался этот вопрос на широком совещании с участием представителей политических партий, профсоюзов и других организаций, а затем на совместном заседании военно-революционного совета и исполкома Грозненского Совета депутатов трудящихся с участием представителей станиц Грозненской, Романовской, Ермоловской и других.

В конце концов было решено, что вся полнота власти в гор. Грозном, на нефтяных промыслах и в станице Грозненской (непосредственно примыкавшей к городу) переходит к Центральному совету¹ рабочих, крестьянских, казачьих и военных депутатов. Временно, впредь до организации окружного Совета депутатов, военно-революционный совет сохранял свои полномочия органа высшей власти в пределах станиц, селений и хуторов, пославших в него своих представителей, и ведал, главным образом, делами военного характера.²

Председателем исполкома Центрального совета, или Грозненского народного комиссариата, как он первое время официально именовался, был избран большевик Николай Федорович Гикало.³ Он был еще

¹ На так называемых Старых нефтяных промыслах был свой Совет рабочих депутатов — как бы районный по отношению к общегрозненскому Центральному совету.

² См. «Известия Совета рабочих и военных депутатов Грозненского района» № 32, 29 марта 1918 г.

³ Н. Ф. Гикало родился в 1897 году в Одессе. Военный фельдшер, после демобилизации из армии переехал в Грозный. В июне 1917 года вступил в партию большевиков. С марта 1918 года — председатель Грозненского исполкома, с июня 1918 — командующий вооруженными силами Грозного. В январе 1919 года на краевом съезде партии Гикало был избран членом Кавказского краевого комитета РКП(б).

В начале 1919 года, когда Терская область была временно занята белогвардейской армией Деникина, часть красноармейцев и грозненских рабочих отступила в горную Чечню. Н. Ф. Гикало организовал там партизанские отряды и стал командую-

очень молод, но зарекомендовал себя в Грозном, как твердый волевой руководитель масс и умелый организатор с несомненным военным дарованием.

В состав Грозненского народного комиссариата вошли почти все руководящие работники военно-революционного совета, в основном большевики. Военным комиссаром был избран Сафронов, комиссаром революционного порядка — Каграманян, финансов — Ольтециан (левый эсер), промышленности и торговли — Рогожин, труда — Альшанский (меньшевик-интернационалист), продовольствия — Панфилов, юстиции — Мордовцев, общественного призрения (социального обеспечения) — Ермаков. Заместителями председателя комиссариата были избраны большевики Г. Иоаннисиани (бывший председатель военно-революционного совета) и Ф. Пиллер.²

Н. Ф. Гикало.

Столь сильный руководящий состав Центрального совета сразу же упрочил его положение и авторитет. Что же касается Грозненского военно-революционного совета, то он просуществовал недолго. После Пятигорского народного съезда рушились надежды казачьих станиц на совместную с Грозным войну против чеченского народа. Началось охлаждение казаков к союзу с грозненскими рабочими, быстро перераставшее в недоверие и открытую вражду. Грозненская станица вновь стала одним из опаснейших очагов контрреволюции. Она отказалась послать своих представителей в общегрозненский Центральный совет, окончательно порвав с городом, от которого была отделена лишь обыкновенной улицей Граничной

щим Терской повстанческой армией, сыгравшей большую роль в разгроме контрреволюционных банд и освобождении Грозного. В 1920 году Н. Ф. Гикало был командующим войсками и военным комиссаром Терской области и Дагестана, а с образованием Горской АССР — секретарем Горского обкома РКП(б).

² «Известия Совета рабочих и военных депутатов Грозненского района» № 32, 29 марта 1918 г.

(ныне улица Мира). Офицеры, кулачье, вновь поднявшие головы в казачьих станицах, распространяли провокации о том, что Грозненский Совдеп «якшается с Чечней», собирается разоружить станицы и отобрать казачьи земли, а сами в то же время втайне договаривались с реакционными силами Чечни...

Так, под воздействием политики мира и дружбы народов Терека, провозглашенной Пятигорским народным съездом, и принятого съездом Закона о социализации земли началось размежевание классовых сил в районе Грозного. Пролетариат Грозного, его Совет рабочих и военных депутатов устанавливают связи с трудовой Чечней, с Гойтинским народным советом, с А. Шериповым, Т. Эльдархановым и другими руководителями революционной Чечни, а кулацко-офицерские верхи казачества — с контрреволюционным Атагинским советом.

Своеобразная обстановка сложилась и в районе Пятигорска. После окончания работы областного народного съезда и здесь были проведены новые выборы Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Теперь Пятигорский Совет стал окончательно большевистским и с твердой решительностью осуществлял свою власть не только в городе, но и в ближайших слободках, хуторах и некоторых казачьих станицах. Председателем исполкома Совета был молодой талантливый большевик Григорий Григорьевич Анджиевский.¹

Пятигорский отдел (округ) стоял в стороне от исторических горско-казачьих противоречий, от кровавых вооруженных столкновений, которые разрывали Терскую область на части. Весь этот большой район, включая и город Георгиевск, экономически тяготел к Пятигорску, к группе Кавказских минеральных вод и смыкался — теперь и политически — больше с Ставрополем и Кубанью, чем с горскими округами Терека.

Пятигорский и все местные Советы с самого начала опирались на многочисленное здесь иногороднее малоземельное и безземельное крестьянство, арендовавшее землю у казачьих станиц и помещиков.²

¹ Г. Г. Анджиевский родился в 1891 году в Таврической губернии, в семье рыбака. Учился в городском училище в Темрюке, работал в типографии газеты «Приазовский край» в Ростове-на-Дону, был ранен на фронте, лечился в Пятигорске. После Февральской революции — председатель полкового комитета 113 запасного полка, заместитель председателя Пятигорского Совета. Участник второго Терского областного народного съезда. В марте 1918 года — председатель Пятигорского Совета, в июле — председатель комитета Пятигорской организации РКП(б). В 1919 году Г. Г. Анджиевский был схвачен английской контрразведкой в Баку и передан денкинцам, которые 31 августа публично казнили — повесили его в Пятигорске.

² По официальным данным, несомненно преуменьшенным, иногородние крестьяне в Пятигорском отделе составляли 23,4 процента всего земледельческого населения.

Поэтому выходило так, что Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов здесь прямо противостояли богатые казачьи станицы.

Надо отметить еще, что в Пятигорске и Кисловодске скопилось несколько тысяч офицеров. Сюда в многочисленные лазареты направлялись раненые и больные офицеры со всех фронтов империалистической войны. Еще летом 1917 года здесь возник офицерский союз под председательством генерала Рузского, бывшего командующего Юго-Западным фронтом.

Все это — и реакционное казачество в богатых станицах, и многотысячное офицерство в городах — представляло серьезную угрозу в случае каких-либо осложнений. Естественно, что Пятигорский Совет обращал особое внимание на укрепление своих вооруженных сил. Сначала опорой его был 113 пехотный запасной полк. Но в конце 1917 года полк был расформирован, и солдаты разъехались по домам.

Арсенал же полка, находившийся в артиллерийских казармах за рекой Подкумок, был передан военно-революционному штабу и послужил основой для организации отрядов Красной гвардии — пехотных и кавалерийских с пулеметными частями и артиллерией. К весне 1918 года революционные силы здесь были столь значительны, что Пятигорский Совет, по согласованию с Терским Совнаркомом, решил предпринять так называемое разоружение ближайших казачьих станиц — Ессентукской, Горячеводской, Кисловодской и других. Из станиц вывозились только пушки, личное оружие оставалось в распоряжении казаков. Только в Ессентукской станице было взято кроме орудий несколько пулеметов, две тысячи винтовок и большое количество патронов. Разоружение проходило в общем без столкновений, хотя станичные власти кое-где и пытались оказать сопротивление. В станице Ессентукской едва не начался бой, но в последний момент часть

Г. Г. Анджиевский.

казаков заколебалась, и ультиматум о сдаче оружия был принят. Другому красновардеевскому отряду пришлось произвести два демонстративных орудийных выстрела по станице Горячеводской, чтобы охладить воинственный пыл станичных властей и принудить их к сдаче оружия.

Разоружение части пятигорских станиц произвело ошеломляющее впечатление на все терское казачество. Кулацко-офицерские верхи казачества поняли, что и на Тереке на историческую арену выходит новая сила—рабочий класс и иногороднее крестьянство; что эта новая революционная власть действительно государственная власть, могущая своей неразрывной связью с общероссийской государственной властью рабочих и крестьян и поддержкой трудовых масс горских народов, хотя и недостаточно еще организованных. Станичное кулачество, есаулы, полковники впервые реально почувствовали — наступает конец самовластью казачества на Тереке...

Терский Народный Совет, а затем и Совнарком с самого начала установили связь с органами революционной власти Кубани, Дона и Ставрополя. Советским войскам, отбивавшим под Ростовом наступление немцев и сражавшимся с белогвардейской армией Деникина, была передана часть пушек, взятых в казачьих станицах. Туда же был направлен значительный отряд пятигорского гарнизона под командованием начальника Пятигорского военно-революционного штаба Нижегородова.¹ Однако после первого же участия в сражении с немцами отряд Нижегородова самовольно покинул фронт и 18 апреля вернулся в Пятигорск. Тотчас, еще в своем вагоне, Нижегородов издал приказ о том, что он опять вступает в исполнение обязанностей командующего всеми войсками пятигорского гарнизона.

Но здесь же ему сообщили об организационных изменениях, произведенных за время его отсутствия: военно-революционный штаб ликвидирован — слит с военным отделом Совета; все воинские части подчиняются теперь военному комиссару.

Нижегородов был взбешен, восприняв все это как решение отделаться от него, покончить с его штабом и отрядом. То, что в новом Совете он является заместителем председателя Г. Г. Анджиевского, Нижегородова не удовлетворяло. Этот смелый, не останавливавшийся ни перед чем, опьяненный властью авантюрист решил не выпускать из своих рук военной силы. С несколькими своими приспешниками он явился в Совет и ультимативно потребовал отменить постановление об организации военного отдела.

¹ Нижегородов — демобилизованный солдат, в прошлом сапожник, житель местной Константиновской слободки.

Так неожиданно обнаружилось, что, по выражению С. Г. Буачидзе, «под носом Пятигорского Совета выросла военная диктатура».

Пятигорские большевики во главе с Г. Г. Анджиевским тщетно пытались противопоставить мятежным отрядам Нижевасова хоть какие-нибудь реальные силы. Верной Совету оставалась одна только гаубичная батарея, расположенная в Ессентуках.

Создалось очень опасное положение, и Г. Г. Анджиевский вынужден был обратиться за помощью к Терскому Совнаркому. В Пятигорск немедленно выехал председатель Совнаркома С. Г. Буачидзе на бронепоезде «III Интернационал» с отрядом красноармейцев в 75 человек под командованием начальника владикавказского гарнизона Я. Н. Сидорова.

На станции Минеральные Воды С. Г. Буачидзе встретился с бывшим командующим северокавказской Красной Армией А. И. Автономовым, который как раз направлялся во Владикавказ с поручением к Терскому Совнаркому. А. И. Автономов прибыл в небольшом железнодорожном составе с бронеплощадкой, его сопровождало около пятидесяти красноармейцев. Это было весьма кстати. А. И. Автономов и его отряд приняли непосредственное участие в ликвидации мятежа Нижевасова.

Бронепоезд прибыл в Пятигорск к вечеру. Разведка сообщила, что в городе все спокойно. Утром на вокзал явился сам Нижевасов и стал развязно допрашивать, почему, с какой целью прибыл отряд с бронепоездом. С. Г. Буачидзе ответил, что он, председатель Совнаркома, не намерен отчитываться перед каждым встречным. «Вы — соглашатели, — заявил Нижевасов. — Пятигорский Совет должен быть центральным Советом, я здесь командующий войсками!» И добавил с наглой усмешкой: «Положение создалось такое, что или я вас арестую, или вы должны меня арестовать».

«Да, — ответил С. Г. Буачидзе, — положение действительно такое», — и приказал Нижевасову собрать своих бойцов на другой день, в 1 час дня, на смотр-митинг.

На следующее утро 15 красноармейцев из отряда Я. Н. Сидорова с пулеметами заняли помещение Пятигорского Совета, обезоружив при этом сотню нижевасовцев. В городе появились листовки — совместное обращение к населению Пятигорского, Кисловодского, Ессентукского и Минераловодского Советов, разоблачающие авантюру Нижевасова. Последний примчался на вокзал и потребовал объяснения, что все это означает?

— Ты вчера сказал, что надо кого-нибудь из нас арестовать? Ну, я тебя теперь и арестую! Иди в вагон и сиди, — спокойно ответил С. Г. Буачидзе.

Нижевьясов стал упрашивать отпустить его, так как иначе в городе произойдет страшное кровопролитие, которое только он может предотвратить. Но его обезоружили и арестовали.¹

В городе действительно сразу узнали об аресте Нижевьясова. Провокаторы распространили слухи, что в бронированном поезде приехали корниловцы и что надо готовиться к бою. С. Г. Буачидзе отправился на смотр-митинг нижевьясовцев, решив поговорить обо всем с солдатами. Для охраны его было выделено 25 красноармейцев. Но,— вспоминает Я. Н. Сидоров,— когда С. Г. Буачидзе выступил на митинге, начальник охраны Неведомский со своими бойцами бросился к стоявшим поблизости орудиям мятежников, чтобы снять замки. Нижевьясовцы оттеснили их от орудий, арестовали Буачидзе и повезли его в артиллерийские казармы.

По дороге толпа повстречалась с ехавшим на извозчике Анниковым—правой рукой Нижевьясова. Увидев С. Г. Буачидзе, тот крикнул: «Ну, ты теперь в наших руках!». Приказав вести арестованного в казармы, Анников и еще один работник штаба сели в автомобиль Буачидзе и помчались на вокзал освобождать Нижевьясова, но тотчас были обезоружены и арестованы.²

После этого мятежникам был предъявлен ультиматум: немедленно освободить С. Г. Буачидзе, или Нижевьясов и арестованные штабисты будут расстреляны, а огнем ессентукской гаубичной батареи, с которой уже установлена связь, будет уничтожена вся их артиллерия вместе с казармой. Нижевьясов вынужден был написать записку: «Освободить тов. Буачидзе».

Часам к семи вечера С. Г. Буачидзе вернулся на вокзал. Вслед за тем мятежники доставили замки от орудий и сложили оружие. Были разоружены отряды нижевьясовцев в Кисловодске и Железноводске. На станции же Минеральные Воды все бойцы отряда, после разъяснительной беседы, отмежевались от Нижевьясова.

Чем же можно объяснить, что столь опасный антисоветский мятеж на группе Кавказских минеральных вод удалось подавить так быстро и фактически без вооруженной борьбы? Как правильно отметил Ф. Х. Булле 9 мая на заседании Пятигорского Совета, «это бескровное обезоружение произошло потому, что Совет все-таки опирался на широкую солдатскую массу, которая в тот момент не поддержала штаб».³

Из уроков нижевьясовщины были сделаны надлежащие выводы.

¹ См. «Известия Пятигорского Совета» № 19, 12 мая 1918 г.

² Там же.

³ Там же.

Существовавшие еще в некоторых местах на Тереке военно-революционные штабы были упразднены. Формирование воинских частей и все военное дело было поставлено под непосредственное руководство и контроль Советов — их военных отделов. Военные комиссары в городах, округах и отделах назначались теперь приказом военного комиссара Терской Республики.

На заседание Пятигорского Совета 9 мая собрался весь пятигорский актив, многие приехали из Кисловодска и Ессентуков. Известная Лермонтовская галерея была заполнена до отказа. Председатель исполкома Пятигорского Совета Г. Г. Анджиевский подробно рассказал, как была ликвидирована нижевясовщина. Затем с большим докладом о политическом положении в области, о деятельности Терского Совнаркома за полтора месяца его существования выступил С. Г. Буачидзе.

На этом заседании Пятигорского Совета выявились серьезные расхождения между Терским Народным Советом и Совнаркомом, с одной стороны, и Пятигорским Советом, с другой — расхождения не только по тактическим, но и по ряду принципиальных вопросов. Особенно серьезны были разногласия по вопросу о привлечении офицеров в Красную Армию, о самом широком использовании интеллигенции, технических специалистов во всех областях советского строительства.

В своем докладе С. Г. Буачидзе подробно рассказал о том, что успела сделать народная власть, чтобы вывести Терскую область из очень трудного политического и экономического положения. Разрешен самый важный вопрос — о мире, возобновляется работа на промышленных предприятиях и нефтяных промыслах, восстановлена железная дорога между Грозным и Бесланом. Работа налаживается в центре и на местах: уже во многих селениях и аулах организованы народные советы, народный суд, народное просвещение на новых началах. «Но все это не так легко было сделать,— говорит С. Г. Буачидзе.— В практической работе встретились большие трудности... Мы обратились с призывом, привлекли к работе лучшие силы области, но все же у нас огромная нужда в работниках...» Вновь и вновь возвращаясь к этому вопросу, С. Г. Буачидзе говорит: «Не приглашать теперь знающих лиц — значит, отсечь себе голову».

Отвечая Г. Г. Анджиевскому на его реплики о причинах отступления советских войск под Ростовом, С. Г. Буачидзе заявил: «Только демагоги могут говорить, что советские войска бежали из-под Ростова потому, что там были офицеры: наоборот — они бежали потому, что офицеров не было».¹

¹ Газ. «Народная власть» № 34, 16 мая 1918 г.

Разъясняя провозглашенную В. И. Лениным политику использования бывших офицеров как военных специалистов в Красной Армии и технической интеллигенции в народном хозяйстве, С. Г. Буачидзе сказал: «Если Ленин и другие всемерно привлекают для творческой работы интеллигенцию и офицерство, а на местах поднимают поход против этой интеллигенции; если огулом объявляют контрреволюционерами всех офицеров и отказываются использовать их даже как техников, как знатоков военного дела, то эти люди и не нюхали, что такое большевизм, социализм и коммунизм»¹.

Касаясь работы местных партийных и советских организаций и некоторых их ошибок, С. Г. Буачидзе сказал: «Нельзя так — допускать рост военной диктатуры под носом у Советов. Нельзя работать опрометчиво. Нельзя, наконец, идти так напролом и на все смотреть только с своей, пятигорской колокольни. Во Владикавказе тоже сидят коммунисты. Но они учитывают, что Кавказ — это не Россия, и что отсталость местных народностей и их национальная рознь требуют от нас некоторых компромиссов. И все это великолепно понимают. И только один Пятигорск всегда остается при особой точке зрения, имеет особенный, пятигорский взгляд на события. Вы здесь больны и больны одним: своей собственной колокольней».²

Однако С. Г. Буачидзе не убедил Анджиевского и других руководителей пятигорских большевиков. Они продолжали непоколебимо считать, что правильна их политическая линия, а ошибаются владикавказские большевики.

Пятигорский Совет в принятой резолюции одобрил деятельность своего исполкома, а на заседании 12 мая выразил полное доверие всему его составу. Но исполком все же объявил о перевыборах Совета, решив таким путем получить подтверждение правильности своей политики. Пятигорские большевики проводили перевыборы под теми же «левацкими» лозунгами — отказа от использования офицеров в Красной Армии и технической интеллигенции в советских органах. Вот, например, какие предвыборные обращения печатались на первой странице «Известий Пятигорского Совета» — крупно, на четыре колонки: «Идет переоценка ценностей! Выдвигаются новые принципы построения Советской власти, новые начала организации армии... Нам предлагают использовать все технические, научные силы. То, что так недавно с такой решимостью выбрасывалось, выметалось из Советов, из армии, теперь предлагается привлечь к работе»³. Не обошлось в

¹ Газ. «Пятигорское эхо» № 90, 28 апреля (11 мая) 1918 г.

² История революционного движения на Тереке. Сборник статей, воспоминаний и материалов. Пятигорск, 1924, стр. 144.

³ «Известия Пятигорского Совета» № 18, 11 мая 1918 г.

этих агитационных обращениях и без чистейшей демагогии типа: «Нам предлагают привлечь к работе как в Совете, так и в армии... капиталистов и помещиков».¹

Перевыборы Совета завершились победой пятигорских большевиков. Однако состоявшаяся 21—27 мая 1918 года в Грозном областная партийная конференция подтвердила правильность позиции С. Г. Буачидзе в споре с Г. Г. Анджиевским и пятигорскими большевиками. Следует отметить широкий представительный характер этой конференции: она была приурочена к открывшемуся 22 мая в Грозном III областному народному съезду; в ней приняли участие с правом совещательного голоса все коммунисты-делегаты народного съезда.

Конференция заслушала доклад С. Г. Буачидзе о положении в области, о привлечении «всех технических сил, могущих под нашим контролем и руководством работать в тех отраслях государственного строительства, где они нам необходимы, где мы без них не можем обойтись». В принятой по докладу резолюции сказано, что конференция «выражает полное доверие политике и тактике тов. Буачидзе, как председателя Совета Народных Комиссаров Терской республики, и одобряет с партийной точки зрения все положения, выставленные в докладе».²

Тогда вновь избранный исполком Пятигорского Совета решил направить Г. Г. Анджиевского в Москву, в Совет Народных Комиссаров, для выяснения того, насколько правильна его политическая линия. Г. Г. Анджиевский должен был разрешить в Москве два вопроса, сформулированные так: «1) о привлечении офицерского состава в Красную Армию и 2) о расширении базиса Советской власти, то есть о привлечении к власти всех трудовых элементов».

Возвратившись из Москвы, Анджиевский выступил 16 июня с докладом на пленуме Пятигорского Совета с участием представителей профсоюзов. Он сообщил, что был принят В. И. Лениным и «доложил ему о нашей работе и наших позициях». По словам Анджиевского, В. И. Ленин ответил ему: «Вопрос этот так, как вы его ставите, нельзя ставить. Для того, чтобы разрешить практические вопросы, надо исходить из общих положений».³

К сожалению, в опубликованном докладе Г. Г. Анджиевского ничего не сказано о конкретных указаниях В. И. Ленина по вопросам, поставленным Анджиевским. Но в своем докладе Г. Г. Анджиевский признал необходимость использования офицеров как военных специалистов и технической силы в Красной Армии. «Усиленная военная

¹ «Известия Пятигорского Совета» № 19, 12 мая 1918 г.

² Газ. «Терская правда» № 5, 6 июня 1918 г.

³ «Известия Пятигорского Совета», 18 июня 1918 г.

подготовка для серьезной войны,— говорится в принятой по докладу Анджиевского резолюции,— требует не порыва, клича, не боевого лозунга, а длительной, напряженной, упорной и дисциплинированной работы в массовом масштабе».¹

Касаясь раскрытых в то время в Москве и в других местах контрреволюционных заговоров, Г. Г. Анджиевский сказал, что эти заговоры диктуют необходимость сплотить все революционные силы и объединиться с левыми эсерами и с такими социал-демократами — интернационалистами, которые признают Советскую власть. «В некоторых тактических вопросах они с нами не сходятся, но в такой грозный момент мы не должны раскалывать свои силы».²

С особенным волнением рассказывал Анджиевский о чрезвычайно тяжелом продовольственном положении в городах центральной России. «Наша задача,— заявил он,— прежде всего дать центру хлеб». В Москве он выступил на митингах шестнадцати фабрик и заводов. «Если бы вы, товарищи, видели московских рабочих! У всех измученные бледные лица. Когда я им говорил, что по приезде в Пятигорск приложу все усилия, чтобы дать им хлеб, вы бы видели, как слезы выступали у них на глазах и как они приветствовали меня за один только посул».³

С «левацкими» настроениями пятигорских большевиков, защищавших пережитки партизанщины в армии, боровшихся против привлечения офицеров в Красную Армию, казалось, было покончено. Но и после этого большевики «Красного Пятигорья» на протяжении всего 1918 года не раз еще вступали в острые конфликты с краевыми партийными и советскими органами.

Так было, например, по вопросу о кандидате на пост председателя Северо-Кавказского реввоенсовета: пятигорцы категорически настаивали на кандидатуре С. Г. Мамсурова, а краевые органы назначили Полуяна. Так было и на второй северокавказской партийной конференции в Пятигорске 8 декабря 1918 года, когда группа пятигорских делегатов (11 человек) даже покинула конференцию, что было резко осуждено конференцией. В тревожные декабрьские дни (1918 года) взаимоотношения пятигорских большевиков и краевых организаций

¹ «Известия Пятигорского Совета», 18 июня 1918 г.

² Там же.

³ По возвращении Г. Г. Анджиевского Пятигорский Совет в течение нескольких дней организовал и отправил большой эшелон с продовольствием для рабочих Москвы. Но к тому времени белогвардейская армия генерала Деникина уже перерезала железнодорожный путь на Царицын, эшелон вернулся в Минеральные Воды и оттуда был направлен в сторону Кизляра для отправки продовольствия морем на Астрахань.

настолько обострились, что краевые организации ускорили свой переезд в Георгиевск. По свидетельству одного из руководящих работников «Красного Пятигорья» П. Кофанова, Г. К. Орджоникидзе очень ценил и любил пятигорскую партийную организацию, но и он упрекал Пятигорск в самостийничестве.

«Может быть, наши пятигорские товарищи, совершенно оторванные от центра, действительно несколько брали ярую, непримиримую линию, «головотяпствовали», как нас тогда обвиняли», — писал в 1924 году П. Кофанов. — Во всяком случае, если иногда Пятигорская организация и ошибалась, то она же зато и была всегда первой в битвах с буржуазией. И она своими жертвами в 18-м и 19-м годах, и особенно гибелью тов. Анджиевского от руки белых, завоевала себе почетное место в ряду героев борьбы за идеалы рабоче-крестьянской власти и мировой Коммунистической партии».¹

Предметом особых забот Терского Народного Совета и Совнаркома был город Георгиевск. Там находился арсенал Терской Советской республики. Охрану его нужно было передать в надежные руки. И Терский Совнарком назначил комиссаром Георгиевска большевика осетина Саханджери Гидзоевича Мамсурова — демобилизованного офицера, беззаветно преданного партии и хорошо знавшего военное дело.²

В Георгиевске был большевистский Совет рабочих, крестьянских и военных депутатов и довольно значительные силы Красной гвардии, не раз потом отражавшие попытки контрреволюционных банд захватить арсенал.

Нам остается, наконец, рассказать о том, что в эти первые месяцы Терской Советской республики происходило в областном центре — Владикавказе.

Напомним, что Владикавказский Совет 30 декабря 1917 года был разгромлен бандой офицеров и всадников осетинского конного полка. Еще в разгар диктаторства в городе полковника Беликова большевики начали подготовку к возобновлению деятельности Совета.

¹ История революционного движения на Тереке, Пятигорск, 1924, стр. 156.

² Саханджери Гидзоевич Мамсуров родился в 1882 году в селе Ольгинском, в бедной крестьянской семье. Был сельским учителем. В 1904 году арестован за революционную деятельность, в 1911 — вторично арестован, но вскоре бежал и вернулся к подпольной работе. В 1917 — председатель военной секции Владикавказского Совета. Участник Моздокского и всех других областных народных съездов, член Терского Народного Совета. В конце 1918 и в начале 1919 года — председатель Реввоенсовета Северного Кавказа. В 1920 — председатель Совнаркома Горской АССР. После реорганизации Горской АССР работал на других руководящих постах.

С. Г. Мамсуров.

26 марта собрание бывших членов Владикавказского Совета создало оргбюро по выборам в Совет, а 3 апреля состоялось первое заседание вновь избранного Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов.

В обращении к трудящимся Владикавказа новый Совет заявил, что он приступает к революционной работе в грозный момент, когда имущие классы Украины совершили предательство, передав немцам все богатства края за восстановление старого буржуазного и помещичьего порядка, — а в Закавказье такую же историю проделали меньшевики в блоке с мусульманскими беками и ханами и с армянскими богачами. Внутри же Терской Советской Народной республики устойчивость политического положения колеблет работа темных сил, провокаторов разных

мастей и рангов, натравливающих одну народность на другую, красноармейцев на горцев, население на власть.

В обращении перечислены конкретные задачи, стоящие перед Советом: улучшение экономического положения рабочих и городской бедноты; улучшение быта и жизни красноармейцев, поднятие их культурного уровня и создание стойкой революционной дисциплины; облегчение тяжелого положения крестьян пригородных сел и охрана их жизни и благосостояния от посягательств грабительских и разбойничьих шаяк.

Особый упор в обращении сделан на необходимость «укрепления революционных завоеваний путем организации единой местной Советской власти в городе, действующей в полном согласии в социально-политических вопросах с областным Советом Народных Комиссаров, пока последний стоит на платформе Советской власти».

Далее, в обращении говорилось, что Совет будет последовательно и неуклонно проводить в жизнь все социально-законодательные мероприятия Российской центральной Советской власти, «сообразуясь с

местными этнографическими условиями жизни терских народов».¹

Изменился состав Владикавказского Совета. Если в декабре 1917 года он состоял из представителей только профсоюзов и социалистических партий—всего около 100 депутатов, то теперь совет пополнился представителями двадцати девяти самооборонческих участков. По мере роста гарнизона, число депутатов Владикавказского Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов увеличилось и к августу достигло 225.

Владикавказский Совет довольно быстро окреп организационно и политически. Окрепла и большевистская партийная организация города, особенно после переезда из Тифлиса во Владикавказ Краевого комитета партии (Ф. Е. Махарадзе, А. М. Назаретян, С. И. Кавтарадзе, А. Гегечкори и другие). Во Владикавказ приехала также группа большевиков, узников Метехской тюрьмы: Ф. Г. Камалов, С. Я. Шмулевич, Полюсюк и другие.² Некоторые из них вошли в состав Владикавказского Совета, а Ф. Г. Камалов был председателем исполнительного комитета Совета.

Наряду с Советом во Владикавказе еще долгое время существовала городская дума и ее исполнительный орган — управа.

Надо сказать, что тогда даже в Грозном и Пятигорске, где власть полностью была в руках Советов, некоторое время еще продолжали существовать городские самоуправления. Большевики — С. М. Киров, С. Г. Буачидзе, Ю. П. Фигатнер и другие рассматривали их, прежде всего, как технический аппарат, обладавший ценным опытом управления сложным городским коммунальным хозяйством. Опасения же, что городские самоуправления могут стать центрами притяжения антисоветских сил, казались теперь не такими существенными, как в первые недели и месяцы после Октябрьской революции. За время диктаторства полковника Беликова часть большевиков отошла от работы в городском самоуправлении. Поэтому первым актом возрожденного Владикавказского Совета был созыв широкого совещания, на котором решено было персонально обновить список гласных (депутатов) городской думы от социалистических партий. И уже 15 апреля чрезвычайное заседание думы началось при обновленном составе гласных: от эсеров и армянской социалистической группы—по 3 новых гласных, от левого социалистического блока, состоящего из большевиков, керменистов, меньшевиков-интернационалистов и левых эсеров—31.

Таким образом, во владикавказской городской думе образовался левый социалистический блок — без правых эсеров и меньшевиков.

¹ Музей Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кирова, ф. 5, оп. 1, д. 7.

² Объявив голодовку, они добились освобождения, но с условием немедленно покинуть Тифлис.

Во Владикавказе началось «мирное сосуществование» Совета и его исполнительного комитета с городской думой и ее управой. Но между Советом и городским самоуправлением не было отношений равенства. Совет занимал руководящее положение, активно воздействуя на деятельность и городского самоуправления, и других организаций. Это можно подтвердить множеством примеров.

В городе обострились трудности с продовольствием, и Совет организовал особый орган с участием представителей городского самоуправления, названный потом «Советом шести». В руки «Совета шести» перешло все продовольственное дело, ему было разрешено даже взимать попудный сбор с грузов, вывозимых из Владикавказа. Угрожающим стало санитарное состояние города, и Совет взял в свои руки санитарное дело на тех же основаниях, как и продовольственное. Совет издавал обязательные постановления о порядке в городе, установил таксу на лекарства в аптеках и т. д. и т. п.

Но по мере того, как Совет набирался сил, а аппарат исполкома расширялся и накапливал опыт управления, все настойчивей выдвигалось требование покончить с двоевластием в городе. Однако переизбранный в июне исполнительный комитет в программном заявлении на пленуме Совета так изложил свою позицию в этом вопросе: «Исполком прекрасно видит, что здесь не такая управа, как в Москве и других местах, где управцы устраивали заговоры против Советской власти. Мы видим, что в местной управе сидят в большинстве наши же коммунисты».¹

Таков Терек весной 1918 года, после провозглашения Советской власти.

Терская Советская республика! Здесь все сделано согласно конституции, принятой областным народным съездом в Пятигорске, всюду избраны народные советы, но контрреволюционные силы не сложили оружия, они только отступили, притаились, замаскировались. Здесь целые народы — чеченский, ингушский, кабардинский, балкарский — не имеют пока еще ни одного коммуниста, но идеи Великого Октября уже проникли в самые глухие аулы, трудовые массы впервые узнали правду о большевиках, связали свою судьбу с Советской властью и готовы бороться за нее. Здесь на защиту Революции становятся первые отряды Красной Армии — вооруженный рабочий класс и иногороднее крестьянство Терека, а коммунисты-большевики, отстояв мир и дружбу народов, немедленно приступили к революционному преобразованию измученного, истерзанного края.

¹ Газ. «Терский казак» № 55, 5 июля 1918 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Вначале у нас не было ни штыков, ни денег, ни железной дороги, у нас было только одно — желание помочь народу, и первой нашей заботой было стремление к миру. Мы, как старые ласточки, возвестили эту весть всем народам, все силы наши были направлены к тому, чтобы заложить прочный фундамент мирной жизни трудовых народов, и этот фундамент уже заложен.

С. Г. Буачидзе.

Лавина всевозможных больших и малых дел обрушилась на Терский Народный Совет и Совнарком с первого дня их образования. Так много неурядиц всюду, так глубока разруха во всех областях жизни! Но в самом начале, помимо создания новых органов власти на местах, три задачи главенствовали над всем: ликвидация очагов вооруженных столкновений и укрепление мира; восстановление железной дороги Беслан—Грозный; практический подступ к Закону о социализации земли и весенний сев.

Второй областной народный съезд заканчивался под гул оружейной стрельбы: станица Котляревская палила из пушек по кабардинскому селению Бароково. За что? За то, что в Бароково укрылась шайка, ограбившая казаков. Но областная народная власть сумела быстро погасить новый очаг военного пожара, добилась примирения враждующих сторон.

Характерно, что на этот раз, кажется, впервые были изобличены и арестованы три участника ограбления казаков: два ингуша и один... казак. Знатоки шариата в Кабарде собрались, чтобы судить их. И присудили: отсечь у каждого правую руку. Однако не нашлось никого, кто решился бы привести в исполнение столь дикий средневековый приговор...

Совнарком сразу же приступил к организации вооруженных сил

Терской республики. Была создана Коллегия по формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии, затем (в конце марта) — штаб Красной Армии. Начальником штаба был назначен фронтовик, солдат саперной части коммунист Ф. И. Серобабов, но скоро руководителем штаба стал начальник Владикавказского гарнизона коммунист Я. Н. Сидоров. Консультантом по военным вопросам в штабе был сунженский казак, бывший офицер, левый эсер, участник революции 1905 года М. Д. Томашевский.

Во Владикавказе из бывших фронтовиков и рабочих была сформирована рота, а затем два батальона. Оружие (500 винтовок и 46 тысяч патронов) для этих первых регулярных частей Красной Армии было получено из Георгиевского арсенала. Во Владикавказ же были доставлены шесть полевых орудий, взятых в казачьих станицах, и артиллерийские снаряды.

Одновременно выяснялись численность и состояние красногвардейских отрядов в городах и крупных селах, проводилось постепенное преобразование их в части Красной Армии. К концу апреля Терский Народный Совет и Совнарком имели в своем распоряжении около пяти тысяч бойцов.

Первое время работой по организации Красной Армии руководил непосредственно председатель Совнаркома С. Г. Буачидзе, затем — военный комиссар Я. П. Бутырин.

Хотя опасные очаги межнациональных столкновений были ликвидированы, мир установлен, но на Тереке все еще было очень неспокойно. Бандитизм, разбои, провокации, мелкие столкновения отдельных групп — все это тревожило область, срывало мирный труд. Поэтому Народный комиссариат внутренних дел сразу же взялся за организацию на местах народной милиции и создал летучие красноармейские отряды, которые немедленно направлялись в те места, где возникала опасность вооруженных столкновений. О размере средств, отпущенных на все это, можно судить по тому, что только на охрану при уборке урожая было израсходовано 720 тысяч рублей.

Предметом особой заботы народной власти было восстановление разрушенных и разграбленных селений, станиц, аулов, помощь их жителям. Казаки станиц Кахановской и Ильинской, например, получили ссуду в 300 тысяч рублей на восстановление своих хозяйств, жители сильно пострадавшего кабардинского селения Бароково — 984 тысячи рублей. Для постройки на новом месте сожженного осетинского селения Батакоюрт жителям его были выданы ссуды — в общем шесть миллионов рублей.

«Работа комиссара внутренних дел — одна из главнейших, — докладывал председатель Совнаркома С. Г. Буачидзе III областному

народному съезду в Грозном. — Он выполнил трудную работу по созданию Советской власти на местах: В глухих местах Ингушетии и Осетии, куда из-за грабежей не могли проникнуть не только представители власти, но и местные отряды, комиссару внутренних дел удалось путем посылки отрядов красноармейцев внести успокоение».¹

И недаром казачьи и горские контрреволюционеры так ненавидели народного комиссара внутренних дел Юрия Петровича Фигатнера — старого большевика, революционера - профессионала.²

Для укрепления мира и революционного порядка в крае, для борьбы с бандитизмом и происками контрреволюции необходимо было как можно скорее организовать и новые революционные суды.

В Терский Народный Совет отовсюду поступали просьбы о скорейшей организации судов. В некоторых местах преступников задерживали на долгий срок, не зная, что с ними делать, как определить степень их вины, размеры наказания. Кое-где народный гнев, не имея иных способов воздействия на преступные элементы, выливался в дикие формы самосудов и расправ. Были случаи, например, в станицах Ищерской, Калиновской и Каргалинской, когда без суда и следствия

Ю. П. Фигатнер.

¹ Труды 3-й сессии Терского областного съезда. Грозный, 1918, стр. 75.

² Юрий Петрович Фигатнер родился в 1889 году в Варшаве. Работал токарем на заводах Одессы и Варшавы. В 1903 вступил в РСДРП. В 1907 эмигрировал за границу. В 1909 по заданию В. И. Ленина вернулся в Россию, был избран секретарем Московского комитета партии. Вскоре был арестован и осужден на семь лет каторги. Февральская революция освободила Юрия Петровича из Бутырской тюрьмы. Вместе с Ф. Х. Булле, также узником Бутырки, Ю. П. Фигатнер приехал в Кисловодск, чтобы укрепить подорванное здоровье. Там он создал большевистскую организацию, был председателем Кисловодского Совета, делегатом Моздокского и всех других областных народных съездов, входил в состав Терского Совнаркома. Был членом Кавказского комитета РКП(б).

К. Н. Дигуров.

выносились смертные приговоры, которые тут же приводились в исполнение.

Терский Народный Совет не раз обсуждал вопрос об организации новых революционных судов. Народный комиссар юстиции К. Н. Дигуров энергично взялся за работу, сумел привлечь к ней демократически настроенную часть юристов. Уже в апреле и мае начали действовать народные суды, а затем и революционные трибуналы во Владикавказе, Георгиевске, Нальчике, Пятигорске, Кисловодске, Моздоке. Хуже было с организацией народных судов в сельских местностях — не хватало соответствующих кадров. Выход нашли в том, что стали практиковать выездные сессии народных судов в станицах и селениях.

Но организация окружных судов затянулась. А между тем ско-

пилось огромное количество гражданских и свыше трех тысяч уголовных дел, по своему содержанию и значению превышавших права местных народных судов. Поэтому было декретировано, что революционные трибуналы должны разбирать не только политические, но и уголовные преступления.

В Ингушетии действовал «Назрановский мусульманский шариатский суд», которому подсудны были гражданские и уголовные дела также мусульманских селений Осетии.

И только в Чечне политическая обстановка не давала возможности Комиссариату юстиции что-либо предпринять.

С железной дорогой, с доставкой топлива из Грозного было связано возобновление производства на многих промышленных предприятиях, уменьшение массовой безработицы. Вывоз и реализация скопившихся в Грозном огромных запасов нефти, керосина, бензина было спасением и для самой грозненской нефтяной промышленности. Вооб-

ще ничто, пожалуй, не могло так знаменовать мир на Тереке как возобновление потока грузов и пассажиров из Грозного к Беслану и далее на Север.

Работы велись одновременно с двух сторон, двумя партиями в 500 человек. Грозненский Совет направил к станции Плиево бронированный поезд для охраны ремонтников. Это была ошибка. Ингушетия опять встревожилась. Комиссар охраны железной дороги рабочий Владикавказских железнодорожных мастерских А. С. Сорокин передал по прямому проводу в Грозный: «Восстановление железной дороги будет вестись без всякого оружия, работа должна находиться под непосредственной охраной самого народа и под наблюдением Терского Народного Совета. Прошу убрать с линии бронированный поезд и ни в коем случае не допускать появления его в Плиево».¹

Предстояло исправить серьезные повреждения на протяжении 23 верст, отремонтировать и поднять 6 мостов. Работа шла ударными темпами. Утром 1 мая рабочие-ремонтники собрались на митинг в Назрани. Председатель митинга большевик Д. К. Литвинов сообщил в телеграмме Терскому Народному Совету: «Решили не останавливать работ в наш великий Первомайский пролетарский праздник, но душевно празднуем его и приветствуем наших товарищей, чтящих сегодня Первое мая».²

Наконец долгожданный момент наступил: 8 мая партии ремонтников встретились. Состоялся торжественный митинг. К месту встречи уже были подтянуты из Грозного два эшелона с нефтяным топливом. Их восторженно встретили во Владикавказе. А затем эшелон за эшелона уходили из Грозного на Север, в центральную Советскую Россию. За недолгий срок, пока связь Северного Кавказа с центральной Россией не была прервана, Грозный успел отправить на Север большое количество нефти, керосина, бензина.

Это была большая, реально ощутимая победа политики мира и дружбы народов Терека.

Второй областной народный съезд в Пятигорске специально указал, что для придания его решениям силы закона они должны быть объявлены в виде декретов областной народной власти.

26 марта Совет Народных Комиссаров принял декрет о земле, в котором полностью воспроизведено постановление второй сессии Терского областного народного съезда от 1 (14) марта 1918 г.

¹ «Известия Совета рабочих и военных депутатов Грозненского района» № 32, 29 марта 1918 г.

² Газ. «Народная власть» № 27, 5 мая 1918 г.

По этому декрету земельные советы должны были немедленно распределять все поступавшие в их распоряжение земли на справедливых и трудовых началах, а Терский областной земельный совет — приступить к выполнению всего плана справедливого распределения земель Терской области между трудящимися по принципу социализации земли.

Всю эту работу пришлось начинать буквально на голом месте. Казачье войсковое правительство и контрреволюционный Союз объединенных горцев в свое время не допустили организации на Тереке земельных комитетов. Поэтому здесь подготовка к землеустройству не проводилась, не было даже точных статистических данных о земельных фондах.

Поскольку коренное решение земельного вопроса требовало серьезной и длительной подготовки, Пятигорский областной народный съезд разработал «немедленные мероприятия переходного характера по проведению Закона о социализации земли». Все усилия теперь были направлены к тому, чтобы успеть хотя бы кое-что сделать за очень короткий срок, оставшийся до весеннего сева.

На Тереке в то время только одна казачья станица (Михайловская, Сунженского отдела) сразу, смело и просто решила у себя земельный вопрос. Станичный круг здесь, правда после долгой и упорной борьбы, постановил выделить землю на каждую душу всем жителям станицы — казакам и иногородним. Станичные кулаки убеждали казаков не соглашаться на такой раздел: «Если мы, казаки, дадим землю мужикам, то нам останется только по три сажени». Оказалось, однако, что казачьи семьи получили гораздо больше земли, чем по старым наделам-паям, которые отводились только на мужчин от 17 лет. Объяснялось это тем, что круг постановил «отобрать землю у генералов, полковников и кулаков, как владеющих ею неправильно».¹

Комиссариат земледелия особенно заботился о том, чтобы некоторые дополнительные наделы еще до начала весеннего сева успели получить прежде всего безземельные крестьяне горной Ингушетии и горной Осетии. Им отводились участки, которые они и прежде арендовали у станиц, а также другие излишки казачьих земель и конфискованные помещичьи земли. Трудовое казачество в общем с пониманием отнеслось к этому. По свидетельству военного комиссара Я. П. Бутырина, при урезке казачьих земель, которая производилась под непосредственным наблюдением областного Комиссариата земледелия, местные казаки не только не оказывали сопротивления, но даже

¹ Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии (1917—1920 гг.). Грозный, 1958, стр. 109.

помогали в этом трудном деле... ибо они сознавали, что это историческая необходимость.

Большинство казачьих станиц также выделило «оседло проживающим» иногородним земли для посева.

Но при распределении земель нередко возникали тяжелые осложнения. Докладывая открывшемуся 22 мая в Грозном III областному народному съезду о проделанной тогда работе, комиссар земледелия Ю. Г. Пашковский рассказал, что из-за клочка земли группы населения готовы были начать вооруженную борьбу, рыли окопы. В таких столкновениях была самая большая угроза миру в области. Особенно остро воспринимались вопросы землепользования в Осетии, в Сунженском отделе, в Ингушетии, где помещичьих владений и излишков казачьих станиц было недостаточно для удовлетворения нужд безземельных и малоземельных крестьян.

Что касается Нальчикского округа (Кабардино-Балкария), то там было достаточно помещичьих земель. Конфискация их проходила в ожесточенной борьбе. Кабардинские помещики, пытаясь спасти свои поместья, обращались за помощью к ингушам, осетинам, чеченцам, пробовали организовать шайки для борьбы с революционной Кабардино-Балкарией. Например, помещики Абаевы наняли казаков и приступили к распашке отобранных у них участков. Окружной народный Совет быстро положил конец самоуправству Абаевых, конфисковал у них весь живой и мертвый инвентарь и постановил предать их суду военно-революционного трибунала за упорное неподчинение Советской власти. Благодаря организованности кабардинского и балкарского народов распределение помещичьих земель проводилось здесь быстро и энергично. Вопросы эти решались на кустовых земельных съездах, и сельским обществам сразу передавались определенные участки.

Но Народный комиссариат земледелия мало что успел сделать для сохранения, организованного распределения и использования сельскохозяйственного инвентаря и скота помещиков и крупных кулацких хозяйств. Имена расхищались, скот распродался и уничтожался. Особенно губительно сказалось все это на тонкорунном овцеводстве в Моздокском и Кизлярском отделах. В декрете о земле было указано, что «все тонкорунное овцеводство... сохраняется и переходит в полное распоряжение Терского областного земельного совета на учет и под контроль». Однако, как докладывал Ю. Г. Пашковский, в крупные овцеводческие хозяйства только в последнее время были назначены особые комиссары.

«Многие вопросы,— говорил в своем докладе на III областном народном съезде председатель Совнаркома С. Г. Буачидзе,— грозили

нас скрутить, и самым головоломным вопросом был земельный, но и с этим вопросом мы отчасти справились»¹. Пахота и весенний сев благополучно закончились даже в самых опасных, тревожных районах. Конечно, посеяно было значительно меньше, чем сеяли на Тереке в до-революционные, довоенные годы, но все же большинство полей было засеяно.

Народному комиссариату земледелия предстояла дальнейшая громадная работа — заложить прочный фундамент социализации земли. Особое совещание при Комиссариате земледелия нашло необходимым составить для этого земельную комиссию из специалистов, общественных деятелей, работающих в этой области, и полномочных представителей всех групп населения. Извещая об этом трудовые народы Терека, Совет Народных Комиссаров заявил: «Такой состав комиссии дает правительству уверенность, что проект землеустройства будет изготовлен в самом непродолжительном времени и вскоре же получит силу закона».

К весне 1918 года экономическая разруха на Тереке достигла ужасающих размеров. Из каждых четырех промышленных предприятий три приостановили производство или закрылись совсем, причем остановились крупные предприятия. На грозненских промыслах нефть добывали лишь из 41 скважины, тогда как весной 1917 года действующих скважин было 386. Да и добыча нефти шла в основном только из фонтанирующих скважин.

11 апреля областной Комиссариат труда и промышленности созвал широкое совещание специалистов, представителей профсоюзов, Владикавказского Совета и городского самоуправления, чтобы обсудить состояние промышленности Терского края. На совещании выступил представитель совета съезда терских нефтепромышленников инженер А. Ф. Притула. «Застой грозненской нефтяной промышленности,— заявил он,— является прямым следствием неуверенности в устойчивости старых форм владения промыслами. Промышленники не побуждают администрацию и рабочих к деятельности и опасаются производить затраты на возобновление и продолжение работ».²

«Промышленники не побуждают!..» Промышленники саботируют — вот что следовало сказать о их поведении! Саботируют, надеясь голодом сломить волю рабочих, еще больше затруднить положение областной народной власти; саботируют, твердо рассчитывая в этом на свою администрацию, на служащих промысловых контор и технический персонал, в профсоюзах которых преобладали меньшевики и эсеры.

¹ Труды 3-й сессии Терского областного съезда. Грозный, 1918 г., стр. 10.

² Газ. «Народная власть» № 14, 17 апреля 1918 г.

Как одно из средств борьбы с саботажем в промышленности, Терский областной Народный Совет еще 27 февраля (12 марта) декретировал: «Ввиду происходящего массового закрытия промышленных предприятий и надвигающейся безработицы со всеми ее ужасами» предприниматели обязаны при расчетах рабочих и служащих вследствие прекращения производства и ликвидации предприятия выдавать рабочим и служащим плату за шесть месяцев вперед.¹

В дальнейшем Терский Совнарком предоставил Комиссариату труда и промышленности решать в каждом отдельном случае, ликвидируется данное предприятие или только временно приостанавливается. Если временно, то увольняемым при этом рабочим выдавалась вперед только полуторамесячная зарплата, а местные Советы должны были принять все меры к скорейшему возобновлению производства на таких предприятиях.

Саботаж в промышленности пресекался мерами рабочего контроля и прямым воздействием, вплоть до национализации предприятий. Так, «ввиду запутанности дел и явного нежелания администрации общества «Алагир» возобновить работу на своих предприятиях» 23 апреля серебряноцинковый завод во Владикавказе и Садонский рудник с Мизурской обогатительной фабрикой и со всем имуществом общества «Алагир» перешли в собственность Терского областного Народного Совета.

Для возобновления работы только на серебряноцинковом заводе была выдана ссуда в 899 тысяч рублей сроком на один год.

Возобновить работу на национализированных предприятиях было не так сложно. Трудность заключалась в другом: основные продукты завода «Алагир» — цинк, свинец, серная кислота — предназначались для вывоза на дальние рынки. Переброска их на сотни и тысячи километров в условиях того времени была совершенно невозможна; потребность же в них в самой Терской области была незначительна. Поэтому правление национализированных предприятий, возглавляемое инженером большевиком Ю. П. Бутягиным, решило приспособить завод к выработке изделий, необходимых самой Терской области и ближайшим районам.

Примерно через полтора месяца «Терское народное горнопромышленное и химическое предприятие «Алагир» в гор. Владикавказе» (так оно теперь называлось) объявило о продаже «товаров собственной фабрикации»: цинка, свинца в чушках, в листах и трубах, огнеупорно-

¹ Вторая сессия Терского областного народного съезда в гор. Пятигорске. Пятигорск, 1918. Приложение — Декреты и приказы Терского областного Народного Совета.

го кирпича, серной и азотной кислоты, свинцовых белил, железного купороса, глауберовой соды; о приеме заказов на изготовление свинцовых труб разного размера, изделий из жести и листового железа. На заводе был организован также ремонт машин и сельскохозяйственных орудий.¹

Алагирский завод принимал и прямое, непосредственное участие в борьбе за Советскую власть на Тереке. Слесарь большевик Камараули отыскал бельгийскую опытную установку для выработки бездымного пороха и пустил ее в ход. В глубине заводского двора рабочие устроили специальный склад — пороховой погреб. В механических мастерских, оборудованных бельгийцами во время империалистической войны специальными станками, было налажено производство шрапнельных снарядов и ручных гранат.

Но к национализации такого индустриального гиганта, как Грозненские нефтяные промыслы, Терский Народный Совет и Совнарком подходили с большой осторожностью. Нефтепромышленникам предложена была даже ссуда на восстановление производства. Однако промышленники отвергли ссуду. Тогда областной Народный Совет 25 апреля предоставил ссуду в два миллиона рублей Грозненскому Центральному Совету для выдачи заработной платы рабочим и служащим — нефтяникам. В обеспечение ссуды соответствующее количество нефти становилось собственностью областной власти. Вскоре по декрету Терского Народного Совета «нефть и нефтяные продукты, добытые и имеющие быть добытыми на Грозненских нефтяных промыслах, перешли в собственность Народного Совета». При чем в декрете подчеркивалось, что это первый шаг к национализации грозненской нефтяной промышленности.²

С тех пор из месяца в месяц правительство Терской Советской республики через Грозненский центральный Совет выдавало зарплату рабочим и служащим нефтяных промыслов, и весь доход от нефти отныне поступал в государственную казну республики. Все текущие счета нефтяных фирм, то есть остатки от капиталов в банках, были перенесены на текущий счет исполкома Грозненского центрального Совета. На учет были взяты материалы на складах, заводах и в технических конторах нефтяных промыслов. Совет утверждал расходы предприятий, разрешал кредиты, по его ордерам отпускались материалы со склада.

Оставалось сделать последний шаг — национализировать грознен-

¹ См. газ. «Народная власть» № 69, 30 июня 1918 г.

² См. А. Ф. При ту ла. Грозненская нефтяная и терская горная промышленность перед национализацией. М., 1925, стр. 13.

скую нефтяную промышленность, объявить ее государственным, общенародным достоянием. Национализации требовали и рабочие Грозного.

Грозненские рабочие, закаленные в жестоких классовых боях с нефтяными компаниями, кровью своей отстоявшие Грозный, не хотели и не могли больше ждать. «Это вопрос жизни и смерти! Промышленность в упадке, промышленники саботируют, единственный выход — национализация!» — так говорил делегат Старых нефтяных промыслов Филатов 11 июня на чрезвычайном заседании Центрального Совета и всех профсоюзов Грозненского района с участием представителей областной власти.¹

29 июня вопрос о национализации нефтяной промышленности обсуждался в Терском областном Народном Совете. Управляющий отделом промышленности Совета инженер Ю. П. Бутягин докладывал, что «положение Грозненского промышленного района трагическое. Рабочие спрашивают нас: кто ныне хозяин промыслов — нефтепромышленники или Народный Совет? Если Народный Совет, то надо об этом сказать открыто и объявить национализацию промыслов, а если промышленники, то мы будем знать, кому предъявлять требования. Пусть Народный Совет,—сказал в заключение Ю. П. Бутягин,—даст выход из тупика, куда зашла грозненская промышленность. Центральная Советская власть никаких директив нам пока не дает, хотя бакинские промыслы уже национализированы».²

Против национализации нефтяной промышленности выступила казачья фракция Терского областного Народного Совета. Она заявила, что вопрос этот 3 июля будет обсуждаться на казачье-крестьянском съезде в Моздоке, и просила областной Народный Совет не принимать пока никаких решений. Офицерско-кулацкие верхи казачества — вернейшие союзники грозненских нефтяных компаний все еще надеялись, что и дальше в казачью казну будут поступать миллионы золотых рублей за аренду нефтеносных земель. К тому времени в составе казачьей фракции Терского Народного Совета оказался Валаев, «частный» адвокат. Сей «представитель» казачества попытался подвести «юридическую базу» под притязания казачества. Он нагло заявил, что весь инвентарь и трубы на промыслах перешли к казачеству в силу договора с нефтепромышленниками, когда те бросили промыслы. «Вы национализировали промышленность, а работать будет не с чем, подумайте об этом».³

Валаева, конечно, оборвали и посадили на место. Однако послед-

¹ Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1958, стр. 125.

² Газ. «Терский казак» № 53, 3 июля 1918 г.

³ Там же.

ний шаг все же не был сделан. Терский Совнарком представил в Москву свои соображения о национализации нефтяной промышленности и ждал решения правительства РСФСР.

А тем временем казачья контрреволюция, захватившая власть на Дону, и белогвардейская армия генерала Деникина вновь отрезали Северный Кавказ от Советской России, от Москвы. На Тереке не знали, что еще 20 июня 1918 года Совнарком РСФСР принял декрет о национализации всей нефтяной промышленности в стране, в том числе, конечно, и грозненской. Декрет этот был опубликован во Владикавказе в газете «Народная власть» только 17 декабря 1918 года. А скоро и Терская область была временно захвачена деникинской армией. Так вот и случилось, что грозненская нефтяная промышленность была национализирована только в 1920 году, после окончательного установления Советской власти на Тереке.

Областной Комиссариат труда и промышленности в полной согласованности с профсоюзами и в соответствии с декретами центрального Советского правительства разрабатывал социальное законодательство, ограждавшее права рабочих и служащих. Издан был декрет о 8-часовом рабочем дне, продолжительности и распределении рабочего времени, об охране труда женщин и подростков. Приведена в некоторый порядок совершенно расстроенная организация страхования рабочих от болезней и несчастных случаев; вследствие возросшей дороговизны вдвое увеличены пособия и пенсии инвалидам труда. В соответствии с декретом Совнаркома РСФСР от 18 декабря 1917 года в республике был учрежден временный фонд страхования от безработицы и организовано временное Терское областное страховое бюро.¹

Во всей этой работе, в хозяйственной, политической и общественной жизни края самое активное и непосредственное участие принимали профсоюзы, ставшие подлинно массовыми боевыми организациями рабочего класса. Многие сделали профсоюзы для укрепления рабочего контроля, создаваемого всюду по типу рабочего контроля над производством и потреблением в центральных областях РСФСР. Первое время существовало великое множество различных мелких профсоюзов, что распыляло их силы. Во Владикавказе по инициативе отдела труда местного Совета была проведена реорганизация профсоюзов — объединение их в девять крупных союзов. Такая же перестройка профсоюзов была проведена и в других городах.

Возобновление производства на некоторых нефтяных промыслах, на национализированных предприятиях бывшего акционерного обще-

¹ См. Декреты по Комиссариату труда и промышленности, изданные с 4 апреля по 17 мая 1918 г. Владикавказ, 1918.

ства «Алагир», на ряде кожевенных и других заводах вернуло к труду значительную часть рабочих. Немало рабочих, особенно возвращавшихся с фронта, вступало в местные красногвардейские отряды, а затем в Красную Армию. Но в городах Терской области все еще была массовая безработица. Например, только за два дня — 27 и 28 июня биржу во Владикавказе посетили 266 безработных, направлено же на работу только 11. Семьи рабочих страшно бедствовали.

Областной Народный комиссариат труда и промышленности, местные Советы и профсоюзы стремились уменьшить безработицу, облегчить положение рабочих. Комиссариат труда и промышленности настойчиво добивался возобновления производства на каждом предприятии и разрабатывал широкие планы развития производительных сил Терского края. Городские самоуправления в свою очередь составляли планы общественных работ. Так, в плане Владикавказской городской управы намечалось расширить сеть подъездных путей к городу, замостить все улицы на окраинах и базарную площадь, осушить заболоченные места в пригородных районах, достроить и расширить народный дом, фундамент и стены которого были возведены еще до революции, построить известково-обжигательные печи. Организованная областным комиссаром труда и промышленности Е. С. Богдановым специальная комиссия под председательством профессора И. Г. Есьмана не только одобрила этот план, но и предложила значительно расширить его: построить городскую гидроэлектростанцию на реке Терек для освещения окраин города, построить крытый рынок, расширить и улучшить больницу, улучшить бойню и построить при ней утилизационный завод, осуществить канализацию города.

Для выполнения первоочередных работ по этому плану Терский Народный Совет предоставил ссуду в 500 тысяч рублей, и городская управа немедленно приступила к набору рабочих-мостовиков и землекопов.¹

Большой план общественных работ был составлен в Грозном. Городское самоуправление просило ссуду в два миллиона рублей сроком на 20 лет, с тем, что погашение ссуды начнется с 1921 года. Работы и здесь, как и во Владикавказе, должны были выполняться под контролем областного Комиссариата труда и промышленности.

Эти планы, как и многие другие начинания областной народной власти, не удалось претворить в жизнь. Казачья и горская контрреволюция сорвала мирный созидательный труд, начатый с таким воодушевлением рабочими, иногородним крестьянством, трудовыми наро-

¹ См. газ. «Народная власть» № 71, 3 июля 1918 г.

дами Терека. Очень скоро бичераховское контрреволюционное восстание ввергло весь Терский край в жестокую гражданскую войну.

К весне 1918 года резко обострилось продовольственное положение в городах Терской области, особенно в Грозном и Владикавказе. Пятигорск и весь Минераловодский район, как и Георгиевск, не испытывали таких трудностей, имея под боком богатые хлебом районы Ставрополя и Кубани. Грозный же продолжал находиться на положении полуосажденного города. Он жил в основном за счет хлебных и вообще продовольственных запасов сунженских станиц, вместе с ним полуокруженных фронтами.

Грозненский Совет организовал закупки хлеба на Кубани в обмен на нефтепродукты. Нефть и керосин доставлялись туда сложным путем: до станции Червленая их везли на подводах в бочках, а там сливали в цистерны и отправляли дальше по рельсам. Нужда в нефтепродуктах была столь велика, что представитель Грозненского Совета получил в Екатеринодаре (Краснодар) нивесть как оказавшиеся там два трактора и тележку — платформу для доставки нефтепродуктов на станцию Червленая. Но и тракторами много ли нефти вывезешь?

С восстановлением железной дороги между Грозным и Бесланом обмен нефтепродуктов на хлеб взял в свои руки областной продовольственный комитет. К нефтепродуктам вскоре прибавилась продукция национализированного завода «Алагир» — цинк, купорос, сода и прочие товары, сельскохозяйственные орудия, а также кожа и изделия других промышленных предприятий.

Но как ни велики были трудности с продовольствием на Тереке, их нельзя было даже сравнивать с тем, что переживали тогда Туркестан и Баку, не говоря уже о Москве и Ленинграде. «В нашем крае дошло до того, что люди умирают от голода прямо на улицах», — говорил представитель Туркестана на Терском областном народном съезде в Пятигорске. С горячим призывом о помощи обратился к съезду и представитель Бакинского Совета.

В резолюции съезда указывалось на «отчаянный голод в Туркестане и Баку, снабжающих всю Россию хлопком, топливом и керосином и не имеющих своего хлеба». Решено было содействовать закупке хлеба, охране и продвижению продовольственных грузов для Баку и Туркестана. Особо подчеркивалась необходимость скорейшего восстановления железной дороги около Гудермеса и дальше, так как хлеб для Баку приходилось вывозить морем. Докладывая 23 мая III областному народному съезду о восстановлении железной дороги между Грозным и Бесланом, председатель Совнаркома С. Г. Буачидзе особо подчеркнул, что «недалек тот день, когда будет исправлен путь на

Баку, и мы сможем снабдить голодающих товарищей-бакинцев хлебом».¹

В конце мая в газете «Народная власть» был опубликован декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР о продовольственной диктатуре. «Сытая и обеспеченная, скопившая огромные суммы денег, вырученных за годы войны, деревенская буржуазия остается упорно глухой и безучастной к стонам голодающих рабочих и крестьянской бедноты, не вывозит хлеб к ссыпным пунктам. На насилие владельцев хлеба над голодающей беднотой ответом должно быть насилие над буржуазией». В декрете подтверждалась незыблемость хлебной монополии и твердых цен, а также необходимость беспощадной борьбы с хлебными спекулянтами, мешочниками. В наиболее хлебные районы страны выехали особые уполномоченные по продовольствию. На Тереке главным уполномоченным был Народный комиссар труда РСФСР А. Г. Шляпников.

Правительство Терской Советской республики всемерно помогало продовольственным органам РСФСР в заготовке хлеба и отправке его в Москву. Самой трудной проблемой был вывоз хлеба в голодающие районы. Прямая связь Северного Кавказа с Москвой длилась недолго. Оставался единственный путь — морем на Астрахань. В Кизляре, ставшем перевалочным пунктом для продовольственных грузов, скопилось более ста тысяч пудов пшеницы. Для ускорения вывоза хлеба решено было построить 30-километровую железнодорожную ветку от Кизляра до Старо-Теречной пристани на Каспии; правительство РСФСР даже ассигновало на это средства. Но начавшаяся гражданская война помешала осуществлению этого плана. Бичераховские банды захватили миллион мешков, доставленных А. Шляпниковым для вывоза хлеба. Кизляр же, окруженный в июле превосходящими силами восставших казаков, в течение пяти месяцев выдерживал осаду, геройски отбивая яростные атаки врагов. Вывоз хлеба в Астрахань для голодающей Москвы был надолго прерван.

Среди многих начинаний народной власти особенно достойно быть отмеченным то, что сделано для народного просвещения.

Деятельность Комиссариата народного просвещения развернулась в основном в мае. Летнее каникулярное время было использовано для преобразования школ и всесторонней подготовки к новому учебному году, для разработки новых учебных программ и планов и ознакомления с ними учителей на краткосрочных курсах — семинарах. «Страна, в которой царит безграмотность и невежество, не может быть надежной опорой власти трудового народа, — писал народный комис-

¹ Труды 3-й сессии Терского областного съезда. Грозный, 1918, стр. 10.

Я. Л. Маркус.

сар просвещения Я. Л. Маркус¹ в обращении к учителям.—Необходимо в кратчайший срок добиться всеобщей грамотности путем расширения сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, а затем введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения».²

По декрету Совнаркома все церковноприходские школы перешли в ведение Комиссариата народного просвещения, школьные здания разных церковных ведомств со всей обстановкой стали собственностью местных Советов. Обучение в начальных школах стало бесплатным. Преподавание «закона божьего» было отменено, а таких предметов, как латинский язык, стало необязательным. В начальных школах вводилось обучение ручному труду и гимнастика.

Одновременно началась ликвидация неграмотности взрослого населения. Только в одном Вла-

дикавказе было создано семь «школ грамоты» для взрослых.

Осенью, в начале учебного года, во Владикавказе открылись две новые гимназии. Одна из них — Народная гимназия имени Ноя Буачидзе была первой на Тереке трудовой школой-коммуной с интернатом на 500 учащихся. В Пятигорске были организованы народные курсы, на содержание которых Комиссариат отпустил 32 тысячи рублей. Завершением всей этой работы было создание первого на Тереке

¹ Яков Львович Маркус родился в 1887 году,—человек большой культуры и широкого кругозора. Сын бедного ремесленника-часовщика, он получил высшее юридическое образование, знал иностранные языки, но предпочел быть педагогом, заведовал русско-еврейской школой в Дербенте, где жили его родители, а затем во Владикавказе. В 1917 году Я. Л. Маркус — один из руководителей владикавказской большевистской организации, депутат Совета, гласный городской думы, член управы. Он был членом Терского Совнаркома, неизменно занимал пост наркома просвещения.

² В. Г. Таранин. Яков Львович Маркус. Орджоникидзе, 1957, стр. 17.

высшего учебного заведения — Политехнического института, торжественно открытого в начале декабря 1918 года. Намечалась также организация Народного университета и Народной консерватории.

Но деятельность Комиссариата просвещения не ограничивалась только школой. Впервые на Тереке создавалась система дошкольного воспитания. Во Владикавказе были открыты детские площадки, сады и детские клубы. Комиссариат ведал театрами, художественной самодеятельностью, организовывал систематические лекции на самые различные темы, заботился о библиотеках, о печати и т. д.

Особое внимание было обращено на просвещение трудовых масс горских народов. В отчетном докладе V областному народному съезду председатель Терского Совнаркома Ф. Х. Булле говорил, что только в Ингушетии было открыто 15 школ с преподаванием на родном языке.

К сожалению, горские народы (кроме осетинского) все еще не имели своей письменности, азбуки, и это было непреодолимым препятствием для развития народного просвещения в селениях и аулах Чечни, Ингушетии, Кабарды и Балкарии. Да и политическая обстановка на Тереке не давала возможности широко развернуть культурную работу в горских селениях и аулах.

Создание Красной Армии, национализация промышленных предприятий, хозяйственное и культурное строительство, содержание государственного аппарата — все это требовало огромных денежных средств. Деньги — одна из самых трудных проблем, стоявших перед правительством Терской республики.

В своем докладе на заседании Пятигорского Совета 9 мая 1918 года председатель Совнаркома С. Г. Буачидзе сказал: «Мы до сих пор не получали ни одной копейки из центра и жили на остатки, которые еще находили и в без того опустошенных банках».¹

Терскому Совнаркому пришлось создать свой государственный «монетный двор». По решению областного Народного Совета Комиссариат финансов приступил к выпуску денежных знаков — бон на сумму 50 миллионов рублей. Их называли «буачидзевскими» — на бонах стояла подпись С. Г. Буачидзе.

В обращение было пущено все, что можно было так или иначе приравнять к денежным знакам: купоны от различных займов и облигаций, контрольные марки сберегательных касс, разменные знаки, выпущенные Минераловодским Совдепом и некоторыми городскими самоуправлениями, чеки, акцептованные местными отделениями Государственного банка, и т. д. Население неохотно принимало их. И Владикавказскому Совету пришлось даже пригрозить арестом до трех

¹ Газ. «Народная власть» № 34, 16 мая 1918 г.

месяцев или штрафом до трех тысяч рублей за отказ принимать эти суррогаты денег.

Одно время источником средств для местных Советов были чрезвычайные обложения буржуазии — владельцев промышленных предприятий, торговцев и других. Первым, еще в феврале 1918 года, прибегнул к этому Грозненский Совет, взыскав с нефтепромышленников миллион рублей. К чрезвычайным обложениям или «контрибуциям», каких называли на Тереке, прибегали даже некоторые станичные Советы. Но Терский Совнарком, руководствуясь постановлением центрального Советского правительства, запретил подобные операции без его особого каждый раз разрешения. Да и финансовая эффективность чрезвычайных обложений скоро резко упала.

Терская Советская республика остро нуждалась не только в денежных средствах, но и в оружии, и в обмундировании для организуемой Красной Армии, в медикаментах и во многом другом. 16 мая 1918 года по поручению Терского Совнаркома в Москву выехал С. М. Киров. Он был принят В. И. Лениным и вручил ему обстоятельную докладную записку Совнаркома о положении на Тереке с просьбой предоставить Терскому Совнаркому 337 миллионов 680 тысяч рублей. Для каких нужд?

Во-первых, на содержание тридцатитысячной Красной Армии (25 батальонов). «В настоящий момент,— говорилось в докладной,— Терский край требует особой защиты своих границ, ибо с севера ему угрожает германо-гайдамакское нашествие, а с юга — турецкое». Только на уплату жалованья и содержание красноармейцев необходимо в год 103 680 тыс. рублей. В эту сумму не входило снаряжение армии.

Во-вторых, на организацию медицинской помощи населению и санитарии в крае. Терская область в этом отношении была «медицинской пустыней». Такое положение являлось угрозой не только для края и всего Северного Кавказа, но и для всего юга России. Терский Совнарком разработал проект «насаждения больниц, амбулаторий и летучих медицинских отрядов». И в первый год для этого нужно было не менее 20 миллионов рублей.

В-третьих, на усиление вывоза грозненской нефти. Терский Совнарком, говорилось в докладной, «предполагает национализировать нефтяную промышленность, и только на заработную плату рабочим нужно 114 миллионов рублей в год. Кроме того, необходима финансовая помощь и для восстановления сожженных нефтяных вышек и других предприятий. Для вывоза нефти необходимо было срочно изготовить не менее пяти тысяч цистерн емкостью в 700 пудов, на что потребуется 100 миллионов рублей.

Таким образом, Терский Совнарком испрашивал 337 миллионов

рублей на такие первоочередные нужды, которые имели не только местное, но и важнейшее общегосударственное значение. Однако вследствие ряда причин средства эти не были получены. Было отпущено только 15 миллионов рублей для уплаты жалованья красноармейцам и на содержание их.¹ Деньги эти доставил во Владикавказ сопровождавший С. М. Кирова в Москву рабочий железнодорожник Илья Васильевич Остапенко.

Сергей Миронович вместе с «военноуполномоченным» Терского Совнаркома О. М. Лещинским занялись подготовкой эшелона с оружием для отправки на Терек. Окруженная со всех сторон врагами Советская Россия напрягала все силы, чтобы быстро развернуть трехмиллионную Красную Армию. Оружие Терскому Совнаркому было отпущено, но винтовки и пулеметы надо было получать в Бежецке, патронные ящики с пулеметными лентами — в Вологде, обмундирование на 25 тысяч красноармейцев — в Брянске и т. д. А белогвардейская армия генерала Деникина угрожала перерезать последнюю железнодорожную связь Северного Кавказа с центральной Россией — через Царицын.

Трудными и сложными путями оружие было доставлено О. М. Лещинским в Георгиевск.² Но к тому времени на Тереке началось восстание казачества, и контрреволюционные банды, захватив станцию Прохладная, отрезали Георгиевск и Минераловодско-Пятигорский район от Владикавказа, от всей остальной Терской области.

Между тем, финансовое положение Терской Советской республики быстро ухудшалось. 28 июня на специальном заседании областного Народного Совета народный комиссар финансов А. А. Андреев доложил, что положение с финансами критическое, что разным ведомствам и местным Советам открыты кредиты на сумму более 46 млн. рублей, и, кроме того, выдано 15 млн. рублей разных ссуд промышленным предприятиям и жителям разоренных станиц и селений.

Бюджет республики на 1918 год был определен в 150—160 млн. рублей. Для покрытия его на прямые налоги рассчитывать не приходилось. Косвенные же налоги и акцизные сборы, главным образом, с

¹ См. Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, т. XXII, вып. IV, Орджоникидзе, 1960, стр. 8.

² С. М. Киров остался в Москве — подготавливать военную экспедицию на Северный Кавказ. В некоторых исследованиях утверждается, что Сергей Миронович сам сопровождал эшелон с оружием до Георгиевска, оттуда переехал в Пятигорск. Затем С. М. Киров, Ю. П. Бутягин и А. Атабеков как делегаты VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов выехали в Москву. Однако это не подтверждается документальными данными. И в северокавказской печати нет никаких сведений о трехмесячном пребывании С. М. Кирова в Пятигорске.

нефти и виноградного вина, могли дать в лучшем случае около 100 млн. рублей, остальные 50—60 млн. рублей должен был дать «монетный двор».

Так Комиссариат финансов, Совнарком и областной Народный Совет пытались внести хоть какой-нибудь порядок в хаотическое состояние финансового хозяйства Терской республики. Но, как и по всей Советской стране тогда, жизнь опрокидывала все финансовые расчеты и предположения.

В исторических исследованиях о революции на Тереке описывается, главным образом, политическая и военная борьба Советской власти против многочисленных врагов революции, контрреволюционных банд и иностранных интервентов. В тени обычно остается все то, что делалось повседневно для преодоления хозяйственной разрухи, возобновления промышленного производства, преобразования сельского хозяйства, для приобщения к грамоте, к культуре народных масс. Эта гигантская работа требовала напряжения всех сил областной народной власти и Советов на местах и развертывалась нередко в обстановке скрытого или открытого саботажа. Именно здесь, в этой повседневной работе проявлялась огромная всепобеждающая сила революционного воодушевления и творчества широких трудовых масс.

Часть третья

Гражданская война на Тереке

...

ТРЕТИЙ НАРОДНЫЙ СЪЕЗД В ГРОЗНОМ

Перед судом народной совести, критики и народного признания — народная власть стоит совершенно открыто. Ибо она является только волею самих трудовых народов.

С. М. Киров.

Весною 1918 года развернулись события, поставившие советскую страну в крайне тяжелое положение.

Оккупировав Украину, немцы заняли Крым и часть Донбасса, а 9 мая прорвались в Ростов. Здесь с их помощью опять утвердилась казачья контрреволюция: собравшийся в Новочеркасске войсковой «круг спасения Дона» избрал донским атаманом ставленника немцев генерала Краснова.

Советские войска задержали дальнейшее наступление немцев в Батайске. Но им приходилось одновременно вести тяжелые бои и с немцами и с Добровольческой армией генерала Деникина. Хотя Краснов стал другом немцев, а Деникин сохранял верность союзникам царской России—Антанте, но против большевиков, против революции они действовали совместно.

В это же время турецкие войска вторглись в Закавказье, заняли Карс. Небольшой отряд турок захватил Батумскую крепость. Турки прорвались к Александрополю (Ленинакан), с боями наступали на Эривань (Ереван), несколько их дивизий продвигались к Елизаветполю (Кировабад).

Закавказский комиссариат и сейм грузинских меньшевиков, армянских дашнаков и азербайджанских мусаватистов отвергли Брестский мир и 9 апреля провозгласили независимость Закавказья, расчи-

тывая без Советской России договориться с немецко-турецкими империалистами. Однако мирные переговоры, начатые в Трапезунде и продолженные в Батуми, были сорваны. Политика меньшевиков, дашнаков и мусаватистов привела к невероятному разгулу националистических страстей в Закавказье. Мусаватисты открыто объявили о своем нейтралитете в войне с Турцией, на деле же помогали туркам. И 25 мая сейм, констатируя, что Закавказская республика фактически распалась, сложил свои полномочия.

Решение это было принято по настоянию грузинских меньшевиков, которые по примеру Украинской буржуазно-националистической Центральной рады договорились с немцами о военной помощи. Грузинский национальный совет тотчас провозгласил независимость Грузии. Меньшевики отдали Грузию всецело на милость германских империалистов. Немецкие войска вступили в Тифлис, заняли Поти, Кутаис, взяли под свой контроль железные дороги. Как и на Украине, немцы немедленно принялись грабить и вывозить богатства «независимой» республики — чиатурский марганец, лес, продовольствие.

Главным же объектом вождельных Германии была бакинская нефть. Но овладеть нефтяными богатствами Баку немцы решили турецкими войсками. Турки продолжали наступать. Скоро в Елизаветполе обосновался штаб Нури-паши, командующего оккупационными войсками.

Над Терекком нависла огромная опасность. Было ясно, что если турки захватят Баку, то они устремятся в Дагестан, где их с нетерпением ждут Нажмуддин Гоцинский и Узун-Хаджи, а в Чечне — фанатичные муллы и шейхи с тысячами своих мюридов, где их с радостью встретят помещики, буржуазные националисты, вся горская контрреволюция.

Обанкротившиеся предатели горских народов уже подготовили «международно-дипломатическое» обоснование для вторжения турецких войск и оккупации Северного Кавказа. Сбежавшее в Тифлис бывшее правительство бывшей Горской республики провозгласило независимость Северного Кавказа и отделение его от России. В газетах сообщалось также, что Закавказский комиссариат договаривается с чермоевской компанией авантюристов о провозглашении всего Кавказа независимой федеративной республикой.

24 апреля было созвано экстренное заседание Терского Народного Совета для обсуждения этих известий. Накануне состоялось совещание чечено-ингушской фракции Совета, с гневом осудившее предателей горских народов. О решении фракции доложил Терскому Народному Совету Асланбек Шерипов.

Ввиду исключительной важности обсуждаемого вопроса резолю-

ция Терского Народного Совета голосовалась поименно и была принята единогласно.

«Терскому Народному Совету,— говорилось в резолюции,— из телеграмм стало известно, будто бы делегаты Северного Кавказа, находящиеся в Константинополе, объявили независимость Северного Кавказа и нотифицировали ее перед императорским турецким правительством и другими державами. Терский Народный Совет в составе фракций: чеченской, кабардинской, осетинской, ингушской, балкарской, казачьей и иногородней удостоверяет, что народы Терского края никогда никого и никуда для указанной выше цели не делегировали, что если отдельные лица, находящиеся ныне в Константинополе, выдают себя за делегатов края и действуют от имени этих народов, то это с их стороны является ни чем иным, как самозванством и авантюрой. Терский Народный Совет выражает свое удивление политической близорукости и наивности турецкого правительства, которое могли ввести в заблуждение проходимцы. Терский Народный Совет, в составе перечисленных фракций, заявляет, что народы Терского края составляют неотъемлемую часть Российской Федеративной Республики».¹

А вскоре стало известно, что самозванное правительство «Союза объединенных горцев Кавказа» обратилось к туркам с просьбой о военной помощи и отдало свою «республику», то есть весь Северный Кавказ и Дагестан, под протекторат султанской Турции. По «дружескому договору», заключенному 8 мая предателями горских народов, «Высокая Порта приняла на себя некоторые обязательства в деле осуществления стремлений народов Северного Кавказа».

Теперь уже с протестом против этих контрреволюционных действий и замыслов выступило Советское правительство. В ноте народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина германскому посланнику графу Мирбаху указывалось, что «народы и племена Черноморского побережья Кубани, Терека и Дагестана уже высказались на своих демократических организованных съездах за неразрывную связь с Российской Федерацией. Против попытки небольшой кучки попрасть волю широких слоев всего своего народа, а также узурпации власти этой кучкой Российская Советская власть будет выступать самым решительным образом».²

Но если подняла голову горская контрреволюция в надежде на появление турецких войск, то воспрянула духом и казачья контррево-

¹ Газ. «Борьба» № 29, 1 мая 1918 г.

² Борьба за Советскую власть в Северной Осетии. Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1957, стр. 92.

люция, когда с помощью немцев и гайдамаков вновь объявился «все-великий Дон» с войсковым атаманом генералом Красновым.

Множество фактов свидетельствовало об активизации реакционных сил, о политическом обострении положения на Тереке. На происходивших в то время так называемых казачье-крестьянских съездах Моздокского и Кизлярского отделов (округов) велась разнузданная провокационная кампания против Советской власти. Казачье-крестьянский съезд Кизлярского отдела выразил даже недоверие Советской власти.

Организаторы этих съездов называли их казачье-крестьянскими, пытаясь изобразить дело так, будто иногороднее крестьянство идет вместе с казачеством и разделяет его контрреволюционные замыслы. На самом деле это были казачьи съезды с участием нескольких представителей от крестьян-кулаков и моздокских и кизлярских овцеводов. На областном народном съезде в Грозном председатель Кизлярского Совета большевик А. Ф. Хорошев заявил, что иногороднее крестьянство сплочено вокруг Кизлярского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, что представителей крестьян на казачьем съезде Кизлярского отдела не было.

Заметно усилился приток на Терек офицеров с Кубани, из Ростова и других мест, появились даже вооруженные офицерские отряды.

Положение на Тереке стало настолько тревожным, что Совнарком, и областной Народный Совет решили созвать очередной (третий) Терский областной народный съезд в Грозном 20 мая, а не 28, как предполагалось раньше. В правительственном сообщении подчеркивалось, что съезд будет иметь решающее значение в жизни Терского края.

К 20 мая делегаты не успели съехаться, и съезд открылся 22 мая.

На съезд прибыло 555 делегатов, из них 476 с решающим и 79 с совещательным голосом. Из Пятигорского отдела с решающим голосом было 76 делегатов, из Моздокского—30, Сунженского—38, Кизлярского—34; из Владикавказского округа с г. Владикавказом—52, Нальчикского—73, Назрановского—28, из Грозненского и Веденского округов—80, из Грозного и его промышленных районов—65. Всего делегатов чеченцев на съезде было 80, ингушей—33, кабардинцев—68, балкарцев—13, осетин—28.

Для III Терского народного съезда характерно прежде всего широкое представительство чеченского народа—80 делегатов! Это была большая победа революционных сил Чечни. А вот представительство Осетии было явно недостаточным. Вследствие обострившейся политической борьбы выборы делегатов в ряде селений Осетии не состоялись или были сорваны.

Казачья фракция на съезде объявила себя объединенной казачье-крестьянской фракцией, хотя подавляющее большинство крестьянских делегатов по-прежнему входило во фракцию иногородних. Это была новая тактика, настойчиво проводимая контрреволюционными главарями казачества. Цель ее — не только показать, что у казачества есть союзник, но и противопоставить якобы объединенное русское земледельческое население Терека — казачество и иногороднее крестьянство — городским рабочим Советам и горским народам.

Еще одна важная особенность Грозненского съезда — теперь не было социалистического блока в том виде, в каком он выступал на съездах в Моздоке и Пятигорске. Блок этот после Пятигорска распался. Но в местных Советах, в городских думах и в профсоюзах, где правые эсеры и меньшевики все еще составляли значительные фракции, складывался левый социалистический блок из большевиков, левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов, стоявших за поддержку Советской власти. Областная партийная конференция большевиков, состоявшаяся в Грозном в эти дни, также единогласно подтвердила необходимость создания на III областном народном съезде левого социалистического блока.

Программа работ съезда была обширна: отчетные доклады Терского областного Народного Совета и Совнаркома, народных комиссариатов, причем особо были выделены доклады комиссариатов земледелия и военного; доклады с мест; текущий политический момент; внешнее положение Терской области, взаимоотношения с «независимым» Закавказьем; объединение всех областей Северного Кавказа; наконец, вопросы мира внутри Терской области.

Надо сказать, что съезд утвердил повестку дня после острого спора с чечено-ингушской фракцией, которая категорически настаивала и, как увидим дальше, не без основания, чтобы первым и главным в работах съезда был земельный вопрос.

Съезд заслушал доклады С. Г. Буачидзе о деятельности Совнаркома и секретаря областного Народного Совета Д. А. Бабкова о деятельности Совета. Решено было обсуждать их вместе с отчетами всех народных комиссариатов.

Здесь нет необходимости излагать содержание этих докладов, как и заслушанного вслед затем доклада народного комиссара земледелия Ю. Г. Пашковского: вся предыдущая глава посвящена государственному строительству на Тереке — деятельности Совнаркома, областного Народного Совета и народных комиссаров, и в ней приводятся многочисленные ссылки на эти доклады.

Доклад С. Г. Буачидзе был даже не столько отчетным, сколько о текущем политическом моменте. Кратко ознакомив съезд с тем, что

предпринимала народная власть для умиротворения края и строительства новой жизни, С. Г. Буачидзе сказал:

«Трудности и препятствия внутри области будут преодолены... Серьезное положение создается извне. С одной стороны идут на нас турецкие ханы и беки, с другой — контрреволюционные полчища немецких империалистов... Но славный Северный Кавказ не падет и даст должный отпор... Я уверен, что среди свободных горцев не может быть народов, которые бы пожелали стать рабами турецких беков, ханов, помещиков».¹

Прений по заслушанному затем докладу народного комиссара земледелия Ю. Г. Пашковского также решено было не открывать. Съезд избрал чрезвычайную земельную комиссию, поручив ей выяснить, что практически предпринято для решения земельного вопроса, и свои выводы представить съезду.

Почему все же ингушская и чеченская фракции так решительно требовали поставить земельный вопрос первым на рассмотрение съезда? Ведь с первого же дня народная власть на Тереке развернула большую работу по земельному устройству — распределялись помещичьи и иные земли, давались дополнительные наделы земли, в первую очередь горным аулам и селениям Ингушетии, Чечни и Осетии. По решению Совнаркома особая земельная комиссия приступила к составлению проекта коренного землеустройства, чтобы заложить прочный фундамент социализации земли.

Так чего же добивались теперь на областном народном съезде чеченская и ингушская делегации?

Дело в том, что по глубоко укоренившемуся убеждению трудовых масс Ингушетии и Чечни решение земельного вопроса означало прежде всего переселение ряда казачьих станиц и передачу их земель ингушскому и чеченскому народам. Иных источников для утоления земельного голода здесь не было. Кроме того, в народном представлении выселение казачьих станиц с земель, еще не так давно принадлежавших ингушскому и чеченскому народам, было делом исторической справедливости.

Еще в конце марта Совнарком в обращении к населению указывал, что для осуществления земельного закона «потребуется время, вероятно, расселение и переселение». Поэтому Совнарком призывал малоземельное и безземельное горское население «сохранить полное спокойствие и отказаться от захватнических прав, которые нарушают план справедливого распределения земель...» С тех пор прошло два месяца — слишком долгий срок для народных ожиданий в то бурное

¹ Труды 3-й сессии Терского областного съезда. Грозный, 1918, стр. 13.

революционное время! Понимая это, Совнарком писал: «Правительство ваше знает, что не вам учиться терпению, и уверено, что у вас его хватит и на этот раз».

Нет, на этот раз терпение у ингушских и чеченских трудовых масс быстро иссякло. Народ не понимал, что мешает организовать переселение некоторых казачьих станиц. Вера сменялась сомнением, а затем старой горькой убежденностью, что казачество добровольно не уступит своих земель, что их придется добывать оружием... А тут еще, с продвижением турецких войск в Закавказье, вновь подняли голову фанатичные сторонники Турции, и начала действовать турецкая агентура. Теперь открыто говорилось, что русская власть не тронет казаков, что только турки изгонят казаков и вернут чеченцам и ингушам их исконные земли...

Вот почему, как только областной народный съезд начал обсуждать программу своих работ, делегат Султан Эльдиев заявил: «Ингушский народ просит и требует выдвинуть в первую очередь земельный вопрос. На нас надвигается грозная опасность, которая грозит гибелью народам Кавказа. Спасение — в единении, в искреннем создании единого фронта. Чтобы достигнуть этого необходимо действительное, реальное разрешение земельного вопроса».¹

А делегат Чечни Таштемир Эльдарханов взволнованно добавил: «Я хочу, чтобы этот самый главный для всех нас земельный вопрос был поставлен на обсуждение не отдельными группами, а всеми теми, кто шел сюда с искренним кличем мира и единения».²

Вот почему на съезде была создана земельная комиссия чрезвычайного значения, и строилась она поэтому на пропорциональном представительстве (по одному члену на каждые 50 тысяч населения, и по одному представителю от всех политических партий). В комиссии было 32 члена, возглавлял ее А. Шерипов.

Протоколы заседаний комиссии не сохранились. Но даже по некоторым отрывочным данным можно представить, в какой обстановке комиссия обсуждала и принимала свои решения. Так, когда С. Г. Мамсуров выступил в прениях по докладу военного комиссара и в зале поднялся шум и протестующие выкрики, он бросил в ответ: «Это кричат те, кто вчера в земельной комиссии говорили, что уступят свои земли горцам и иногородним только под давлением силы оружия...»³

Но чрезвычайная земельная комиссия все же достигла согласо-

¹ Труды 3-й сессии Терского областного съезда. Грозный, 1918, стр. 7.

² Там же.

³ Там же, стр. 51.

ванного решения. Съезду была представлена большая резолюция из десяти пунктов. После нескольких общих вступительных положений в резолюции предлагалось народному комиссару земледелия «немедленно приступить к урегулированию чересполосицы путем переселения для уравнивания национальных границ применительно к закону о социализации земли». Далее указывалось, что переселяемые должны попадать по возможности в одинаковые с прежними сельскохозяйственные и климатические условия, что нуждающимся должна выдаваться беспроцентная ссуда на оборудование хозяйства, а местное население обязано компенсировать переселяемых за оставляемое имущество по справедливой оценке.

В первую очередь,— говорилось затем в резолюции,— в целях уничтожения чересполосицы, переселяются станицы Сунженская, Аки-Юртовская, Тарская и Фельдмаршальская, при этом подчеркивалось, что предварительно должны быть созданы все условия для поселения. Срок переселения должен быть установлен областным земельным советом.

В резолюции подчеркивалось, что «стойкость общего фронта защиты области зависит от разрешения земельного вопроса», и поэтому проведение земельной реформы считать первой задачей областного Народного Совета и Совнаркома.

В десятом, заключительном пункте резолюции признавались правильными меры Народного комиссариата земледелия по проведению Закона о социализации земли, и тем самым одобрялась его деятельность. Примечательно, что как раз с этим казачье-крестьянская фракция не хотела согласиться.

Никто не возражал против первых девяти пунктов резолюции и съезд утвердил их без голосования. За последний же, десятый пункт, было подано 303 голоса при 127 воздержавшихся.¹

Так съезд полномочных представителей всех народов Терека принял исторический акт, осуществление которого должно было положить конец вековой горско-казачьей вражде. С переселением Сунженской, Аки-Юртовской, Тарской и Фельдмаршальской станиц ингушский народ получал более 35 тысяч десятин, в том числе 20 тысяч десятин земли удобной для посевов. Вместе с тем уничтожалась чересполосица — ликвидировалась часть знаменитой Сунженской линии, разрезавшей Ингушетию на две части.

Представители казачества на сей раз проявили государственную мудрость. Но было ли это сделано с сознанием необходимости и справедливости того, что казачество должно потесниться и отдать часть

¹ Труды 3-й сессии Терского областного съезда. Грозный, 1918, стр. 87.

своих земель горским народам? Или эта была лишь вынужденная уступка с расчетом оттянуть время и добиться иных решений? В чечено-ингушской фракции съезда, очевидно, не строили на этот счет особых иллюзий. По поручению фракции, уже после принятия съездом резолюции, с большим декларативным заявлением выступил Асланбек Шерипов.

Он сказал, что вся политическая борьба в Терской области вертится вокруг земельного вопроса, все благополучие существования горцев зависит от разрешения этого вопроса, и что на справедливое разрешение его горцы имеют историческое и политическое право и право революции. Но, к сожалению,—продолжал Шерипов,—«не все это хотят осознать, и на заседании земельной комиссии один из ответственных представителей казаков заявил, что мы хотим отнять у казаков землю».¹

Напомнив, как в прошлом царские генералы разоряли аулы и отбирали у них ту землю, на часть которой претендуют теперь горцы, А. Шерипов заявил:

«Если армия безземельных горцев не получит удовлетворения своих законных нужд, то она может стать страшной силой в руках контрреволюционеров... Я должен открыто и прямо заявить: удовлетворите наши справедливые требования, дайте нам Родину и вы найдете в нас достойных товарищей, которые честно и самоотверженно вместе с вами пойдут сражаться против всяких нашествий».²

Заявление А. Шерипова не раз прерывалось протестующими выкриками с мест, особенно когда он подчеркивал, что «дальше безмолвно и рабски терпеть земельное неравенство горцы не могут». «Это ультиматум!» — кричали с мест. «Никакого ультиматума тут нет, но мы сказали вам объективно о настроении наших масс», — возразил А. Шерипов.³

С ответным заявлением казачье-крестьянской фракции выступил Фальчиков. Отметив, что у казаков тоже имеются исторические права на свои земли, он сказал: «Чтобы дать трудовому народу мир, мы пойдем на справедливые уступки в разрешении земельного вопроса, определенные завоеваниями революции. Но другие требования, где будет произвол, встретят достойный отпор!»⁴

Оставить просто так эти две декларации нельзя было. И народный комиссар земледелия Ю. Г. Пашковский дал краткое, но исчерпывающее разъяснение позиции народной власти в историческом споре.

¹ Труды 3-й сессии Терского областного съезда. Грозный, 1918, стр. 87.

² Там же, стр. 88.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 89.

«Разрешение земельного вопроса на основах, провозглашенных великой революцией,— сказал он,— проводилось областным Комиссариатом земледелия прямолинейно и неуклонно. Комиссариат земледелия в своей работе никогда не считался с национальными притязаниями, никогда не вдавался в разбор исторических воспоминаний, которые обычно вносят путаницу в ясную постановку земельного вопроса. А эта постановка такова: все, для кого основой существования является земля, имеют равное право на землю. Комиссариат земледелия руководствовался именно этими принципами и эти принципы привели народы нашего края если не в царство мира, то к преддверию мира».

Пока земельная комиссия решала вопрос о земле, съезд успел обсудить и принять решение по докладу народного комиссара по военным делам Я. П. Бутырина.¹ Основная тема его доклада — на каких основах строить вооруженные силы Терского края?

Представители горских народов проявили, по выражению докладчика, большой такт, заявив, что «армия должна быть из нейтральных элементов». На Тереке в то время это означало: не из горцев и не из казаков, а только из иногородних. Однако,—говорил Я. П. Бутырин,— армия должна состоять из трудящихся всех народов, живущих в области.

Я. П. Бутырин предложил съезду принять новые положения, на основе которых в центральной России уже создавалась могучая Красная Армия: отмена выборности командного состава; укрепление воинской дисциплины на основе беспрекословного выполнения приказов командиров; предоставление выборным органам в армии определенных функций без права вмешательства в строевую оперативную область; привлечение в армию бывших офицеров.

Он указал также на необходимость организовать курсы для подготовки военных специалистов. Управление военными силами всей

¹ Я. П. Б у т ы р и н — «исключительно преданный рабочему делу работник, кристально честный борец до конца» (С. М. Киров). Родился в 1884 году в бедной крестьянской семье, в Воронежской губ. В Тифлисе окончил железнодорожное училище, работал в Закавказье. Член РСДРП с 1903 года. После трехлетней ссылки, с 1911 года жил в Пятигорске. В 1917 году — председатель Пятигорского Совета. Участник всех Терских областных народных съездов, член Терского Народного Совета и Совнаркома всех избраний. В январе 1919 года, когда белогвардейская армия Деникина уже прорвалась на Терек, на происходившем тогда во Владикавказе краевом партийном съезде было оглашено заявление Я. П. Бутырина о вступлении его в РКП(б).

области должно быть централизовано, для чего надо создать соответствующий штаб во главе с авторитетным в военном деле лицом.

«Армию можно создать в течение месяца, — говорил Я. П. Бутырин, — такую армию, которая сможет противостоять надвигающейся опасности. Можно использовать и принцип всеобщей повинности».

В заключение Я. П. Бутырин призвал делегатов съезда неуклонно проводить провозглашенную на Моздокском и Пятигорском народных съездах политику мира и дружбы между народами Терека. Доклад Я. П. Бутырина произвел большое впечатление.

Прения по докладу развернулись очень бурно, не раз вспыхивали острые инциденты, допускались оскорбительные выпады, особенно во время выступления представителя левого социалистического блока С. Г. Мамсурова.

Ответственные ораторы всех фракций призывали к объединению, к сплочению всех сил для решительного отпора надвигающимся с двух сторон врагам, но как по-разному понималось это единение!

Представитель казачье-крестьянской фракции Фальчиков отверг самую возможность создания Красной Армии. «Опасность на носу, а мы начинаем в этот момент организовывать армию. История не знает таких случаев, во время войны армии не создаются», — самоуверенно заявил он. Фальчиков предлагает самое простое решение — восстановить казачьи полки, организовать пехотные части из местных солдат-фронтовиков, восстановить кабардинский, ингушский, чеченский и другие национальные конные полки. Иначе говоря, восстановить на Тереке прежнюю армию со всеми ее офицерскими командными кадрами, с «дикой дивизией». «Пора уже учесть все ошибки четырнадцати месяцев революции!» — с пафосом закончил свою речь Фальчиков.¹

Я. П. Бутырин.

¹ Труды 3-й сессии Терского областного съезда. Грозный, 1918, стр. 46.

К. Мамулов, главный оратор правых эсеров, не соглашался с теми, кто утверждал, что «политику надо строить на признании Советской власти». «Никакая пролетарская армия, построенная на классовых признаках,— говорил он,— не способна вести внешние войны». Он предлагает «объединить реальные силы Северного Кавказа», вести дружественную политику в отношении Закавказского правительства и всячески помогать ему.¹

Представитель меньшевистской фракции П. Берман-Кожаный также призывал объединить «реальные силы», «сплотиться с соседними республиками», «сплотиться всем областям, даже если соседи окажутся не так революционны, как мы».²

Выступления правых эсеров и меньшевиков по докладу военного комиссара не оставляли сомнений в том, за какое объединение перед лицом наступающего врага они ратуют. И неудивительно, что именно те, кто выступал на съезде с подобными призывами, через каких-нибудь два месяца приняли самое активное участие в контрреволюционном бичераховском восстании против Советской власти.

Всем им хорошо ответил представитель социалистического блока Осетии Казбек Бутаев. «Горький опыт наших соседей,— сказал он,— предостерегает нас от повторения их ошибок. В Закавказье и на Украине народы справились бы с опасностями, ниспосланными им историей, если бы среди них не оказались предатели — те группы и элементы, которые ради сохранения своих богатств и привилегий идут на измену народу. И среди нас нашлись господа, которые самозванно объявили по желанию Турции независимость Северного Кавказа... Не может быть сохранен внутри страны гражданский мир, о котором здесь говорили, для предателей и изменников народа... Для спасения края нужна одна свобода — свобода действий народной власти. Все, кто мешает победоносному шествию революции,— должны быть безжалостно сметены».³

Асланбек Шерипов в своей большой речи напомнил съезду о других изменниках и предателях — о контрреволюционных верхах казачества, с помощью немцев и гайдамаков, опять утвердившихся на Дону. За турецкую ориентацию стоят помещики, стоит Нажмуддин Гоцинский,— сказал он. Но «если есть опасность, что буржуазные группы ради сохранения своих богатств вызывают туркофильское движение, то с не меньшим подозрением мы относимся к известной

¹ Труды 3-й сессии Терского областного съезда. Грозный, 1918, стр. 44.

² Там же, стр. 48.

³ Там же, стр. 72.

части казачества, которая может резко изменить фронт при приближении немцев и гайдамаков».¹

И Казбек Бутаев, и Асланбек Шерипов, и Мурзабеков, и Бетал Калмыков заверили съезд, что осетинский, чеченский, ингушский, кабардинский и балкарский народы будут с оружием в руках защищать революцию, свою Родину и свободу против всех врагов.

Четыре резолюции были предложены по докладу военного комиссара: казачье-крестьянской фракции, правых эсеров, меньшевиков и левого социалистического блока. Все они были переданы организованной здесь же комиссии для согласования. И на другой день утром согласованная резолюция была представлена съезду.

В большой вступительной части резолюции прежде всего было выражено полное доверие военному комиссару. «В час грозной опасности и тяжелых испытаний, — говорилось далее в резолюции, — когда на землю свободных трудовых народов двигаются полчища германогайдамаков и турок совместно с исконными предателями народов, съезд... единогласно заявляет, что свободные сыны Терской земли будут бороться до последнего человека и скорее примут славную смерть борцов, чем рабство и насилие чужеземного ига. Пламенно приветствуя стойких борцов за честь и славу свободной России, свободные рабочие, крестьяне, казаки и горцы терской земли под общим знаменем спасения родины встанут единым несокрушимым оплотом великой Российской Советской Республики.

...Съезд всенародно заявляет о своем негодовании и презрении к врагам народа и предателям, дерзнувшим повести переговоры с германо-турецкими империалистами об отделении Северного Кавказа от Российской республики. Терская республика в братском единении со всеми свободными народами и республиками Северного Кавказа, стоя на платформе признания рабоче-крестьянской власти, заявляет о своей нерасторжимости с Российской Федеративной Советской Республикой».²

Указав далее, что основной предпосылкой успешной обороны является мир внутри области среди всех народов и групп населения и неукоснительное соблюдение свобод, провозглашенных Российской рабоче-крестьянской революцией, съезд предложил Совету Народных Комиссаров в срочном порядке провести: 1) централизацию управления армией; 2) назначение командного состава областной властью; 3) ограничение роли армейских организаций функциями хозяйственного и внутреннего порядка; 4) установление дисциплины, основанной

¹ Труды 3-й сессии Терского областного съезда. Грозный, 1918, стр. 69.

² Там же, стр. 76—77.

на безусловном исполнении служебных приказаний боевых начальников; 5) привлечение техников-специалистов — офицеров к подготовке инструкторских кадров армии; 6) создание штаба поручить военному комиссару по его усмотрению и под контролем Народного Совета; 7) если того потребуют условия защиты, произвести мобилизацию военных сил, вплоть до народного ополчения.

Резолюция была принята в комиссии представителями всех фракций. Теперь же правые эсеры, меньшевики и казачье-крестьянская фракция неожиданно заявили, что они согласны только с заключительной — «деловой» частью резолюции, а политическую часть не могут принять и поэтому воздержатся от голосования.

Съезд утвердил резолюцию 243 голосами при 124 воздержавшихся, против не голосовал никто.

Так народный съезд в Грозном принял решение по второму важнейшему вопросу — о скорейшей организации вооруженных сил, о защите Терека и всего Северного Кавказа от наступающих германо-турецких полчищ.

Съезду предстояло еще заслушать отчетные доклады шести—семи народных комиссаров, доклады с мест и обсудить ряд других важных вопросов. Потребовалось бы еще дней десять, чтобы съезд мог принять решения по всем пунктам программы. А между тем положение внутри области обострялось. Народный комиссар внутренних дел Ю. П. Фигатнер, например, так и не смог приехать на съезд в Грозный, потому что, как сообщил съезду С. Г. Буачидзе, «разбойничьи, хулиганские банды, надеясь на отсутствие работников во Владикавказе, хотят возмутить жизнь нашей области».¹

С каждым днем возрастала угроза Тереку извне. Еще в начале работ съезда распалась независимая Закавказская республика, и огромная волна беженцев из Армении, спасаясь от нашествия турок, докатилась до Тифлиса, хлынула по Военно-Грузинской дороге; первые тысячи беженцев уже появились около Владикавказа.

Как ни важны были вопросы, поставленные на обсуждение съезда, обстановка требовала сосредоточить все силы Совнаркома, областного Народного Совета и местных Советов на подготовке Терской республики к чрезвычайным событиям, которые могли возникнуть у ее границ.

И вот утром 28 мая, на седьмой день работы съезда, с внеочередным заявлением выступил председатель Совета Народных Комиссаров С. Г. Буачидзе:

«С этой трибуны вы слышали речи о трагическом положении

¹ Труды 3-й сессии Терского областного съезда. Грозный, 1918, стр. 75.

Родины. Из этого должны следовать соответствующие выводы. Между тем, в то время, когда необходимы решительные действия, ваш исполнительный орган — Совет Народных Комиссаров связан с съездом. Он должен знать, доверяете ли вы Терскому Народному Совету или нет. И от имени Совета Народных Комиссаров и Терского Народного Совета требую немедленного решения этого вопроса... Общее положение страны заставляет нас сегодня же закончить работы съезда».¹

Шумом и протестующими выкриками встретили правозэсеровские и казачьи делегаты это предложение. С. Г. Буачидзе спокойно добавил: «Я не сгущаю красок, когда говорю об исключительных условиях нашей жизни, требующих решительных мер, и связывать руки органам власти в этот грозный час было бы преступлением. Обдумайте мои предложения».²

Вечером развернулись бурные прения. Ораторы казачье-крестьянской фракции и правых эсеров требовали, чтобы съезд продолжал свою работу «впредь до исчерпания всех очередных вопросов», предлагали даже перенести для этого съезд во Владикавказ.

Отвечая на протесты правых эсеров и казачье-крестьянской фракции, член областного Народного Совета и областной комиссар Нальчикского округа А. П. Сахаров заявил: «Здесь говорили, что Народный Совет, созвав съезд, хочет его скомкать и получить доверие. Нет, мы не цепляемся за власть. Не оказывайте нам доверия, выбирайте новых избранников!»

«Когда население края ждет от нас действительных мер,— продолжал А. П. Сахаров,— когда надо создавать железные полки, мы не можем заниматься здесь составлением резолюций и искусственными соглашениями. Нужна немедленная лихорадочная работа на местах!»³

Съезд большинством в 252 голоса принял резолюцию левого социалистического блока и фракции иногородних, выражающую полное доверие как Народному Совету, так и Совету Народных Комиссаров.

В резолюции указывалось, что в эти грозные дни надвигающейся опасности все истинные работники должны быть на своих постах. Поэтому съезд после заслушания доклада чрезвычайной земельной комиссии будет считать свою работу законченной.⁴

29 мая съезд принял резолюцию, предложенную чрезвычайной

¹ Труды 3-й сессии Терского областного съезда. Грозный, 1918, стр. 75.

² Там же, стр. 76.

³ Там же, стр. 64.

⁴ К тому времени чрезвычайная земельная комиссия еще не закончила свою работу.

земельной комиссией, и приступил к перевыборам Терского Народного Совета.

Поставив перед съездом вопрос о доверии Терскому Народному Совету, С. Г. Буачидзе сказал, что вопрос о перевыборах Народного Совета не был поставлен в повестку работ съезда, этот орган только начинает свыкаться с работой и нельзя переизбирать его каждые два месяца. Но в тот же день Терский Народный Совет и Совнарком изменили свое отношение к этому вопросу.

Заправила казачества, присвоив своей фракции название «казачье-крестьянская», решили таким путем, при самой, конечно, горячей поддержке правых эсеров, присвоить себе и право представлять иногороднее крестьянство в областном Народном Совете. В списке кандидатов казачье-крестьянской фракции, кроме 10 казаков, как полагалось по конституции, оказались еще и 4 крестьянина, представляющих якобы 120-тысячное иногороднее крестьянство Терской области.¹

По этому вопросу опять начались ожесточенные споры. Для претензий казачье-крестьянской фракции не было абсолютно никаких оснований — ни по существу, ни формальных, и она вынуждена была отступить перед неопровержимыми фактами.

В переизбранный Терский областной Народный Совет вошли:

от кабардинского народа: Бетал Калмыков, Тембот Ахохов, Лукман Бозиев, Герандуко Лукожев, Таукан Молов, Маша Канкулов, Дуль Шакихачев;

от балкарского народа: Юсуф Настуев, Магомет Энеев;

от чеченского народа: Асланбек Шерипов, Таштемир Эльдарханов, Якуб Арсанов, Джанхотов, Бозуркаев, Зокка Домбаев, Айдемаров, Ахмет Хамзатов, Буха Хакишев, Альви Шоанбов, Ганаев, Эльмурзаев, Шахтемир Эльдарханов, Талаев;

от ингушского народа: Гапур Ахриев, Пшемахо Мальсагов, Заурбек Туттаев;

от казачества: М. П. Звягин, М. Ф. Щербаков, А. Казаков, Григорьев, Г. Валаев, Н. Букановский, К. Лотиев, А. Фролов, Загородный;

от иногородних: С. Г. Буачидзе, Я. П. Бутырин, Ю. П. Фигатнер, А. А. Андреев, Ю. Г. Пашковский, Д. А. Бабков, Е. С. Богданов, С. Г. Мамсуров, А. П. Сахаров, И. И. Элердов, П. Ф. Карпинский, Ф. Х. Булле, С. И. Иванченко, А. Я. Камараули, Данилевич.

Осетинской фракции, ввиду малочисленности ее состава, было

¹ Точных данных о численности иногороднего крестьянства в тот момент не было. Казачья фракция сама назвала эту цифру.

разрешено выборы в областной Народный Совет произвести на народном съезде Осетии.

На этом съезд закончил свою работу.

Какие же выводы можно сделать из семи бурных дней работы областного народного съезда в Грозном?

Контрреволюционные верхи казачества несомненно вновь овладели положением в большинстве станиц. Это видно было еще на VII казачьем круге, это подтвердилось выступлениями казачье-крестьянской фракции на Грозненском областном народном съезде. Все, что с таким трудом было достигнуто на Моздокском и Пятигорском народных съездах, рассматривалось теперь как якобы навязанное казачеству в момент его дезорганизованности, слабости. Недаром газета «Терский казак» в передовой статье писала: «Терское казачество, которое на Моздокском и Пятигорском съездах только плелось за остальными народностями и только принимало то, что ему преподносилось в виде готовых резолюций, теперь, на Грозненском съезде, вновь осознало себя».¹

А кого казаки избрали своими представителями в Терский областной Народный Совет?

На VII войсковом круге в хозяйственный совет терского казачества были избраны люди, не связанные с Моздоком и Пятигорском, чуждые и враждебные начатым там революционным преобразованиям в казачестве. Теперь и из Терского областного Народного Совета были вытеснены участники Моздокского и Пятигорского народных съездов. Щеголеватый офицер Букановский, вошедший впоследствии в диктаторский «триумвират» бичераховщины; Валаев — черносотенный зубр, сочинитель судебных кляуз во владикавказских духанах, задававший потом тон самым разнузданным выступлениям на бичераховских контрреволюционных сборищах; махровые реакционеры: Лотиев, занявший пост комиссара по казачьим делам, Щербаков и другие, подобные им, — вот кто представлял теперь казачество в законодательном органе Терской Советской республики.

Переход главарей казачества к тактике «единения» с иногородним крестьянством открыл путь к тесному сближению их с «крестьянской» партией — правыми эсерами. Грозненский съезд отчетливо показал, что правые эсеры теперь открыто претендуют на политическое руководство терским казачеством, пытаются обрести в нем давно уже утраченную ими массовую социальную базу. Кончилось же это тем, что лидеры правых эсеров стали министрами контрреволюционного бичераховского «казачье-крестьянского правительства».

¹ Газ. «Терский казак» № 29, 1 июня 1918 г.

Но если окрепла и «обогатилась» связью с правыми эсерами казачья контрреволюция, то значительно окреп за это время и революционный фронт трудовых народов Терека. Два месяца практического государственного строительства народной власти, прежде всего, действительное наделение землей безземельного и малоземельного горского крестьянства, дали свои плоды. Теперь не только рабочий класс и иногороднее крестьянство еще теснее сплотились вокруг большевистских Советов — в широких народных массах Ингушетии, Чечни, Осетии, Кабарды и Балкарии также росло и крепло доверие и преданность Советской власти. На сторону Советов, на сторону большевиков более решительно становится и прогрессивная горская интеллигенция, отбрасывая колебания и свои прежние буржуазно-националистические воззрения.

Решения областного народного съезда в Грозном, особенно о переселении четырех сунженских станиц, окончательно убедили офицерско-кулацкие верхи казачества, что советская программа революционных преобразований на Тереке будет осуществлена.

На Терском областном народном съезде в Грозном явственно обозначились две непримиримые силы.

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ ПЕРЕХОДИТ В НАСТУПЛЕНИЕ

Мы с величайшей подозрительностью относимся к тому утверждению, которое говорит, что движение казачества создано насилием совдепов и личным недоверием к комиссарам. А мы утверждаем, что если бы совдепы состояли даже из небесных ангелов, а комиссары были бы небесными богами, движение это началось бы все равно.

А. Шерипов.

Подготовку к организации Красной Армии на новых основах Терский Совнарком начал еще до Грозненского областного народного съезда. Были намечены и некоторые военные специалисты на командные посты. Поэтому коренная перестройка управления вооруженными силами Терской республики была произведена в течение нескольких дней.

Коллегия по организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии и военный отдел при Терском Народном Совете были объединены и образовали Военный комиссариат.

На пост военного комиссара был избран Яков Петрович Бутырин — тогда еще меньшевик-интернационалист. Старый революционер, не имевший касательства к военному делу, человек глубоко штатский, он оказался прекрасным организатором вооруженных сил Терской республики.

Грозненский съезд закончился 29 мая, а уже 4 июня народный комиссар по военным делам Я. П. Бутырин объявил в приказе о назначении П. В. Егорова¹ исполняющим обязанности командующего всеми вооруженными силами Терской республики.

¹ П. В. Егоров — полковник генерального штаба, участник русского экспедиционного корпуса во Франции в первую мировую войну. Незадолго до назначения на пост

А. М. Беленкович.

В организации и укреплении сначала красновардейских отрядов, а потом частей Красной Армии большую роль сыграли большевики-командиры, выдвинувшиеся из солдатской массы — Митяев, А. С. Сидоров, П. В. Огурцов, С. Мартынов, А. М. Беленкович¹ и многие другие.

Терский Совнарком намечал не огульное, конечно, но широкое использование и военных специалистов. С. Г. Буачидзе вместе с А. И. Автономовым еще до Грозненского съезда беседовал об этом с генералами Рузским, Радько-Дмитриевым и другими, жившими в Кисловодске. Уже тогда А. И. Автономов выяснял возможности привлечения генералов к командованию советскими войсками на Северном Кавказе. Но практически из этого ничего не вышло, хотя генерал Рузский, по словам С. Г. Буачидзе, высказал в беседе как будто бы благожела-

тельное отношение к революции, к Советской власти. Офицеры выражали готовность сражаться с немцами и турками, но от участия в гражданской войне отказывались.

И все же Терский Совнарком сумел привлечь к работе в Красной

командующего вооруженными силами Терской республики командовал советскими войсками на Южном фронте. В связи с неудачами на фронте был арестован, но скоро освобожден и в газетах было объявлено, что ему «должно быть оказано, как прежде, полное доверие».

¹ Во время Октябрьского переворота А. М. Беленкович был начальником штаба революционных войск в Харькове, затем командовал отрядом на Украине. Но после боев с немцами под Ростовом А. М. Беленкович был арестован, штаб его разоружен, а отряд отошел к Терской области в таком состоянии, что его пришлось разоружить. Ю. П. Фигатнер и А. Шерипов, выполнявшие эту задачу по поручению Совнаркома, приказали даже разобрать железнодорожный путь севернее Минеральных Вод, чтобы не пропускать подобные эшелоны в Терскую область. А. М. Беленковича очень скоро освободили и полностью реабилитировали, а его отряд стал одним из самых боевых и дисциплинированных в Красной Армии Терека.

Армии бывших офицеров, оказавших действительно неоценимую помощь в формировании и обучении войсковых частей. Некоторые из них участвовали еще в организации красногвардейских отрядов. Наиболее выдающийся среди них — Михаил Карлович Левандовский,¹ офицер генерального штаба. В январе 1918 года М. К. Левандовский возглавил военный отдел исполкома в Грозном. После третьего областного народного съезда М. К. Левандовский был назначен военным комиссаром Грозного, а после IV областного народного съезда стал народным комиссаром по военным делам Терской республики.

М. К. Левандовский.

Офицер Е. С. Казанский организовал военно-учетный отдел Владикавказского Совета, затем возглавил подготовку инструкторов-командиров Красной Армии во Владикавказе. В начале 1919 года Е. С. Казанский принимал участие в ожесточенных боях с деникинцами на подступах к городу.

Полковник Н. А. Смирнский командовал гаубичной батареей в Ессентуках, участвовал в ликвидации мятежа Нижевясова в Пятигорске. Гаубичной батарее, переброшенной затем во Владикавказ, было присвоено имя Терского Народного Совета. Н. А. Смирнский участвовал в освободительных походах XI Армии в Закавказье.

Артиллерист Ф. Е. Тасуй, О. Фрейтаг и многие другие офицеры стали боевыми командирами молодой Красной Армии и до конца оставались преданными Советской власти.

Для разъяснения и утверждения новых начал в организации Красной Армии требовалась повседневная политическая, пропаганди-

¹ В 1918 году М. К. Левандовский был левым эсером, а в 1919 стал коммунистом. Впоследствии М. К. Левандовский командовал легендарной XI Армией, которая освободила Терек от полчищ генерала Деникина и помогла восставшим рабочим и крестьянам Азербайджана, Армении и Грузии провозгласить Советскую власть в своих республиках.

стская работа. Проводить ее на Тереке было очень трудно, да и сил для этого у большевистских партийных организаций было мало. Агитационный отдел Военного комиссариата горячо призывал тех, «кто свою жизнь не побоится отдать служению народа, кто чувствует в себе способности и силы быть пропагандистом Красной Армии, записаться к нам», особо обращаясь к «сознательным товарищам из горского населения».¹

Хотя в докладе на Грозненском областном народном съезде Я. П. Бутырин и говорил, что в Красную Армию должны приниматься трудящиеся всех народов, живущих на Тереке, однако Красная Армия формировалась в основном из иногородних.

Но вооруженные силы в том или ином виде имелись тогда у всех народов Терека. У казачества было четыре постоянных отряда из добровольцев-наемников (по одному в каждом отделе). Отряды были сравнительно невелики, но на помощь им в каждой станице в любой момент могли быть подняты казачьи сотни.

В Осетии не было регулярной Красной Армии, но имелись отряды керменистов. По своей дисциплинированности и боеспособности вооруженные силы революционной Осетии не уступали лучшим частям Красной Армии. В отрядах керменистов было в общем около 500 бойцов-всадников.

В Кабардино-Балкарии были только революционные партизанские отряды.

В маленькой Ингушетии все еще крепко держалась исторически сложившаяся всенародная организация вооруженной борьбы: по тревоге вооруженные всадники из всех аулов собирались в свои отряды. Но все же некоторые зачатки создания Красной Армии были положены и здесь. Много усилий для этого приложил Хизир Орцханов.² Командующим вооруженными силами Ингушетии был полковник Мусса Саутиев, начальником штаба — Сеид Тонгиев.

В Чечне Асланбек Шерипов и несколько молодых офицеров начали создавать чеченскую Красную Армию, вербуя в нее революционно настроенную молодежь. Эта небольшая армия сыграла значительную роль в революционной борьбе чеченского народа. Центрами организа-

¹ Газ. «Народная власть» № 45, 30 мая 1918 г.

² Хизир Идигович Орцханов родился в 1896 году в селении Верхний Датых. Добровольцем вступил в ингушский полк, входивший в «дикую дивизию». За храбрость на фронтах первой мировой войны награжден четырьмя георгиевскими крестами. В апреле 1918 года по заданию С. Г. Буачидзе организовал первый в Ингушетии революционный отряд. 5 марта 1919 года по приказу Г. К. Орджоникидзе был назначен командующим вооруженными силами Ингушетии. Герой гражданской войны на Тереке, награжден боевым орденом Красного Знамени. Член Коммунистической партии с 1918 года. Ныне — персональный пенсионер.

ции ее были селения Гойты и Алхан-Юрт. По решению Чеченского народного Совета командующим Красной Армией был назначен Асланбек Шерипов.

Так обстояли дела в Терской республике с организацией вооруженных сил после Грозненского областного народного съезда. К середине июня общая численность бойцов собственно Красной Армии достигла примерно девяти тысяч. Это были пехотные, кавалерийские и артиллерийские части. На вооружении они имели около 50 орудий, более 100 пулеметов, 9 бомбометов, 2 автоброневика. На железной дороге курсировали бронепоезда «III Интернационал» и «Борец за свободу». Кроме того в Грозном был свой, изготовленный рабочими бронепоезд.

Части Красной Армии находились во Владикавказе, Грозном, Пятигорске, Кисловодске, Георгиевске, Нальчике, Моздоке, Кизляре. Военный комиссариат и местные городские Советы изо дня в день наращивали их силы, укрепляли дисциплину. Многочисленные мелкие красногвардейские отряды соединялись, сводились в роты, батальоны, полки...

Вся эта работа только-только разворачивалась, когда организационно неокрепшей еще Красной Армии неожиданно пришлось вступить в бой сразу на нескольких фронтах. И не с немецкими и турецкими войсками, для борьбы с которыми они так спешно создавались, а с контрреволюционными бандами тех, кто на Грозненском съезде больше всего разглагольствовал о патриотизме, страстно призывал к единению для защиты Родины от немецко-турецких полчищ. Контрреволюционные верхи казачества и правые эсеры подняли восстание против Советской власти, ввергли трудовые народы Терека в кровопролитную гражданскую войну.

Сейчас же после Грозненского областного народного съезда, как в свое время после Пятигорского, начались народные съезды в Чечне,

Х. И. Орцханов.

Ингушетии, Кабардино-Балкарии и в казачьих отделах. На них обсуждались итоги Грозненского областного съезда и переизбирались местные органы власти.

На 5 июня был назначен съезд осетинского народа, но ни 5 — в Алагире, ни 25 июня — в Карджине съезд не был проведен из-за малочисленности делегатов. Съезд состоялся в Беслане (Тулатово) только 15 июля — через полтора месяца после Грозненского областного съезда, когда на Тереке уже разгорелась гражданская война.

Бурно проходили съезды в казачьих отделах. Постановление Грозненского областного народного съезда о переселении четырех сунженских станиц и передаче их земель ингушскому народу ошеломило казачество. Враждебная Советской власти агитация в казачьих станицах приняла более злобный характер. «Комиссары продались ингушам» — один из наиболее гнусных лозунгов казачьей контрреволюции, а имя народного комиссара земледелия Ю. Г. Пашковского стало самым ненавистным в станицах.

Особенно воинственно проходил съезд в Моздоке. Здесь офицерско-кулацкое большинство приняло резолюцию, по существу отвергавшую Советскую власть. А избранный съездом отдельский народный Совет во главе с «социал-демократом», как он сам себя называл, Георгием Бичераховым сразу же повел себя столь вызывающе, что Моздокский Совдеп вынужден был отозвать своих представителей из его состава и объявить город на военном положении.

Своеобразное положение сложилось в Кизлярском отделе. Как мы отмечали, там было два политических и административных органа. Первый — контрреволюционный казачий отдельский народный совет, который находился в Грозном, второй — Кизлярский Совдеп, который объединял не только трудовое население города, но и крестьянскую бедноту, и считался как бы уездным Совдепом.

Съезд, созванный Кизлярским Совдепом, обсудил доклад председателя Совдепа А. Ф. Хорошева о Грозненском областном народном съезде. В резолюции съезд призвал Терский Народный Совет «принять все меры к защите и поддержанию Советской рабоче-крестьянской России вообще и, в частности, Терского края, не останавливаясь ни перед чем». Вместе с тем съезд предложил Кизлярскому Совдепу и отдельскому народному Совету «во имя спасения Терской республики и революции войти в контакт на платформе Советской власти и создать общеотдельскую власть».¹

Более спокойно прошел отдельский съезд в Пятигорске. Он завершился избранием большого по составу отдельского народного совета.

¹ Газ. «Народная власть» № 71, 3 июля 1918 г.

В эти же дни казачья контрреволюция совершила одно из самых гнусных и подлых своих преступлений. В Ингушетии было спровоцировано нападение на станицу Тарскую — одну из четырех сунженских станиц, предназначенных к переселению. Тарцы послали за помощью в станицу Архонскую и во Владикавказ. Явившись в казармы 2-го Терского батальона, гонцы рассказали о бедственном положении на Сунже, причем обвинили во всем Совнарком, он, мол, продался ингушам, и стали уговаривать красноармейцев выступить на помощь станице Тарской. Батальон заколебался. К тому времени прискакал отряд из станицы Архонской. На плацу перед казармами начался митинг.

Узнав о происшедшем, сюда приехали председатель Совнаркома С. Г. Буачидзе и военный комиссар республики Я. П. Бутырин. Буачидзе призывал казаков и красноармейцев не поддаваться на провокации. «Совнарком, — сказал он, — располагает достаточными силами, чтобы оградить сунженские станицы и установить там мир и порядок, меры к этому уже приняты». Три винтовочных выстрела из окна второго этажа оборвали речь Буачидзе; он упал, смертельно раненный. Его немедленно отвезли в больницу, где, не приходя в сознание, Самуил Григорьевич скончался. Это было 20 июня 1918 года.

В глубокой скорби трудовые народы Терека 22 июня провожали прах председателя своего революционного правительства в последний путь — на родину, в Грузию. Много волнующих речей было произнесено при этом последнем прощании. Прекрасно сказал, выражая чувства осетинского и всех горских народов Терека, Ц. Гадиев: «Ты за-сверкал перед нами, как символ межнационального братства, как яркий символ международной солидарности трудящихся. Мы, горцы, загнанные в ущелья, на вершины голых скал, чувствуем к тебе глубокую благодарность и никогда не забудем, что ты первый говорил нам об идеях Великой рабоче-крестьянской социалистической революции...»¹

После убийства С. Г. Буачидзе в тот же день вечером состоялось экстренное заседание Терского областного Народного Совета. Почти всю ночь Народный Совет обсуждал политическое положение на Тереке и вопрос о перевыборах Совета Народных Комиссаров. Решено было оставить на своих постах всех народных комиссаров. Председателем Совнаркома был избран нарком земледелия Ю. Г. Пашковский.

А в стане контрреволюции ликовали. К тому же, как раз в день смерти С. Г. Буачидзе, в районе Пятигорска начала действовать контрреволюционная банда кубанского казачьего полковника

¹ Газ. «Народная власть» № 65, 26 июня 1918 г.

А. Шкуро. Незадолго до этого Шкуро появился в Кисловодске с мандатом бывшего командующего советскими войсками Северного Кавказа А. И. Автономова, который поверил, что Шкуро будет вербовать казаков в партизанские отряды на защиту родного края от наступающих немцев. Но вел он себя так подозрительно, что Кисловодский Совдеп арестовал и препроводил его во Владикавказ. Здесь Шкуро обратился к С. Г. Буачидзе с письмом о том, что он мучается и страдает напрасно из-за гнусной провокации и молит освободить его. Шкуро освободили под честное слово.

Это был один из тех «донкихотских поступков революции», о которых с гордым сожалением писал Асланбек Шерипов в письме к генералу Алиеву — деникинскому правителю Чечни. Генерал Алиев был в 1918 году также арестован Пятигорским Советом, и чеченская фракция Терского областного Народного Совета спасла его от расстрела. Какой же черной неблагодарностью отплатил он в 1919 году революционерам Чечни за свое освобождение.

Шкуро с небольшим отрядом кубанских казаков явился в станицы Боргустанскую, Суворовскую и Бекетовскую, где к нему присоединилось немало завербованных ранее «охотников» — добровольцев. Затем Шкуро ворвался в станицу Кисловодскую и обманным путем вовлек в контрреволюционную авантюру значительную часть казаков этой станицы. Отряд его насчитывал уже до тысячи человек.

Пятигорск был объявлен на военном положении. На помощь советским войскам были направлены отряды из Георгиевска и Владикавказа. Общее командование в Пятигорском районе было возложено на А. М. Беленковича, комиссаром при нем был назначен член Терского Народного Совета С. И. Иванченко, которому были предоставлены чрезвычайные полномочия.

27 июня банда Шкуро заняла Кисловодск, но продержалась в нем недолго. На другой же день, 28 июня, отряд под командованием А. М. Беленковича выбил Шкуро из Кисловодска. В этом бою 19 красноармейцев было убито и более 40 ранено. Шкуро, понеся большие потери, отступил к Боргустану, цинично заявив одураченным казакам Кисловодской станицы: «Я начал, а вы теперь разделяйтесь, как хотите...» Из Боргустана Шкуро подался к Баталпашиинску, а оттуда в Ставрополье, где уже начались кулацкие восстания.

Авантюра Шкуро подняла контрреволюционные силы в очень многих станицах. Пятигорский, Моздокский и Кизлярский отделы запылали казачьими мятежами.

Бои шли около Георгиевска. Видя нарастающую опасность в своем районе, Георгиевский Совдеп при содействии бронепоезда разоружил ближайшие станицы — Александровскую, Ново-Павловскую и

Георгиевскую — вывез из станиц артиллерийские орудия и снаряды. Это была, безусловно, необходимая мера предосторожности. Георгиевский арсенал имел первостепенное значение для обороны всего Терека, и было ясно, что казачья контрреволюция постарается захватить его. Действительно, через некоторое время в Георгиевск ворвался большой отряд полковника Агоева. Но хотя Георгиевск отправил часть своих сил на помощь Пятигорску, гарнизон его и вооружившиеся рабочие отстояли арсенал, разгромив в жестоких уличных боях мятежников.

Казачи станицы Александровской обезоружили охрану на станции Виноградской, разобрали железнодорожный путь между Минеральными Водами и Виноградской. Для восстановления пути и помощи Георгиевску 29 июня из Владикавказа вышел бронепоезд «III Интернационал». Но перед станцией Аполлонской путь был также разобран. Густые цепи казаков обстреляли бронепоезд. Не желая осложнять положение, «III Интернационал» вернулся в Прохладную. Но здесь помещение железнодорожной охраны было также занято казаками, а когда паровоз бронепоезда отправился пополнять запасы воды, казаки попытались захватить бронеплатформу, но команда разогнала их. «III Интернационал» предложил казакам прислать делегацию для переговоров. Делегация во главе с заместителем Моздокского отдельского совета Морозовым, то есть заместителем Г. Бичерахова (подчеркиваем это), действительно явилась и, казалось, была полностью удовлетворена разъяснениями, что бронепоезд никаких агрессивных намерений не имеет и задача его — только восстановить железную дорогу.

«III Интернационал» остался на ночь в Прохладной. А утром явилась делегация от какого-то отряда и заявила, что станция окружена вооруженными казаками, путь на Беслан, Моздок и Минеральные Воды разобран, и команде бронепоезда ничего не остается, как сдать его. Не желая вступать в бой, «III Интернационал» направился во Владикавказ. Исправив под артиллерийским и ружейным обстрелом казаков разрушенный в нескольких местах путь и подбив одно казачье орудие, бронепоезд поздно ночью вернулся во Владикавказ.

Здесь рассказано о событиях, происшедших в основном с 20 по 30 июня, и последняя дата этого краткого периода выбрана не случайно. Именно 30 июня, когда казачьи контрреволюционные банды пытались захватить бронепоезд «III Интернационал» в Прохладной, Моздокский отдельский народный совет предъявил председателю Моздокского Совдепа Дорошкевичу ультиматум: разоружить красноармейские части и сдать оружие. Предварительно был пущен провокационный слух, что Совдеп якобы арестовал Г. Бичерахова и соби-

рается разоружить расположенную около самого Моздока Луковскую станцию.

Наглый ультиматум был отвергнут. Тогда более тысячи казаков повели наступление из станицы Луковской на город. Силы были слишком неравны, и отряд Красной Армии, понеся большие потери, отступил в Свято-Крестовский район Ставрополя. Вместе с ним ушел и Моздокский Совдеп. В Моздоке были разгромлены советские учреждения, многие советские работники арестованы, над некоторыми учинена зверская расправа.

Одержав легкую победу в Моздоке, казачья контрреволюция решила, что ей удастся так же легко захватить и Кизляр. Мятежные отряды кизлярских станиц окружили Кизляр, потребовав разоружения гарнизона и сдачи оружия. Так началась беспрецедентная в истории гражданской войны пятимесячная осада революционного Кизляра.

К тому времени через Кизляр проходил единственный путь, связывавший весь Северный Кавказ с Центральной Россией. Через Кизляр на Брянскую пристань Каспия и далее морем до Астрахани направлялся хлеб для Москвы и других промышленных центров, отсюда же вывозился хлеб и в голодающий Баку. Для охраны продовольственных грузов из Астрахани незадолго до этого прибыл отряд Красной Армии с двумя артиллерийскими орудиями — он-то и усилил незначительный гарнизон Кизляра. Около 800 красноармейцев и 500 бойцов самообороны города — вот вся защита Кизляра. Но стойкость ее не могли сломить многократные атаки в три-четыре-пять раз превосходящих сил врага.

Замечательным организатором обороны города оказался председатель Кизлярского Совдепа большевик А. В. Хорошев. Он командовал всеми вооруженными силами Кизляра, начальником штаба при нем был опытный военный специалист, честно служивший Советской власти, бывший подполковник С. С. Шевелев.

Осажденный со всех сторон Кизляр не имел никакой связи с областной народной властью. Во Владикавказе долго считали, что Кизляр, как и Моздок, захвачен мятежными казаками.

28 июня, за два дня до восстания в Моздоке, состоялось заседание Терского областного Народного Совета. Казачья фракция, всячески преуменьшая масштабы и значение событий в области, предъявила правительству запрос — почему Пятигорск объявлен на военном положении, почему «некий Анджиевский» облечен чрезвычайными полномочиями и т. д. «По нашим сведениям, — заявил председатель фракции Букановский, — к отряду Шкуро присоединилось лишь малое количество терских казаков».

Народный комиссар внутренних дел Ю. П. Фигатнер и военный

комиссар Я. П. Бутырин разоблачили попытки казачьей фракции преуменьшить значение событий на Тереке. «Да, в районе Пятигорска, — сказал Я. П. Бутырин, — оперировал небольшой отряд Шкуро, но с ним если не большинство, то определенная часть казачьих станиц».

Затем все фракции Терского Народного Совета молча, без прений, согласились с предложением Совнаркома: ввиду чрезвычайных событий в крае созвать на 15 июля IV Терский областной народный съезд.

А на другой день казачья фракция Терского Народного Совета явилась в Совнарком согласовывать свое решение — созвать в экстренном порядке 3 июля в Моздоке казачье-крестьянский съезд.

На высказанные председателем Совнаркома Ю. Г. Пашковским опасения, что съезд могут использовать в своих целях те, кто стремится к развязыванию гражданской войны, председатель фракции Букановский заявил: «Именно для удержания горячих голов мы и решили созвать казачье-крестьянский съезд... И мы уверены, что съезд отрицательно отнесется к попыткам втянуть казачество в тяжелую междоусобную войну и этим упрочит мир в области»¹.

Не допустил ли Совнарком ошибку, согласившись на созыв явно сомнительного казачье-крестьянского съезда в столь опасных условиях, да еще — в Моздоке? «Если бы власть не разрешила созвать съезд легально, то мы вынуждены были бы сделать это явочным порядком», — заявил в Моздоке К. С. Лотиев, комиссар по казачьим делам при Терском Совнарком².

Что же конкретно требовала казачья контрреволюция? Открыто объявить о непризнании Советской власти кулацко-офицерские верхи казачества тогда еще не решались. Они требовали пока только соблюдать соподчинение органов власти, установленное конституцией Терской республики. Иначе говоря, чтобы городские Советы рабочих, крестьянских, казачьих и военных депутатов Пятигорска, Кисловодска, Георгиевска, Моздока, Кизляра подчинялись соответствующим отдельским (окружным) народным Советам так же, как подчиняются им станичные и сельские советы. Областная народная власть должна покончить «с своеволением и насилиями совдепов!» — вот что требовали казачьи фракции Грозненского областного народного съезда и Терского Народного Совета, как и народные советы Моздокского и Кизлярского отделов.

Против какого же «своеволичания» и «насилий» Моздокского Совдепа, например, бичераховские мятежные банды подняли 30 июня

¹ Газ. «Терский казак» № 74, 30 июля 1918 г.

² Там же, № 60, 11 июля 1918 г.

оружие? Как объяснял потом сам Г. Бичерахов, Совдеп запретил вывозить из города более чем по пуду пшеницы или муки. Это, мол, ставило в тяжелое положение горцев, которые остро нуждались в хлебе и приезжали за ним на еженедельные моздокские базары. Но кто мог поверить в заботу моздокского казачества о голодающих ингушах и чеченцах! Ведь совсем недавно, именно здесь, в Моздоке, шла отчаянная подготовка к истребительной войне против чеченского и ингушского народов. Если Бичерахов и его отдельский народный совет о ком-нибудь и заботились, то только о станичных богатеях — кулаках, о хлебных спекулянтах.

Каждый Совдеп, как и областная народная власть, священным революционным долгом своим считали всемерно содействовать заготовкам хлеба и отправке его в Москву. А Бичерахов и его правозеро-ские соратники в первом же своем воззвании объявили, что большевики отнимают то, что казаки и крестьяне нажили своим трудом.

«Казаки хотят быть хозяевами на своей земле!» — таков в те дни демагогический лозунг казачьей контрреволюции. Причем обосновывался он ссылками на декрет Совнаркома РСФСР от 1 июня 1918 года об автономном самоуправлении казачьих областей. Декрет был направлен к укреплению Советской власти на Дону и Кубани, а заправила терского казачества пытались использовать его для подрыва Советской власти на Тереке. Газета «Терский казак» в передовой статье прямо писала: «Особенности политических и этнографических условий Терской области таковы, что лишь система федеративного устройства ее, с образованием, по крайней мере, пяти автономных штатов, с общей федеративной властью во Владикавказе, может удовлетворить население и дать ему возможность, не боясь агрессивных покушений со стороны соседей, обратиться, наконец, к мирному труду»¹.

Автономия! — вот основная идея открывшегося в Моздоке 3 июля казачье-крестьянского съезда. Причем выдвигалась она в воинственном антисоветском духе. Авантюрист Валаев и подобные ему «вожди» казачества уже мнили себя «правителями» автономного казачьего штата Терской федерации. Перед выездом в Моздок Валаев вызываяще заявил народному комиссару внутренних дел Ю. П. Фигатнеру: «Отведите войска с казачьей территории, сражайтесь где хотите, но только не на нашей земле!» — «Везде, где есть измена, всегда будут действовать советские войска!» — ответил Ю. П. Фигатнер. Разговор этот Валаев привел в своем выступлении на съезде как пример якобы пренебрежения областной народной власти к законным правам казачества².

¹ Газ. «Терский казак» № 34, 7 июня 1918 г.

² Там же, № 63, 17 июля 1918 г.

Съезд открылся в городе, где за два дня до этого была свергнута Советская власть. И торжествующая казачья «автономия» уже не стеснялась предстать в своем истинном политическом облики. Нельзя не привести здесь краткой, но весьма живописной выдержки из речи правого эсера Мерхалева, опубликованной в газетном отчете о заседании съезда:

«Мерхалев: Товарищи! (Тут вам нет товарищей! — кричат со скамей. — Вы со своими товарищами погубили Россию!)

— Товарищи и граждане! (Опять товарищи!..)

— Граждане, я хочу сказать...»¹.

А вот как член казачьей фракции Терского областного Народного Совета и комиссар по казачьим делам К. С. Лотиев «удерживал горячие головы» на съезде: «Власть должна быть создана здесь же, на съезде. Мы должны избрать здесь свой совет казачье-крестьянских депутатов. Мы вынуждены будем объявить автономию терского казачества и довести об этом до сведения центральной власти. Дальше играть в прятки было бы недостойно. Пусть нас за это называют контрреволюционерами, мы знаем, что мы казаки и больше ничего. Мы должны создать власть сильную, ни перед чем не останавливающуюся для осуществления наших насущных потребностей»².

Георгий Бичерахов же в своем докладе договаривает до конца, какие цели ставит перед собою казачья контрреволюция: «Выход из создавшегося положения один — истинное народное представительство на местах и как завершение этого обновления — идея Учредительного собрания».³

И уже с полной обнаженностью раскрыл сущность казачьей автономии Валаев. Он возражал Фальчикову, который, поняв, очевидно, в какую кровавую и безнадежную авантюру вовлекают казачество, предлагал казачьим делегатам явиться на созываемый 15 июля IV областной народный съезд и решать все там — «парламентским путем, а не на поле брани». «Но что вы можете сделать на съезде, когда нас всего 168 человек против 600? — говорил Валаев. — Ведь все голоса иногородних и туземцев по-прежнему будут против нас. Не забывайте, граждане, что главный вопрос — это вопрос земельный, а земля есть только у нас. Казачество может отдать излишки, но поделиться поровну, отдать все — этого мы не можем. Мы должны добыть свое самоуправление, свою казачью автономию. Нам не дают жить так, как мы хотим, и не дают большевики».⁴

¹ Газ. «Терский казак» № 63, 17 июля 1918 г.

² Там же.

³ Там же, № 60, 11 июля 1918 г.

⁴ Там же, № 63, 17 июля 1918 г.

Земля, опять земля! Кулацко-офицерские верхи казачества продолжают свою преступную игру, злостно извращая политику Советской власти в земельном вопросе, обманывая широкие массы трудовых казаков. Не могли, никак не могли казаки расстаться со своим «историческим достоянием». Принятая съездом единственная резолюция, не связанная непосредственно с происходившими тогда на Терреке событиями, — была об отмене согласия предыдущего VII войскового круга на передачу государству казачьих нефтеносных земель в соответствии с Законом о социализации земли. В этой резолюции съезд высказался против подготавливавшейся в то время Терским Совнаркомом национализации нефтяной промышленности.

7 июля казачье-крестьянский съезд, а вернее, очередной казачий войсковой круг с участием кулацки настроенных крестьян закончился. Пять дней его заседаний — это непрерывный поток откровенных в своей злобе контрреволюционных речей, самой гнусной клеветы на Советскую власть, на большевиков. Резолюция съезда — это серия ультимативных требований, обращенных к Терскому Совнаркому. В заключение съезд избрал «правительство» формально еще не объявленной, но фактически уже осуществляемой казачьей автономии — казачье-крестьянский совет в составе 15 человек во главе с Г. Бичераховым.

Казачий съезд требовал от Совнаркома немедленно прекратить обезоруживание станиц: немедленно отвести все советские войсковые части в места их постоянного квартирования, то есть удалить их из районов казачьих контрреволюционных восстаний; запретить всем местным совдепам вмешиваться в деятельность отдельных народных советов; обязательно созвать назначенный на 15 июля IV областной народный съезд, где переизбрать Совет Народных Комиссаров. Последнее требование предъявлялось уже не Совнаркому, а предстоящему областному Народному съезду. Не прямо, а косвенно выставлялось также требование, чтобы IV областной народный съезд «изменил структуру областной и местной власти в крае», то есть, читай, предоставил казачеству автономию, как ее требовали господа Валаевы и Бичераховы.

В довершение всего казачья фракция Терского областного Народного Совета заявила в Моздоке о сложении своих полномочий и выходе из состава Народного Совета, мотивируя свой уход тем, что все ее усилия ликвидировать гражданскую войну не привели ни к чему, ибо областная народная власть, не внемля ее просьбам, продолжает посылку войск в районы восстания. Это — логическое завершение вероломного поведения казачьей фракции. Народная власть напрягает силы в борьбе с контрреволюционным движением,

а казачья фракция в это же время усиленно обрабатывает в контрреволюционном духе казачье-крестьянский, ею же созданный съезд, шлет ультиматумы во Владикавказ и, наконец, наносит удар народной власти выходом из состава областного Народного Совета.

Требования контрреволюционного казачье-крестьянского съезда были, конечно, отвергнуты. Да они и сочинялись с таким именно расчетом. Валаев выболтал то, что составляло тактику организаторов контрреволюционного восстания казачества: надеяться на областной народный съезд им действительно было нечего — делегаты всех горских народов и иногородних были бы, конечно, против них.

Что же означало тогда требование главарей казачьей контрреволюции — обязательно созвать назначенный на 15 июля IV областной народный съезд? Только одно: изобразить себя приверженцами мирного, «парламентского» пути разрешения конфликта, а народных комиссаров — узурпаторами, способными не допустить созыва областного съезда, чтобы удержать власть в своих руках. На самом же деле Г. Бичерахов и его сообщники прилагали все усилия к тому, чтобы сорвать съезд. Самые подлые провокации применялись для этого. Так огромный шум был поднят вокруг несуществующего секретного приказа комиссара внутренних дел Ю. П. Фигатнера П. В. Егорову — захватить и расстрелять членов казачьей фракции Терского Народного Совета. Категорические опровержения, в том числе и некоторых казачьих деятелей, находившихся в то время во Владикавказе, полностью игнорировались. Предъявлялись наглейшие требования — сдать замки от орудий бронепоездов; немедленно удалить из состава Совнаркома трех народных комиссаров: комиссара земледелия Ю. Г. Пашковского, внутренних дел — Ю. П. Фигатнера и военного — Я. П. Бутырина. В переговорах по прямому проводу, которые велись еще тогда между Владикавказом и Моздоком, Г. Бичерахов усвоил развязный, вызывающий тон. Словом, все было направлено к тому, чтобы отрезать малейшие пути к миру, сделать неизбежными разрыв, войну.

Генерал Деникин в своих мемуарах сообщает, что восстание на Тереке планировалось начать только в августе, после уборки хлебов. Почему же в Моздоке подняли мятеж почти на два месяца раньше, почему там рвались в бой, шли напролом? Главарей казачьей контрреволюции побуждали к этому развернувшиеся на Тереке события и уверенность в том, что в создавшихся тогда условиях они быстро достигнут решающих успехов.

Положение на Тереке во второй половине июня и в начале июля было действительно очень тревожное. На Кубани и в соседних районах Ставрополья начались кулацкие восстания. Добровольческая

армия генерала Деникина, действовавшая на Дону, перешла в наступление на Кубань и Ставрополье.

Моздокское контрреволюционное гнездо было тесно связано с Добровольческой армией генерала Деникина. Имелась несомненно договоренность и с горской контрреволюцией, особенно в Осетии, Чечне и Кабарде. Генерал Эльмурза Мистулов, полковник Дз. Кибиров, Агоев и вообще все контрреволюционное осетинское офицерство тем охотнее шло за «социал-демократом» Г. Бичераховым, что он был осетин. Но Г. Бичерахов, казак Ново-Осетинской станицы, из зажиточной семьи (его отец был портным личного казачьего конвоя царя), инженер — импонировал и казачьим полковникам и есаулам.

К тому же в Моздоке особые надежды возлагались на помощь брата Георгия Бичерахова — полковника Лазаря Бичерахова, на ожидавшееся прибытие в Терскую область его большого отряда. Отряд этот был сформирован из остатков русской армии в Месопотамии и в Иране. По свидетельству Г. Бичерахова, «ядро отряда составляли 900 казаков, а оболочка 7—8 тысяч воинов».¹ Содержали отряд англичане; он имел артиллерию и английские броневики.

Сам Л. Бичерахов стремился на Терек, строя планы «спасения» Северного Кавказа от большевиков. Но, выполняя задание английско-го командования в Иране, он в начале июля заверил Бакинский Совет в своем патриотическом желании сражаться с наступающими турками и был назначен главнокомандующим войсками, защищавшими Баку.

29 июля Бичерахов предательски снял свой отряд с фронта и двинулся в Дагестан, захватил Дербент, Петровск-порт (Махачкала) и установил там свою диктатуру. Измена Л. Бичерахова сыграла не последнюю роль в том, что 31 июля Бакинская коммуна пала, власть захватили эсеров-дашнаки, по приглашению которых из Энзели прибыли в Баку английские войска. Однако через некоторое время англичанам пришлось оставить Баку—15 сентября город был занят турками.

Задержавшись в Баку и Дагестане «по стратегическим соображениям», как он писал еще из Энзели своему брату, Лазарь Бичерахов тогда же отправил в Моздок деньги — английские, конечно, — на организацию повстанческого отряда в тысячу человек. Но у Георгия Бичерахова имелись и свои давние связи с англичанами. На фронте он, инженер, возглавлял автомобильно-авиационную мастерскую и перед Февральской революцией находился в командировке в Англии. Поэтому из контрреволюционного Моздока нити связи тянулись не

¹ Отчет чрезвычайного казачье-крестьянского съезда Терской области. Моздок, 1918, стр. 43.

только через Л. Бичерахова к английскому комиссару в Иране генералу Денстервилю, но и непосредственно в английскую миссию, перекочевавшую из Тифлиса во Владикавказ.

Отрезая все пути к восстановлению мира на Тереке, Г. Бичерахов и возглавляемый им казачье-крестьянский совет воздерживались, однако, от открытого объявления войны. Выставляя себя поборниками мира, они всячески затягивали переговоры, чтобы выиграть время, мобилизовать свои силы, дожидаться помощи от Л. Бичерахова. Но чего ждали Терский Народный Совет и Совнарком, почему сразу же не были направлены вооруженные силы, чтобы подавить контрреволюционный мятеж и восстановить Советскую власть в Моздоке, как это было сделано в отношении Шкуро?

Восстание сразу образовало очень большой фронт. Грозненский комиссар здравоохранения Липко, которому удалось в первых числах июля вернуться из района восстания в Грозный, сообщал: «Начиная от Прохладной, Моздока и до самой Червленной настроение такое — большевиков вешать, советы разгонять! Во всех станицах — самооборона во главе с офицерами, опять нацепившими погоны. На всех станциях коменданты проверяют документы, подозрительных снимают с поездов, расстреливают. По линии железной дороги посланы телеграммы: «При появлении эшелонов с большевиками немедленно взрывать мосты и портить железнодорожные пути».¹ В Прохладной собралась банда монархистов, в станичном правлении был вывешен портрет Николая II.

Совнарком, облеченный по постановлению Терского Народного Совета чрезвычайными полномочиями, решил, прежде всего, очистить от контрреволюционных банд узловую станцию Прохладную и восстановить связь с Минеральными Водами, надежно организовав охрану железной дороги. В Прохладную 9 июля был направлен, в сопровождении бронепоезда «III Интернационал», довольно большой отряд под непосредственным командованием начальника Владикавказского военного округа и командующего фронтом П. В. Егорова.

После небольшой артиллерийской перестрелки отряд П. В. Егорова беспрепятственно занял Прохладную. Но в тылу отряда оставались станицы Котляревская и Подгорная. Чтобы обезопасить себя, отряд обезоружил станицы — забрал у них артиллерийские орудия.

Вечером 9 июля комиссар отряда Ю. П. Бутягин доносил во Владикавказ по телеграфу: «Прохладная занята отрядом во главе с Егоровым. Кавалерия с песнями проехала по станице, рассеивая страх жителей. Боя не было. Казаки оставили Прохладную утром, уходя в

¹ Газ. «Народная власть» № 73, 5 июля 1918 г.

моздокском направлении. Среди них раскол. Молодые казаки и иногородние остались в станице, ушли старики и офицеры — к Моздоку и по реке Невольке. Беленкович идет на соединение с нами, ведя наступление по Невольке... Не могу не выразить радости вместе с Советом Народных Комиссаров, что, обезоруживая станицы, постепенно ликвидируем авантюру против Народного Совета без особых жертв и глубокого раскола между группами населения Терской области».¹

Преждевременной оказалась эта радость, пагубными излишняя успокоенность, недооценка сил и военного опыта врага. Уход казаков из Прохладной был только маневром. Командование Моздокского контрреволюционного казачье-крестьянского совета скрытно подтянуло к Прохладной силы, достаточные для уничтожения отряда Егорова, как сообщал потом Г. Бичерахов. В ночь на 13 июля казаки внезапно атаковали отряд. А тут еще загорелся вагон бронепоезда, в котором находился бензин, и вагон пришлось отцеплять, причем машинист дал тревожный гудок — все это вызвало панику. Только опытность и хладнокровие П. В. Егорова и самоотверженность красноармейцев предотвратили катастрофу. Отряд, понеся большие потери, отступил, но не оставил врагу ни одного орудия, ни одного пулемета, вывез весь эшелон с военным снаряжением и закрепился на станции Котляревская.

Это была большая военная и политическая неудача. Моздокский казачье-крестьянский совет раструбил о ней по всем станицам. В победных реляциях сообщалось об оставленных на месте боя 500 убитых красноармейцах, тогда как в отряде П. В. Егорова было всего 300 человек, причем часть красноармейцев была накануне отправлена навстречу отряду А. М. Беленковича и соединилась с ним. «Если 500 красноармейцев были убиты, то кто же тогда вывозил с поля боя артиллерию, пулеметы, все военное снаряжение?» — говорилось в опубликованном опровержении победных сообщений Моздока.²

Прохладненский бой показал масштабы контрреволюционного восстания. В мятежных станицах было много оружия, снарядов, патронов, они могли выставить до пятнадцати-двадцати тысяч бойцов. При едином командовании и чрезвычайной подвижности казачьих отрядов это была большая сила. Кроме того, уже начали действовать контрреволюционные банды кабардинских помещиков-дворян и в любой момент могли появиться такие же кулацко-офицерские банды в Осетии.

Предпринять в таких условиях широкие наступательные опера-

¹ Газ. «Терский казак» № 60, 11 июля 1918 г.

² Газ. «Народная власть» № 86, 21 июля 1918 г.

ции — значило вовлечь всю Терскую область, все ее народы в кровавую братоубийственную войну.

Но не для того большевики, народная власть так долго и упорно боролись за ликвидацию мирным путем исторической горско-казачьей вражды, за мир и братство народов Терека, чтобы, не исчерпав до конца все мирные средства, самым развязать теперь войну! В данный момент главным средством в борьбе за мир, за ликвидацию восстания был созываемый на 15 июля IV Терский областной народный съезд. Совнарком и областной Народный Совет прилагали все усилия к тому, чтобы на съезде были наиболее полно представлены все народы Терека и особенно казачество. Именно поэтому и решено было очистить Прохладную от мятежников и восстановить железную дорогу до Минеральных Вод. Отряду П. В. Егорова было дано указание выполнить только эту задачу и не начинать никаких боевых действий, ограничиваясь в случае необходимости обороной.

Мало того, уже после прохладненского боя, когда выяснилось, что во Владикавказ прибыло всего около ста делегатов и открытие съезда придется перенести на 20 июля, отряду П. В. Егорова было предложено заключить перемирие с мятежниками на Прохладненско-Котляревском фронте — опять-таки для проезда делегатов на областной съезд. Бичераховцы охотно пошли на это, решив осуществить вероломный план: использовав перемирие, перебросить часть своих сил на Георгиевский фронт, разгромить отряд А. М. Беленковича. План этот не удался: отряд А. М. Беленковича удержал все свои позиции.

На чем же строились надежды, что казачьи станицы пошлют делегатов на областной народный съезд? В основном на том, что как бы бичераховцы ни изощрялись в своей гнусной провокационной клевете на большевиков, на Советскую власть, им не удалось вовлечь все трудовое казачество в контрреволюционное восстание. В некоторых станицах Моздокского и Пятигорского отделов казаки отказывались вступать в отряды мятежников, не подчинялись приказам о мобилизации. Благодаря этому полковникам Агоеву, Вдовенко и Гажееву так и не удалось к концу июня собрать силы, достаточные для разгрома Красной Армии в Георгиевске и захвата арсенала. Дело дошло до того, что полковнику Агоеву пришлось обстрелять станицу Солдатскую из орудий. Ворвавшись в станицу, Агоев арестовал станичный Совет и расстрелял некоторых его членов. Но группе революционных казаков (председатель станичного Совета М. Ф. Лукин, участник Моздокского и Пятигорского областных народных съездов В. О. Игнатенко и другие) удалось уйти из станицы и организовать отряд Красной Армии.

Большинство казаков станицы Государственной вступило в отряд

Красной Армии, организованный В. И. Кучура, и полковник Вдовенко вынужден был покинуть станицу.

Не встретил единодушной поддержки призыв полковника Гажеева «подняться на помощь братьям-казакам» и в станице Марьинской. Фронтовик Александр Зиновьевич Дьяков выразил сомнение в правдивости сообщения полковника Гажеева и предложил, прежде чем мобилизоваться, послать делегатов в станицы Александровскую и Незлобную, где, по словам Гажеева, свирепствуют «георгиевские босяки». Правда, к вечеру полковник Гажеев с несколькими сотнями казаков все же двинулся в поход на Георгиевск. А. З. Дьякова же «военный суд» приговорил «за измену казачеству предать земле», то есть расстрелять или повесить. Однако фронтовики Захар Топов и Егор Поплутин помогли ему бежать в Георгиевск. Через некоторое время, когда советские войска заняли Марьинскую, А. З. Дьяков вернулся в станицу и был избран председателем ревкома.

На Сунже большинство казачьих станиц вообще держалось в стороне, не принимало участия в восстании Бичерахова.

Вот почему Совнарком и Терский Народный Совет неизменно придерживались миролюбивой политики. «Умелой тактикой товарищей и выдержкой в продолжение четырех месяцев нам удалось разложить бичераховское казачество, и многие станицы активно боролись в наших рядах», — писал Г. К. Орджоникидзе в докладе Совнаркому РСФСР.¹

Совнаркому и Терскому Народному Совету приходилось также учитывать положение в районе Грозного, где в июне и июле дело доходило до настоящих сражений. Созыв третьего Терского областного народного съезда в Грозном не оправдал в этом отношении надежд. Район Грозного все еще оставался опаснейшим очагом провокаций и вооруженных столкновений. Город по-прежнему был опоясан окопами. Железная дорога в сторону Гудермеса и около Хасавюрта оставалась разрушенной.

«Взаимное озлобление было страшное, — писал Асланбек Шерипов, — и даже после того, как состоялись демократические съезды, положение в Грозненском районе оставалось одним и тем же: взаимное недоверие и озлобление продолжали иметь прежнюю силу, город и чеченцы не имели органической связи и жили, как два совершенно чуждых друг другу мира».²

Начатые еще в январе 1918 года на историческом Алдынском кургане переговоры представителей грозненской революционной власти

¹ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. 1, М., 1956, стр. 81.

² Газ. «Народная власть» № 98, 4 августа 1918 г.

и различных чеченских делегаций об обмене пленными и выдаче трупов убитых ни к чему не привели. Еще Пятигорский областной народный съезд дал распоряжение всему населению Терской области «немедленно освободить всех пленным, захваченных друг у друга, где бы и у кого бы они ни находились», а также потребовал «выдачи трупов с обеих сторон». Но в Грозном распоряжение это не было выполнено.

В конце апреля Якуб Арсанов, сын убитого шейха Дени Арсанова, будучи в то время уже членом Терского областного Народного Совета, в письме Грозненскому Совету ультимативно потребовал выдать, наконец, трупы и обменяться пленными, угрожая, что в противном случае будут прерваны всякие переговоры с Грозным.¹

Почему же Грозненский Совет упорствовал в разрешении столь, казалось бы, ясного вопроса, ставшего неодолимой преградой на пути мира с чеченским народом? В Грозном были убеждены, что в чеченских аулах находится гораздо больше пленным, чем те 24 человека, которых делегация Чечни предъявила к обмену.

А во многих аулах было совсем иное отношение к пленным, чем представлялось грозненцам. Две подруги, девушки-казачки Ефросинья Походнева и Ольга Уськова, отказались вернуться из плена. Родные девушек и возбужденная толпа, собравшаяся на окраине Грозного, конечно, не поверили этому. Чеченской делегации пришлось привезти девушек к Алдынскому кургану. С ними приехал и жених Ефросиньи Походневой — чеченский офицер. Подруги подтвердили представителям Грозненского Совета, что они остаются жить в чеченском ауле, пока не установится мир между Грозным и Чечней. Были и другие случаи, когда пленные женились на чеченках и вообще предпочитали жить и работать в Чечне.

Но взаимное недоверие было столь велико, что десятки невинных людей еще томились в плену в ужасных условиях. В конце концов Терскому Народному Совету пришлось самому взяться за розыск пленным и трупов, и часть их была найдена и возвращена. Областной же народный съезд в Грозном еще раз категорически потребовал немедленно освободить всех пленным, где бы они ни находились на Терской земле. А Терский Народный Совет на специальном заседании в Грозном постановил: для освобождения всех пленным, для ликвидации всех столкновений в районе Грозного создать особую организацию из представителей народного совета Кизлярского отдела, Грозненского Совета и Чеченского народного совета.

¹ См. «Известия Совета рабочих и военных депутатов Грозненского района» № 32, 29 апреля 1918 г.

Только зная все это, можно понять, что же так долго продолжало отравлять взаимоотношения основного промышленного, пролетарского центра Терского края и трудовой Чечни, почему здесь не было мира.

А тут еще произошли новые события около Гудермеса. Из Баку во второй половине мая были отправлены два эшелона с рабочими и красноармейцами в сопровождении бронепоезда, чтобы восстановить, наконец, железную дорогу на участке от Петровска до Червленной и обеспечить доставку хлеба с Северного Кавказа голодающему Баку. Пока помощник комиссара эшелонов Исмайлов вел переговоры с чеченской фракцией Терского Народного Совета, эшелоны разгромили и сожгли шесть аулов — два кумыкских и четыре чеченских Веденского округа. Произошло ли это под впечатлением недавно разгромленного бандой Узуна-Хаджи и еще дымящегося Хасавюрта или общей картины разрушений в этом районе, или по каким-либо иным побуждениям — неизвестно. Хорошо еще, что чеченцы успели покинуть аулы.

Случилось это накануне открытия III областного народного съезда в Грозном. Терский Народный Совет немедленно направил в район Гудермеса нескольких своих представителей. Население Веденского округа было настолько возбуждено и озлоблено, что их встретили почти враждебно. Вернувшись в Грозный, А. Шерипов даже предложил разоружить бакинские эшелоны, что было, конечно, отклонено. По требованию Терского Народного Совета эшелоны вернулись в Баку, а Исмайлов заверил, что ущерб, причиненный жителям сожженных аулов, будет возмещен Бакинским Советом.

1 июня, через два дня после Грозненского областного народного съезда, вопрос о положении в Чечне вновь обсуждался Терским Народным Советом. Нужно было восстановить железную дорогу, что всецело зависело от чеченского народа. «Но эшелонами и бронированными поездами вы этого не достигнете», — заявил А. Шерипов. По его предложению в Баку была отправлена телеграмма о том, что правительство Терской республики само восстановит железную дорогу и вызовет бакинские войска только тогда, когда в этом будет необходимость.

Выяснилось также, что Веденский округ — половина Чечни — пока еще слабо связан с Гойтинским народным советом. Из 80 чеченских делегатов на областном съезде в Грозном 77 были из Грозненского округа и лишь 3 из Веденского. Все это, как и разгром аулов около Гудермеса, широко использовала контрреволюция.

22 июня Гойтинский Совет созвал общечеченский народный съезд, на котором теперь широко были представлены оба округа — и Гроз-

ненский и Веденский. Съезд одобрил решения Грозненского областного народного съезда, высказался за необходимость организации чеченской Красной Армии, а также переизбрал Гойтинский народный совет и чеченскую фракцию Терского областного Народного Совета. Председателем Гойтинского совета и фракции областного Народного Совета был избран опять Т. Эльдарханов.

Съезд в селении Гойты показал растущее влияние «советской партии» — революционных сил в Чечне и крепнущую связь Гойтинского совета с широкими народными массами. Это подтвердили события, очень скоро развернувшиеся в районе Грозного.

Крестьяне разоренного Хасавюртского округа и многочисленных хуторов и поселков в Грозненском округе осенью 1917 года еще успели засеять значительную часть своих полей. Зима и весна были исключительно благоприятными для посевов, и вот теперь здесь заколосились богатые хлеба. В одном только Хасавюртском округе отличный урожай озимой пшеницы созрел на брошенных тридцати шести тысячах десятинах. При тогдашней хозяйственной и продовольственной разрухе это было огромное богатство. И Терский Совнарком дал твердое указание — урожай принадлежит тем, кто засеивал поля.

Но и без такого указания страшно бедствовавшие крестьяне-беженцы из разоренных хуторов и селений решили во что бы то ни стало убрать урожай на своих участках. Грозненский Совет, с большими трудностями добывавший продовольствие для снабжения города, также был кровно заинтересован в этом. Но он мог выставить вооруженную охрану для уборки урожая только сравнительно недалеко от Грозного. Беженцам же из Хасавюрта, кое-как приютившимся в Моздоке, Кизляре и в ближайших станицах, никто помочь не мог. Тогда они сами организовали вооруженный отряд — более тысячи человек.

Однако станица Червленая не пропустила эшелон с этим отрядом. Станица Червленая, вооруженная до зубов, обуреваемая самыми воинственными замыслами против Чечни, не раз поднимавшаяся в поход против чеченских аулов, заявила теперь, что не хочет быть втянутой в войну с чеченцами. Разгадать столь неожиданное миролюбие было нетрудно: у казачьей контрреволюции уже созрели вероломные планы сговора с горской контрреволюцией. Весь ход последовавших почти сейчас же событий подтвердил это.

Отряду хасавюртовских беженцев пришлось повернуть обратно. Некоторые из участников отряда вступили в красноармейские части Моздока.

А в районе Грозного при первых же попытках собрать урожай

начались вооруженные столкновения, неудержимо перераставшие в настоящую войну. Правда, еще до этого произошел большой бой из-за того, что самооборона окраинной слободки Грозного — Шеблиновки угнала сотню голов скота аула Бердыкель. Хотя по требованию Грозненского Совета почти весь скот был возвращен, бердыкельцы напали на охрану грозненцев, с обеих сторон начала действовать артиллерия, и аул Бердыкель запылал. Было ли это сделано преднамеренно какой-нибудь воинственно настроенной самоборонческой частью или произошло случайно, но сожжение аула Бердыкель в Чечне было воспринято, как ничем неоправданная провокация, и сразу придало катастрофический характер событиям в этом районе.

Исполком Грозненского Совета объявил город на осадном положении и назначил Н. Ф. Гикало командующим всеми вооруженными силами.

На Алдынском кургане состоялась встреча делегаций обеих сторон, но переговоры не привели ни к чему. Тогда исполком Грозненского Совета предъявил ультиматум, при чем направил его обоим народным советам — как Алдынскому (Атагинскому), так и Чеченскому окружному (Гойтинскому). Подчеркнув в ультиматуме, что Грозный никогда не желал и не желает войны двух трудовых народов и до последнего времени принимал все меры к мирной ликвидации конфликта, исполком потребовал прекратить обстрел города из орудий и дать возможность мирным гражданам убрать хлеб.

Алды на ультиматум не ответили, обстрел города продолжался. Тогда несколько рот самообороны и отряд красноармейцев в три часа ночи 30 июня под прикрытием артиллерии перешли в наступление и к утру заняли территорию с посевами иногородних крестьян, потеряв 4 убитых и около 20 раненых.

Сообщая об этом по прямому проводу Терскому Совнаркому, председатель Грозненского исполкома Ф. Пиллер добавил: «Характерное явление, что казаки ни в коем случае не желают выставлять свои патрули нам на помощь... Мы решили, если представится необходимость, остановить уборку хлеба и вооруженные силы держать в городе ввиду того, что возможен удар с другой стороны».¹

Эта очередная трагедия в районе Грозного разразилась как раз в те дни, когда в Пятигорском и Моздокском отделах фактически уже началось восстание контрреволюционных казачьих банд. Отвечая председателю Грозненского исполкома Ф. Пиллеру на его сообщение о событиях в районе Грозного, народный комиссар внутренних дел Ю. П. Фигатнер сказал: «Примите все меры к немедленной лик-

¹ Газ. «Народная власть» № 73, 5 июля 1918 г.

видации недоразумений с чеченцами. Выпустите воззвание к чеченцам, иногородним и рабочим о том, что происходит в Терской области, укажите, что та самая часть казачества, которая все время призывала к борьбе с чеченцами, теперь призывает к объединению с определенными контрреволюционными группами чеченцев для борьбы с рабоче-крестьянской властью. Призовите все честное и преданное революции среди рабочих и крестьян, среди казаков и чеченцев к созданию единого революционного фронта против врагов революции. Пошлите подробное сообщение в Чечню о том, что контрреволюционные банды в казачестве поднимают восстание против Советской власти».¹

Сообщение Ф. Пиллера о событиях в Грозном вместе с Ю. П. Фигатнером принимал и Асланбек Шерипов. Он тут же обратился к грозненцам с горячим призывом от имени чеченской фракции Терского Народного Совета: «Пусть грозненская демократия не забывает, что в ближайшие дни вся Терская область разделится на две части — одна будет за Советы, другая — против. Поэтому чеченская фракция полагает, что грозненская демократия должна употребить все усилия к тому, чтобы чеченцы оказались на стороне Советской власти, в союзе с грозненцами. Мы можем заверить, что чеченцы никогда ни в какие союзы и соглашения с казаками для того, чтобы идти против революции, не вступят. Пусть грозненцы, понимающие серьезность момента, отмежуются не только на словах, но и на деле от тех сознательных и бессознательных контрреволюционеров, которые сожгли аул Бердыкель и ведут политику разъединения иногородних и чеченцев».²

По поручению Терского Народного Совета А. Шерипов немедленно выехал в Грозный. При энергичнейшем его участии исполком Грозненского Совета и Чеченский (Гойтинский) народный совет быстро договорились о мирном разрешении всех вопросов. С освобожденными пленными чеченцами А. Шерипов отправил из Грозного не только Гойтинскому, но и Атагинскому народным советам подробное письмо о политическом положении в Терской области. Получив это письмо, Гойтинский народный совет направил своих представителей к Чермоевскому хутору — к месту встречи с делегатами Грозного. Здесь, в Ханкальском ущелье, впервые сошлись красноармейцы Грозного и Чечни и был устроен митинг. А на другой день, 16 июля, на том же месте состоялось совещание официальных представителей обеих сторон и делегатов аулов Алды, Гойты, Бердыкель, Чечень-аул,

¹ Газ. «Народная власть» № 73, 5 июля 1918 г.

² Там же.

Старо-Сунженский, Старые Атаги, Новые Атаги, Устор-Гордой и многих других. Еще больший авторитет совещанию придало участие в нем представителя центральной Советской власти — народного комиссара труда РСФСР А. Г. Шляпникова, который приехал на Терек как полномочный руководитель продовольственного дела на юге России.

«Мы трудовые чеченцы, — говорилось в резолюции совещания, — заявляем, что контрреволюционное выступление казачества встречается у нас единодушное осуждение, и мы ни в какое соглашение с казачеством для борьбы с Советской властью не вступим. Времена и люди Юго-Восточного союза безвозвратно ушли. Мы за революцию, за объединение».¹

Для укрепления мира в районе Грозного совещание решило установить постоянную связь с городом, организовать смешанную охрану, наладить торговые отношения аулов с городом. Для выполнения этих задач была создана смешанная комиссия. После этого связь Грозного с аулами действительно не прекращалась. В Чечню каждый день посылались газеты, декреты и распоряжения областной власти, звания и другие документы, и каждый же день происходили совместные совещания.

Тем временем, выполняя директиву Терского Совнаркома, Грозненский исполком отвел свои войска к границам городской земли. «Это было очень крупной победой объединенных усилий Грозненского Совдепа и Гойтинского совета, — писал А. Шерипов в большой статье о положении в районе Грозного. — Через все преграды и попытки контрреволюционеров с той и с другой стороны использовать создавшееся положение для срыва объединения чеченцев с Советской властью, комиссия из русских и чеченцев, собравшаяся в селении Гойты, благополучно разрешила все спорные вопросы и нашла практические пути для их осуществления».²

Без особых затруднений был урегулирован и такой вопрос, как возврат аулам Бердыкель и Старо-Сунженский зерна, убранного грозненцами «в пылу наступления» на землях этих аулов. Для налаживания обмена продуктами между Грозным, аулами, селениями и казачьими станицами было решено устроить базар за городом.

«И теперь, — писал в заключение своей статьи А. Шерипов, — тому, кто видел настроение той и другой стороны, ясно, что... и в Грозненском районе можно не только избежать пожара гражданской вой-

¹ Газ. «Народная власть» № 86, 21 июля 1918 г.

² Там же, № 98, 4 августа 1918 г.

ны, но и, наоборот, создать единый революционный фронт и тыл для укрепления революции в Терской области».¹

Однако вблизи Грозного все еще оставался основной очаг чеченской контрреволюции. Заправила Атагинского совета всячески старались не допустить установления мира в районе Грозного. Гойтинскому совету пришлось даже пригрозить аулам Новые Алды, Бердыкель и хутор Чермоевский, что если они будут мешать укреплению мирных отношений с Грозным, то вся Чечня объявит им бойкот, все аулы прекратят с ними всякие сношения.

23 июля Атагинский совет созвал съезд якобы всей Чечни — Грозненского и Веденского округов. И вот И. Чуликов от имени съезда предъявил Грозненскому Совету ультиматум: немедленно очистить территорию Чечни от войсковых частей Грозного, немедленно прекратить уборку и вывоз чеченского хлеба, а убранный уже хлеб вернуть соответствующим аулам. «Если к 12 часам 26 июля требования эти не будут выполнены, то, — сообщалось в ультиматуме, — народ приступит к занятию своей границы и к охране хлебов».²

А между тем все эти вопросы были уже благополучно разрешены, и смешанная охрана из грозненских и чеченских красноармейцев встала на свои посты. Ультиматум, составленный из витиеватых фраз о «преданности революции», был предъявлен только для того, чтобы продемонстрировать перед аулами — вот, мол, как Атагинский совет и его председатель Чуликов стоят на страже интересов народа!

Грозненский исполком разоблачил чуликовскую демагогию, известив Гойтинский народный совет о полученном ультиматуме и вновь подтвердив при этом, что представителями чеченского народа он считает только Чеченский народный совет в селении Гойты и чеченскую фракцию Терского Народного Совета.

Скоро Грозному пришлось пережить самое тяжелое испытание из всех, какие выпадали на его долю за время революции — знаменитые стодневные бои с контрреволюционными бичераховскими бандами. И если пролетарская крепость Терека выдержала это испытание, огромную роль в этом сыграло то, что в тылу у нее была революционная Чечня.

Причудливыми зигзагами шло развитие революции на Тереке, не раз реакционные силы торжествовали победу, сумев столкнуть рабочих Грозного и трудовую Чечню. И все же в конце концов большевики и здесь привели в действие одну из основных закономерностей Великой Октябрьской социалистической революции — братский союз

¹ Газ. «Народная власть» № 98, 4 августа 1918 г.

² Газ. «Терский казак» № 70, 30 июля 1918 г.

рабочего класса с угнетенными народами в общей революционной борьбе.

В июне—июле 1918 года активизировались контрреволюционные силы и в Осетии. Сначала они саботировали созыв VII съезда осетинского народа, а затем решили добиться большинства на нем и захватить в свои руки окружной народный совет.

Опасность со стороны реакционных сил Осетии была столь очевидна, что 7 июля, за неделю до открытия Осетинского народного съезда, в селении Христиановском был созван первый в Осетии социалистический съезд. Как сообщалось в опубликованной в связи с этим небольшой статье, оргбюро приглашало на съезд «всех социалистов без различия партий, идеологий и тактики». «Мы придаем этому съезду необычайно большое значение, — говорилось в статье. — Нам думается, что осетинские социалисты найдут общий фронт революционной борьбы и, твердо идя по пути тактики и практики Советской власти, власти пролетариата и крестьянства, завершат дело революции в Осетии».¹

Никакими данными об этом съезде мы, к сожалению, не располагаем. Но известно, что «осетинский социалистический блок» был образован еще до Грозненского областного народного съезда. Казбек Бутаев выступил на грозненском съезде не от всей осетинской фракции, а именно от осетинского социалистического блока. Блок этот действовал и на VII народном съезде Осетии в Беслане, и на IV областном народном съезде во Владикавказе. От имени его выступал не только Казбек Бутаев, но и беспартийный тогда еще социалист К. Н. Дигуров и другие.

В работах открывшегося 15 июля VII осетинского народного съезда приняли участие председатель Совета Народных Комиссаров и комиссар земледелия Ю. Г. Пашковский и комиссар юстиции К. Н. Дигуров. Их доклады решено было обсуждать вместе с докладом Казбека Бутаева о текущем политическом моменте.

Только на седьмой день съезд приступил, наконец, к заслушиванию этого доклада. Открывая заседание, председатель Ц. Гадилов сказал: «В нашей области пожар войны, мы должны сказать — с кем мы: за народную власть или за поднявшую голову контрреволюцию? Осетинский народный совет до сих пор вел политику безусловной, безоговорочной поддержки народной власти. Теперь очередь за вами сказать и выяснить лицо осетинского народа».²

¹ Газ. «Народная власть» № 71, 3 июля 1918 г.

² Там же, № 94, 31 июля 1918 г.

Казбек Бутаев¹ в своем большом и интересном докладе подробно рассказал о положении в России и в Закавказье, о событиях в Терской области. Он отметил, что казачество стремится к возврату своего старого привилегированного положения и что это определенно контрреволюционное движение. В Чечне раскол, но большинство трудовой Чечни — за Гойтинский народный совет, готовый реально защищать Советскую власть. В Ингушетии и Кабардино-Балкарии — все за Советскую власть. А что же в Осетии?

«Мы гордились,—продолжал К. Бутаев,—что мы счастливее других, что у нас многочисленная интеллигенция и мы сумеем устроить свою жизнь. Но вышло на практике иначе. Мы не смогли вести определенную самостоятельную революционную политику и в этом наше несчастье... Теперь все должны осознать, что спасение Осетии... на стороне Советской власти. Все другие пути — гибельны и позорны для Осетии...»²

Однако съезд избрал именно гибельный и позорный путь. Социалистический блок оказался в меньшинстве, и правое реакционное большинство съезда приняло резолюцию, в которой по существу не признавалась Советская власть. Соответственно этому был избран и Осетинский (окружной) народный совет. В состав его вошли полковники Угалык Цаликов и Гаспо Гуцунаев — главари контрреволюционных банд. Орган власти в Осетии оказался в руках реакции.

Правое большинство осетинского съезда избрало также восемь представителей Осетии в Терский областной Народный Совет, отклонив предложение социалистического блока об избрании их на пропорциональных началах. Эти восемь должны были стать членами областного Народного Совета, избранного на Грозненском областном народном съезде. Но того Совета фактически уже не было. Открывшийся во Владикавказе IV областной народный съезд как раз приступил к выборам нового состава областного Народного Совета. И теперь уже не осетинский съезд, а осетинская фракция областного народного съезда должна была на общем основании, по конституции, избрать членов Терского Народного Совета от Осетии. А во фракции боль-

¹ Казбек Саввич Бутаев родился в 1893 году в Алагире. В 1916 году перешел с 4 курса Петербургского электротехнического института в военно-инженерное училище, которое закончил со званием прапорщика технических войск. После кратковременной службы в электротехническом батальоне вернулся на родину. С января 1918 года — керменист. Участник Моздокского и других областных народных съездов. Член президиума революционного народного совета Северной Осетии. С октября 1918 года член ЦК «Кермен». В 1920 году — секретарь Осетинского окружного РКП(б), затем секретарь Горского областного комитета РКП(б). В дальнейшем окончил Институт красной профессуры при ЦК ВКП(б), автор многих научных статей, талантливый журналист.

² Газ. «Народная власть» № 94, 31 июля 1918 г.

шинство оказалось на стороне социалистического блока, который и представил свой список кандидатов в члены Народного Совета.¹

На областном народном съезде разгорелся острый спор по этому вопросу. Съезд, конечно, утвердил кандидатов, представленных осетинской фракцией съезда. Так создалось в высшей степени странное положение: Осетинский народный совет фактически против Советской власти, а осетинская фракция в Терском областном Народном Совете — за Советскую власть.

Еще одна характерная деталь, показывающая, какие сложные противоречия раздирали тогда Осетию. В списке членов областного Народного Совета, представленном VII осетинским съездом, был и «мусульманский социалист» Ахмет Цаликов — бывший председатель Всероссийского мусульманского совета. Он только недавно вернулся из Центральной России. Кандидатуру его выдвинули осетины-мусульмане. И вот на трибуну съезда поднялся Хадзимурза Шанаев и в драматическом тоне заявил: «Если съезд не утвердит наших кандидатов, то осетины-мусульмане не будут признавать осетинскую фракцию областного Народного Совета».² Чтобы не осложнять и без того очень трудное положение в Осетии, осетинский социалистический блок включил кандидата осетин-мусульман Ахмета Цаликова в свой список вместо Горга Арсагова.

Таково было положение в Осетии — запутанное, полное сложных противоречий. Осетинская контрреволюция рвалась в бой, но не имела своего определенного плана, полагаясь на более сильную и организованную казачью контрреволюцию. И пока действовала осторожно, выжидательно.

Созванный на 15 июля IV Терский областной народный съезд открылся только 23 июля. Железная дорога между Георгиевском и Котляревской находилась в руках мятежников-казаков. Более ста делегатов Пятигорского отдела и Кабардино-Балкарии добирались до Владикавказа на подводах.

Как и полгода тому назад, на первом таком же областном народном съезде в Моздоке, избранникам трудовых народов Терека предстояло вновь решить — мир или война?

¹ Приводим эти два списка кандидатов в члены Терского областного Народного Совета:

От VII народного съезда Осетии: Ахмет Цаликов, Дзыбын Газданов, Хусин Хадзарагов, Исмаил Баев, Сослан Темирханов, Гидзибе Габисов, Асланбек Бутаев, Сабан Коченов.

От фракции IV Терского областного народного съезда — осетинского социалистического блока: Константин Дигуров, Цомак Гадиев, Харитон Уруймагов, Михаил Гарданов, Казбек Борукаев, Урусби Зортов, Горга Арсагов.

² Газ. «Народная власть» № 94, 31 июля 1918 г.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОБЛАСТНОЙ НАРОДНЫЙ СЪЕЗД

Первым словом IV съезда народов Терской области было слово — мир...

Г. К. Орджоникидзе.

12 июля из Пятигорска во Владикавказ приехал Чрезвычайный комиссар Юга России Григорий Константинович Орджоникидзе — товарищ Серго, как все его тогда называли. Поезд Г. К. Орджоникидзе проследовал через Прохладную за несколько часов до ночного боя отряда П. В. Егорова с мятежными казачьими бандами.

В декрете Совнаркома РСФСР о Чрезвычайном комиссаре Юга России отмечалось, что Г. К. Орджоникидзе поручается организовать под своим председательством временный Чрезвычайный комиссариат Южного района, объединяющий деятельность Крыма, Донской и Терской областей, Черноморской губернии, Черноморского флота и всего Северного Кавказа до Баку. Цель комиссариата: неуклонное проведение директив центральной Советской власти, концентрированная борьба с буржуазной контрреволюцией, упрочение Советской власти.

Многое сделал Г. К. Орджоникидзе для сплочения революционных сил Северного Кавказа, для создания единого командования и общего плана борьбы с казачьей контрреволюцией и Добровольческой армией генерала Деникина. В мае по его предложению объединились Кубань и Черноморье, 2 июля состоялся первый Северо-Кавказский краевой съезд РКП(б), а 7 июля — первый съезд Советов Северного Кавказа, объединивший Кубано-Черноморскую, Ставропольскую и Терскую республики в единую Северо-Кавказскую Советскую Респуб-

лику—неотъемлемую часть РСФСР. Правда, Терская республика, охваченная контрреволюционным восстанием казачества, по существу в работе съезда не участвовала. Одной из задач поездки Г. К. Орджоникидзе во Владикавказ было обсудить вопрос объединения на Терском областном народном съезде.

В первое время во взаимоотношениях Г. К. Орджоникидзе и Терского Совнаркома были серьезные трения.

Г. К. Орджоникидзе считал, что Терский Совнарком допускает ошибку, проявляя терпимость в отношении контрреволюционных элементов. Терский же Совнарком единодушно полагал, что Чрезвычайный комиссар не понимает или не хочет считаться с исключительно своеобразными условиями Терского края. Но в практической работе, на открывшемся вскоре IV Терском областном народном съезде и в развернувшейся борьбе с бичераховщиной в выступлениях и действиях Чрезвычайного комиссара и Терского Совнаркома расхождений фактически не было.

Выступая 9 ноября 1918 года на первом съезде казаков Сунженской линии во Владикавказе, народный комиссар Я. П. Бутырин сказал: «Товарищи из центра вначале нас упрекали за то, что мы ищем соглашения с контрреволюционером Бичераховым, но когда они ознакомились с местными особенностями, они сами приняли участие в мирных переговорах...»

Деятельность Г. К. Орджоникидзе, как Чрезвычайного комиссара Юга России, с 12 июля, со дня приезда во Владикавказ и почти до конца 1918 года ограничивалась фактически только Терском. Захватив узловую станцию Прохладная, казачья контрреволюция на четыре месяца отрезала эту часть Терской области от всего Северного Кавказа, от всей Советской России. «Долго мы не знали, что делается в России,— писал в своем докладе Совету Народных Комиссаров Г. К. Орджоникидзе,— порою даже не знали, есть ли Советская власть или нет, а черносотенная печать в каждом номере сообщала о падении Москвы и Питера».¹

IV Терский областной народный съезд резко отличался от предыдущих народных съездов составом делегатов и более глубокой политической их дифференциацией.

На съезд прибыло 496 делегатов с правом решающего голоса: 154 иногородних, 50 казаков, 67 кабардинцев и балкарцев, 53 осетина, 60 ингушей, 121 чеченец. Казачьи делегаты были только из Сунженского отдела и частично из Пятигорского, из станиц же Кизлярского и Моздокского отделов прибыло всего два-три делегата.

¹ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. 1, М., 1956, стр. 81.

Фракции горских народов, кроме осетинской, еще сохраняли свою национальную целостность. В осетинской же фракции было левое большинство — социалистический блок и правое меньшинство.

Фракция иногородних, самая крупная и влиятельная на предыдущих областных народных съездах, теперь распалась на три фракции. По предложению Г. К. Орджоникидзе из нее выделилась рабоче-крестьянско-красноармейская фракция, состоящая в основном из большевиков — 78 делегатов. Другая часть иногородних делегатов образовала рабоче-крестьянскую демократическую фракцию, руководимую правыми эсерами и меньшевиками, — 36 делегатов. Левые эсеры также выделились в самостоятельную фракцию — 35 делегатов. Кроме того, 5 делегатов иногородних вошли в казачье-крестьянскую фракцию.¹

Выделение в самостоятельную фракцию левых эсеров означало конец левого социалистического блока, действовавшего на Грозненском областном народном съезде. После мятежа левых эсеров в Москве и исключения их в Центральной России из совдепов, большевики на Тереке не могли, конечно, блокироваться с ними. Но по всем вопросам левые эсеры выступали вместе с большевиками, и если не формально, то фактически левый социалистический блок еще существовал.²

В работах съезда принимали участие члены Кавказского краевого комитета РКП(б), переехавшего за два месяца до этого из Тифлиса во Владикавказ — Ф. Е. Махарадзе, С. И. Кавтарадзе, А. М. Назаретян.

Председателем съезда был избран Ф. Х. Булле, товарищем председателя — Ахмет Цаликов. Кроме того, как обычно, каждая фракция имела в президиуме съезда своего представителя.

От имени Всероссийского Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов съезд приветствовал Чрезвычайный

¹ Данные о составе съезда приведены из доклада мандатной комиссии на заседании 2 августа. В дальнейшем состав фракций несколько изменился, особенно рабоче-крестьянско-красноармейской (большевистской), которая увеличилась до 88 делегатов.

² Узнав в пути на Терек из случайно перехваченного радио о восстании левых эсеров в Москве, Г. К. Орджоникидзе на больших собраниях и митингах ставил перед левыми эсерами вопрос — каково их отношение к такому гнусному факту. «Надо отдать им справедливость, — писал Г. К. Орджоникидзе в докладе Совнаркому РСФСР, — что они без всяких колебаний присоединились к нашему возмущению действиями ЦК партии левых эсеров; и все время борьбы с Деникиным, не в пример своим российским товарищам, оставались в рядах активных бойцов против контрреволюции» (Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. 1, М., 1956, стр. 73).

комиссар Юга России Г. К. Орджоникидзе. Обращаясь к участникам съезда, Орджоникидзе сказал: «От вашего авторитетного голоса зависит, будет ли на терских полях хлеб для вас и голодающего Севера, будете ли вы защищены от империалистов Востока или хлеб этот будет топтаться ногами тех, кто поднял трудящихся против Советской власти. Пусть проклят будет тот, кто начал это и кто это делает!»

Обращаясь затем к казачьим делегатам, Г. К. Орджоникидзе заметил:

— У вас имеется декрет об автономном управлении казачьих областей, осуществляйте его!

Г о л о с а : Не дают!

— Да, не дают, когда вы на основе этого декрета разгоняете совдепы и разбираете железнодорожные пути... Не дают, когда на основе этого декрета вы начинаете войну, а не приходите к областной власти, чтобы попытаться вместе с нею разрешить ваши вопросы. С этим надо покончить!¹

Съезд утвердил программу своих работ: 1) текущий момент в Терской области — доклад председателя Совнаркома Ю. Г. Пашковского; 2) доклад Чрезвычайного комиссара Юга России Г. К. Орджоникидзе об объединении республик Северного Кавказа; 3) земельный и продовольственный вопросы; 4) текущие дела.

В самом начале разгорается спор о том, как обеспечить прибытие на съезд всех делегатов казачества. Правые эсеры и некоторые казачьи депутаты настаивали, чтобы съезд взял в свои руки дело мира в области, чтобы в Моздок была направлена делегация с чрезвычайными полномочиями для заключения перемирия с бичераховцами.

Г. К. Орджоникидзе положил конец спорам.

— Да, съезд должен принять все меры, чтобы делегаты казачества явились сюда, — сказал он. — Как представитель центральной Советской власти я заявляю, что мы должны сделать им предложение, по которому выяснится определенно — с нами они или против нас. Поэтому предлагаю следующую резолюцию:

«IV съезд народов Терской области в целях скорейшего прекращения кровопролитной братоубийственной бойни, возникшей между трудовым казачеством, вовлеченным в эту бойню преступным элементом, и всеми остальными трудовыми массами Терской области, постановляет: 1) предложить казачеству немедленно очистить ли-

¹ Газ. «Народная власть». № 89, 25 июля 1918 г.

нию железной дороги и передать ее в ведение как центральной, так и областной власти; 2) предложить казачеству к 25 июля выслать делегатов от Кизлярского, Моздокского и Пятигорского отделов на IV областной съезд для решения всех вопросов; 3) съезд совместно с представителями центральной власти т. Шляпниковым и Чрезвычайным комиссаром Юга России Орджоникидзе, а также Терский областной Совнарком гарантируют казачеству, что ни одна часть, ни один бронированный поезд войск Терской республики не будут двинуты вперед, а также ни одна казачья станица, не проявляющая враждебных действий, не будет разоружена. Съезд вместе с тем заявляет, что всю тяжесть вины за продолжение бойни возлагает на тех, кто отказался от исполнения этого предложения съезда».¹

Никаких более или менее значительных возражений против такой резолюции не нашлось даже у правых эсеров, и она была принята 155 голосами против 2 при 44 воздержавшихся.

В числе воздержавшихся — вся казачья фракция, которая заявила, что вследствие своей малочисленности она вообще не будет принимать участия в решениях съезда.

И тотчас следует реплика Г. К. Орджоникидзе: «Вы должны быть связующим звеном между нами и той стороной, а вы воздерживаетесь, держите руки в карманах... Перед рекой пролитой крови мы не можем, не имеем права молчать. Или мир, или война!»²

Вслед за тем военный комиссар Я. П. Бутырин сообщает, что Совет Народных Комиссаров отдал приказ о полном прекращении военных действий.

Съезд бурно аплодирует, приветствуя миролюбивую политику областной народной власти.

Мирная делегация из представителей всех фракций съезда с участием представителей областной власти — Ю. П. Бутыгина и центральной — А. Г. Шляпникова отправилась на Котляревско-Прохладненский фронт. Ее задача — ознакомить сражающихся и бичераховский казачье-крестьянский совет с резолюцией съезда, добиться прекращения военных действий и ликвидации фронта.

Мирные переговоры с Моздокским казачье-крестьянским советом тянулись дней десять. Съезд посылал вторую мирную делегацию

¹ Газ. «Народная власть» № 89, 25 июля 1918 г.

² Там же.

на фронт, затем обсуждал контрпредложения бичераховцев, привезенные казачьей фракцией. И все это время на съезде шла широкая дискуссия по вопросам политической жизни Терека, так или иначе связанным с контрреволюционным восстанием казачества. Необходимо коснуться здесь важнейших моментов этой дискуссии, не придерживаясь хронологического порядка, а затем рассказать все сразу о мирных переговорах.

Доклад председателя Совнаркома Ю. Г. Пашковского о текущем моменте был заслушан 27 июля, когда подъехали все делегаты.

— Почему трудовые массы казачества оказались втянутыми в контрреволюционное движение?—спрашивает докладчик. — Когда народная власть стала решать земельный вопрос так, как постановил Пятигорский областной съезд, то кто выигрывал от этого, тот держался за народную власть, а те, которые не выигрывали и, может быть, даже утрачивали — оставались нейтральными или переходили во враждебный лагерь.

Бывшие привилегированные никогда не забывали, что они были полными хозяевами в области, и потеря этого положения была для них потерей жизни. Они все время думали о восстановлении своего бывшего положения. На этой тенденции и строились планы автономии казачества. Определенные лица пользовались этой автономией, чтобы в подходящий момент увлечь за собою казачество.

Но Ю. Г. Пашковский высказал ошибочные взгляды на существо Советской власти, повторив то, что все время твердили правые эсеры и меньшевики: в Терской области почти нет пролетариата, поэтому и органами власти в городах должны быть, мол, не советы рабочих и солдатских депутатов, а народные советы.

Далее Ю. Г. Пашковский подробно рассказал о событиях на Тереке, начиная с появления банды Шкуро и до создания в Моздоке казачье-крестьянского совета. «Провоцируя население призывами к войне, — говорил он, — бичераховцы послали делегатов в Ингушетию и Чечню, но безуспешно, только некоторые элементы вступили в союз с ними. Ничего не дало им и обращение к пятигорским трудовым казакам».

Касаясь сообщения бичераховцев о том, что под Прохладной было зарыто более 500 трупов красноармейцев, Пашковский заявляет: «Это трупы не красноармейцев, ибо их под Прохладной было всего 300, там расстреливали тех, кого подозревали в большевизме и красноармействе — иногородних».

В заключение Ю. Г. Пашковский сказал: «Нас пытаются обвинить в том, что мы боремся за власть. Мы во власть пошли тогда, когда в нее никто не хотел идти. Когда некоторые из нас, изнемо-

гая и падая, заявляли, что больше не в состоянии продолжать работу, товарищ Буачидзе говорил: «Указывать путь и вести по нему мы обязаны, пока народ не скажет, что пойдет без нас...»¹

От рабоче-крестьянско-красноармейской фракции с большой содержательной речью, скорее с докладом, выступил член Кавказского краевого комитета РКП(б) Сергей Иванович Кавтарадзе.

— Председатель Совнаркома товарищ Пашковский, — говорит он, — вполне объективно изложил положение в Терской области. Но с его определением существа Советской власти нельзя согласиться... Советская власть есть организация господства большинства населения над кучкой угнетателей, рабочих и крестьян — над капиталистами и помещиками... Я скажу больше — Терская область представляет оригинальнейшее явление: здесь национальная борьба почти совпадает с классовой. Ингуш борется с казакom не потому, что тот казак, а потому, что ингуш безземелен, обездолен, а казак владеет землей. И правильна политика Советской власти, если она опирается, а если она не опирается, то должна опираться на ингушей и чеченцев. В этом не виноват ни ингуш, ни казак. Это наследие проклятой царской политики... Не случайно контрреволюция свила гнезда во всех казачьих областях.

С. И. Кавтарадзе приводит большой цифровой статистический материал по 11 казачьим войскам — Донскому, Кубанскому, Астраханскому, Уральскому и другим. Анализируя эти данные по Терской области, он делает такой вывод: казаки пользуются 19 единицами благ Терской земли, а неказики — только одной единицей. Такое благополучие казаки создавали, борясь десятки лет с помощью царских чиновников, и тем самым углубляли между собою и другими народами области рознь, вражду и ненависть... Объективные условия таковы, что мы стоим перед необходимостью уничтожить историческую несправедливость, созданную преступной политикой царизма.

Заканчивая свой доклад, С. И. Кавтарадзе говорит: «Война с надвигающейся с Севера контрреволюционной волною Алексеевых неизбежна. Но те, кто строит глазки Алексееву и Бичерахову, пусть узнают, чья чашка весов перетянет: та ли, что в Моздоке, или та, на которую меч свой положат угнетенные народы».²

Заявление Кавтарадзе о неизбежности войны было тотчас использовано казачьей фракцией и правыми эсерами. Послышались выкрики с мест о том, что большевики хотят войны, что они вместе с

¹ Газ. «Народная власть» № 94, 31 июля 1918 г.

² Там же, № 97, 3 августа 1918 г.

А. М. Назаретян.

«дикими» — ингушами и чеченцами — решили воевать против всего казачества.

Тогда выступил другой член Кавказского краевого комитета РКП(б) Амаяк Маркарович Назаретян.

— Здесь указывалось, — сказал он, — что мы воюем и выступаем против всех казаков. Я хочу раз и навсегда отвергнуть это неправильное утверждение. Мы боремся с бичераховщиной, как с контрреволюционным движением, и хотим в этом идти вместе с трудовым казачеством. Между нами, между властью народа и трудовым казачеством, воздвигнута стена контрреволюционерами, правыми эсерами и меньшевиками. И мы стремимся разрушить эту стену и соединиться с трудовыми массами казаков...

По данным товарища Кавтарадзе выходит, что на Тереке есть народы-помещики и народы-бат-

раки. А мы хотим, чтобы не было ни помещиков, ни батраков, а должны быть равные в политическом и экономическом отношении трудовые народы.

Интересна и дальнейшая часть речи А. М. Назаретяна. Он полемизирует в ней с Ахметом Цаликовым, выступившим на съезде с большой «программной» речью. Анализируя пункт за пунктом речь А. Цаликова, вскрывая ее противоречия, А. М. Назаретян говорит:

— Цаликов заявил, что здесь, в Терской области, возможна только Советская власть и уничтожение ее погубит революцию. С этим мы согласны. Он указывал на необходимость проведения принципа единовластия. Это единовластие мы и видим в диктатуре пролетариата, в строгом, точном исполнении всех декретов и распоряжений центральной власти. Но пунктом третьим — о невозможности создания «чистой» Советской власти в Терской области по причинам экономического, бытового и национального свойства — Цаликов стер всю свою речь.

А. М. Назаретян высказывается также за изменение пятигорской конституции Терской Советской республики в соответствии с принятой на V Всероссийском съезде Советов общероссийской советской конституции.

В заключение А. М. Назаретян заявил: «Если здесь говорят о расширении базы Советской власти в Терской области, то это делается для того, чтобы оставить лазейку для буржуазии и ее приспешников — правых эсеров и меньшевиков, которые еще держатся в Советах».¹

Интересным было выступление комиссара внутренних дел Ю. П. Фигатнера — ответ на злобные нападки казаков, правых эсеров и меньшевиков на совдепы, ответ на обвинение народной власти в том, что она якобы пренебрегает нуждами и интересами казачества.

— Мы ни в коем случае не оправдываем безобразий и насилий, допускаемых в некоторых советах, мы боремся с ними,— говорит Ю. П. Фигатнер. — Но почему те, кто обвиняют совдепы, молчат о насилиях станичных и отдельных казачьих советов над иногородними? Здесь казаки говорили, что станицы наделяют иногородних земель. А в Пятигорском отделе казаки выгоняли иногородних из станиц. Только вмешательство областной и местной Советской власти заставило станицы дать землю иногородним. Казаки даже скашивают хлеба, предоставленные для уборки беженцам—иногородним. По достигнутому соглашению беженцам разгромленной слободы Воздвиженской взамен их полей, занятых чеченцами, было разрешено убрать хлеба на землях аулов Старый и Новый Юрт. Но хлеба эти убрали казаки станиц Барятинской, Николаевской и Червленной.

Ю. П. Фигатнер приводит факты жестокой расправы в станицах над пленными и безоружными красноармейцами. В станице Наурской станичный круг постановил расстрелять двух захваченных красноармейцев.

Григорьев (казак) с места: «Так эти двое—казаки, изменившие казачеству!»

Фигатнер: «Тем хуже, если это казаки! Они идут с нами, с народной властью, а вы их расстреливаете».²

Ю. П. Фигатнер приводит много цифр, доказывающих, что народная власть заботилась о казаках так же, как и о других группах населения. На содержание казачьих отдельных народных советов отпускалось даже больше средств, чем на содержание совдепов. На охрану при уборке урожая только станицам Кахановской и Ильин-

¹ Газ. «Народная власть» № 97, 3 августа 1918 г.

² Там же.

ской отпущено 127 тыс. рублей, а на весь Владикавказский округ — 125 тысяч, на Чечню — 120 тысяч. На содержание народной милиции каждому казачьему отдельскому совету отпущено не меньше средств, чем Ингушскому, Осетинскому и другим народным советам.

— Я хотел лишь показать, — говорит Ю. П. Фигатнер, — как несправедливы заявления о том, что у областной народной власти горцы — любимые сыновья, а казаки — пасынки.¹

Политическая дискуссия по докладам председателя Совнаркома Ю. Г. Пашковского и мирных делегаций, ведших переговоры с бичераховцами, завершилась 31 июля. Мирные переговоры не привели ни к чему. После бурных и острых прений съезд принял большую резолюцию по итогам обсуждения докладов, внесенную рабоче-крестьянско-красноармейской фракцией:

«IV съезд народов Терской области находит: 1) что единственным выходом из создавшегося катастрофического для судеб терских народов положения является усиление и укрепление Советской рабоче-крестьянской власти в центре и на местах; 2) что завоевания Октябрьской революции в одинаковой мере гарантируют права народов на территории Терской области и создают наилучшие условия и обстановку для мирного трудового сожительства их».

Далее в резолюции указывается, что контрреволюционные верхи казачества и горских народов в союзе с представителями крупной буржуазии и идеологами Учредительного собрания провоцируют трудовое казачество и трудовые народы области к выступлениям против Советской власти, стремятся втравить их и в национально-племенную борьбу для создания анархии, надеясь таким способом оттянуть практическое решение земельного вопроса и сохранить господство и привилегии времен проклятой памяти николаевского режима.

В резолюции высказывалась надежда на то, что трудовое казачество, вовлеченное в авантюру против Советской власти, осознает пагубность своих действий и изгонит из своей среды агентов международной и отечественной контрреволюции. «Всякое недовольство, — говорилось в ней, — всякий спорный вопрос и недоразумения должны решаться в полномочных органах области — в Совнаркоме, в Народном Совете или на областном съезде, а не оружием на засеянных полях и на путях железной дороги».²

Как же проходили мирные переговоры представителей IV съезда народов Терека с бичераховским казачье-крестьянским советом?

¹ Газ. «Народная власть» № 97, 8 августа 1918 г.

² Там же, № 98, 4 августа 1918 г.

Мирная делегация, выехавшая на Прохладненский фронт утром 24 июля, вернулась 26, и в тот же день вечером съезд обсуждал ее доклад. Собственно единого общего доклада делегации не было. Общее было то, что Г. Бичерахов, выступавший в переговорах от имени казачье-крестьянского совета, не только не принял мирных предложений областного народного съезда, но сам предъявил ультиматум-резолюцию казачье-крестьянского совета: снять с бронированных поездов пушки, замки от орудий отдать кабардинской и осетинской фракциям съезда или Терского Народного Совета; бронепоезда и красноармейские части отозвать в места их постоянного пребывания. Казачьих делегатов физически нельзя, мол, послать на съезд, пока не будут выполнены эти требования.¹

Каждый член мирной делегации рассказывал о своих наблюдениях и впечатлениях — в соответствии, конечно, со своими политическими взглядами и симпатиями. В этих сообщениях приводились любопытные факты, ярко характеризующие бичераховщину и создавшееся на Тереке положение.

А. Г. Шляпников отметил, например, что масса вооруженных казаков на фронте встретила делегацию дружелюбно.

Член делегации ингуш Ш. Арчаков рассказывал о том, что Бичерахов не стал говорить о резолюции съезда. Он называл Советскую власть бандой и самозванцами, говорил, что не знает за собою никакой вины и не пойдет за областной властью. «Он самый настоящий провокатор и контрреволюционер, — с возмущением сказал Арчаков. — Когда мы отъезжали, Бичерахов сказал: Я вам буду дорого стоять».²

А вот член мирной делегации казак Панков охвачен совсем иными чувствами: «Когда говорят о Бичерахове, что он провокатор и контрреволюционер, то меня коробит. Казаки встречают его восторженно, как встречали Керенского на фронте».³

В заключение выступил представитель Терского областного Народного Совета и Совнаркома в составе мирной делегации Ю. П. Бутягин: «К нам, — сообщил он, — явилась делегация от нейтральных станиц и просила поскорее покончить с этим движением. Требования Бичерахова оскорбляют весь съезд, ибо он требует разоружения власти... Все поведение Бичерахова было крайне вызывающе. Есть определенные данные, исходящие от командного состава казаков, что Бичерахов не желает мира».⁴

¹ Газ. «Терский казак» № 73, 28 июля 1918 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Выводы из всех этих сообщений съезд сделал на следующем заседании, 27 июля, когда снова приступил к обсуждению итогов мирных переговоров.

После долгих прений точку зрения правой части съезда выразил правый эсер Полухов, заявив под возмущенные и иронические возгласы делегатов, что казачье движение не контрреволюционное, а массовое и народное. И тут же предложил соответствующую резолюцию. Мнение левой части съезда выразил выступивший от чечено-ингушской фракции А. Шерипов: «Казачье движение, возглавляемое казачье-крестьянским советом, в котором главную роль играет Бичерахов, есть движение контрреволюционное».¹

Объединился же съезд на резолюции, предложенной К. Н. Дигуровым от имени осетинской фракции: «Осетинская фракция просит съезд сделать последнее усилие для мирной ликвидации казачьего движения в виде посылки второй мирной делегации. В случае неуспеха этой последней попытки фракция, выражая полное доверие политике Терского Народного Совета и Совета Народных Комиссаров, предлагает в полное распоряжение областной народной власти имеющиеся вооруженные силы». За это предложение голосовал весь съезд при 18 воздержавшихся.²

В стан бичераховцев была направлена вторая мирная делегация. Члены этой делегации на заседании 29 июля выступили с пространными сообщениями, сущность которых заключалась в том, что и на этот раз мирная инициатива съезда не дала никаких результатов.

Обсуждение докладов продолжалось, а весь состав Совнаркома ушел в отдельную комнату на совещание. В 11 часов ночи народные комиссары вернулись в зал заседаний, и Ю. Г. Пашковский заявил, что Совнарком слагает свои полномочия.

— Дело водворения мира в области, — сказал он, — есть дело самого народа, и съезд представителей всех народов области должен установить способы решения этого вопроса.

Но Совет Народных Комиссаров не получил от съезда никаких указаний на этот счет, и в то же время он несет всю полноту ответственности за положение в области. Совет Народных Комиссаров пребывать в таком состоянии не может.³

Неожиданная отставка Совнаркома поразила съезд, а мотивировка ее вызвала явное замешательство в правых фракциях. Шел

¹ Газ. «Народная власть» № 94, 31 июля 1918 г.

² Там же.

³ Там же.

седьмой день работы съезда, множество речей было произнесено с его трибуны, но никогда еще они не достигали такого политического накала, такой страстной убежденности, как в то памятное ночное заседание.

«Если говорить о личностях народных комиссаров — сказал А. Шерипов, — то надо вспомнить, что в момент всеобщей разрухи, когда над нашим краем висела грозная опасность гражданской войны, они явились сюда, не имея за собою еще опоры, и в несколько месяцев умиротворили край... Мы твердо решили поддерживать и платформу и личный состав Совета Народных Комиссаров.

Контрреволюционное движение реально таилось в казачестве, — продолжал А. Шерипов. — Но если оно не будет раздавлено в казачестве, контрреволюция охватит всю область и в том числе Чечню. Мы не скрываем, что Чечня раскололась на две части, что у нас даже два совета, но у нашей группы нет иного выхода, кроме последовательной революционной борьбы».

А. Шерипов категорически заявил, что отставка Совнаркома не может быть принята.¹

В грозном спокойствии произнес первые фразы Г. К. Орджоникидзе.

— Как видно, мы стали сегодня перед совершившимся фактом: необходимо вооруженное подавление контрреволюционного мятежа, ибо мы использовали все решительно средства для иной ликвидации восстания. Мятеж привел к отставке Совета Народных Комиссаров.

И тотчас воспламенился:

— О нас говорят, что имеется блок «диких» с большевиками. Да, но мы лучше предпочитаем умереть с «дикими», чем идти вместе с палачами народа!

Скажите откровенно, — обращается Г. К. Орджоникидзе к казачьим депутатам, — чего вы хотите, казаки? Здесь нет, правда, пролетариата, здесь нет и российского крестьянства, но здесь есть угнетенные массы. И эти массы — горцы! О, вы, правые социалисты, не желающие сказать, чего хочет казачество, — вы указываете на ненормальности в совдепах, в Красной Армии. Обо всем этом мы отлично знаем. Товарищ Пашковский с бичующей откровенностью, на которую способен только русский человек, сказал об этом. Мы ответили вам: вы служили Николаю, но не хотите служить рабочему, крестьянину и горцу.

Вы саботируете, не хотите служить рабочему классу... Здесь не в совдепах и не в Красной Армии дело, как хотят кого-то уверить.

¹ Газ. «Народная власть» № 94, 31 июля 1918 г.

Это болтовня, недостойная серьезного политического деятеля. Вопрос идет о земле и мире, о той вековой земле, которая находится в руках казаков. И ясно, что когда серьезно идет вопрос о земле, то мира нет... Та сторона, борясь с народной властью, прикрывала ее борьбой с Пашковским и Фигатнером. Чем Пашковский хуже остальных комиссаров? Но он комиссар земледелия, и каждый кусок земли, данный им ингушу или чеченцу, есть обвинение против него.

Мира от Бичерахова вы не получите,—продолжал Г. К. Орджоникидзе, — ибо мир для Бичерахова — могила! К великому сожалению, трудовое казачество идет за Бичераховым. Но если мы решительно боролись за мир, то так же решительно будем бороться и за революцию. Отставка Совета Народных Комиссаров не может быть принята. Не время сейчас уходить! Сейчас можно умереть на своем посту, но уходить нельзя. Все наши силы, все наши средства мы должны сложить к их ногам. И я думаю, граждане, что в этом зале не найдется ни одного, кто, учитывая всю обстановку в Терской области, не станет рядом с Советом Народных Комиссаров. Довольно болтовни, к оружию, к действию, на борьбу с контрреволюцией!¹

Бурными аплодисментами съезд выражает согласие с призывом Чрезвычайного комиссара — оружием подавить контрреволюционный мятеж казачества.

Речь Г. К. Орджоникидзе и то единодушие, с которым она была встречена съездом, произвели сильнейшее впечатление на правые фракции. Что могли сказать правые эсеры, меньшевики, казаки в ответ на заявление Ю. Г. Пашковского об отставке Совнаркома?

Меньшевик Берман-Кожаный заявил, что для рабоче-крестьянской демократической фракции заявление Совнаркома является полной неожиданностью. «Если Совнаркому необходимы чрезвычайные полномочия, — закончил он, — то мы их дадим: я заявляю, что бичераховщина есть контрреволюционное явление и в борьбе с ней мы окажем Совнаркому поддержку».²

Шумными аплодисментами приветствовал это заявление съезд, для большинства делегатов оно было столь же неожиданным, как и заявление Совнаркома об отставке.

— Мы ушли в отставку не потому, что нам нужны чрезвычайные полномочия, и не потому, что нам хочется войны,—тотчас ответил Ю. Г. Пашковский. — Я заявляю, что мы складываем полномочия в целях мира, устраняются теперь препятствия к миру и перед вами

¹ Газ. «Народная власть» № 94, 31 июля 1918 г.

² Там же.

теперь широкая дорога. Вы можете избрать третью делегацию, вы можете на деле убедиться, что ни Пашковский, ни Фигатнер и ни Бутырин не виноваты в том, что в области нет мира. Маски с бичераховщины сорваны! Вы будете теперь знать, кто стоит за революцию и кто против нее, для вас будет тогда ясна контрреволюционная подоплека этого движения.¹

В три часа ночи объявляется перерыв на два часа для фракционных совещаний.

В шесть часов утра депутаты вновь собираются в зале заседаний. Через несколько минут появляются и народные комиссары. Их встречают продолжительными аплодисментами.

Затем представители всех фракций заявляют о полном доверии Совету Народных Комиссаров и о своем решении — отставку Совнаркома не принимать. Вносятся несколько резолюций, их тут же согласовывают и сводят в одну, не обращая уже внимания на редакционные шероховатости. Вот эта резолюция:

«Съезд постановил: 1) прекратить сепаратное перемирие; 2) прекращение сепаратного перемирия не исключает возможности и необходимости дальнейших мирных переговоров, а потому съезд считает необходимым ведение дальнейших переговоров с трудовым казачеством для привлечения полного представительства трудового казачества на съезд, где и будут решены все вопросы мира всех трудовых народов области; 3) съезд обращается с призывом к трудовым народам о мобилизации всех сил для борьбы с контрреволюцией. Осуществление мобилизации поручается областному Народному Совету и Совету Народных Комиссаров».²

Резолюция была принята всем съездом, кроме казаков, которые воздержались от голосования. Когда их спросили, почему они воздержались, то Фальчиков ответил: «Мы не можем голосовать за резолюцию, в которой говорится о мобилизации сил против казачества. Мы сами поедem в Моздок, чтобы принять все меры к тушению пожара гражданской войны».³

Но вопрос об отставке Совета Народных Комиссаров остался открытым. Ю. Г. Пашковский заявил, что Совнарком сообщит о своем решении только после обсуждения нового создавшегося положения.

На следующем заседании съезда Ю. Г. Пашковский подтвердил неизменность решения Совнаркома о сложении своих полномочий. По предложению А. Шерипова, выразившего уверенность чечено-

¹ Газ. «Народная власть» № 94, 31 июля 1918 г.

² Там же.

³ Там же.

ингушской фракции, что в состав нового Совнаркома войдет ядро старых работников, съезд принял отставку Совнаркома. Решено было на следующем заседании произвести выборы Терского Народного Совета, который согласно конституции изберет Совнарком.

Еще когда съезд направлял вторую мирную делегацию, он вместе с тем согласился с предложением рабоче-крестьянско-красноармейской фракции: обратиться с воззванием к трудовому казачеству. И вот на заседании 31 июля съезд утвердил окончательный текст воззвания «К трудовому казачеству и ко всем трудовым народам Терской земли».

«Четвертый съезд народов Терской области,—говорилось в воззвании,—перед всеми народами области и перед всем миром открыто и честно заявляет, что он в полной мере исчерпал все средства для ликвидации происходящей здесь братоубийственной бойни, он пошел на все уступки, лишь бы водворить в стране мир. Но вместе с тем съезд заявляет, что он изменил бы трудовым народам всей области, если бы беспрекословно подчинялся всем дерзким и наглым требованиям господ Бичераховых...

Четвертый съезд народов области объявляет Бичерахова и всех его приверженцев врагами всех трудовых народов, врагами революции и будет вести с ними беспощадную борьбу вплоть до окончательного укрепления Советской власти...

Трудовое казачество! К вам, главным образом, обращается четвертый съезд народов Терской земли! Пора уже опомниться и стряхнуть с себя позорное иго Бичераховых, втравливающих вас в братоубийственную бойню. Да здравствует Всероссийская Социалистическая Федеративная Советская Республика!»¹

Правые фракции к такому воззванию, понятно, не присоединились, хотя их представитель был в редакционной комиссии. Правые эсеры настаивали, чтобы воззвание было предварительно обсуждено во фракциях, но съезд отклонил это.

Но все же и после этого съезду пришлось еще раз обсуждать вопрос об установлении мира на Тереке.

Из Моздока 1 августа вернулись казачьи депутаты, выехавшие туда сейчас же после исторического ночного заседания съезда. В тот же день вечером Фальчиков доложил съезду о результатах этой поездки.

По словам Фальчикова, Моздокский казачье-крестьянский совет долго обсуждал то, что сообщили казачьи депутаты о IV областном народном съезде, о принятой им резолюции. Очевидно, инфор-

¹ Газ. «Терская правда» № 50, 2 августа 1918 г.

мация эта произвела такое впечатление на бичераховскую компанию, что там решили, по тактическим соображениям отказаться от некоторых наглых требований и изменить самый тон своих заявлений. Вот привезенное Фальчиковым решение казачье-крестьянского совета:

«Приветствовать съезд трудовых народов Терской республики и заявить, что: а) относясь с полным доверием к съезду, казачье-крестьянский совет изъявляет готовность прекратить братоубийственную, не по вине казачества и крестьянства разгоревшуюся войну, если будет обеспечена полная неприкосновенность станиц, сел и их имущества, как то: прекращение разоружения казаков и крестьян, реквизиций всякого рода имущества и т. д.; б) ввиду того, что представители власти стоят на ложном пути в оценке казачье-крестьянского движения и мер устранения такового, совет считает необходимым немедленное удаление от власти комиссаров Пашковского, Фигатнера и Бутырина. При выполнении этих условий совета, как было указываемо неоднократно раньше, будут приняты все меры для скорейшей явки депутатов станиц и сел на съезд».¹

Г. К. Орджоникидзе задает вопрос Фальчикову:

— Посылая нам решение, так называемый казачье-крестьянский совет думал ли приступить к восстановлению железнодорожного сообщения?

Фальчиков удивлен:

— Когда идут бои, будет ли противная сторона восстанавливать железнодорожный путь?

— Итак,— говорит Г. К. Орджоникидзе,— вина опять возлагается за все на трех комиссаров. Если это так, то виноваты, выходит, в этих событиях все мы, ибо съезд вынес полное доверие Совету Народных Комиссаров. И раз это так, то зачем же привозить приветствие съезду?.. Пусть Фальчиков доставит приказ о приостановке военных действий со стороны казаков и о восстановлении железной дороги. Пусть не присылают больше приветствий в то время, как на войска Терской республики направлены жерла пушек...

На замечание Фальчикова, что обе стороны должны одновременно прекратить военные действия, Г. К. Орджоникидзе ответил:

— Пусть Фальчиков привезет приказ о прекращении военных действий, и мы на этом же документе напишем свой приказ. Вопрос же об отставке трех комиссаров отпадает, ибо весь состав Совнаркома сложил полномочия и без требования Бичерахова и в будущем дело съезда назначать на ответственные посты работников без всяких указаний Бичерахова.²

¹ Газ. «Народная власть» № 98, 4 августа 1918 г.

² Там же.

— Мы желаем мира, но мира на советской платформе, — заявляет А. Шерипов, — решительно протестуем против ультиматумов, которые осмеливаются предъявлять определенные группы казачества избранникам Терской земли. Если казачеству не нравятся Пашковский, Фигатнер и Бутырин, то пусть они придут сюда на съезд и поведут борьбу против них словом, а не разгромом красноармейцев.

А. И. Автономов указывает, что два пути соединяли Северный Кавказ с Центральной Россией — через Тихорецкую и Царицын и через Кизляр. Первый путь отрезали банды генерала Алексеева, второй — терские казаки. Теперь Центральная Россия не может получать от нас хлеб, а красноармейцы, которых правое крыло съезда так старательно обливает грязью и которые проливают свою кровь на полях сражений, не могут получить ни одного патрона, чтобы не позволить немцам вторгнуться в пределы Северного Кавказа. Преступное казачье восстание всаживает нож в спину всей Советской России. А. И. Автономов считает ошибочной примирительную политику съезда.¹

Если кто и обрадовался новому тону бичераховского ультиматума, так это правые эсеры и меньшевики.

— Рабоче-крестьянская демократическая фракция приветствует заявление Фальчикова об искреннем желании казачье-крестьянского совета прийти к миру, — поспешил заявить Берман-Кожаный.

А лидер правых эсеров К. Мамулов стал настаивать на посылке в Моздок третьей мирной делегации с чрезвычайными полномочиями.

Военный комиссар Я. П. Бутырин, очень неохотно выступавший на съезде, «чтобы кто-нибудь не сказал, что кто-либо из Совнаркома своими выступлениями помешал миру», на этот раз не выдержал:

— Все говорили, что если меня можно в чем упрекнуть, то именно в крайнем миролюбии. И я, горячий сторонник мира, заявляю, что если вы действительно дорожите Советской властью и завоеваниями революции, то не занимайтесь здесь болтовней с воюющей стороной, а делайте дело, спасайте Советскую власть. Там (на Георгиевском фронте) сдавлен отряд Беленковича. От Сахарова из Нальчика получено донесение о крайне тяжелом положении, он пишет, что мы должны или сложить оружие, или воевать, но разрозненные перемирия губят нас... Связь между контрреволюционными штабами генерала Алексеева и Бичерахова установлена с несомненностью. Если не хотите, чтобы по Терской области гулял генерал Алексеев, то не занимайтесь маниловщиной, а будьте революционерами и бойца-

¹ Газ. «Народная власть» № 98, 4 августа 1918 г.

ми. Контрреволюция разнузданно ведет себя на Северном Кавказе. Требуйте гарантии от тех, кто задерживает наши силы своими переговорами, кто может нас всегда предать. И если хотите сохранения завоеваний революции, то вы должны реально поддерживать здесь дело Советской власти, дело революции в Терской области.¹

И опять конец прениям кладет Г. К. Орджоникидзе.

— Мы — власть, — говорит он, — имеющая за собою огромное, подавляющее большинство населения, — мы идем на все уступки в целях мира. Мы верим в революционность трудового казачества, вовлеченного в эту войну, и для него мы идем на уступки. Исходя из искреннего желания мира, мы предлагаем такую резолюцию:

«Заслушав резолюцию казачье-крестьянского совета по вопросу о войне и мире, четвертый народный съезд Терской области постановляет: ввиду выраженного казачье-крестьянским советом под давлением трудового казачества приветствия и доверия народному съезду, и полагая, что это доверие не есть пустая фраза, а действительно ясное признание областного съезда — предлагается казачье-крестьянскому совету: 1) сделать немедленное распоряжение о прекращении военных действий и отводе частей войск с фронта; 2) восстановить железнодорожное сообщение. Съезд выражает свое искреннее пожелание видеть в своей среде представителей всего трудового казачества».²

Съезд принимает резолюцию, причем казаки, правые эсеры и меньшевики воздерживаются, против не голосовал никто. Предложение эсеров и меньшевиков послать третью мирную делегацию к Бичерахову отвергается. Съезд поручает президиуму довести резолюцию до сведения Моздокского казачье-крестьянского совета.

На следующем заседании, 2 августа, когда съезд заканчивал обсуждение доклада мандатной комиссии, на трибуну поднимается председатель Терского Народного Совета Е. С. Богданов и сообщает страшную весть о злодейском убийстве в Нальчике А. П. Сахарова — члена Терского Народного Совета, комиссара Нальчикского округа. Ночью в номер гостиницы, где жил А. П. Сахаров, ворвались четверо вооруженных и застрелили его...

Е. С. Богданов еще не закончил своего сообщения, как весь съезд, потрясенный вестью о трагической гибели А. П. Сахарова, поднимается в скорбном молчании...

Депутаты мусульмане совершают молитву по убитом...

— Пал еще один честный борец за счастье трудящихся, — гово-

¹ Газ. «Народная власть» № 98, 4 августа 1918 г.

² Там же.

рит председатель съезда Ф. Х. Булле. — И то, что депутаты мусульмане — не той веры, в которой родился товарищ Сахаров, но братья его по другой вере, по вере в могучую силу возрождающихся народов, — с таким глубоким чувством живейшего участия отнеслись к его смерти, показывает, что все трудовые народы скорбят о смерти товарища Сахарова. Но как бы ни были тяжки наши утраты, мы верим, что через смерть таких честных, стойких борцов, как товарищ Сахаров, мы достигнем народного счастья, счастья всех трудящихся.¹

— Еще на этих днях я виделся с товарищем Сахаровым, — говорит выступивший от фракции левых эсеров Данилевич. — Он показал мне подлое воззвание Моздокского казачье-крестьянского совета, в котором его называли всякими гнусными словами и в котором сквозило явное указание на необходимость убрать товарища Сахарова. Он пал от руки тех, кто поднял восстание против Советской власти... За смерть товарища Сахарова враги народа дорого заплатят.²

Очень тепло говорил о А. П. Сахарове,³ о его работе в Кабарде и Балкарии Тембот Ахохов:

— Его убили враги Советской власти. Мы заявляем — не будет пощады убийцам товарища Сахарова. Мы будем разыскивать их всюду и спасения им нет.

Весь съезд опять поднимается. Раздается пение — «Вы жертвою пали...»

В тот же день областной Народный съезд приступил к выборам Терского Народного Совета. Каждая фракция представила на утверждение съезда своих кандидатов. В новый состав Терского Народного Совета, избранного на IV областном народном съезде, вошли: от чеченской фракции съезда: Таштемир Эльдарханов, Ас-

¹ Газ. «Народная власть» № 98, 4 августа 1918 г.

² Там же.

³ Алексей Петрович Сахаров, левый эсер, видный революционный деятель Терека в 1917—1918 гг., организатор иногороднего и горского крестьянства, секретарь Терского областного комитета советов земледельческих (крестьянских) депутатов, активнейший участник Моздокского и других областных народных съездов, член Терского Народного Совета. Он руководил работой земельной секции областного народного съезда в Пятигорске. Принятие съездом Закона о социализации земли — несомненная заслуга А. П. Сахарова. Именно за это возненавидела его казачья контрреволюция. Многие сделал А. П. Сахаров как комиссар Нальчикского округа и для практического разрешения земельного вопроса, за что его смертельно ненавидели кабардинские князья, помещики.

ланбек Шерипов, Якуб Арсанов, Ахмет Хамзатов, Аббас Гойсумов, Дики Езихаджиев, Массад Ясаев, Ибрагим Черкесов, Чуба Абдулхаджаев, Абдурахман Батукаев, Абубакар Умаров, Ахматуко Тесаев, Гана Чокуев, Мази Ушаев; от ингушской: Гапур Ахриев, Пшемахо Мальсагов, Муса Саутиев;

от кабардинской: Бетал Калмыков, Тембот Ахохов, Лукман Бозиев, Мурат Карданов, Батый Хуранов, Темир-Булат Блаев, Герандуко Лукожев;

от балкарской: Магомет Энев, Юсуф Настуев;

от осетинской: Константин Дигуров, Цомак Гадиев, Харитон Уруймагов, Дзандар Такоев, Михаил Гарданов, Казбек Борукаев, Урусби Зортов, Ахмет Цаликов;

от казаков Сунженского отдела: Блохин, Григорьев;

от рабоче-крестьянско-красноармейской фракции (большевистской): М. С. Мордовцев, Ю. П. Фигатнер, Ф. Х. Булле, С. И. Кавтарадзе, Ф. Е. Махарадзе, А. М. Назаретян, Я. Л. Маркус, Я. П. Бутырин, И. И. Элердов;

от левых эсеров: Ю. Г. Пашковский, М. К. Левандовский, А. А. Андреев, С. И. Иванченко, Данилевич;

от рабоче-крестьянской демократической фракции (правоэсеровско-меньшевистской): П. Берман-Кожаный, Л. Орлов, Мерхалев.

Три последние фракции бывшей единой фракции иногородних представили в общем 17 кандидатов вместо полагающихся 15. На два лишних места претендовала фракция левых эсеров.¹

Впоследствии революционная часть казачества Пятигорского отдела также избрала двух членов Терского Народного Совета, один из них — А. З. Дьяков.

Впоследствии революционная часть казачества Пятигорского отдела также избрала двух членов Терского Народного Совета, один из них — А. З. Дьяков.

Юсуф Настуев.

¹ Съезд на следующем заседании должен был решить этот вопрос, но отчет о том заседании не сохранился, и мы поэтому приводим списки 17 кандидатов всех трех фракций.

Напомним, что осетинская фракция включила в свой список Ахмета Цаликова из отвергнутого списка кандидатов VII осетинского народного съезда.

Ахмет Цаликов, как бывший председатель Всероссийского мусульманского совета и бывший председатель мусульманской социалистической фракции Учредительного собрания, весьма импонировал чечено-ингушской и кабардино-балкарской фракциям. По их инициативе он был избран председателем Терского областного Народного Совета.

После своего формирования Терский Народный Совет должен был избрать Совет Народных Комиссаров и представить его съезду на персональное утверждение.

Но переговоры между фракциями о составе Совнаркома затянулись, а 6 августа на рассвете во Владикавказ ворвались контрреволюционные казачье-осетинские банды полковников Беликова и Соколова. Начались августовские события — бои в городе, продолжавшиеся одиннадцать дней.

Августовские события обнаружили до конца всю подлость и вероломство моздокских главарей казачьей контрреволюции.

Когда казачье-крестьянский совет сочинял резолюцию с приветствием и выражением полного доверия областному народному съезду, — в это именно время план нападения банд полковников Беликова и Соколова на Владикавказ окончательно согласовывался и утверждался в Моздоке. В плане намечалось — избиение красноармейцев, арест главнейших комиссаров и членов Совдепа, расстрел Пашковского, Фигатнера, Егорова и других, список которых был заблаговременно доставлен полковнику Беликову. Обо всем этом стало известно из поразительного по своему цинизму дневника самого полковника.

Характерно, что, по словам Беликова, идея захвата Владикавказа была выдвинута для подъема духа казачества, втянутого в гражданскую войну: «Война затянулась, а энергия казачества начала падать. Нужно было что-то эффектное, чтобы воодушевить. Удар по Владикавказу — по голове большевиков и в ноги им. Там Совдеп, Совнарком, Государственный банк, монетный двор».¹

В преступную авантюру вовлекались большие силы. Для непосредственного удара по Владикавказу намечалось собрать в станциях Архонской, Ардонской, Змейской, в осетинских селениях Ардон,

¹ Мемуары полковника Беликова. Ж. «Революционный Восток» № 6, 1929.

Алагир, Гизель, Хумалаг, Ольгинское и других более двадцати конных и пеших сотен с пулеметами и артиллерией, причем четыре сотни только в осетинских слободках города — Верхне-Осетинской и Владимирской. В самом Владикавказе была подготовлена к восстанию давно созданная полковником Беликовым подпольная организация многочисленного офицерства и самообороны центра города. Вместе с тем четыре казачьи сотни сунженских станиц Тарской, Аки-Юртовской, Сунженской и Фельдмаршальской¹ должны были стать заслоном с севера, за Курской слободкой, отряд селения Ольгинского — на железной дороге, а отряд селения Эльхотова — взорвать мост через Терек и не допустить оказания помощи Владикавказу советскими войсками с Котляревского фронта.

Такая широкая подготовка к захвату Владикавказа не могла быть незамеченной. Военный комиссар Я. П. Бутырин 1 августа предупреждал с трибуны съезда, что, по полученным донесениям, теставицы, которые объявили себя нейтральными — Ардонская и Архонская — готовят силы для нападения на Владикавказ и изгнания отсюда народной власти. Дважды сообщал об этом на съезде и комиссар внутренних дел Ю. П. Фигатнер. В связи, очевидно, с этим в «Терском казаке» три дня подряд публиковалось заявление бичераховского казачье-крестьянского совета, что на Владикавказ казаки наступать не будут.

Меры предосторожности были, конечно, приняты, но нападение контрреволюционных банд все же застало город врасплох. Три сотни казаков под командою полковника Соколова на рассвете проскакали через Владимирскую слободку и по Деревянному мосту беспрепятственно ворвались в центральную часть города. Они устремились, прежде всего, к штабу Красной Армии, к военным зданиям в северном конце Александровского проспекта (ныне проспект Мира). Затем мятежники, при поддержке офицеров и самообороны центральной части города, заняли весь Александровский проспект, захватили почту и телеграф и соединились с отрядом, наступавшим со стороны Верхне-Осетинской слободки.

В здании бывшего окружного суда обосновался штаб полковника Соколова, руководившего всей операцией по захвату Владикавказа. А около помещения штаба и старого здания реального училища, превращенного в казармы красноармейской части, завязался упорный бой. Казаки с ходу ворвались в нижний этаж здания, где спали красноармейцы, захватили винтовки, вывели пленных во двор,

¹ Эти станицы по решению Грозненского областного народного съезда должны быть переселены, а земли их переданы ингушскому народу.

но проникнуть на верхний этаж не смогли: проснувшиеся красноармейцы крепко держали оборону. Они забрасывали казаков бомбами и ручными гранатами; несколько гранат были заброшены даже в окна первого этажа. Воспользовавшись паникой, вызванной взрывами гранат, осажденные выскочили во двор и пробились в новое здание реального училища (ныне сельскохозяйственный институт). Здесь находилась небольшая часть отряда Беленковича и группа китайских бойцов под командованием Пау Ти-сана. Она уже вела бой с контрреволюционной бандой, наступавшей по Московской улице (улица Кирова) и укрывшейся в здании Азовского банка.

Небольшая группа бойцов из отряда Пау Ти-сана поднялась на колокольню Линейной церкви и ружейно-пулеметным огнем уничтожала мятежников. Эти храбрецы держались на колокольне до бегства контрреволюционных банд из города.

В разгаре боя к штабу пробрался живший неподалеку народный комиссар продовольствия И. И. Элердов.

Такой же бой шел около зингеровского магазина-склада, где размещался революционный грузинский отряд А. А. (Саши) Гегечкори.¹

Тем временем контрреволюционные отряды осетин и часть казаков с боями продвигались вверх по левобережной—затеречной части города и к исходу дня захватили всю ее до начала Молоканской слободки.

Ожесточенная стрельба около штаба сразу подняла все войсковые части города и рабочую самооборону Курской и Молоканской слободок. Красноармейцы и самооборона Курской слободки заняли боевые позиции в районе вокзала.

Геройски сражались с контрреволюционными бандами в этот первый день керменисты из отряда К. Кесаева, прибывшего во Владикавказ за несколько дней до этого для охраны IV областного народного съезда. Полковнику Беликову не удалось с ходу овладеть апшеронскими казармами, где находилась небольшая часть бойцов отряда — около полусотни. Керменисты пробились к трамвайному депо и электрической станции и закрепились на позициях около Деревяного моста.

¹ Отряд этот в июне прибыл во Владикавказ из Грузии по Военно-Осетинской дороге. Затем он отправился по Военно-Грузинской дороге на помощь крестьянам Душетского уезда, поднявшим восстание против меньшевистского правительства Грузии. Восстание было подавлено, и отряд отступил во Владикавказ. Здесь он пополнился новыми бойцами и самоотверженно сражался с бичераховскими, а затем с деникинскими бандами. В бою под Бесланом А. А. Гегечкори был тяжело ранен. В первые годы Советской власти в Грузии А. А. Гегечкори был народным комиссаром земледелия.

После полудня, когда еще одна сотня казаков под командованием полковника Савченко направлялась к мосту — на соединение с главными силами полковника Соколова в центре города, керменисты пулеметным огнем отбросили их. Это произвело такое впечатление на контрреволюционные банды, что там началась паника, а сотня полковника Савченко бежала на окраину Владимирской слободки. «Управление отрядами потеряно, ни с кем нет связи, а то, что видимо, — бежит в панике», — записал в своем дневнике полковник Беликов.¹ Но скоро из селения Гизель прискакал отряд во главе с полковником Голиевым, и Беликову удалось собрать свои отряды и восстановить прежнее положение.

А. А. Гегечкори.

Однако керменисты долго еще держали Деревянный мост под пулеметным огнем, не пропуская отряды мятежников в центр города. Только поздно вечером, израсходовав почти все патроны, керменисты отошли вниз по берегу Терека. Но на окраине города они были окружены и захвачены офицерской бандой селения Ольгинского. Лишь немногим из них удалось пробраться на Курскую слободку.

Вследствие внезапности нападения и быстрого захвата значительной части города, в руки контрреволюционных банд попало много советских и партийных работников. Их беспощадно расстреливали, в большинстве случаев не отправляя даже в штаб. Так погибли — один из организаторов партии «Кермен» Николай (Колка) Кесаев, большевики — председатель Совдепа Ф. Г. Камалов, члены Исполкома И. Н. Никитин и Ф. И. Серобабов, заведующий политсектором военного отдела Совдепа С. Я. Шмулевич, председатель Совета профсоюзов Огнев, секретарь Совдепа Чхубиани и многие другие — всего более 100 человек. Командиру революционного грузинского отряда

¹ Мемуары полковника Беликова. Ж. «Революционный Восток» № 6, 1929.

К. С. Кесаев.

А. А. Гегечкори и некоторым другим удалось обмануть задержавших их и скрыться.

Могли погибнуть и народные комиссары, только счастливая случайность спасла их. Областной народный съезд заседал в бывшем кадетском корпусе, на окраине города, за Молоканской слободкой. Там же находилось и общежитие делегатов. Накануне, 5 августа, заседание съезда закончилось около полуночи. Г. К. Орджоникидзе вернулся на вокзал, в свой вагон, где он жил. Уехали в город и народные комиссары. Утром, когда началась стрельба, Я. П. Бутырину, Я. Л. Маркусу, Ю. П. Бутягину, Е. С. Богданову и некоторым другим удалось незамеченными дойти до кадетского корпуса. Ю. Г. Пашковский, Ю. П. Фигатнер, А. А. Андреев и К. Н. Дигуров были задержаны, к счастью, подчиненными бывшего полицмейстера

подполковника Иванова. Иванов привел арестованных к себе на квартиру и отвез на автомобиле в кадетский корпус, где работал IV областной народный съезд. Что побудило подполковника, бывшего полицмейстера поступить так — трудно сказать.¹

В кадетском корпусе собралось большинство народных комиссаров, немедленно был организован штаб обороны города во главе с военным комиссаром Я. П. Бутыриным. В распоряжении штаба были сравнительно небольшие силы: стоявшая в кадетском корпусе красноармейская часть с гаубичной батареей под командованием Ф. С. Тасуя; около сотни керменистов отряда К. Кесаева, самооборона Молоканской слободки под командованием Е. Кувшинова. Эти силы и задержали мятежников у Чугунного моста, а также на Тифлисской

¹ Иванов и К. Н. Дигуров, уроженцы Верхне-Осетинской слободки, еще подростками вместе играли, дружили. К. Н. Дигуров считает, что именно это побудило Иванова спасти его и бывших с ним комиссаров (См. воспоминания К. Н. Дигурова в архиве музея С. М. Кирова и Г. К. Орджоникидзе).

(ныне улица имени Ноя Буачидзе) и других улицах у границы Молоканской слободки. Некоторые красноармейцы катили перед собою бочки с песком и, укрываясь за ними, занимали позиции у Чугунного моста. Гаубичная батарея вела огонь по местам скопления мятежников.

Один из отрядов мятежников обходным путем около Лысой горы проник в небольшой лесок против кадетского корпуса и начал обстреливать его, рассчитывая вызвать панику и захватить съезд и Совнарком. Из делегатов съезда был создан отряд, который очистил лесок от мятежников.

Для бичераховцев главным и решающим был, конечно, фронт на Курской слободке, где в тылу была Ингушетия, а железная дорога связывала Владикавказ с Грозным. Командование мятежников сосредоточило в этом районе самые надежные части. Под натиском их красноармейцы, занимавшие здания штаба, стали отходить к Курской слободке. Здесь, от здания городской больницы вдоль стены военного госпиталя, старой тюрьмы и дальше к берегу Терека была создана крепкая оборонительная линия. К защитникам города присоединились раненые и больные красноармейцы, находившиеся на лечении в госпитале. Был организован штаб обороны Курской слободки во главе с Митяевым. Командовали вооруженными силами на этом фронте солдаты-большевики — заведующий военным отделом Владикавказского Совета С. Мартынов и организатор самообороны Курской слободки П. В. Огурцов.

К вокзалу отошли Грузинский революционный отряд Саши Гегечкори и небольшая группа керменистов. Там стоял бронепоезд Автономова. Он бил из орудий по скоплениям мятежников, по их артиллерии.

Г. К. Орджоникидзе, ночевавший в своем вагоне на вокзале, не имел связи с Совнаркомом и ничего не знал о судьбе IV областного народного съезда. Отход же красноармейских частей, защищавших штаб и привокзальный район, к Курской слободке создавал впечатление, что удержать город нет возможности. К тому же на четвертый день казаки отключили водопроводную линию к железнодорожной водокачке, и бронепоезду пришлось для заправки водой уйти в Беслан. «И вот, — пишет Г. К. Орджоникидзе в докладе Совнаркому РСФСР, — в критическую ночь перед нами стал вопрос об отходе из города».¹

Бронепоезд с бойцами, отступившими к вокзалу, с прицепленным вагоном Г. К. Орджоникидзе, отошел к Беслану.

¹ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. 1, М., 1956, стр. 78.

Таким образом, в руках советских войск оставались лишь две окраинные слободки в противоположных концах города — Молоканская и Курская. По свидетельству Г. К. Орджоникидзе, «если в августовские дни после одиннадцатидневного сражения нам удалось отнять город у казаков обратно, то, главным образом, благодаря этим слободкам».¹

Вместе с красноармейцами и рабочей самообороной самоотверженно сражалось все трудовое население слободок. В своем дневнике полковник Беликов с удивлением писал: «А уж как им помогают куряне: даже женщины и дети таскают им что-то, уносят раненых, уносят под нашим, всю слободку вдоль, поперек и сверху (артиллерия) пронизывающим огнем».²

Чтобы воодушевить свои контрреволюционные банды и деморализовать бойцов Курского фронта, из станицы Тарской был доставлен броневик. Но куряне не дрогнули, а когда броневик застрял на одной из улиц и команда его бежала — они под огнем противника зацепили броневик канатом и перетянули к себе. Рабочие быстро исправили повреждение, нашлись водитель и пулеметчики, и броневик был двинут против мятежников.

Совнарком, руководя обороной Молоканской слободки, в свою очередь, ничего не знал о положении в остальной части города. Поэтому на второй день на совещании Совнаркома с делегатами съезда решено было направить кружным путем через Ингушетию группу народных комиссаров, чтобы установить связь с той частью советских войск, которая отбивала наступление контрреволюционных банд в районе Курской слободки и вокзала.

В Ингушетию выехали Ю. П. Фигатнер, Ю. П. Бутягин, Е. С. Богданов и Гапур Ахриев. Переправившись на конях через Терек, они добрались до Назрани, где к тому времени находился Г. К. Орджоникидзе, приехавший с той же целью — организовать помощь защитникам города.

В ближайшем к Владикавказу селении Базоркино немедленно был созван съезд представителей ингушских аулов. Г. К. Орджоникидзе не пришлось долго разъяснять, какая опасность грозит ингушскому народу в случае захвата Владикавказа казачьей контрреволюцией. Съезд, ни минуты не колеблясь, единодушно заявил, что ингушский народ готов к борьбе.

На помощь защитникам Владикавказа немедленно прибыли ингушские конные отряды. «Ночью я их спешил и повел в бой, — вспоминает И. И. Элердов, — но в условиях уличного боя в городе, да еще

¹ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. 1, М., 1956, стр. 78.

² Мемуары полковника Беликова. Ж. «Революционный Восток» № 6, 1929.

ночью, они не смогли оказать существенной помощи».¹ Ингуши были абсолютно не приспособлены к боям на улицах города, но сам факт вооруженного выступления ингушского народа на стороне Советской власти имел огромное политическое значение. «Мы были уже не одни,— писал Г. К. Орджоникидзе в докладе Совнаркому РСФСР.— Выступили ингуши, этот авангард горских народов, за которыми потянулись, если не активно, то во всяком случае своей симпатией, все остальные горцы».²

На совещании в Назрани Г. К. Орджоникидзе и народные комиссары приняли важное постановление: разрешить ингушскому народу окружить мятежные станицы — Сунженскую и Тарскую, разоружить их и выселить казаков. Таким путем намечалось теперь выполнить постановление III Грозненского областного народного съезда о переселении станиц и передаче их земель ингушскому народу.

С тяжелым сердцем принимали это решение народные комиссары. Внезапное неорганизованное переселение станиц в неподготовленные и даже не выбранные еще места обрекало женщин и детей на большие лишения, разоряло хозяйства казаков. Но иного выхода тогда не было.

Когда ингуши окружили Сунженскую и Тарскую, казаки отряда полковника Рощупкина сейчас же покинули город и бросились спасать свои станицы. Это заметно ослабило силы мятежников.

С бронепоездом из Назрани во Владикавказ прибыли две роты — триста красноармейцев — рабочих Грозного. Как раз накануне нападения банд полковников Соколова и Беликова на Владикавказ военный комиссар Грозного М. К. Левандовский, делегат IV областного народного съезда, выехал в Грозный, чтобы отправить оттуда подкрепление на Котляревско-Прохладненский фронт. По распоряжению Г. К. Орджоникидзе, отряд этот из Назрани был двинут во Владикавказ. Он стал ядром вооруженных сил, которые под командованием М. К. Левандовского начали теснить мятежников в районе Курской слободки и вокзала.

На третий или четвертый день областной народный съезд решил прервать свою работу. Некоторые делегаты уже сражались в рядах защитников Владикавказа. Часть осетинских делегатов направилась в свои селения — поднимать трудящихся на борьбу с контрреволюцией. Все отряды керменистов сразу же были приведены в боевую готовность и сыграли большую роль в разгроме бичераховщины. Основная же часть делегатов, по решению съезда, перебралась через Терек

¹ Гражданская война в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1965, стр. 81.

² Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. I, М., 1956, стр. 78.

и пешком направилась в Ингушетию, в Назрань. Здесь многие также присоединились к отрядам, шедшим на выручку Владикавказу. Остальные организовали в селениях продовольственную и иную помощь Красной Армии.

В разгар боев во Владикавказе правые эсеры и меньшевики завершили дело измены и предательства. С благословения полковника Соколова они собрали в помещении Терского областного Народного Совета 17 настоящих и бывших членов Народного Совета, оставшихся в городе.¹

Объявив, что Совнарком бежал, бросив город на произвол судьбы, предатели провозгласили свое сборище временным Терским областным народным советом и избрали председателем его правого эсера В. Полюхова. Самозванный народный совет в свою очередь образовал временный исполнительный комитет — самозванное правительство Терской республики во главе с правым же эсером И. Семеновым. Кучка авантюристов, называвших себя «народной властью», начала с призыва немедленно прекратить военные действия, то есть капитулировать перед контрреволюционными бандами. Указывалось, что задача «исполнительного комитета» — немедленное водворение мира и порядка в области, необходимого для созыва V областного народного съезда, который и выделит, мол, постоянную народную власть.²

Вторым актом предателей была выдача полковнику Соколову полмиллиона рублей из Государственного банка.

15 августа во Владикавказ приехал Георгий Бичерахов. Он привез с собою шесть тысяч патронов и нового командующего операцией по захвату Владикавказа, генерала Мадритова.

Вечером Бичерахов выступил с большим докладом на заседании «исполнительного комитета». Чтобы снять с себя ответственность за злодеяния, совершенные в городе, Бичерахов сказал, что он лично был против нападения на Владикавказ.

Бичерахов уехал, а во Владикавказе был издан очередной «приказ № 5», в котором исполнительный комитет «волею народной власти» приказывал «воюющим сторонам (подчеркнуто в оригинале. — Д. К.) подчиняться распоряжениям и указаниям народной власти».³

¹ В числе 17, кроме казаков, правых эсеров и меньшевиков, были также 7 чеченцев во главе с Я. Арсановым. Когда после разгрома банд полковника Соколова во Владикавказе возобновил свою работу IV областной народный съезд, чеченцы вернулись на съезд и объяснили свое присутствие на собрании предателей тем, что иначе казаки расстреляли бы их.

² См. Бюллетень газ. «Терский казак» № 5, 16 августа 1918 г.

³ Там же.

А рядом с этим «грозным» приказом опубликована очередная хвастливая сводка о положении в городе, полная, однако, плохо скрытой тревоги. Сообщив, что день 15 августа прошел в общем без перемен, что занятые казаками и осетинами позиции остаются прежними, сводка продолжает: «Красноармейцы небольшими группами в несколько человек (5—10) проскочили сквозь цепи и засели в штабе и в некоторых домах на Московской улице. Выбить же их сразу простым ружейным огнем представляет большие затруднения. Операции эти продолжаются медленно, так как каждое окно приходится брать чуть ли не приступом. Выбивать красноармейцев из домов орудийным огнем командование не находит возможным, дабы сохранить жилища обывателей».¹

Таким образом, командование контрреволюционных сил само признало, что к 15 августа бои шли уже не только на границах Курской и Молоканской слободок, но и в центре города, что отдельные группы красноармейцев проникли на одну из главных улиц, ведущую к вокзалу, и заняли здесь крепкие позиции.

Заканчивалась сводка подбадривающим сообщением о том, что подкрепления подходят ежедневно. «Вчера и сегодня прибыли казаки из станиц Змейской, Ардонской и Николаевской с тяжелыми орудиями, одних крупных снарядов привезено столько, что можно уничтожить весь город...»

Приказ «исполкома» и сводка опубликованы 16 августа, а 17 ночью бичераховские банды с позором уходили из города. Самозванное же правительство на бричках уехало в Моздок.

Полковник Беликов, главный организатор и вдохновитель преступной кровавой авантюры, записал в дневнике: «Ночью из Владикавказа потянулись войска и беженцы с узелочками... Тяжелая была картина... сердце разрывалось».²

Нападение контрреволюционных банд и одиннадцатидневные бои причинили городу неисчислимы бедствия. Как отмечал Совнарком в обращении к населению Владикавказа, «темные инстинкты грабительских банд бушевали все эти трагические дни, и то, что было пощажено снарядами и огнем, предавалось расхищению и ограблению. Сам город в некоторых местах превращен в груды развалин».³ Остро чувствовалась нехватка продовольствия, запасов муки оставалось лишь на два дня.

Когда банды полковника Соколова напали на Владикавказ, го-

¹ Бюллетень газ. «Терский казак» № 5, 16 августа 1918 г.

² Мемуары полковника Беликова. Ж. «Революционный Восток» № 6, 1929.

³ Борьба за Советскую власть в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1957, стр. 115.

родской голова меньшевик Цирульников и некоторые другие муниципальные деятели сразу же переметнулись в стан казачьей контрреволюции. Поэтому Совнарком немедленно объявил о роспуске городской думы, затем была ликвидирована и городская управа. Вся власть и управление городским хозяйством полностью перешли к Совету рабочих и военных депутатов.

Была распущена также самооборона центральной части города, Верхне-Осетинской и Владимирской слободок, «запятнавшая себя участием в преступной аванюре Соколова». Распущен и совет самообороны города.

Газета «Терский казак», официально ставшая органом бичераховцев, была закрыта. Вместо нее стала издаваться газета «Трудовой казак», редактором ее был назначен А. З. Дьяков. Скоро стала выходить также газета «Революционный горец», редактор — Саид Габиев.

На второй день после изгнания бичераховских банд во Владикавказ возвращались делегаты IV областного народного съезда. Они шли с красным знаменем по улицам города, где еще дымились развалины разрушенных, сожженных домов, и пели революционные песни. Съезд возобновил свою работу, но не в кадетском корпусе, а в кинотеатре «Гигант» (ныне «Родина») на Александровском проспекте. Электричества в городе еще не было, зал заседаний едва освещался двумя керосиновыми лампами на столе президиума.

Съезд утвердил новый состав Совнаркома, намеченный фракциями областного Народного Совета еще вечером 5 августа, в канун нападения на город полковника Соколова. Председатель Совнаркома — Ф. Х. Булле; народные комиссары: военный — М. К. Левандовский, земледелия — Ю. Г. Пашковский, финансов — Ф. Е. Махарадзе, внутренних дел — Я. П. Бутырин, продовольствия — И. И. Элердов, промышленности и торговли — В. М. Кесаев,¹ труда и социального обеспечения — А. М. Назаретян, железнодорожного транспорта — инженер И. Базоркин, народного просвещения — Я. Л. Маркус, юстиции — К. Н. Дигуров, государственного контроля — К. К. Борукаев, по национальным делам — А. Шерипов. В состав Совета Народных Комиссаров входили еще Ю. П. Фигатнер и М. С. Мордовцев, а также Б. Калмыков, назначенный по решению Терского Народного Совета

¹ По решению IV областного народного съезда два комиссариата — труда и промышленности и здравоохранения и социального обеспечения — были преобразованы в три комиссариата: промышленности и торговли, труда и социального обеспечения, народного здравоохранения.

В. М. Кесаев приступил к исполнению обязанностей народного комиссара только с 10 октября 1918 года, а до этого обязанности комиссара исполнял проф. И. Г. Есьман.

комиссаром Кабардино-Балкарии. Кроме того, доктор А. П. Орлов временно исполнял обязанности комиссара народного здравоохранения.

Новый Совнарком резко отличался от прежнего, прежде всего, по партийному составу. Теперь в нем было: семь большевиков — Ф. Х. Булле, Ф. Е. Махарадзе, А. М. Назаретян, Я. Л. Маркус, Ю. П. Фигатнер, М. С. Мордовцев, Б. Калмыков; два левых эсера — Ю. Г. Пашковский и М. К. Левандовский; два меньшевика-интернационалиста — Я. П. Бутырин и И. И. Элердов (стали коммунистами в начале 1919 года); два беспартийных социалиста — К. Н. Дигуров и К. К. Борукаев (вступили в РКП(б) в 1919 году); два беспартийных — А. Шерипов (стал коммунистом в январе 1919 г.) и И. Базоркин. Это был по существу большевистский Совнарком.

В новом Совнаркоме впервые посты пяти народных комиссаров заняли представители горских народов. Решено было, что в состав Совнаркома должны войти и представители казачества.

Вечером 20 августа на заключительном заседании съезд принял резолюцию о только что пережитой Владикавказом трагедии:

«Четвертый съезд трудовых народов Терской республики, представленный всеми фракциями съезда, собравшись на чрезвычайное заседание в гор. Владикавказе 20 августа, заявляет гражданам республики, что: преступный мятеж контрреволюционной банды казаков и осетин во Владикавказе раздавлен усилиями доблестных красноармейцев, сынами ингушского народа, славным отрядом партии «Кермен» и других народов; пролитая в гор. Владикавказе и окрестностях невинная братская кровь трудящихся, дымящиеся пепелища и слезы обездоленных всецело и исключительно ложатся на тех казаков, осетин и контрреволюционеров вообще, которые ворвались в город ночью с 5 на 6 августа, начали резать безоружных и мирно спавших красноармейцев и работников Советской власти. Клеймо братоубийцы Каина отныне несмываемым позором будет тяготеть над предателями и врагами трудовых народов Бичераховыми, Ивановыми, Соколовыми, Беликовыми и прочими палачами; легкомысленная и преступная кучка из 17 членов старого и нового Народных Советов, избравшая исполнительный комитет во главе с Полюховым, Семеновым, Кожаным и Мерхалевым, издававшая самовольно приказы от имени всего областного Народного Совета, отпустившая врагу народа казачьему полковнику Соколову полмиллиона народных денег на вооружение контрреволюции, будет судима народным судом военнореволюционного трибунала и понесет заслуженную кару».

Съезд облек вновь избранный Совет Народных Комиссаров чрез-

вычайными полномочиями для беспощадного подавления контрреволюции в области.

Заканчивается резолюция так: «Съезд категорически поручает Совету Народных Комиссаров безотлагательно приступить к созданию сильной, стойкой и верной Советской власти Красной Армии из сынов всех трудовых народов области».¹

Съезд принял также резолюцию об общем положении в Терской области и о задачах, стоящих перед Терским областным Народным Советом и Совнаркомом. Текст этой резолюции, как и протокол заседания съезда, не сохранился. Известно только, что в резолюции провозглашалась «безусловная» Советская власть на Тереке.

1 сентября была опубликована «Декларация Совета Народных Комиссаров Терской Республики», в которой отмечалось, что Совнарком будет неуклонно проводить предначертания IV народного съезда, выраженные в резолюции от 20 августа.

В Декларации указаны положения, которые Совнарком «ставит в основу своей практической работы».

Положения эти полностью отвечали потребностям политической и государственной жизни на Тереке, прежде всего, быстрейшему практическому выполнению Закона о социализации земли. Они были направлены на то, чтобы покончить с остатками старой и дать трудовому казачеству новую организацию, укрепить областную власть и местные советы, укрепить порядок и государственную дисциплину на местах, устранить причины и поводы к постоянным недоразумениям и столкновениям. Они должны были положить конец притязаниям отдельных групп населения иметь свои армии, ликвидировать порядки, при которых каждая станица, каждый аул считали своей неотъемлемой собственностью пулеметы, пушки, минометы, снаряды и прочее вооружение, так или иначе попавшее к ним. В Терской Советской республике отныне должна быть единая Красная Армия из трудящихся всех народов Терской земли, и все оружие и военное снаряжение должны быть государственным достоянием.

К признанию этих положений трудовые народы Терека пришли через очень трудный и исключительный по своему значению полугодовой опыт управления Терским краем народной властью.

Итак, IV областной народный съезд закончил свою работу, и делегаты спешили вернуться к себе домой. Но железная дорога в Прохладной все еще была в руках бичераховцев. Поэтому 117 пятигорских и других делегатов, доехав по железной дороге под охраной бронированного поезда до станции Эльхотово, решили отправиться дальше

¹ Борьба за Советскую власть в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1957, стр. 117.

на подводах — через станицу Змейскую на Нальчик. С ними поехал и народный комиссар земледелия Ю. Г. Пашковский. Предварительно в станицу Змейскую были направлены представители, и казаки заверили, что все делегаты съезда будут пропущены беспрепятственно.

Но казачья контрреволюция и на этот раз проявила вероломство и жестокость. Делегаты были задержаны в Змейской. Бандиты сначала арестовали председателя Кисловодского Совета большевика Д. И. Тюленева, затем был опознан и арестован Ю. Г. Пашковский. Ненависть к народному комиссару земледелия в мятежных станицах была так велика, что бандиты, окружив Ю. Г. Пашковского, в каком-то исступлении кричали: «Ты Пашковский? Да? О господи, сам Пашковский!!»¹

Арестованные Д. И. Тюленев² и Ю. Г. Пашковский³ были выведены в степь и расстреляны. Руководил расстрелом прапорщик Чернойярской станицы Мясоедов.

Один из убийц, подняв винтовку, сказал с усмешкой прапорщику Мясоедову: «Ваня, дадим им земельное равноправие».⁴

Затем были расстреляны комиссар железнодорожного транспорта большевик Степан Долобко и делегат съезда левый эсер Хейфиц, а также случайная спутница делегатов 17-летняя Анна Блюменталь.

Как только во Владикавказе стало известно о злодеянии в станице Змейской, состоялось чрезвычайное совместное заседание Терского Народного Совета и Совнаркома.

«К оружию, товарищи и граждане! — с таким призывом к трудовым народам Терека обратились все фракции Народного Совета — чеченская, ингушская, кабардинская, осетинская, казачья, рабоче-

¹ «Известия Пятигорского Совета» № 134, 3 октября 1918 г.

² Дмитрий Ильич Тюленев родился в 1881 году в Орловской губернии, рабочий. В 1904 году в Екатеринославе вступил в РСДРП. В 1915 переехал в Кисловодск. После Февральской революции активно участвовал в создании большевистской организации. В 1918 году — председатель Кисловодского Совета.

³ Юрий Гаврилович Пашковский, левый эсер, участник революции 1905 года, многие годы провел в тюрьмах. Февральская революция освободила его из ссылки. Вместе с А. П. Сахаровым был организатором иногороднего и горского крестьянства Терека, председателем областного комитета советов земледельческих (крестьянских) депутатов. Участник Моздокского и всех других областных народных съездов, член Терского Народного Совета и Совнаркома всех избраний. Дважды в самое трудное время — после Моздокского съезда и после убийства С. Г. Буачидзе — возглавлял революционное правительство Терека. С удивительной энергией и мужеством, с большим знанием дела взялся Ю. Г. Пашковский за практическое разрешение проблемы всех проблем на Тереке — справедливого распределения земли. За это и расправилась с ним казачья контрреволюция.

⁴ Газ. «Народная власть» № 165, 24 ноября 1918 г.

Товарищи и граждане!

Терский Народный Совет и Совет Народных Комиссаров всей своей деятельностью стремились къ установленію мира въ Терской области. Но враги народа, не желающіе передать землю безземельнымъ горцамъ и крестьянамъ въ отвѣтъ на политику мира подняли черное знамя мятежа противъ трудовыхъ массъ Терской области.

Въ тяжелую минуту, переживаемую революціей въ Терской области, чрезвычайное засѣданіе съ 29 августа Народнаго Совета и Совета Народныхъ Комиссаровъ постановило: призвать всѣхъ, вольныхъ горцевъ, рабочихъ и безземельныхъ крестьянъ, встать какъ одинъ человѣкъ, на борьбу за землю и волю, и сомкнувшими рядами выступить противъ контрреволюціи.

Мы вѣримъ, что вольные горцы, рабочие и безземельное крестьянство, вступятъ въ беспощадную борьбу съ обнаглѣвшей контрреволюціей и во дружатъ знамя мира и братства народовъ Терской области.

Народный Советъ призываетъ и трудовое козачество свергнуть иго своихъ контрреволюціонныхъ верховъ и стать въ ряды борющейся революціонной демократіи края.

Къ оружію, товарищи и граждане!

Да здравствуетъ революціонная борьба за миръ и свободу трудовыхъ массъ Терской области!

Да здравствуетъ Народная власть

Терскій Областной Народный Советъ
Франціи: Чеченская, Ингушская, Кабардинская, Осетинская, Назрань,
Рабоче-Крестьянская и Красно-Армейская

Обращение Терского Народного Совета к трудовым народам Терека.

крестьянская. — Мы верим, что вольные горцы, рабочие и безземельное крестьянство, вступив в беспощадную борьбу с обнаглѣвшей контрреволюціей, водрузят знамя мира и братства народов Терской области».¹

¹Газ. «Народная власть» № 100, 1 ноября 1918 г.

СТОДНЕВНЫЕ БОИ В ГРОЗНОМ

Своей беззаветной преданностью Советской власти, своей героической трехмесячной борьбой против контрреволюционных банд вы показали вашу несокрушимую силу и мощь героев Рабоче-Крестьянской России... Российская Красная Армия золотыми буквами внесет в свою славную историю своих братьев грозненских красноармейцев.

Г. К. Орджоникидзе.

В планах бичераховцев несомненно намечался захват и Грозного. В дневнике полковника Беликова есть такая запись о его «частных задачах» при нападении на Владикавказ: «...Формирование добровольческих частей для продолжения борьбы с большевиками (в план входил Грозный)».

В конце июня обстановка в районе Грозного была такова, что Грозненский исполком решил разоружить непосредственно примыкавшую к городу казачью станицу Грозненскую. По словам Н. Ф. Гикало, командовавшего в то время всеми вооруженными силами Грозного, «было совершенно очевидно, что если не обезоружить станицу, она вместе с другими контрреволюционными силами не нынче — завтра восстанет... И если время будет упущено, на помощь Грозненской станице будут переброшены еще силы».¹

Все же время в некотором отношении было упущено. Грозненский исполком только вечером 10 августа предъявил станице ультиматум о сдаче оружия. Казаки отказались выполнить это требование, заявив, однако, что они не примут участия в общем казачьем восстании. Утром 11 августа начался штурм станицы.

¹ Грозный (с 11 августа по ноябрь 1918 г.). Запись беседы с Н. Ф. Гикало в 1921 году. Архив автора.

По свидетельству Н. Ф. Гикало, первые атаки на станицу были неудачными — вследствие неопытности красноармейцев. Очень скоро выяснилось, что и численный перевес на стороне казаков. Накануне предъявления ультиматума Грозный отправил две роты на помощь Владикавказу. В городе осталось около тысячи красноармейцев. Примерно столько же бойцов выставили самооборонческие участки города. Казаков же, осаждавших Грозный, насчитывалось от трех до пяти тысяч, а когда прибыл пластунский полк из Прохладной и казаки станицы Червленной — число их дошло до восьми тысяч. Так вот и случилось, что Грозный оказался в положении не нападающего, а осажденного. Город был окружен казаками. Оставался единственный открытый путь — в сторону Чечни. А там, в ближайшем селении Алды, господствовал контрреволюционный Атагинский совет во главе с злейшим врагом Советской власти Ибрагимом Чуликовым.

Грозный имел 24 орудия, в том числе четыре старые поршневые пушки. Запас снарядов скоро был почти весь израсходован. А казаки имели 32 пушки, много снарядов, большое количество пулеметов и несколько бомбометов. Бомб они не жалели, имея в запасе более ста тысяч. В некоторые дни казаки обрушивали на город до тысячи бомб.

Положение было неимоверно трудное. Но рабочие Грозного твердо решили отстоять свой город. Они сами делали порох, патроны, гранаты, бомбометы, чинили винтовки, пулеметы, орудия; сами построили бронепоезд; на фронте протяжением в несколько километров соорудили блиндажи, пулеметные гнезда и другие оборонительные укрепления. Все население было поголовно мобилизовано. Из буржуев составили рабочую роту, которая вынуждена была рыть окопы нередко под выстрелами казаков.

В тылу Грозного были не только враждебные ему чеченские селения, послушные Атагинскому совету. Здесь была и революционная Чечня, руководимая Гойтинским народным Советом. Чеченская конница — два отряда Красной Армии под командованием Асланбека Шерипова прикрывала оба фланга защитников города. Один отряд чеченцев охранял Ханкальское ущелье, по которому проходил путь из Грозного в Чечню. Гойтинский народный Совет помогал заготавливать и доставлять продовольствие для осажденного Грозного. В ауле Гойты находилась «контора» А. Падерина и А. Ф. Носова, скупавшая патроны и даже снаряды к поршневым пушкам, в свое время захваченные чеченцами при взятии крепости Ведено.

У бичераховцев была договоренность с чеченской контрреволюцией о совместных действиях. Атагинский совет снабжал казаков продовольствием, а когда казаки были разбиты грозненцами, селение Алды укрыло у себя главарей бичераховских банд. Но на более актив-

ные действия Ибрагим Чуликов и его совет не решались, опасаясь развязывания гражданской войны в самой Чечне.

Сто дней непрерывного боя были полны бесчисленными примерами легендарной доблести и героизма не только отдельных бойцов и воинских частей, но и женщин, детей. Вот один из таких примеров. Чтобы занять вокзал, решено было навести понтонные мосты через Сунжу. Казаки, очевидно, узнали об этом. Они сколотили несколько плотов около нефтяных заводов, у моста, поставили на них бочки с нефтью и паклей, подожгли и пустили вниз по Сунже, рассчитывая сжечь понтонны. Однако замысел казаков не удался: женщины и подростки вместе с красноармейцами бросились растаскивать прямо руками пылающие плоты и спускать их дальше по Сунже. Многие получили при этом сильные ожоги.

А бронепоезд «Борец за власть и свободу трудового народа» переименован потом за свое героическое участие в грозненских боях в «Грозный»! По словам Н. Ф. Гикало, во всей гражданской войне не было более славного и доблестного бронегероя, чем команда этого поезда. Он был построен из товарных вагонов и платформ, а броню рабочие изготовили из котельного железа. Поезд врывался в самую гущу врагов, расстреливая их в упор. Командир бронепоезда бывший матрос Ф. Я. Воликов был вскоре убит. За короткий срок были убиты один за другим еще два командира. В январе 1919 года «Грозный» погиб так же героически, как героически сражался: он шел с эшелоном грозненских рабочих на помощь Владикавказу, в Беслане был окружен наступающими деникинскими войсками, и команда, чтобы не отдать поезд врагам, сама взорвала его.

Особой дисциплиной и стойкостью отличался «Пролетарский батальон» из рабочих Старых нефтяных промыслов. Командовал им В. Е. Михайлюк. Батальон занимал оборону на участке фронта против Старых промыслов. По ночам рабочие промыслов небольшими группами пробирались через казачьи цепи и присоединялись к батальону.

Самое, пожалуй, примечательное было то, что вместе с грозненцами сражались сотни две казаков — «летучий отряд» под командой хорунжего или подъесаула, фамилию которого никто не может вспомнить. Это был человек изумительной храбрости и хладнокровия. Он спокойно, под выстрелами противника ходил по фронту. «Летучий отряд» не имел коней и «летал» на собственных ногах, но бил врага с чрезвычайным ожесточением. Недаром бичераховцы называли бойцов «летучего отряда» красными дьяволами.

Фронт был разделен на три участка, которыми командовали П. Маслов, Г. Федоров и П. Григорьянц.

Казаки не раз пытались сильнейшими атаками прорвать оборону то на одном, то на другом участке. В середине сентября, когда на подмогу бичераховцам прибыл пластунский полк, они стянули на одном из участков фронта более тысячи человек и прорвали первую линию обороны у завода «Молот». Но оборона здесь была так построена, что прошедшие первую линию, попадали под уничтожающий огонь бойцов второй линии. Оставив на поле боя сотни убитых и раненых, казаки в беспорядке отступили.

Терский Совнарком не мог в первое время оказать Грозному какой-либо реальной помощи. В районе Владикавказа было очень тревожно. Предстояло разоружить такие крупные очаги контрреволюционного мятежа, как станицы Архонская и Ардонская, где находился штаб полковника Данильченко — командующего Владикавказским участком бичераховского фронта, а сил у Совнаркома было не так уж много. Единственно, что пока мог сделать Г. К. Орджоникидзе, это отправить в Грозный с делегатом IV областного народного съезда Севастьяном Ивановичем Тымчуком, председателем Грозненского горкома РКП(б) миллион рублей николаевскими деньгами. С. И. Тымчук через Ингушетию и Чечню добрался до Грозного и сдал свой миллион. Это было весьма кстати: «конторе» Падерина и Носова приходилось платить спекулянтам по пяти рублей за патрон, по сто рублей за снаряд, по триста рублей за винтовку. И хотя Грозненский Совет принудительно изъясил у буржуазии, у зажиточных слоев населения полтора миллиона рублей, денег для обороны города все же не хватало.

Помощь Грозному пришла оттуда, откуда ее собственно не ожидали — из казачьих станиц Сунженской линии. После позорного провала авантюры полковников Беликова и Соколова бичераховцы энергично взялись за вовлечение в гражданскую войну станиц Сунженского отдела. Однако объявленная ими здесь мобилизация не дала ничего. Еще на Пятигорском областном народном съезде и позже на VII войсковом круге делегаты сунженских станиц решительно высказались за безоговорочное признание Советской власти, за ликвидацию старой обособленной войсковой организации казачества, за полное слияние казачества с иногородним населением. Горькая судьба трех мятежных станиц — Сунженской, Тарской и Аки-Юртовской¹ убедила в правильности этой позиции и тех, кто еще колебал-

¹ После изгнания банд полковников Соколова и Беликова из Владикавказа эти мятежные станицы были разоружены, жители их выселены. В соответствии с постановлением III областного народного съезда станицы эти со всеми земельными угодиями были затем переданы ингушскому народу.

ся. Только старшее поколение казаков еще шло с офицерами, станичным кулачем, с идеологами казачьей автономии.

Поняв, что антисоветской пропагандой и клеветой ничего добиться нельзя, бичераховцы решили сломить революционные силы в сунженских станицах террором. Начали они с Михайловской станицы — единственной, которая после Пятигорского съезда уравнила казаков и иногородних в правах на землю и осуществила у себя Закон о социализации земли. Там была революционная группа, созданная учителем И. И. Раздорским. Станичное кулачье и офицеры арестовали часть этой группы и увезли в станицу Грозненскую, где И. И. Раздорского, учительницу Раздорскую и А. А. Кутулова расстреляли, а Н. Г. Пелевина и комиссара Серноводского курорта Воронина отправили в Моздокскую тюрьму.

Обо всем этом рассказали председателю казачьей фракции Терского областного народного Совета А. З. Дьякову бежавшие из станицы Михайловской участники революционной группы. А. З. Дьяков доложил об этом военному комиссару М. К. Левандовскому, а затем Г. К. Орджоникидзе.

— Вот где наши резервы для грозненцев! — радостно воскликнул Г. К. Орджоникидзе.

Так возникла идея создать из сунженцев первую на Тереке казачью Красную Армию.

А. З. Дьяков и товарищи, бежавшие из Михайловской станицы, отправились на Сунжу, захватив с собою 20 тысяч экземпляров воззвания казачьей фракции Народного Совета к сунженским казакам. Они доехали на паровозе до станции Плиево, откуда ночью добрались до станицы Карабулакской и в ту же ночь договорились с группой фронтовиков о плане действий. Утром, это было 2 сентября, по звону церковного колокола собрался станичный сход, на котором был сделан небольшой доклад об отношении станицы к Советской власти и к войне бичераховцев с Грозным. Предварительно казакам было роздано воззвание казачьей фракции областного Народного Совета.

В единодушно принятой резолюции сход подтвердил, что станица Карабулакская признает центральную Советскую власть и Терский Народный Совет, осуждает войну с грозненскими рабочими, как контрреволюционную, и примет все меры к ее ликвидации. Для защиты Советской власти было решено организовать красноармейский отряд на добровольных началах. Здесь же был избран ревком для управления станицей, которому поручено было провести выборы станичного Совета.

Сейчас же началась запись добровольцев в красноармейский отряд и к вечеру записалось до 300 казаков и иногородних. В станице

были две пушки и два пулемета, много снарядов и патронов. В своей интересной книге «Борьба сунженских казаков за Советскую власть в 1918—1920 годах», откуда мы черпаем эти сведения, А. З. Дьяков пишет: «Этот небольшой, но хорошо вооруженный карабулакский отряд явился зародышем будущего семитысячного советского отряда Сунженской линии, который участвовал в боях до окончательного разгрома контрреволюции на Тереке».

Такие же сходы были проведены в станицах Ассиновской, Нестеровской и Троицкой, и все они приняли такое же решение. В самой большой и богатой станице Слепцовой офицеры не допустили созыва схода. В Михайловской же началась открытая вооруженная борьба между кулацко-офицерской частью станицы и революционной. Здесь возник настоящий фронт, станицу перерезала линия окопов. Контрреволюционные силы станицы поддерживал бронепоезд бичераховцев, и фронтовикам пришлось покинуть станицу. Михайловский отряд — более 500 бойцов под командованием Ф. П. Рухлина — стал потом самым боевым в армии сунженских казаков.

Командование бичераховскими силами под Грозным поспешило созвать в Серноводске съезд бывших фронтовиков сунженских станиц. Оно рассчитывало с помощью нескольких сотен надежных казаков из Слепцовой, Самашкинской и Михайловской навязать съезду решение об участии в войне против Грозного. В качестве «главноуправляющего», певца «свободы и независимости казачества» прибыл на съезд, как посланец Моздокского «правительства», все тот же Фальчиков.

Но замысел бичераховцев не удался. Фальчикову не пришлось долго говорить, инициативу взяли в свои руки представители революционного казачества.

И. Г. Леонидов, возглавлявший две сотни фронтовиков Нестеровской станицы, сказал, обращаясь к офицерам:

— Зачем толкаете нас на войну с рабочими? Мы еще не добились мирной жизни с соседями-горцами, а вы толкаете нас на войну с русскими.

А один из активистов предложил потребовать от бичераховского командования немедленно прекратить войну с рабочими Грозного и распустить казаков по домам для уборки хлеба. Предложение это, встреченное шумными одобрительными возгласами, не голосовалось, съезд разъехался, вообще не приняв никаких решений.

— А вы, господа офицеры, если не прекратите войну с Грозным, пеняйте на себя! — крикнул в заключение И. Г. Леонидов.

На этом съезд и закончился.

Вслед за тем на совещании широкого актива фронтовиков был

создан Военно-революционный совет — орган Советской власти на Сунже, и тем самым свергнут Сунженский отдельский народный совет, руководители которого помогали полковнику Рощупкину в организации нападения на Владикавказ. Председателем Военно-революционного совета стал А. З. Дьяков, его заместителем — Г. Г. Куликов. Общее командование «советскими войсками Сунженской линии», как решили именовать созданную здесь Красную Армию, было возложено на председателя Военно-революционного совета.

А в войсках этих насчитывалось уже четыре тысячи хорошо вооруженных красных советских казаков, имелись пулеметы, бомбометы, десять орудий, достаточно снарядов и патронов. Нашлись и походные кухни, санитарные повозки, телефонные аппараты. Красная Армия Сунжи состояла

А. З. Дьяков.

из станичных отрядов, при чем каждый отряд имел несколько конных и пеших сотен, артиллерийский взвод, пулеметную команду, команду связи и т. д. Вот когда пригодились вековые навыки казачества к постоянной мобилизационной готовности, к быстрому развертыванию своих вооруженных сил! Благодаря этому А. З. Дьякову и его товарищам удалось за какие-нибудь десять дней блестяще выполнить задание Совнаркома. В тылу бичераховских банд, осаждавших Грозный, появилась действительно грозная сила — казачья Красная Армия.

11 сентября А. З. Дьяков вернулся во Владикавказ и доложил обо всем Совнаркому. По предложению Г. К. Орджоникидзе его тут же утвердили командующим советскими войсками Сунженской линии с заданием: ликвидировать контрреволюционный фронт под Грозным, восстановить железную дорогу между Грозным и станцией Плиево, после разгрома белоказачьего фронта распустить всех казаков по домам для окончания уборки урожая.

На бронепоезде Автономова А. З. Дьяков немедленно выехал на Сунженскую линию.

На том же бронепоезде были отправлены и две роты красноармейцев-рабочих Грозного под командою Д. Поверенного, которые в самый критический момент пришли на помощь Владикавказу. Теперь они в авангарде сунженской Красной Армии с боями пробивались к родному Грозному.

А бичераховскому командованию для укрепления верных ему станиц Слепцовой, Михайловской и Самашкинской пришлось снять с фронта казаков этих станиц, пулеметы, орудия. Уже это было большим облегчением для Грозного.

Советские войска на Сунже перешли в наступление и 17 сентября после ожесточенного боя заняли станицу Слепцовскую, на другой день — Михайловскую и курорт Серноводск. Однако предпринятое через некоторое время наступление на станицу Самашкинскую было неудачным. А на пути к Грозному были еще станицы Заканюртовская и Ермолдовская.

Но к тому времени положение в районе Владикавказа настолько улучшилось, что Совнарком усилил Красную Армию на Сунже несколькими боевыми соединениями. Знаменательно, что туда прибыл отряд осетин из селения Хумалаг и два отряда чеченской Красной Армии. Так на знаменитой Сунженской линии, в течение ста лет как бы олицетворявшей историческую горско-казачью вражду, теперь установилось братство по оружию революционного казачества с горскими народами.

Другое знаменательное явление, что именно на Сунженской линии в эти дни возникла первая среди Терского казачества партийная организация. А. З. Дьяков рассказывает: «На Сунже был только один член Коммунистической партии т. Ядыкин, но было много людей, сочувствующих партии. Таких людей казаки называли просто большевиками. Мы написали Г. К. Орджоникидзе, чтобы нам прислали члена партии с организаторским опытом для руководства политической работой на Сунже. Серго через нашего курьера ответил, что «сейчас каждый член партии на счету и выполняет ответственное политическое задание. Поэтому никого мы на Сунжу не пошлем, вы сами сумеете справиться, как справлялись до сих пор».¹

Вот так 1 октября на Сунже оформилась партийная организация большевиков. Первым в партию вступил командующий Сунженской Красной Армией А. З. Дьяков.

¹ А. З. Дьяков. Борьба сунженских казаков за Советскую власть в 1918—1920 годах. Грозный, 1957, стр. 37.

В конце октября в Грозный через Ингушетию горными тропами пробрались Г. К. Орджоникидзе и военный комиссар М. К. Левандовский. Неожиданный приезд их чрезвычайно обрадовал и воодушевил грозненцев, почти три месяца отрезанных от всей области.

Скромно умалчивая о себе, Г. К. Орджоникидзе пишет в докладе Совнаркому РСФСР: «Организатор грозненской Красной Армии, любимый командир, неустрашимый тов. Левандовский сразу вселил дух победы в товарищей и совместно с тов. Гикало, охранявшим город в продолжение трех месяцев, выработал план наступления на станцию».¹ По этому плану наступление на бичераховцев намечалось начать 9 ноября одновременно и со стороны Грозного и со стороны Сунжи.

Затем также неожиданно Г. К. Орджоникидзе приехал на сунженский фронт, в станицу Михайловскую, чтобы 7 ноября поздравить сунженцев с первой годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. Около тысячи фронтовиков из всех станиц и воинских частей съехались для встречи с Чрезвычайным комиссаром.

Речь Г. К. Орджоникидзе на торжественном митинге произвела огромное впечатление, взволновала всех. От имени центрального Советского правительства и партии большевиков он вручил сунженским войскам Красное знамя — за героическую борьбу с врагами Советской власти.

Ровно в 12 часов ночи 9 ноября началось генеральное сражение на грозненском и сунженском фронтах. В тот же день была занята Самашкинская станица, затем Зakanюртовская, а 11 ноября — Ермоловская. В это же время грозненцы после кровопролитной битвы 11 ноября захватили вокзал и ворвались в станицу Грозненскую. Бичераховские банды, бросая пушки и пулеметы, бежали в сторону Ермоловской станицы, где сунженские войска уже громили белоказаков. А 12 ноября на склоне Ермоловской горы произошла долгожданная радостная встреча бойцов Грозного и сунженской Красной Армии.

В радиোগрамме В. И. Ленину Г. К. Орджоникидзе сообщил: «...Сегодня (14 ноября) утром из Владикавказа в Грозный прибыл наш бронированный поезд. Нами было взято девять орудий, два бронированных поезда, бронированный автомобиль, 1000 снарядов, масса винтовок, патронов, 12 пулеметов, бомбометов, минометов, зарядных ящиков, перевязочных материалов и прочее военное имущество, количество которого продолжаем выяснять. Среди казаков полное разложение. Полковник, руководивший операциями контрреволюционных банд, застрелился. Другие офицеры бежали. Трудовое казаче-

¹ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. 1, М., 1956, стр. 52.

ство встречало советские войска с красным знаменем и хлебом с солью. Среди терского казачества решительный перелом...»¹

Так закончились беспримерные стодневные бои в Грозном. Совет Народных Комиссаров Терской социалистической республики горячо приветствовал грозненских рабочих, красноармейцев и революционное казачество Сунженской линии с блестящей победой над врагами трудовых народов. «Вашей самоотверженной стойкостью, вашей беспредельной преданностью делу рабочего класса, вашей титанической трехмесячной борьбой с казачьими генералами, полковниками и их офицерскими бандами, вашим революционным мужеством и терпением, товарищи грозненские рабочие, красноармейцы и революционное казачество Сунженской линии, восхищаются все трудящиеся», — писал Совнарком в приветственной телеграмме.¹

С пламенным воззванием к героям Грозного обратился и Чрезвычайный комиссар Г. К. Орджоникидзе.

По представлению Г. К. Орджоникидзе, главнокомандующий вооруженными силами Грозного, руководитель героической обороны пролетарской крепости Терека Николай Федорович Гикало был награжден орденом Красного Знамени. На Тереке он был первым удостоен этой высокой боевой награды. А в феврале 1924 года «за героическое участие в вооруженной борьбе против южнорусской контрреволюции в 1918—1920 годах» и за работу по восстановлению грозненской нефтяной промышленности орденом Красного Знамени был награжден и пролетариат Грозного.

¹ Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии (1917—1920 гг.). Грозный, 1958, стр. 158.

² Там же.

РАЗГРОМ БИЧЕРАХОВЩИНЫ

Но ты меня спас и свободу вернул,
Ты вынес меня из пожарищ,
И каждый тебе благодарен аул,
О друг мой, о русский товарищ!

И если я страшен врагам вековым,
И если дышу я свободно,
То это я детям обязан твоим,
О русский народ благородный!

Расул Гамзатов.

Наращивая и укрепляя силы Красной Армии для разгрома бичераховщины, Терский Совнарком и Чрезвычайный комиссар решительно отделяли организаторов и главарей контрреволюции от трудовых масс, втянутых в восстание против Советской власти. Это особенно важно было именно на Тереке, где искусственно раздуваемые национальная рознь и вражда, религиозный фанатизм, своеобразие бытовых пережитков, родственные отношения — все использовалось, чтобы затемнить классовое сознание трудовых масс и вовлечь их в преступную авантюру. Совнарком разрешил, например, казакам Кисловодской станицы, втянутым полковником Шкуро в свою банду и бежавшим потом в горы, мирно вернуться в родную станицу. Г. К. Орджоникидзе отклонил требование грозненской Красной Армии разгромить контрреволюционное чеченское селение Алды. «Я категорически приказал, — пишет Г. К. Орджоникидзе в своем докладе Совнаркому РСФСР, — не принимать никаких репрессивных мер против Алды, дабы избежать вовлечения трудового чеченского народа в невыгодную для него войну. И здесь и повсюду я предупреждал красноармейцев, чтобы они были осторожны в отношении горцев, дабы не создавать почвы для провокации».¹

¹ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. 1, М., 1956, стр. 61.

Такой же политики Терский Совнарком твердо придерживался и в Осетии. Глубоко понимая трагедию ряда осетинских селений, жители которых были втянуты в контрреволюционную авантюру полковников Беликова и Соколова, Совнарком не предпринимал против них боевых действий, оставляя открытыми пути для примирения и возврата к нормальной жизни.

Провал преступной попытки захватить Владикавказ означал крах надежд и планов осетинской контрреволюции. Но и после этого осетинское офицерство, сельское кулачье и другие реакционные силы, тесно связанные с казачьей контрреволюцией, не сложили оружия. Реакционный осетинский (окружной) народный совет спешно созвал в Ардоне VIII чрезвычайный съезд Осетии. На съезд прибыли делегаты, главным образом, из селений, так или иначе причастных к восстанию против Советской власти.

По предложению Г. К. Орджоникидзе, в Ардоне побывал Васо (Иосиф Исидорович) Элердов. Смелый, бесстрашный человек, он был уверен, что в Ардоне не посмеют расправиться с ним. И действительно, благополучно вернулся во Владикавказ.

В Ардоне И. И. Элердов узнал, что на съезде выступал полковник Соколов. Он говорил о том, что англичане взяли Баку и предлагают Осетинскому национальному совету 50 тысяч рублей золотом на организацию вооруженных отрядов для борьбы против большевиков и Советской власти. Соколову и на этот раз удалось увлечь за собой значительную часть съезда. VIII съезд Осетии объявил войну большевикам и Советской власти.

Но эти очень тревожные дни показали и то, что, по выражению Г. А. Цаголова, «не иссяк еще порох в революционных пороховницах славного «Кермена».¹ Коммунистическая партийная организация созвала 25 августа в селении Христиановском съезд районных комитетов партии Дигории. Съезд выделил из своего состава для руководства работой Военно-революционный совет осетинской организации «Кермен» РКП(б) во главе с Г. А. Цаголовым. Мотивировалось это оторванностью от ЦК «Кермен», находившегося во Владикавказе. «Кругом так и чувствовался плеск волн контрреволюции,— писал в своем отчете Г. А. Цаголов. — Усилиями революционной демократии, группировавшейся вокруг Военно-революционного совета, черные волны отметались».²

Селение Христиановское становится вторым политическим цент-

¹ Борьба за Советскую власть в Северной Осетии. Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1957, стр. 135.

² Там же, стр. 132.

ром Осетии. Если вокруг Ардона, где находился реакционный Осетинский (окружной) народный совет, группировались контрреволюционные силы Осетии, то к селению Христиановскому тянулись все революционные силы — и не только Осетии!

«К революционному сердцу Дигории — Военно-революционному совету, — писал Г. А. Цаголов, — поспешно прибывают представители трудящихся то Большой Кабарды, то Ардона, то из Куртатинского ущелья и др. мест. Военно-революционный совет к одним посылает своих представителей, другим дает инструкции революционной работы и борьбы и, наконец, третьим посылает свои отряды».¹

В селение Христиановское отступила часть красных казаков из станицы Николаевской.

9 сентября Военно-революционный совет «Кермена» созвал первый народный съезд Дигории. Съезд отметил, что контрреволюционные элементы в союзе с уголовными преступниками продолжают свое темное дело, силясь втянуть в свои сети бессознательные группы. «Кто искренно хочет, — говорится в резолюции съезда, — чтобы Осетия оставалась неотъемлемой частью Российской Федеративной Республики, тот должен признать Советскую власть и поддерживать ее всеми силами».²

Большую работу в массах керменисты проводили не только в Дигории, но и в других частях Осетии.

Уже 11 сентября в Ардоне был созван и до 15 сентября работал IX народный съезд Осетии. Он отменил все решения VIII съезда, как «неправомочного по своей малочисленности». Съезд клеймил позором лиц, организовавших преступное нападение на Владикавказ. «Осетинский народ, — говорится в резолюции, — оставаясь в полном единении с трудовой демократией России, признает существующую в Терской области Советскую власть и обещает поддерживать ее всеми силами до тех пор, пока эта власть будет стоять на страже революции».³

IX съезд принял также решение о формировании народной армии для поддержания областной власти. Избранный на съезде Осетинский (окружной) народный совет поручил генералу А. Фидарову формирование народной армии и назначил его командующим вооруженными силами Осетии.

Полковник Беликов по-своему отметил этот факт в своем дневнике: «Осетинский национальный совет избрал генерала Фидарова

¹ Борьба за Советскую власть в Северной Осетии. Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1957, стр. 133.

² Там же, стр. 123.

³ Там же, стр. 120—121.

диктатором и он издал приказ — громы и молнии на «кучку авантюристов, вовлекших несчастный осетинский народ в беду».¹

Гражданская война в Осетии еще не закончилась, еще не были ликвидированы такие опасные очаги контрреволюции, как казачьи станицы Архонская и Ардонская, еще действовал крупный вооруженный отряд полковника Кибирова и мелкие офицерские банды. Но провал преступной попытки захватить Владикавказ в известной мере деморализовал реакционные силы Осетии. Активность их резко пала, они отступили и даже стали маскироваться под признание Советской власти. Поэтому-то так быстро смог собраться IX съезд Осетии.

О таком именно маневрировании реакционных сил Осетии заявил в своем отчетном докладе на закрытом заседании казачье-крестьянского съезда в Моздоке Г. Бичерахов: «Осетинский народный съезд признал власть большевиков. Нам представители Осетии говорили, что такое постановление вынесено с дипломатической целью, чтобы ввести свои семьи во Владикавказ² и, пока не организуются, поддерживать физическое существование. Не могу умолчать, что между Осетинским народным советом и нами существует определенное соглашение, в котором осетины гарантируют, что над станицами Владикавказской линии они не допустят насилия...».³

Это, конечно, обычное для Г. Бичерахова бахвальство. Если у главарей казачьей контрреволюции и было тайное соглашение, то отнюдь не с Осетинским народным советом, а лишь с главарями его правого крыла.

Военно-революционный совет «Кермена» принял меры против происков реакции. В Ардоне была укреплена партийная организация «Кермен», в селении был размещен вооруженный отряд керменистов. А когда в Осетинском народном совете керменисты поставили вопрос о разоружении мятежных казачьих станиц той самой Владикавказской линии — Архонской и Ардонской, правое крыло не выдержало, часть членов ушла из совета и даже скрылась из Ардона. Немедленно приехавший из Владикавказа член Терского областного Народного Совета и окружного Осетинского совета Цомак Гадиев созвал засе-

¹ Прямых документальных данных о назначении генерала Фидарова командующим вооруженными силами Осетии нет. Но это подтверждает делегат IV областного народного съезда Козюра в докладе на заседании Пятигорского окружного исполкома 29 сентября («Известия Пятигорского Совета» № 134, 3 октября 1918 г.).

² Речь идет о возвращении в Верхне-Осетинскую и Владимирскую слободки Владикавказа бежавших оттуда жителей, причастных к авантюре полковников Беликова и Соколова. Терский Народный Совет, Совнарком и Владикавказский Совет сделали все, чтобы жители осетинских слободок могли вернуться в свои дома, к мирной жизни.

³ Отчет чрезвычайного казачье-крестьянского съезда Терской области. Моздок, 1918, стр. 42.

дание оставшихся депутатов, которое избрало новый президиум совета: председателем Ц. Гадиева,¹ секретарем — Уртаева. Ардонский комитет «Кермена» и его вооруженный отряд заявили о «всемерной поддержке левого сектора совета, открыто ведущего борьбу за Советскую власть в контакте с партией «Кермен».²

А 18 ноября в Осетинский народный совет явились делегаты Архонской и Ардонской казачьих станиц и заявили, что предоставляют все свои силы в распоряжение областной Советской власти.

Военно-революционный совет «Кермена» — «часовой Октябрьской Революции в Осетии», как метко назвал его Георгий Цаголов, оказал большую помощь трудящимся соседней братской Кабарды в борьбе за Советскую власть.

События в Кабардино-Балкарии развернулись совсем не так, как у других горских народов. Когда 31 июля был злодейски убит областной комиссар А. П. Сахаров, ни Бетала Калмыкова, ни других руководителей кабардинского и балкарского народов не было в Нальчике, они находились во Владикавказе, на IV областном народном съезде. Воспользовавшись этим, буржуазные националисты, кулаки, влиятельные эфенди и муллы подняли знамя шариата и под лозунгом «Свободная Кабарда» развернули кампанию за нейтралитет, за неучастие Кабардино-Балкарии в гражданской войне. Им удалось

М. Ю. Гадиев.

¹ Цомак (Михаил Юрьевич) Гадиев родился в 1882 году в маленьком горном селении Нижний Ганис Душетского уезда. Отец его — бедняк, сельский дьячок, поэт-самоучка Сека Гадиев. Цомак окончил Ставропольскую духовную семинарию, учился в Юрьеве-Дерптском университете. В 1907 году был арестован и сослан в Сибирь на вечное поселение. Февральская революция освободила Ц. Гадиева из ссылки; он вернулся в Осетию, был членом Терского Народного Совета, заместителем комиссара народного просвещения. В 1919 году вступил в РКП(б).

² Газ. «Народная власть» № 164, 23 ноября 1918 г.

Н. А. Катханов.

нова буржуазные националисты, организовал большой отряд. К нему стекались крестьяне со всей Кабарды и Балкарии. У отряда не было оружия и военного опыта, и он обратился за помощью к Военно-революционному совету «Кермена». Был заключен официальный договор о совместной борьбе за Советскую власть. Во исполнение этого договора отряд в полторы сотни керменистов под командованием С. Тавасиева направился в Кабарду и вместе с отрядами кабардинцев 18 сентября разогнал в Нальчике контрреволюционный окружной национальный совет и восстановил Советскую власть, организовав «Шариатский военно-революционный совет».

Керменисты и с ними значительная часть шариатского отряда на-

¹ Назир Адильгиреевич Катханов — командующий революционными войсками Кабардино-Балкарии в борьбе с бичераховщиной. Позже занимал ряд ответственных должностей в Кабардино-Балкарии, был представителем Кабардино-Балкарии при Президиуме ВЦИК, затем при ВСНХ СССР.

овладеть большинством в окружном народном совете, отстранить его большевистское руководство и провести на пост председателя совета буржуазного националиста Т. Шакманова. Они организовали также Кабардинский шариатский национальный совет под председательством того же Т. Шакманова. Наконец, была создана партия «Свободная Кабарда», председателем ее стал князь Заурбек Серебряков-Даутоков.

Немногочисленный красноармейский гарнизон Нальчика отошел к Пятигорску.

Но против шариатистов — прислужников помещиков и князей — выступил истолкователь шариата в пользу неимущих крестьян Назир Катханов.¹ В 1917 году он боролся словом, теперь взялся за оружие. В несколько дней «недоучка в муллы», как злобно называли Назира Катха-

правились затем в Пятигорск за оружием. Но в Пятигорском районе в то время положение было трудное. Значительно возросшая банда полковника Шкуро опять появилась со стороны Боргустана и 28 сентября вторично захватила Кисловодск. Поэтому прибытие керменистов и отряда Н. Катханова было как нельзя более кстати. Из них был создан Советский шариатский полк под командованием С. Тавасиева, немедленно выступивший на фронт.

Тем временем банда князя Серебрякова-Даутокова, узнав об уходе из Нальчика большей части шариатского отряда, обстреляла из орудий город и заняла его.

Военно-революционный совет «Кермена» направил снова в Кабарду небольшой отряд под командованием А. Ботоева, а также часть своих членов и красноармейцев — военных инструкторов. В селении Кайсын-Анзорово обосновался штаб по формированию и обучению кабардинских революционных отрядов. Больше месяца отряды керменистов и кабардинских партизан вели в разных местах бои с бандами полковника Кибирова и князя Серебрякова-Даутокова.

Сознавая, очевидно, безнадежность борьбы, Т. Шакманов и князь Серебряков-Даутоков, обратились к Назиру Катханову и к всадникам его отряда с призывом покончить с братоубийственной войной в Кабарде. Им обещали полную личную неприкосновенность и сохранение имущества, «если они осознают свою вину перед кабардинским народом и возвратятся к родным очагам».¹

Жалкий документ! Через несколько дней мощным ударом из Пятигорска Советская шариатская колонна, в состав которой входил отряд Н. Катханова, разгромила главные силы бичераховцев под Георгиевском и Прохладной, освободила Нальчик. Банда князя Серебрякова-Даутокова позорно бежала.

20 ноября газета «Народная власть» сообщала: «Командующий особым отрядом, входящим в 1-ю ударную шариатскую колонну, Назир Катханов ведет беспощадную борьбу с грабителями, мародерами, изменниками. В короткое время ему удалось восстановить в Нальчике полный порядок и спокойствие».

Что же происходило в Пятигорске с 13 июля, когда казачьи мятежные сотни захватили Прохладную и надолго отрезали Минераловодский район от остальной Терской области?

Казачья фракция Пятигорского окружного (отдельского) народного совета некоторое время разыгрывала «верность» областной народной власти, даже выступила с осуждением авантюры полковника Шкуро, а затем просто разъехалась по своим станицам. Экстренное

¹ Газ. «Революционный горец» № 9, 20 ноября 1918 г.

совещание представителей совдепов Пятигорского округа решило ликвидировать окружной народный совет и избрало Временную коллегия по управлению округом «впредь до созыва окружного съезда Советов и организации подлинной Советской власти». Во Временную коллегия вошли большевики А. Атабеков (председатель) и Оскар Лещинский, левый эсер Яковенко и другие. Взяв в свои руки всю полноту власти, Временная коллегия за короткий срок выполнила огромную работу: организовала чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, изыскала шесть миллионов рублей, ликвидировала задолженность по зарплате служащим, усилила заготовку хлеба и других продуктов.

5 сентября в Пятигорске открылся съезд Советов — первый большевистский съезд Советов не только в Пятигорском округе, но и вообще на Тереке.

Съезд указал на необходимость проведения в жизнь диктатуры рабочего класса и крестьянской бедноты. В резолюции отмечалось, что съезд будет стремиться к созданию такой власти, которая немедленно объявит беспощадную борьбу буржуазии, улучшит экономическое положение беднейшего населения округа, оказывая ему во всем поддержку за счет предательской буржуазии; объявит не на словах, а на деле: мир — хижинам, война — дворцам!

Особенную озабоченность съезда вызывало состояние Красной Армии. Слабость дисциплины, участвовавшие конфликты между командным составом и органами власти снижали боеспособность войск. Поэтому съезд потребовал беспощадного изгнания из армии преступных, хулиганских элементов, провокаторов, предателей и твердо заявил, что всякие попытки отдельных лиц превысить данные им полномочия будут решительно пресекаться.

Нельзя не привести заключительной части этой резолюции — призыва к массам, очень простого, сурового и преисполненного глубочайшей, непоколебимой веры в торжество революции: «Съезд призывает трудящиеся массы не малодушествовать, отбросить апатию и расхлябанность, верить в близость мировой революции, грядущей, как завтрашний день, неся до конца без ропота всю тяжесть классово-вой борьбы, веря в конечную победу и торжество пролетариата и беднейшего крестьянства».¹

К тому времени Пятигорск уже стал центром всей Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики. Екатеринодар (Краснодар) был занят Добровольческой армией генерала Деникина, и все краевые органы 1 сентября переехали в Пятигорск: ЦИК Севе-

¹ «Известия Пятигорского Совета» № 117, 10 сентября 1918 г.

ро-Кавказской ССР, Северо-Кавказский краевой комитет РКП(б) и штаб командующего войсками республики.

Положение на Северном Кавказе тогда было очень тяжелое. Отрезанные от Центральной России, от базы своего снабжения — Царицына, не имея достаточно боевого снаряжения, советские войска, сражавшиеся на Таманском полуострове, оказались отрезанными от главных советских сил. В течение почти месяца они вместе с десятками тысяч беженцев совершили беспрецедентный поход по берегу Черного моря, отбросили войска меньшевистской Грузии, затем горными дорогами вышли к станице Белореченской, где в ночном бою разгромили 15-тысячный белогвардейский заслон под командою генерала Покровского, освободили Армавир и 17 сентября вновь соединились с главными силами.

В октябре началась реорганизация воинских частей Северного Кавказа, сведение их в XI армию Южного фронта. Но чудовищная измена командующего войсками Северного Кавказа Сорокина, расстрелявшего 21 октября в Пятигорске председателя ЦИК Северо-Кавказской ССР А. Рубина, председателя крайкома РКП(б) В. Крайнего и других, дезорганизовала управление войсками. Сорокина скоро арестовали и расстреляли. Однако вынужденное бездействие советских войск в течение почти трех недель привело к тому, что Таманская армия вновь была отрезана, теперь уже в Ставрополе, и пробилась из окружения, потеряв почти половину своего состава.

Все это в известной мере объясняет, почему командование северокавказских войск долгое время не предпринимало решительных мер для ликвидации бичераховского восстания, угрожавшего тылу главного тогда Кубанского фронта. Пятигорский район, отрезанный от остальной Терской области, своими ограниченными силами поддерживал Георгиевский фронт и отбивал усилившийся натиск банды Шкуро. Все коммунисты здесь подлежали мобилизации и отправке на фронт. Созданный в Пятигорске патронный завод работал день и ночь, выпуская в сутки тысячи патронов. Военным комиссаром Минераловодского района тогда был Саханджери Мамсуров, ставший затем председателем Военно-революционного совета Северного Кавказа. С неиссякаемой энергией формировал он пополнения для фронта, добивался снабжения его боеприпасами, продовольствием.

Но теперь Георгиевский фронт, где сосредоточены были большие силы бичераховцев, был уже не в глубоком тылу, а в непосредственной близости к центру всей Северо-Кавказской республики, каким стал Пятигорск. Прорыв этого фронта мог иметь катастрофические последствия. Именно такую цель и ставили перед собою бичераховцы. В резолюции открывшегося 25 сентября в Моздоке чрезвычайного так

называемого казачье-крестьянского съезда прямо сказано: «Приветствовать Добровольческую армию, как носительницу идей восстановления великой, неделимой и свободной России и направить все силы казачье-крестьянских войск на скорейшее соединение с нею...»¹

Многое открылось, вернее подтвердилось, на этом чрезвычайном казачье-крестьянском съезде. Здесь главари казачьей контрреволюции и правые эсеры уже откровенно говорили о своих делах и намерениях. Выяснились давние связи бичераховцев с Добровольческой армией генерала Деникина. Теперь связь эта осуществлялась и радиостанцией, полученной, очевидно, от англичан через полковника Л. Бичерахова. Откровенно говорил Г. Бичерахов и о своих связях с английской миссией во Владикавказе и о том, что полковник Л. Бичерахов передал «в дар Терскому казачьему войску» два миллиона рублей и обязался ежемесячно выдавать по два-три миллиона — конечно, не из своего кармана, а из английского. Теперь уже официально подтвердилось, что главари бичераховщины действовали в полном единении с грозненскими нефтепромышленниками и крупными моздокскими овцеводами, при их материальной поддержке.

Бесстыдство правых эсеров дошло до того, что ублюдочное «временное правительство», созданное ими во Владикавказе с благословения полковника Соколова, теперь объявлялось как якобы избранная на IV областном съезде народная власть. В резолюции так и сказано: «Признать избранную на IV областном съезде в г. Владикавказе временную народную власть законной для всего Терского края и именовать ее Временным народным правительством Терской республики». А Терский Совнарком и представители центральной Советской власти, как не признающие это «законное правительство», объявлены... изменниками.

Словом, на Тереке единым фронтом действовали все контрреволюционные силы: английские империалисты, казахи, осетинские и прочие генералы и полковники, грозненские нефтепромышленники, помещики, крупные овцеводы, владетельные князья, шейхи и муллы. А правые эсеры, идеологи Учредительного собрания, составили «народное правительство» этого контрреволюционного фронта.

Кстати, английская миссия во Владикавказе скоро была уличена в тесной связи и сношениях с Добровольческой армией генерала Деникина и контрреволюционным бичераховским советом в Моздоке. 3 октября был задержан офицер, шпион штаба Добровольческой армии в Екатеринодаре, с письмом организатора покушения на

¹ Отчет чрезвычайного казачье-крестьянского съезда Терской области. Моздок, 1918, стр. 19—20.

В. И. Ленина в Москве Локкарта главе английской миссии во Владикавказе полковнику Пайку. Обыск в миссии дал и другие изобличающие материалы. Английская миссия была арестована и впоследствии через Астрахань выслана в Москву.

На своем чрезвычайном съезде в Моздоке главари бичераховцев строили широкие планы, но надеялись они теперь только на Добровольческую армию генерала Деникина и на отряд полковника Л. Бичерахова. Провал августовского нападения на Владикавказ, разгром Волгского сводного пластунского полка, брошенного 16 сентября в генеральную атаку на Грозный, безуспешная почти трехмесячная осада Кизляра — все это убеждало бичераховцев, что своими силами они ничего уже не достигнут.

Особенно волновал и раздражал их Кизляр. Расположенный вдали от промышленных и культурных центров области, в глубоком окружении самых глухих контрреволюционных казачьих станиц, в самом, так сказать, бичераховском царстве — Кизляр стоял как символ несокрушимости Советской власти. На подступах к нему в многократных ожесточенных атаках гибли не только казачьи сотни, — там погибала вера казачьих станиц в победу контрреволюции.

Горячие головы в бичераховском стане требовали даже затопить Кизляр, расположенный ниже уровня Терека, взорвать защищающие город высокие заградительные валы вдоль русла этой многоводной реки. Но бичераховцы не решились на этот варварский акт. Не по гуманным соображениям, как старались уверить в издаваемых ими «Бюллетенях» — жаль было потерять богатую добычу, более ста тысяч пудов одной только пшеницы, заготовленной для голодающей Москвы. Они все еще надеялись, что отряд Л. Бичерахова поможет им захватить Кизляр.

Полковник Л. Бичерахов занял Петровск лишь в самом начале сентября. Отсюда он посылал по Каспию в Моздок деньги, оружие, боеприпасы, но долго отказывался перебросить под Кизляр часть своего отряда. Вооруженные силы нужны были ему для поддержания своего диктаторства. Опытный вояка, сам терский казак, полковник Л. Бичерахов не понимал, почему «лихие гребенцы» не могут овладеть окруженным со всех сторон Кизляром, а «лихие сунженцы» — Грозным. Только после настоятельных просьб Г. Бичерахова он в начале октября направил «в помощь терцам» для захвата Кизляра и Грозного отряд в 1500 человек под командой есаула Слесарева с 6 орудиями, 14 пулеметами, двумя бронеавтомобилями и автоколонной. Полковник Л. Бичерахов был настолько уверен в своем отряде, что уже нагло распоряжался терскими генералами, предписывая моздокским мятежникам: «Общее командование поручил генералу Мистуло-

лову... По взятии Кизляра генерал Мистулов с новыми добровольцами моего отряда должен двигаться срочно на Старо-Теречную¹ для погрузки и следования в Петровск. Есаул Слесарев с достаточным отрядом должен по занятии Грозного быстро направиться на станцию Хасавюрт...»²

Но незадолго до этого и Кизляр получил помощь из Астрахани. Два отряда с артиллерией и транспортом оружия и боеприпасов 18 сентября высадились недалеко от Черного рынка,³ прорвали кольцо осаждавших мятежников и вступили в Кизляр. И если защитники города героически сражались до сих пор, то с каким же воодушевлением бились они теперь против все еще в три раза превосходивших их контрреволюционных банд! 13 октября противник начал генеральный штурм Кизляра. Потеряв в течение двух дней более 400 человек убитыми, ранеными и пленными, 9 пулеметов, 15 тысяч патронов, бросив подбитый броневик, отряд есаула Слесарева в панике бежал в ближайшую станцию. Герой этого сражения председатель Кизлярского Совета А. Ф. Хорошев, — сообщалось в донесении из Кизляра, — серьезно ранен, но состояние его хорошее.

Поражение под Кизляром объединенных сил моздокских мятежников и английского наймита полковника Л. Бичерахова означало близкий крах всей бичераховщины. И действительно, скоро два сокрушительных удара — независимо один от другого — обрушились на основные силы мятежников: героические защитники Грозного и сунженская Красная Армия 9—13 ноября разгромили контрреволюционные банды и очистили от них всю Сунженскую линию; в это же время от Пятигорска двинулась в наступление Ударная советская шариятская колонна. 10 ноября она заняла Прохладную и восстановила прерванную четыре месяца тому назад железнодорожную связь Владикавказа с Пятигорском. Командующий всеми вооруженными силами мятежников генерал Мистулов застрелился. В Моздоке, в обстановке начавшегося общего развала, был создан триумвират с диктаторскими полномочиями — глава «правительства» Г. Бичерахов, председатель казачье-крестьянского совета офицер Букановский (бывший председатель казачьей фракции областного Народного Совета) и генерал Колесников, незадолго до этого прилетевший в Прохладную на самолете из Добровольческой армии.

Ударная шариятская колонна 23 ноября заняла Моздок и соеди-

¹ Пристань на берегу Каспия.

² Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1957, стр. 151.

³ Пристань на берегу Каспия.

нилась с Кизляром. Скоро пал и последний оплот казачьей контрреволюции — станица Червленая. Остатки банд бежали — кто в Добровольческую армию генерала Деникина, а кто в Петровск, на соединение с отрядом Л. Бичерахова. Туда же сбежало и моздокское «правительство».

Так завершился полный разгром бичераховщины — казачьей «Вандеи» на Тереке.

Основную тяжесть борьбы с бичераховщиной пришлось перенести рабочему классу и иногороднему крестьянству — ведь Красная Армия на Тереке состояла в основном из рабочих и иногородних крестьян. Да и гражданская война, развязанная контрреволюционными верхами казачества, разгорелась, главным образом, вокруг городов — Грозного, Моздока, Кизляра, Георгиевска, Владикавказа, Нальчика, в районе Пятигорска и Кисловодска. Здесь были сосредоточены основные силы мятежников.

Превосходство мятежников, осаждавших города, было бесспорным. Военская выучка, боевая закалка и дисциплина казаков, опытные командиры, большие запасы оружия, снарядов и патронов — все это, казалось, обеспечивало бичераховцам быстрый захват городов, разобщенных между собою, защищаемых небольшими и пока еще слабо обученными частями Красной Армии, не имевшими достаточного оружия и боеприпасов. И все же именно Красная Армия, рабочие Владикавказа и Георгиевска, герои Грозного и Кизляра в многодневных кровопролитных боях переломили хребет бичераховщине.

А что в это время делали горские народы — ингушский, чеченский и кабардино-балкарский? Революционные отряды горских народов также геройски сражались с бичераховскими бандами. Их помощь Красной Армии была чрезвычайно важна и необходима. Но, отмечая непоколебимую готовность ингушского народа к борьбе с казачьей контрреволюцией, Г. К. Орджоникидзе в докладе Совнаркому РСФСР сообщал: «Остальные горские народы относились к нам в высшей степени симпатично, но активных выступлений в широком масштабе с их стороны не было. Все они выжидали исхода борьбы».¹

Тут нужны некоторые пояснения. Горская контрреволюция, конечно, помогала бичераховцам, но не столько открыто, вооруженными силами, сколько тем, что удерживала свои народные массы от учас-

¹ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. I, М., 1956, стр. 79.

тия в гражданской войне на стороне Советской власти. Этому в сильнейшей мере способствовало то, что турецкие войска продвигались к Баку, 15 сентября заняли его и появились в Дагестане, а немецкие войска в конце августа сосредотачивались на Военно-Грузинской дороге, в 35 километрах от Владикавказа.

В Чечне, Ингушетии, Кабарде чрезвычайно активизировались темные силы, шейхи и муллы убеждали свои народы надеяться только на «единоверную братскую» Турцию и ждать скорого прихода ее победоносных войск.

Очень сильна была такая агитация в Ингушетии, где к тому же во главе народного совета оставался замаскировавшийся предатель В. Джабагиев. Но верность Советской власти, своей испытанной защитнице, и историческая вражда к казачеству стихийно поднимали трудовую Ингушетию на совместные действия с Красной Армией. Поэтому В. Джабагиев старался направить вооруженные силы Ингушетии на окружение сунженских станиц и выселение казаков. Именно на этом настаивал Джабагиев в Назрани на совещании с Г. К. Орджоникидзе и народными комиссарами Терека, когда бичераховские банды напали на Владикавказ. На V областном народном съезде в конце ноября, когда В. Джабагиев уже бежал в Тифлис, Г. К. Орджоникидзе так охарактеризовал его позицию: «Джабагиев, с присущим этому негодяю предательством, выступал с нами, рассчитывая на то, что во взаимной борьбе большевиков с казаками первые обессилят, и он блестящим министром придет с турецкими бандами».¹

В Кабардино-Балкарии, как мы уже отмечали, буржуазным националистам и муллам удалось даже провозгласить нейтралитет кабардинского и балкарского народов в войне на Тереке. О том, к чему это привело, рассказал член областного Народного Совета Д. Шекихачев на первом совещании горцев-коммунистов во Владикавказе в конце ноября. «Нейтралитет сгубил нас. Благодаря этому нейтралитету ворвались к нам банды Серебрякова и проучили нас как следует. Более 200 советских работников расстрелял Серебряков, около 85 взял в плен и неизвестно, живы ли они. Если чеченскому народу угодно на своих спинах испытать, что такое чермоевщина, пусть соблюдает нейтралитет. Мы же заявляем, что кабардинский народ больше в обман не дастся».²

«Чермоевщина» — это «правительство» несуществующей Горской республики во главе с небезызвестным Т. Чермоевым. Самозванное правительство уже перебралось из Тифлиса в Дагестан, рассчи-

¹ Газ. «Народная власть» № 170, 30 ноября 1918 г.

² За власть Советов в Кабардино-Балкарии, Нальчик, 1957, стр. 9.

тывая турецкими штыками пробиться к власти на Тереке. Опасность чермоевщины усугублялась и тем, что в разгар борьбы с бичераховщиной Чеченский (Гойтинский) народный совет, многое сделавший для организации революционных сил Чечни, был переизбран. Хотя председателем по-прежнему оставался Т. Эльдарханов, но большинство совета склонялось к политике «нейтралитета» и шло на поводу у влиятельного шейха Шугаиба-муллы Гойсумова. Поэтому и военная помощь защитникам Грозного ограничивалась лишь несколькими сотнями чеченской Красной Армии, организованной и руководимой Асланбеком Шериповым и Абдул-Рашидом Исаевым.

А. Шерипов тяжело переживал, что Чечня не выполнила обещания «целиком выступить против бичераховщины», данного ее делегацией на IV областном народном съезде. В своей замечательной речи на V областном народном съезде он говорил: «...Восстания всего трудового народа Чечни не случилось потому, что нам в это время в страшных муках приходилось бороться со своей контрреволюцией. Этого не учитывали те, кто в этот момент должен был подняться на высоту такого понимания. Нельзя заставить действовать революционно там, где еще не осуществлены завоевания революции. Солдат Керенского и солдат Ленина — не одно и то же. Я вам напомню, как десятки тысяч русских солдат времени Керенского удирали с фронта. Тогда вы, товарищи коммунисты, не обвиняли народ. Вы эту жестокую анархичность его действий объясняли историческими и объективно сложившимися обстоятельствами. Посмотрите глубже и на нас и не бросайте нам обвинений, которые бросили в Грозном...

Русский «керенский» солдат тысячами удирает от десятка немецких солдат, а теперь он горсточкой защищается от сотен и тысяч врагов. Это потому, что он понял, во имя чего ему приходится сражаться, он преодолел мучительный процесс возрождения. И вы, большевики, обязаны верить, что, совершив необходимый нам процесс, мы будем иметь своих красноармейцев с неменьшей доблестью».¹

Председатель Чеченского (Гойтинского) народного совета Т. Эльдарханов в создавшейся тогда обстановке считал необходимым идти на некоторые компромиссы. А Асланбек Шерипов действовал непримиримо, смело разоблачая Шугаиба-муллу, всех явных и скрытых контрреволюционеров, старавшихся полностью подчинить себе Гойтинский совет. В знак протеста против бездеятельности и половинчатой политики Гойтинского совета А. Шерипов сложил с себя обязанности командующего чеченской Красной Армией. В заявлении об этом писал: «...Я слагаю с себя звание командующего чеченской Красной

¹ Газ. «Народная власть» № 172, 3 декабря 1918 г.

Армией, но не слагаю с себя звания борца за интересы трудовой Чечни. Ибо эту борьбу я буду продолжать бесстрашно, беззаветно, вопреки всем провокациям».¹

Новый состав Гойтинского народного совета решил заменить новыми членами и чеченскую фракцию Терского областного Совета. Но домогательство это Терский Народный Совет отклонил на том основании, что члены областного Совета должны избираться на областном народном съезде или, в крайнем случае, на съезде чеченского народа.

Терский областной Народный Совет и Совнарком были чрезвычайно озабочены положением, создавшимся в Чечне. В борьбе с бичераховщиной наступал самый напряженный момент. Что же происходит в Чечне? В чьих руках там власть? Что стало с Чеченским народным советом в Гойтах? Почему в Моздоке, в бичераховском казачье-крестьянском совете обретаются какие-то представители чеченского народа? Были также получены сведения, что состоявшийся в Чечне съезд отправил делегацию в Дагестан, к командованию турецких войск на Кавказе.

Для выяснения всего этого в Чечню были направлены И. И. Элердов, Шакро Палавандашвили и А. Падерин. Они присутствовали 2 ноября на очень бурном заседании Гойтинского народного совета. Здесь посланцев областной народной власти заверили, что в Моздоке находятся не представители чеченского народа, а самозванцы, и что Асланбек Шерипов ввел в заблуждение Терский областной Народный Совет в отношении Чеченского народного совета в Гойтах.

В своих злобных нападках на А. Шерипова Абас Гойсумов, Шугаиб-мулла Гойсумов и другие дошли до того, что называли его «замаскированным контрреволюционером», обвинили в намеренно неправильном руководстве чеченской Красной Армией на фронте. Однако другие члены Гойтинского совета решительно выступили против этих клеветнических утверждений. Как записано в протоколе заседания совета, «представители Гойтинского общества заявили, что А. Шерипов лично руководил Гойтинским отрядом Красной Армии с оружием в руках, когда все другие оглохли ко всему происходящему...»²

Затем Элердов, Палавандашвили и Падерин присутствовали на еще более бурном заседании чеченского народного съезда, экстренно созванного специально для выборов новых членов Терского областного Народного Совета от Чечни. В заседании участвовало лишь 89 делегатов. С большой речью на съезде выступил А. Шерипов. Он

¹ Асланбек Шерипов. Статьи и речи, Грозный, 1961, стр. 75.

² Газ. «Революционный горец» № 8, 17 ноября 1918 г.

представил подробный отчет о расходовании и распределении двух миллионов трехсот тысяч рублей, отпущенных на организацию и содержание чеченской Красной Армии. Он заявил, что действительно порицал действия Чеченского народного совета в селении Гойты. С гневом и горечью говорил А. Шерипов о том, что «чеченцы разбиты на партии по числу шейхов и мулл, и эти партии борются между собою, что парализует всю Чечню». После этого, как отмечено в протоколе съезда, «А. Шерипов спокойно удалился с заседания, по-видимому, с чистой совестью».¹

Съезд избрал новых членов Терского областного Народного Совета от Чечни, мотивируя это тем, что старые члены «не соответствуют высокому званию народных представителей», что они «забыли о народном деле». В числе избранных были Т. Эльдарханов, Я. Арсанов, Абас Гойсумов, Карнухо Базуркаев и другие.

Бурные прения и чуть ли не драку, как отмечено в протоколе заседания съезда, вызвал вопрос об образовании еще одного, третьего по счету, Чеченского народного совета — в селении Ведено. Так еще раз подтвердились горькие и гневные слова А. Шерипова о засилии и соперничестве шейхов и мулл, о борьбе их, раскалывающей и парализующей всю Чечню.

Таково было положение в Чечне. Под сильнейшим влиянием темных реакционных сил многие аулы и селения воздерживались от участия в борьбе против бичераховщины, колебались, ждали прихода турецких войск...

Но вскоре случилось то, что менее всего ожидали многочисленные фанатичные сторонники и агенты Турции в Дагестане, Чечне, Ингушетии и среди других горских народов: военное поражение германского империализма и его союзников — Австро-Венгрии и Турции. В Германии началась революция. Правительство РСФСР 13 ноября аннулировало Брестский мирный договор. Турецким войскам пришлось убраться из Баку, очистить Азербайджан, германские войска покинули Грузию. Горской контрреволюции был нанесен сильнейший удар.

Правда, Чермоевы и Джабагиевы тотчас обрели новых хозяев — пошли на поклон к англо-французским империалистам, войска которых сменили турецкие в Баку и немецкие в Тифлисе. Они немедленно вступили в переговоры с засевшим в Петровске диктатором полковником Л. Бичераховым о совместных действиях против большевиков. А затем, при посредстве англичан, заключили «военно-политическое соглашение» с сбежавшим в Баку моздокским казачьим и право-

¹ Газ. «Революционный горец» № 9, 20 ноября 1918 г.

эсеровским «народным правительством». Так вновь, уже открыто, сомкнулись казачья и горская контрреволюции.

Но для горских народных масс все эти акты предательства были наглядным политическим уроком, резко поднявшим их классовое самосознание. Чеченская Красная Армия, состоявшая в основном из революционной молодежи, потребовала созыва народного съезда Чечни для переизбрания Гойтинского совета. В резолюции по этому вопросу было записано: каждый член Гойтинского народного совета должен дать личную подписку, что он твердо стоит на позиции защиты Советской власти вплоть до риска собственной жизнью; что «главной помехой реального осуществления завоеваний революции в Чечне являются шейхи и муллы, постоянно идущие вместе с верхами казачества и другими контрреволюционерами, поэтому власть в Чечне должна быть организована без участия шейхов и мулл».¹

В огне гражданской войны, начатой контрреволюционными заправилами казачества, сгорала вековая ненависть ингушского и чеченского народов ко всему русскому. Трудовые массы горцев впервые познали — не по резолюциям и воззваниям, а в кровопролитных сражениях — новую русскую власть — Советскую власть, новую русскую армию — Красную Армию, вступившую в беспощадный смертельный бой с русской — казачьей контрреволюцией, с теми, кто олицетворял вековое угнетение обездоленных горцев. И когда Добровольческая армия генерала Деникина, более сильная, чем бичераховские банды, прорвалась на Терек — ингушские и чеченские генералы и полковники, муллы и шейхи ничего уже не могли добиться в своем предательском рвении — вся трудовая Ингушетия и Чечня поднялись на борьбу за Советскую власть.

Не поддались вновь обману кабардинский и балкарский народы. Бетал Калмыков, заменивший убитого А. П. Сахарова на посту областного комиссара Нальчикского округа, Магомет Энеев, Назир Катханов и другие энергично взялись за организацию вооруженных сил. И в декабре, когда XI армию, уже обессиленную, не имевшую медикаментов, нещадно косил тиф, на фронт, на борьбу с белогвардейской деникинской армией выступила кабардинская кавалерийская дивизия — кабардинский шариатский полк, затем революционный балкарский полк из 600 всадников и через три дня еще один балкарский полк из 1500 всадников. «Теперь нам можно гордиться тем, — заявил Магомет Энеев, — что Кабарда и Балкария отдали все — и революционных бойцов своих, и свое достоинство — на защиту Советской власти, своей власти».²

¹ Газ. «Народная власть» № 171, 1 декабря 1918 г.

² За власть Советов в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1957, стр. 156.

ПЯТЫЙ СЪЕЗД НАРОДОВ ТЕРЕКА

Терские трудовые народы пришли к непоколебимому и твердому убеждению, что судьба и участь их, как маленьких народностей, их свобода и мирная трудовая жизнь зависят от окончательной победы русского и международного пролетариата...

Из резолюции V областного народного съезда.

Бичераховщина еще не была разгромлена, еще на подступах к Грозному, Кизляру, на Георгиевском фронте шли ожесточенные бои, когда (5 ноября) Терский областной Народный Совет постановил созвать на 20 ноября во Владикавказе V съезд трудовых народов Терска. Областной народный съезд потому и созывался, что гражданская война в Терском крае, длившаяся уже пять месяцев, затягивалась.

В воззвании о созыве V съезда Терский областной Народный Совет указывал, что «опасность для дела свободы и революции в нашем крае растет. С одной стороны, английский наймит Бичерахов, с другой — самозванное горское правительство стремятся внести в наш край еще большую разруху, увеличить еще больше потоки льющейся крови». Терский областной Народный Совет призывал трудовых казаков, крестьян и горцев положить конец братоубийственной войне, «создать мощный союз революционной демократии края, для которого не страшны были бы никакие авантюристы, никакие контрреволюционные попытки».¹

В тот день, когда было опубликовано это воззвание, началось общее наступление советских войск — разгром бичераховцев под Грозным и Прохладной. Поэтому открытие съезда откладывалось со дня

¹ Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии (1917—1920 гг.). Грозный, 1958, стр. 155.

на день в ожидании делегатов из районов, очищаемых от бичераховских банд. А пока, 25 ноября, состоялось совещание уже приехавших во Владикавказ горских делегатов V областного съезда — по существу первый общегорский съезд трудовых народов Терека.

Главный вопрос совещания — конечно, о чермоевщине, о контрреволюционном «горском правительстве». И именно чеченская фракция предложила указать в резолюции, что авантюра Чермоева должна встретить беспощадный отпор во имя сохранения тех свобод и прав, которые провозгласила и провела в жизнь Советская Россия; что для горцев может быть только одна ориентация — на революцию трудовых масс, на власть рабочих и крестьян, то есть на социалистическую Россию.

Общегорский съезд заявил в резолюции, что «образовавшаяся в Терском крае Советская власть является той властью, которую будут поддерживать трудовые горские массы всеми силами против всех врагов, откуда бы они ни шли, в особенности против горского правительства, против чермоевщины».¹

Совещание закончилось образованием бюро горских фракций V областного народного съезда во главе с Ахметом Цаликовым. В составе бюро — по пяти представителей от каждой горской фракции. Такое же бюро было организовано еще раньше в Терском областном Народном Совете.

Необходимо здесь же рассказать и о первом объединенном совещании горцев-коммунистов — делегатов V областного народного съезда. Оно состоялось 1 декабря, после трех дней работы V областного съезда.

В конце 1918 года большевистские партийные организации были уже не только в Осетии, но и в Кабардино-Балкарии, и в Ингушетии. В Чечне же сложилось странное положение: на V областной народный съезд делегатом от чеченской коммунистической организации прибыл Ахметхан Мутушев. В 1917 и в начале 1918 года он возглавлял Чеченский национальный совет; после II областного народного съезда, в апреле 1918 года, был избран председателем Чеченского (Атагинского) народного совета, но скоро отказался от этого поста — не согласившись с политикой реакционного большинства совета. Однако А. Мутушев не примкнул к Т. Эльдарханову и А. Шерипову, организовавшим революционный Чеченский (Гойтинский) народный совет, а покинул Чечню. И вот теперь он вновь появился на политической арене.

¹ Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии (1917—1920 гг.). Грозный, 1958, стр. 166.

Выступая на V областном народном съезде, А. Мутушев сказал: «Я вернулся из дальних странствий в наш народ... Мне удалось организовать в Чечне коммунистическую организацию, очень маленькую, в несколько десятков человек... и теперь я приветствую вас от Чеченской коммунистической организации».¹

Но чеченская фракция V областного народного съезда неприязненно отнеслась к Мутушеву и к его выступлению на съезде. Асланбек Шерипов в связи с этим заявил с трибуны съезда: «Я должен, несмотря на то, что не являюсь политическим единомышленником гражданина Мутушева (не знаю, с какого времени он стал коммунистом), сказать, что по вопросу о соглашении с Карауловым он был против такового. Я знаю еще, что он с контрреволюцией и казачьей ориентацией ничего общего не имел и выступал в печати против таких соглашений».²

А на следующем заседании V областного народного съезда председатель Грозненского центрального совета Ф. Пиллер напомнил, что в январские дни 1918 года А. Мутушев именовался «диктатором Чечни Ахметханом I», и огласил резолюцию коммунистической фракции съезда о том, что фракция «не признает Мутушева коммунистом и выражает ему полное недоверие».³ После категорических опровержений А. Мутушева съезд согласился с предложением Я. П. Бутырина: поручить комиссии расследовать личное дело А. Мутушева, а пока отстранить его от участия в работах съезда. Что решила комиссия съезда — неизвестно.

Дело, конечно, не в Мутушеве. Но все это показывает, как сложно и запутанно было положение в Чечне, и что даже в конце 1918 года там все еще не было большевистской партийной организации.

Состоявшееся 1 декабря совещание горцев-коммунистов должно было решить вопрос об объединении их на V областном народном съезде в особую фракцию в противовес бюро горских фракций съезда.

Теперь, может быть, трудно понять смысл всех этих тактических шагов. Но в тогдашних условиях они имели важное значение. Вот что сказал об этом, выступая на совещании, А. Гостиев: «Нас упрекают некоторые товарищи, что мы составляем национальные коммунистические организации. Удивляются, что мы до сих пор сидели рядом с националистами в горской фракции. Я заявляю, что мы делали это из тактических соображений, подготавливая взрыв внутри самой

¹ Газ. «Народная власть» № 171, 2 декабря 1918 г.

² Там же.

³ Там же, № 172, 3 декабря 1918 г.

фракции. Теперь мы закончили подготовительную работу и сегодня желаем организовать объединенную фракцию коммунистов-горцев. Такой политикой нам удалось парализовать деятельность горской фракции, которая думала вести определенную линию политики на съезде...»¹

С возмущением говорил и Ц. Гадиев о том, что в Терской республике «ведется политика приспособления—признают Советскую власть на словах, а в жизнь не проводят». По его словам, сторонники этой политики так определяют сущность ее: «Мы, маленькие народы, заинтересованы только в сохранении физического существования. Для нас безразлично, какая власть будет здесь; если даже придет Деникин, мы скажем, что мы монархисты, что у нас есть родовой быт, который является лучшим подспорьем царизма. Кто идет с мечом, мы с тем и идем».

Ц. Гадиев считает, что в Терской республике смешаны две государственные системы: одна система — «демократическая республика», воплощающаяся в областном Народном Совете, другая система — власть Советов, проводимая Советом Народных Комиссаров.

«Во главе некоторых местных народных советов стоят бывшие жандармы и полицейские, так как в выборах органов местной власти принимает участие «весь народ», в который входят и спекулянты, и мародеры, и бывшие слуги царского режима, давно лишенные центральной Советской властью избирательных прав... Задача коммунистов, задача объединенной фракции горцев-коммунистов, — сказал в заключение Ц. Гадиев,—создать однородную Советскую власть в Терской республике».²

За необходимость образования объединенной фракции горцев-коммунистов высказались также Д. Шекихачев — от кабардинских коммунистов, Ю. Настуев — от балкарских, Алиев — от карачаевских.

Во время речи Ц. Гадиева на совещание пришли Г. К. Орджоникидзе, Ф. Е. Махарадзе и Б. Мдивани. От имени Кавказского краевого комитета РКП(б) Ф. Е. Махарадзе горячо приветствовал объединенную фракцию горцев-коммунистов.

Совещание избрало бюро фракции и поручило ему составить резолюцию, которая затем была оглашена на V областном народном съезде как декларация фракции горцев-коммунистов:

«Принимая во внимание, что существование горской фракции, ор-

¹ Борьба за Советскую власть в Северной Осетии. Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1957, стр. 155.

² Там же, стр. 152—154.

ганизованной по чисто национальным и религиозным признакам, не сближает горцев с другими трудовыми элементами Терской республики, представленными на V съезде, а, наоборот, дает почву к разжиганию национального и религиозного антагонизма; что классовое расслоение среди горцев уже в значительной степени произошло, группа коммунистов-горцев постановила: 1) в противовес бюро горских фракций немедленно выделить из горских фракций делегатов съезда всех товарищей коммунистов и сочувствующих; 2) образовать единую фракцию коммунистов-горцев и сочувствующих, каковая должна идти при решении всех вопросов на V съезде совместно с коммунистической фракцией съезда, как ее неразрывная часть».¹

Декларация неожиданно вызвала бурные и чрезвычайно резкие прения. Саид Габиев, например, обвинял осетин-корменистов в том, что, создавая фракцию горцев-коммунистов, они хотят разрушить единение горцев. «Когда говорят, что из горцев сейчас можно сделать коммунистов — это абсурд», — заявил он. Габиев защищал А. Мутушева, доказывая его положительную роль в революции в Чечне. В пылу полемики он бросил даже такую фразу: «Я все-таки люблю горцев больше, чем партию».²

Пришлось выступить Г. К. Орджоникидзе.

— Помимо нашего желания, — сказал он, — вопрос о создании фракции горцев-коммунистов принял полемическую форму. Но «раз перчатка брошена, мы поднимаем ее».

На конкретном примере Г. К. Орджоникидзе показал «единение горцев», которое так горячо отстаивал С. Габиев и другие. Он указал, что в горском бюро V областного съезда находится чеченец Арсанов, тот самый Арсанов, который в августовские дни, когда ингуши вместе с осетинами-корменистами сражались на улицах Владикавказа, сидел рядом с Полюховым, Соколовым, Мерхалевым и другими, и вместе с ними ассигновал полмиллиона рублей из государственного банка Бичерахову и полковнику Соколову, тот самый Арсанов, который вел себя в Тифлисе, как агент Чермоева, вступал в переговоры с немцами, готовый присоединиться к тем, на стороне которых, как ему казалось, была сила.

Г. К. Орджоникидзе страстно призывал к революционному единению, к миру и братству трудовые горские народы. «Я верю, — сказал он, — что в Чечне вокруг товарища Шерипова, которого мы считаем коммунистом, создастся группа коммунистов. Среди ингушей есть коммунисты».³

¹ Газ. «Народная власть» № 173, 4 декабря 1918 г.

² Там же, № 174, 6 декабря 1918 г.

³ Там же, № 172, 4 декабря 1918 г.

В своем ответе-объяснении Я. Арсанов допустил грубейшие клеветнические выпады против Г. К. Орджоникидзе, возмутившие съезд так, что был даже поставлен вопрос об исключении его из числа делегатов съезда. В конце концов Я. Арсанов извинился перед Г. К. Орджоникидзе, но настаивал на предъявлении конкретных доказательств, что он является агентом Чермоева.

Никаких решений по декларации не было, конечно, принято. Но с единством национальных горских фракций в том виде, как оно действовало на первых четырех областных народных съездах, было покончено.

Хотя в Чечне еще не было коммунистов, однако и чеченская делегация на V областном съезде также не была уже единой. Асланбек Шерипов в своих речах впервые подчеркивал, что он выступает от имени не чеченской фракции, а чеченской Красной Армии, избравшей его своим делегатом. Как и Андрей Гостилов, он разоблачал «политику приспособления», с гневом говорил, что политические лицемеры существуют и в среде чеченского народа, что и среди чеченцев есть люди, которые, признавая на словах Советскую власть, на самом деле ведут подлую работу против власти.

Политическое размежевание произошло раньше всего, конечно, в осетинской делегации, еще на III и особенно на IV областном съезде. Теперь же в осетинской делегации съезда коммунистов и сочувствующих было подавляющее большинство, и фракция отказалась выделить своих представителей в горское бюро V съезда. Ахмет Цаликов оставался председателем горского бюро персонально, а не как член осетинской фракции.

V областной народный съезд открылся 28 ноября. Значение съезда определялось, прежде всего, широким представительством трудового казачества: на съезд прибыли делегаты из станиц всех четырех казачьих отделов (округов).

Вообще это был самый многочисленный и представительный из всех областных народных съездов. Несмотря на военную разруху, на оторванность некоторых частей области, во Владикавказе собралось более 750 делегатов.

Состав съезда отразил большие политические изменения, происшедшие на Тереке за пять месяцев гражданской войны. Большевицкая партия была теперь не только ведущей, но по существу единственной политической партией на съезде. Имелись, правда, небольшие фракции левых эсеров и «народных коммунистов», но по всем вопросам они выступали вместе с большевиками. Знаменательно было участие в работах съезда впервые значительного числа горцев-коммунистов и казаков-коммунистов. По тактическим соображениям они,

как и горцы-коммунисты, выделились в особую небольшую фракцию. А вообще казачьи делегаты наконец-то действительно объединились с иногородними и представителями Красной Армии в одну общую казачье-крестьянскую, красноармейскую и иногороднюю фракцию.

Председателем съезда был избран С. И. Кавтарадзе, член Кавказского краевого комитета РКП(б), заместителем председателя — Саид Габиев.

Съезд работал с огромным политическим подъемом. Настроение делегатов прекрасно выражено в приветственной телеграмме В. И. Ленину — почетному председателю съезда.

«...Первое слово, которое сорвалось с уст съезда в этот торжественный момент окончательной ликвидации контрреволюции в Терской области — слово приветия и глубочайшей признательности вам, как вождю революции бедноты, как застрельщику мирового восстания угнетенных и обездоленных против империализма и капитализма.

Съезд выражает непоколебимую уверенность, что жизнь человечества идет и будет идти по тому пути счастья и свободы народов, который вы пророчески предначертали. Терская республика, населенная маленькими народами, бессильными самостоятельно отразить меч империализма и монархизма, угрожающий им с востока и запада, видит спасение и избавление лишь в неразрывном органическом единении с рабоче-крестьянской Россией, в полном торжестве Советской власти и интернационале труда, знамя которого вы подняли над миром».¹

Съезд заслушал отчетный доклад председателя Совнаркома Ф. Х. Булле, обсудил политическое положение на Тереке, указал, что надо делать дальше для укрепления обороны и мирного строительства, для разрешения все того же основного на Тереке вопроса о земле, внес изменения в конституцию Терской республики, вновь избрал областной Народный Совет.

Внимание съезда было сосредоточено прежде всего на вопросе о чермоевщине. Г. К. Орджоникидзе придавал большое значение опасности со стороны «горского правительства». В штабе Чермоева находились чеченские контрреволюционные шейхи Юсуп-Хаджи и «знаменитый» Али Митаев — «чеченский социалист», который, по выражению А. Шерипова, «надул Советскую власть».² А в районе Гудермеса и дальше не было никаких советских войск, и дорога в Чечню перед

¹ Газ. «Народная власть» № 179, 10 декабря 1918 г.

² Шейх Али Митаев долгое время считался сторонником Советской власти. Г. К. Орджоникидзе, по рекомендации Я. Арсанова, даже предоставил ему 40 тысяч рублей на организацию революционных сил в Чечне, главным образом, в Веденском округе. Присвоив деньги, «святой шейх» переметнулся в лагерь контрреволюционного «горского правительства».

чермоевскими бандами была открыта. Вот почему, говоря об опасности чермоевщины, Г. К. Орджоникидзе обращался исключительно к чеченцам, «ибо не может Чермоев вступить на нашу землю, если не будет на то воли чеченского народа».¹

На съезде А. Шерипов произнес одну из самых сильных своих речей. Он говорил о том, что контрреволюция «горского правительства» делает среди горцев то же самое, что делал Бичерахов среди казачества. С гневом и презрением разоблачал он тех, кто идет на Терек под именем горского правительства. «Если в словах горского правительства сверкали звезды и полумесяц, то теперь в них блеснит британский лев... В чеченском шейхе и спекулянте и в английском короле сидит один и тот же страх — боязнь распространения Советской власти... Каждый чеченский красноармеец видит, что в контрреволюционном штабе Чермоева шейхи, муллы, купцы, спекулянты, мародеры».

С глубокой любовью к своему народу, с страстной убежденностью в торжестве Советской власти говорил А. Шерипов о том, какие испытания пришлось пережить трудовым горским массам за время революции, какие изменения произошли в их сознании. Чеченская Красная Армия теперь уже сознает, что настало время, когда надо плечом к плечу со всеми красноармейцами биться с контрреволюционерами всего мира. «Как бы ни были грозны надвигающиеся события, мы верим в нашу победу над контрреволюционными шейхами и муллами. Мы верим в нашу победу больше, чем шейхи и муллы верят в коран и шариат. Да здравствует Советская республика, да погибнет авантюра Чермоева!»²

Выступление А. Шерипова произвело столь сильное впечатление, что съезд по предложению Я. П. Бутырина единогласно постановил: «Речь первого марксиста Чечни перевести на все горские языки, отдельно отпечатать и в 10 тыс. экземплярах раздать в чеченском народе».³ А первому марксисту Чечни только что исполнилось всего 21 год, и формально он не был еще коммунистом. Через два месяца, когда белогвардейская армия генерала Деникина вторглась на Терек, когда банды Шкуро окружали Владикавказ, когда бои начались уже в районе Грозного — в эти трагические дни А. Шерипов зашел в Грозненский комитет РКП(б) и там был принят в Ленинскую большевистскую партию. А 11 сентября 1919 года в сражении с белогвардейцами у слободы Воздвиженской он с отрядом чеченцев бросился в атаку и был смертельно ранен. Так погиб коммунист Асланбек Джемал-

¹ Газ. «Народная власть» № 170, 30 ноября 1918 г.

² Там же, № 172, 3 декабря 1918 г.

³ Там же.

динович Шерипов — горный орел, вождь революционной Чечни, надежда и гордость чеченского народа.

Среди множества декларативных заявлений на V областном народном съезде надо отметить и пламенную речь Андрея Гостиева,¹ выступившего по поручению проходившей тогда конференции осетинской организации «Кермен» РКП(б): «Если контрреволюционные офицеры и генералы из Осетии, всякие жулики сделали все для того, чтобы заклеить осетин именем контрреволюционеров, то наша партия своею кровью доказала, что не вся Осетия контрреволюционна... Наша партия доказала, что есть Осетия и Осетия, Осетия проходимцев и кулаков и Осетия трудовая, исполненная сознанием своего революционного долга». С гордостью говорил он, что еще в те времена, когда всякие авантюристы создавали всяческие национальные и религиозные фронты, партия «Кермен» проповедовала идеи, что врагом является только буржуазия, что трудовой ингуш — брат трудовому осетину.

Съезд принял резолюцию по докладу председателя Совнаркома Ф. Х. Булле о политическом положении в Терской области, предложенную от имени коммунистической фракции А. М. Назаретяном. В содержании резолюции, в ее твердых решительных заявлениях несомненно отразилась и острая полемика, развернувшаяся вокруг декларации горцев-коммунистов.

¹ Андрей Батмурзович Гостиев родился в 1890 году в селении Христиановском. Рано лишился родителей. С большим трудом получил образование, окончил Киевский коммерческий институт. В начале 1917 года вернулся в Осетию и, несмотря на тяжелую болезнь — туберкулез, весь отдался революционной работе. «Старый социалист, человек кристальной чистоты и честности», он стал «центром партии «Кермен», идейным вождем ее» (К. Бутаев). Участник Моздокского и других областных народных съездов, член Терского Народного Совета, член революционного народного Совета Осетии.

А. Б. Гостиев.

V съезд трудовых народов Терека провозгласил «свою полную солидарность с российским пролетариатом в его беспощадной борьбе с угнетателями народных масс, с империалистами малых и великих наций». Съезд заявил, что «трудовые народы Терека кровью всех способных носить оружие сыновей своих будут защищать торжество великой идеи освобождения человечества от ига капитала». Как бы отвечая буржуазным националистам, идеологам «политики приспособления», съезд заявил: «Терские трудовые народы пришли к непоколебимому и твердому убеждению, что вне социалистической революции и Советской рабоче-крестьянской власти спасения малым народностям, умерщвляемым мировыми хищниками-капиталистами, нет».¹

Съезд одобрил политику Совета Народных Комиссаров и заявил, что считает важнейшей задачей создание мощной Красной Армии и организацию твердой Советской власти в области в полном соответствии с конституцией РСФСР.

По решению съезда конституция Терской республики, принятая на II областном съезде в Пятигорске, была изменена в тех пунктах, которые расходились с конституцией РСФСР. Изменения эти состояли в основном в лишении избирательных прав лиц, живущих на нетрудовые доходы, торговцев, служителей религиозного культа и др. Но вместе с тем в конституцию был внесен особый пункт: о предоставлении права избирать и быть избранным в Советы тем муллам, которые боролись с контрреволюцией.

А положение на Северном Кавказе с каждым днем становилось все более тяжелым. Внимание V народного съезда было сосредоточено, главным образом, на опасности с юга, со стороны «горского правительства». Между тем, куда более серьезная угроза нависла над Терекон с севера, со стороны Добровольческой армии генерала Деникина, в которой одних только офицеров собралось более 15 тысяч. Поддерживаемая кулацкими восстаниями, она заняла уже почти всю Кубань и Ставрополье.

Но неиссякаема вера в победу революционных сил, в торжество Советской власти! В эти суровые декабрьские дни народный комиссар просвещения Я. Л. Маркус торжественно открывает во Владикавказе Политехнический институт.² «В час торжества Великой Рабоче-Крестьянской революции,— говорится об этом в декрете Совнаркома,— сопряженной с сотнями и тысячами жертв, павших в борьбе за идеалы новой светлой жизни, Терский Совет Народных Комисса-

¹ «Известия ЦИК Советов Северного Кавказа, Окружного исполкома Советов и Пятигорского Совдепа», 5 декабря 1918 г.

² Теперь Горский сельскохозяйственный институт в гор. Орджоникидзе.

ров приступает к открытию первого высшего учебного заведения в Терской области». И народный Совет Кабардино-Балкарии, занятый подготовкой к отправке на деникинский фронт кавалерийской дивизии, направляет делегацию во Владикавказ на торжество открытия Политехнического института, чтобы «приветствовать это высокое учреждение света и знаний от имени трудового народа».¹

И V областной народный съезд заботится не только об усилении Красной Армии и укреплении обороны Терека, — он дает наказ Совнаркому продолжать в срочном порядке наделение земель безземельных и малоземельных горцев, крестьян и казаков; разрабатывает широкую программу практических мер по переустройству и подъему сельского хозяйства края: увеличения количества сельскохозяйственных орудий и рабочего скота, организации ремонтных мастерских, опытных полей, племенных рассадников, агрономических школ и курсов, трудовых хозяйственных коммун, страхование трудовых хозяйств. А в горах Балкарии, в селении Гунделен, крестьяне пытаются создать первую на Тереке сельскохозяйственную коммуну. Было учтено, как тяжело восприняло трудовое казачество решение III областного народного съезда о переселении четырех сунженских станиц, а затем и самое выселение трех из них. Гражданская война не давала возможности устроить выселенных казаков на новых местах, и они страшно бедствовали. Совнарком старался всячески помочь им, временно расселяя по другим станицам. Особая правительственная комиссия занялась подсчетом оставленного в станицах имущества, и ингушский народ обязался уплатить выселенным казакам 120 миллионов рублей — в такую сумму было оценено их имущество.

Надо было исправить и политические последствия выселения станиц — устранить дальнейшие опасения казачества. И съезд принимает, с согласия всех фракций, важное постановление: «V областной съезд терских трудовых народов считает, что разрешение земельного вопроса в области отнюдь не стоит в плоскости исключительной необходимости переселения станиц, аулов и селений, а в плоскости равномерного распределения всего областного земельного фонда между трудящимися всех народов области, не исключая частного устранения чересполосицы по мере надобности и с согласия заинтересованных сторон».²

Вместе с тем, для ослабления теперь же земельного голода, съезд постановил немедленно наделить землю безземельных и малоземельных горцев, крестьян и казаков из общего областного земельного

¹ За власть Советов в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1957, стр. 128.

² Газ. «Народная власть» № 176, 8 декабря 1918 г.

фонда, выделив для этого 200 тысяч десятин: горным селениям Балкарии — 24 384 десятины, горным чеченцам Веденского округа — 46 тысяч десятин, горным чеченцам Грозненского округа — 44 тысячи, горным осетинам — 30 тысяч и т. д. Из областного же земельного фонда должны быть немедленно наделены землей выселенные станицы и беженцы разоренных слобод и хуторов.

Съезд обязал Совнарком срочно произвести учет земель, перепись земледельческого населения и вообще статистическо-экономическое и почвенное обследование области, а для увеличения областного земельного фонда приступить к орошению безводных и к осушению болотистых земель.

«V областной съезд уверен, — говорится в заключении резолюции, — что таким разрешением земельного вопроса в интересах трудящихся, независимо от их национальности и религии, кладется конец национальной и племенной вражде между трудовыми народами области и укрепляются в народных массах идеи и лозунги Советской России, мира и братства народов».¹

Резолюция принимается единодушно.

На заключительном заседании 9 декабря съезд утвердил представленных фракциями членов Терского областного Народного Совета. Председателем Совета был избран Саид Габиев.² Затем, на заседании 11 декабря, областной Народный Совет избрал Терский Совнарком. Приводим состав Совнаркома, как он перечислен в декрете Терского Народного Совета от 12 декабря:

Председатель Совнаркома Ф. Х. Булле (коммунист); комиссары: внутренних дел — Ю. П. Фигатнер (коммунист), финансов — Ф. Е. Махарадзе (коммунист), труда и социального обеспечения — А. М. Назаретян (коммунист), народного просвещения — Я. Л. Маркус (коммунист), продовольствия — Я. П. Бутырин (от коммунистов), военный — М. К. Левандовский (левый эсер), земледелия — С. И. Иванченко (левый эсер), торговли и промышленности — В. М. Кесаев (от осетинской фракции), юстиции — К. Н. Дигуров (от осетинской фракции), государственного контроля — Г. Ахриев (от бюро горских фракций), путей сообщения — И. Базоркин (от бюро горских фракций), по национальным делам — Б. Калмыков (от бюро горских фракций),

¹ Газ. «Народная власть» № 176, 8 декабря 1918 г.

² Саид Ибрагимович Габиев родился в 1883 году; в 1912—1914 гг. издавал в Петербурге газеты «Заря Дагестана» и «Мусульманская газета», пропагандировавшие просветительные и национально-освободительные идеи. В 1917 году член Дагестанской социалистической группы, левый эсер. С установлением Советской власти в Дагестане был комиссаром внутренних дел, финансов. В сентябре 1918 года Советская власть в Дагестане временно пала и С. И. Габиев переехал во Владикавказ. В конце 1918 года вступил в РКП(б).

комиссары без портфеля—А. Шерипов и Д. З. Дьяков. Кроме того, доктор Перимонд утвержден председателем врачебной коллегии Комиссариата здравоохранения.¹

Новый Совнарком по своему составу мало чем отличался от предыдущего. Коммунистами были не только народные комиссары, прямо указанные в декрете областного Народного Совета, но и Б. Калмыков и А. З. Дьяков. Почти все остальные народные комиссары очень скоро также вступили в Коммунистическую партию.

Усилия Совнаркома были направлены прежде всего на укрепление обороны Северного Кавказа. Для лучшего обеспечения нужд фронта и тыла было национализировано более сорока предприятий — мельниц, мыловаренных, кожевенных, колбасных, винокуренных, лесопильных и прочих заводов, типографий и др. Была ликвидирована бельгийская акционерная компания, электрический трамвай во Владикавказе перешел в собственность Терского Народного Совета.

Но для отпора наступающим деникинским бандам все материальные ресурсы уже были исчерпаны. С наступлением зимы армию начинает косить тиф. Нет медикаментов, нет достаточного медицинского персонала. Все вокзалы, платформы заполняются тифозными. К концу декабря их зарегистрировано 50 тысяч.

XI армия вынуждена была оставить Пятигорск, Минеральные Воды. На совещании 20 января 1919 года в Прохладной по настоянию Г. К. Орджоникидзе решено было отойти на правый берег Терека и вместе с горцами защищаться, пока не будет получена помощь из Астрахани. Но XI армия «сама себе выбрала военную дорогу» — она устремилась на Астрахань, в зимнюю стужу, по пустынным степям, без дорог и жилья...

24 января Г. К. Орджоникидзе посылает В. И. Ленину радиogramму — документ, который нельзя читать без волнения: «XI армии нет. Она окончательно разложилась. Противник занимает города и станции почти без сопротивления. Ночью вопрос стоял покинуть всю Терскую область и уйти на Астрахань. Мы считаем это политическим дезертирством. Нет снарядов и патронов. Нет денег. Владикавказ, Грозный до сих пор не получили ни патронов, ни копейки денег, шесть месяцев ведем войну, покупая патроны по пяти рублей.

Владимир Ильич, сообщая Вам об этом, будьте уверены, что мы все погибнем в неравном бою, но честь своей партии не опозорим бегством. Тогда положение может быть спасено, если Вами будет переброшено сюда 15 или 20 тыс. свежих войск. Дайте патроны, снаряды, денег, без Северного Кавказа взятие Баку и укрепление его — абсурд.

¹ Ж. «Вестник торговли и промышленности». Владикавказ, № 2, декабрь 1918 г.

Среди рабочих Грозного и Владикавказа непоколебимое решение сражаться, но не уходить. Симпатии горских народов на нашей стороне.

Дорогой Владимир Ильич, в момент смертельной опасности шлем Вам привет и ждем Вашей помощи».¹

Но помощи Северный Кавказ в то время получить не мог...

Огромные жертвы в борьбе с деникинцами и местными контрреволюционными бандами понесла трудовая Осетия. Отряды керменистов сражались с необыкновенной доблестью и самоотверженностью. Селение Христиановское, осажденное со всех сторон, три дня отбивало атаки деникинцев. Но иссякли боеприпасы, и керменисты, прорвав кольцо окружения, ушли в горы. Христиановское, одно из крупнейших селений Осетии, было разорено и полностью ограблено. Последним оплотом Советской власти в Осетии было Дигорское ущелье. Защитники его держались более трех месяцев, до середины мая, не раз давая сокрушительный отпор бандам князя Серебрякова-Даутокова и других карателей.

В конце января деникинские части подошли к Владикавказу. Четыре дня геройски сражались ингуши у селений Долаково и Кантышево, отказавшись пропустить деникинцев к городу, пока оба селения не были разгромлены и сожжены.

Семь дней кровопролитные бои шли на подступах к Владикавказу. С непоколебимой стойкостью сражались здесь курсанты школы красных командиров во главе с начальником школы Е. С. Казанским, более ста курсантов пали в этих боях.

Но силы были слишком неравны. Часть защитников города и советских работников отошла по Военно-Грузинской дороге в Грузию, другие отступили в Ингушетию. 11 февраля в город ворвалась банда Шкуро. Началась дикая расправа с коммунистами, советскими работниками, с теми, кто не успел или не смог уйти из города. В нескольких местах на площадях и улицах Владикавказа стояли виселицы. Трупы тифозных, повешенных и расстрелянных свозили в громадный ров, вырытый за городом, где начинается Военно-Грузинская дорога. Ров этот стал братской могилой семнадцати тысяч борцов за Советскую власть на Тереке...

Грозный пал раньше — 2 февраля. Часть красноармейцев и рабочих с Н. Ф. Гикало отошли в Чечню, где их по-братски встретили и приютили. Как свидетельствует Г. К. Орджоникидзе, «особенно цен-

¹ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. 1, М., 1956, стр. 66. Во Владикавказе была радиостанция Терского казачьего войска, ставшая собственностью Терского Совнаркома, и Г. К. Орджоникидзе систематически посылал В. И. Ленину радиogramмы о положении в Терской области.

ные услуги нашим товарищам и беззаветную преданность Советской власти обнаружил тов. Эльдарханов — председатель Гойтинского национального совета Чечни».¹ Ультиматум деникинцев о выдаче красноармейцев и большевиков был отвергнут. Как и в Ингушетии, здесь начались жестокие бои. Деникинцы разгромили и сожгли семнадцать чеченских аулов, но Чечня так и не покорилась. Она стала базой Терской повстанческой армии под командованием Н. Ф. Гикало, сыгравшей большую роль в окончательном разгроме контрреволюционных банд на Тереке.

Недолго поцарствовали деникинские палачи, казачья и горская контрреволюция. Терская земля горела под их ногами. Весь 1919 год — год своего владычества на Тереке — деникинцам пришлось вести непрерывные бои с отрядами повстанческой армии Н. Ф. Гикало в Чечне, с героическими «камышанцами» в низовьях Терека,² с бесстрашными партизанами Ингушетии, Осетии, Кабарды и Балкарии.

В январе 1920 года Советские войска Южного и Юго-Восточного, а затем Кавказского фронтов начали общее наступление и в марте завершили разгром белогвардейцев на Северном Кавказе. В авангарде этого сокрушительного наступления пробивалась к Тереку славная XI Армия под командованием бывшего военного комиссара Терской республики М. К. Левандовского. В тесном взаимодействии с группой повстанческих войск, как особо отмечено в «Истории гражданской войны в СССР», XI Армия освободила Терскую область от контрреволюционных банд и двинулась дальше — в Дагестан, Азербайджан...

2 апреля 1920 года член Реввоенсовета Кавказского фронта Г. К. Орджоникидзе телеграфировал В. И. Ленину: «...Осетины, ингуши, кабардинцы, дагестанцы проникнуты полным сознанием могущественности Советской власти и безграничным доверием к ней. Революционное настроение масс во многих местах достигает такого напряжения, что еще задолго до прихода к ним Красной Армии население по собственной инициативе сбрасывает власть белых, избирает ревкомы, всегда состоящие исключительно из одних коммунистов».³

Закаленная в борьбе, руководимая великой партией Ленина, братская семья народов Терского края выдержала все испытания, победила всех врагов...

¹ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. 1, М., 1956, стр. 87.

² В низовьях реки Терек на многих тысячах гектаров простирались непроходимые заросли камыша. В них скрывались революционные партизанские отряды героев Кизляра — «камышанцы».

³ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. 1, М., 1956, стр. 111.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4

1917 год

Тяжкое наследие царизма	9
Февральская революция на Тереке	25
Стратегия контрреволюции	39
Великий Октябрь на Тереке	49
Трагедия Грозного	71
Банкротство трех правительств	82

Терская Советская республика

Народный съезд в Моздоке	95
Контрреволюция маневрирует	117
Второй народный съезд в Пятигорске	135
Терская Советская республика	169
Государственное строительство	201

Гражданская война на Тереке

Третий народный съезд в Грозном	225
Контрреволюция переходит в наступление	243
Четвертый областной народный съезд	273
Стодневные бои в Грозном	309
Разгром бичераховщины	319
Пятый съезд народов Терека	337

Корнев Дмитрий Захарович

Революция на Тереке

Редактор В. И. Л а р и н а . Художник В. В. Г л а д к о в . Художественный редактор Х. Т. С а б а н о в . Технический редактор А. А. Д з г о е в .
Корректоры А. Г. Т л а т о в а , В. Т. С ы р х а е в а .

Сдано в набор 8-II-1967 г. Подписано к печати 2-VII-1967 г. Формат бумаги 70x90¹/₁₆.
Усл. п. л. 25,74. Учетно-изд. листов 22,72. Заказ № 274.
Тираж 5000. Изд. № 13. ЕИ01314. Цена 1 р. 59 к.

Книжное издательство Управления по печати при Совете Министров
СО АССР, г. Орджоникидзе, ул. Димитрова, 2.

Книжная типография Управления по печати при Совете Министров
СО АССР, г. Орджоникидзе, ул. Тельмана, 16.

Цена 1 р. 59 к.

РЕВОЛЮЦИОНАРИ ИЛИ ТЕРРОРИСТЫ